

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

**ПРО
СВЕТ**
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вестник

**ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Специальный выпуск
ЦИРКУМПОНТИКА

2026 / № 2

ЦИРКУМПОНТИКА

THE CIRCUMPONTICS

2026

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2026 / № 2

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2026 / № 2

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. – д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. – д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. – доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. – д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. – д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. – д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. – д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. – д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. – д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. – доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. – д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. – д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. – д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. – д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» – печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. 260 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайты: www.istpolitmgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

— Issued 5 times a year —

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' –The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2026, no. 2, Circumpontica, iss. VII. 260 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.istpolitmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИРКУМПОНТИКА

От редколлегии.	10
<i>Резепкин А. Д.</i> Мариупольский могильник. Некоторые аспекты планировки, хронологии, стратиграфии и его место в кругу памятников раннего и среднего энеолита	12
<i>Березуцкий В. Д., Гак Е. И., Килейников В. В., Скоробогатов А. М.</i> Курган № 1 в курганном могильнике 2 у с. Гаврильские сады на Среднем Дону.	25
<i>Субботин Л. В., Яровой Е. В.</i> Уникальный курган у лимана Большой Аджалык на Одесчине.	48
<i>Коваленко П. П.</i> О погребальном обряде ростово-луганской позднекатакомбной группы бассейна Среднего Подонцовья	64
<i>Лучинский Н. Д.</i> Материалы поселений Таш-Джаргана: предварительные итоги исследований (Кизил-Кобинский горизонт)	86
<i>Керцева Г. Н., Керцев Р. Ю.</i> Изображение рыбы в кобанской культуре	96
<i>Кудин М. И., Светлоярская А. А.</i> К вопросу о возникновении и эволюции мегалитической архитектуры Западного Кавказа.	110
<i>Пыслару И.</i> «Неудобное открытие» и трёхчастная периодизация В. А. Городцова.	126
<i>Новичихин А. М.</i> Комплекс бронзовых предметов с Таманского полуострова	146
<i>Пелих А. Л.</i> Трапециевидные топоры-тесла конца эпохи бронзы с территории Северного Кавказа.	152
<i>Чишев В. Т.</i> Осетинский обычай и древний обряд. Элементы погребальной обрядности кобанской культуры Кавказа и ряд обычаев кавказской (осетинской) народной традиции.	165
<i>Зуев В. Ю., Словохотов А. Г.</i> Культовые места скифской эпохи на Муравском шляхе у р. Уды («случайные» находки у с. Бессоновки Белгородской области).	171
<i>Снытко И. А.</i> Этнический состав населения хоры Ольвийского полиса VI–III вв. до н. э. (по материалам исследований сельских некрополей).	189
<i>Савостина Е. А.</i> Цари и боги позднеэллинистического Боспора: об атрибуции давних и новых находок скульптуры в Пантикапее и окрестностях (первая четверть XXI в.).	200

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

<i>Нефёдкин А. К.</i> Памяти ленинградского переводчика Г. А. Стратановского (1901–1986)	212
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференция «XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты»	220
Хранитель Гилеи (к 65-летию Ивана Алексеевича Снытко)	225
Памяти С. Л. Дударева – учителя и учёного-кавказоведа	228
Человек, Археолог, Профессор, Чудо. Профессор, д-р Георге Корнелиу Лазарович . . .	232

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

<i>Тальгрэн А. М.</i> Переносные алтари	236
<i>Список сокращений</i>	258

CONTENTS

CIRCUMPONTICA

From the Editorial Board	10
A. Rezepkin. Mariupol Burial Ground. Some Aspects of Planning, Chronology, Stratigraphy and Its Place in the Circle of Monuments of the Early and Middle Eneolithic	12
V. Berezutsky, E. Gak, V. Kileynikov, A. Skorobogatov. Kurgan No. 1 in the Burial Mound 2 Near the Village of Gavrilsky Sady on the Middle Don	25
L. Subbotin, E. Yarovoy. Unique Mound at the Estuary of the Bolshoy Adzhalyk in Odessa. . . .	48
P. Kovalenko. On the Burial Rites of the Rostovo-Lugansk Late Catacomb Group in the Middle Donets Basin	64
N. Luchinsky. Materials From the Tash-Jargan Settlements: Preliminary Research Results (Kizil-Koba Culture Horizon)	86
G. Kertseva, R. Kertsev. The Image of a Fish in Koban Culture	96
M. Kudin, A. Svetloyarskaya. To the Question of the Origin And Evolution of Megalithic Architecture of the Western Caucasus	110
I. Pislaru. "Inconvenient Opening" and Three-Part Periodization of V. A. Gorodtsov	126
A. Novichikhin. A Complex of Bronze Objects from the Taman Peninsula	146
A. Pelikh. Trapezoidal Adze-Axes from the End of the Bronze Age From the Territory of the North Caucasus	152
V. Chshiev. Ossetian Custom and Ancient Rite. Elements of the Burial Rites of the Koban Culture of the Caucasus and a Number of Customs of the Caucasian (Ossetian) Folk Tradition	165
V. Zuev, A. Slovohotov. Cult Places of the Scythian Era on the Muravsky Road Near the Uda River («Random» Finds Near the Village of Bessonovka, Belgorod Region)	171
I. Snytko. Ethnic Composition of the Population of the Chora of the Olbian Polis of the VI–III Centuries BC (Based on Studies of Rural Necropolises)	189
E. Savostina. Kings And Gods Of The Late Hellenistic Bosphorus: Attribution of the Old One and New Sculpture Finds in Panticapaeum And Surroundings (First Quarter of the 21 st Century)	200

FROM THE HISTORY OF THE BLACK SEA REGION ARCHEOLOGY

A. Nefedkin. In Memory of the Leningrad Translator G. A. Stratanovsky (1901–1986)	212
--	-----

ACADEMIC LIFE

Conference: 'XXVI Bosphoran Readings. The Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages. Archaeology. History. Art. Greeks – Barbarians: Contacts And Conflicts' ..	220
--	-----

Keeper of the Hylea (On the 65 th Anniversary of Ivan Alexeevich Snytko)	225
In Memory of S. L. Dudarev – Teacher and Scientist Specializing in the Caucasus	228
A Man, An Archaeologist, A Professor, A Wonder. Professor, Dr. Sci. Gheorghe Corneliu Lazarovici	232

FOR THE FIRST TIME IN RUSSIAN

<i>Arne Michael Talgren</i> . Portable Altars	236
<i>List of Abbreviations</i>	258

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

FROM THE EDITORIAL BOARD

Оргкомитет международного проекта «Циркумпонтика» представляет вниманию читателей седьмой выпуск одноимённого международного археологического ежегодника Государственного университета просвещения. К сожалению, он выходит с определённой задержкой по независящей от редколлегии причине. С первого же выпуска, который увидел свет в 2019 г., ежегодник ориентирован на публикацию результатов изучения древностей Причерноморского региона с древнейших времён до эпохи средневековья.

Проект «Циркумпонтика», основными форматами реализации которого являются публикация ежегодника и тематически связанных с ним изданий, а также разноплановые научные мероприятия, объединяет усилия историков и археологов, направленные на исследование историко-культурного наследия Причерноморья.

Содержание седьмого выпуска включает публикации, посвящённые в подавляющем большинстве эпохам бронзы и раннего железа, вплоть до эллинистического времени. Традиционно часть статей сборника отражает итоги полевых работ в Крыму и на Кавказе, однако на сей раз достаточно широко представлены также Северо-Западное Причерноморье, Тамань, бассейны Дона и Северского Донца.

Одним из ключевых принципов нашего ежегодника является отдавание приоритета не включённым ранее в научный оборот материалам археологических исследований. Полностью отвечают этому принципу и статьи данного выпуска, две

из них – Л. А. Пелиха и А. М. Новичихина – посвящены находкам бронзовых предметов, в т. ч. тёсел, на Тамани и Северном Кавказе. Публикации В. Т. Чшиева и Г. Н. и Р. Ю. Керцевых объединяют памятники кобанской культуры. Этнический состав населения хоры Ольвийского полиса VI–III вв. до н.э. исследуется в статье И. А. Снытко. Важное место занимают материалы раскопок культового комплекса и курганных захоронений бронзового века (Л. В. Субботин, Е. В. Яровой, П. П. Коваленко, В. Д. Березуцкий и др.), результаты изучения мегалитической архитектуры (М. И. Кудин, А. А. Светлаярская), памятников кизилкобинской (Н. Д. Лучинский) и скифской (В. Ю. Зуев, А. Г. Словохотов) культур, скульптуры позднеэллинистического Боспора (Е. А. Савостина).

Однако хорошей традицией стало и возвращение к классическим памятникам и научным работам, попытки их переосмыслить и получить новые данные на очередном этапе развития археологической науки. Здесь следует отметить статьи А. Д. Резепкина о Мариупольском некрополе и И. Пыслару о периодизации В. А. Городцова и научной этике в археологии.

Рубрика «Из истории археологии Причерноморья» в данном выпуске включает научно-биографический очерк о выдающемся переводчике Г. А. Стратановском, 40 лет со дня кончины которого исполнилось в 2026 г. Данная рубрика призвана сохранить память о выдающихся исследователях древностей региона,

способствовать публикации их научного наследия и выявлению ключевых этапов развития истории и археологии Циркумпонтики. Представленный диапазон материалов в нынешнем выпуске – от самой зари археологического изучения региона до конца прошлого столетия.

Достаточно насыщенным в этом году оказался раздел «Научная жизнь», в котором представлены публикации, связанные как радостными, так и печальными событиями. К первым, без сомнения, относятся очерк В. Ю. Зуева к 65-летию юбилею И. А. Снытко и сделанный Е. А. Савостиной обзор ключевых событий XXVI Боспорских чтений, состоявшихся 19–21 мая 2025 г. в Керчи. Увы, прошедший 2025 г. был омрачен кончиной двух известных археологов, внёсших заметный вклад в изучение древностей Причерноморья, – классика румынской археологии Георге Корнелиу Лазаровича и заведующего кафедрой всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии Сергея Леонидовича Дударева. Данью их памяти являются некрологи, написанные их друзьями и коллегами.

В разделе «Впервые на русском», в котором с первого выпуска «Циркумпонтики» размещаются публикации, имеющие значение для мировой археологии, вниманию читателя представлен перевод

статьи финского историка и археолога Арне Михаэля Тальгрена с комментариями и вступительной статьёй В. Ю. Зуева.

Оргкомитет международного проекта «Циркумпонтика» убеждён, что будущее за полноценным научным сотрудничеством археологов и историков разных регионов мира, обменом опытом и результатами полевых и лабораторных исследований. Выражая поддержку коллегам, которые сохраняют верность избранной научной стезе в сложных политических условиях, мы рады сотрудничеству с теми, кто разделяет наши убеждения. Данный выпуск «Циркумпонтики» объединил археологов и историков из России, Румынии и Украины. В то же время с каждым годом расширяется и перечень стран, у исследователей которых вызывают интерес материалы наших выпусков.

Представляя седьмой выпуск ежегодника «Циркумпонтика», Оргкомитет проекта и редколлегия ежегодника приглашают к сотрудничеству учёных России и зарубежья, посвятивших себя изучению Причерноморского региона и разделяющих принципы научной объективности и конструктивного взаимодействия. Мы будем рады предоставить на страницах ежегодника возможность для научной дискуссии, ведущейся с соблюдением научной этики и убедительной аргументации своей позиции.

*Е. В. Яровой,
председатель Оргкомитета, ответственный за специальный выпуск
журнала «Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки. № VII. Циркумпонтика»*

Научная статья

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-12-24

МАРИУПОЛЬСКИЙ МОГИЛЬНИК. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЛАНИРОВКИ, ХРОНОЛОГИИ, СТРАТИГРАФИИ И ЕГО МЕСТО В КРУГУ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ЭНЕОЛИТА

Резепкин А. Д.

Институт истории материальной культуры РАН

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail admin@archo.ru

Поступила в редакцию 28.11.2025

После доработки 16.12.2025

Принята к публикации 10.01.2026

Аннотация

Цель. Детальный анализ широко известного погребального комплекса «Мариупольский могильник», раскопанного М. Макаренко в 1933 г. Могильник содержит 124 погребения.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ погребальных комплексов в могильнике на основе стратиграфического и типологического методов, а также критического рассмотрения предыдущих работ разных авторов.

Результаты. На основании проведённого анализа уточняется структура могильника и его погребальный обряд. Одной из основных задач работы является хронологическое соотношение могильника с этапами развития трипольской культуры и памятниками эпохи раннего энеолита соседних областей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Вкратце рассмотрены вопросы абсолютной и относительной хронологии ряда памятников эпохи раннего энеолита Юго-Восточной Европы. Предложено к рассмотрению более логичное хронологическое соотношение памятников эпохи раннего энеолита Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова: Мариупольский могильник, хронология, эпоха раннего энеолита

Для цитирования:

Резепкин А. Д. Мариупольский могильник. Некоторые аспекты планировки, хронологии, стратиграфии и его место в кругу памятников раннего и среднего энеолита // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 12–24.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-12-24

Original research article

MARIUPOL BURIAL GROUND. SOME ASPECTS OF PLANNING, CHRONOLOGY, STRATIGRAPHY AND ITS PLACE IN THE CIRCLE OF MONUMENTS OF THE EARLY AND MIDDLE ENEOLITHIC

A. Rezepkin

*Institute of the History of Material Culture
St. Petersburg, Russian Federation
e-mail admin@archo.ru*

Received 28.11.2025

Revised 16.12.2025

Accepted 10.01.2026

Abstract

Aim. A detailed analysis of the well-known burial complex "Mariupol Burial Ground," excavated by M. Makarenko in 1933. The burial ground contains 124 burials.

Methodology. The main content of the study is the analysis of burial complexes in the burial ground based on stratigraphic and typological methods, as well as a critical consideration of previous works by various authors.

Results. Based on the analysis, the structure of the burial ground and its funeral rite are specified. One of the main tasks of the work is the chronological relationship of the burial ground with the stages of development of the Trypillian culture and the monuments of the Early Eneolithic era of neighboring regions.

Research implications. The issues of absolute and relative chronology of a number of monuments of the early Eneolithic era of Southeast Europe are briefly considered. A more logical chronological ratio of monuments of the Early Eneolithic era of Southeast Europe has been proposed for consideration.

Keywords: Mariupol burial ground, chronology, era of early Eneolithic

For citation:

Rezepkin, A. D. (2026). Mariupol burial ground. Some aspects of planning, chronology, stratigraphy and its place in the circle of monuments of the early and middle Eneolithic. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 12–24.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-12-24

Введение

Могильник, как известно, был раскопан в 1930 г. Н. Е. Макаренко и им же издан в 1933 г. [1]. Этот памятник содержал самое значительное количество погребений – 124, по Н. Е. Макаренко, и самое большое количество материала из до сих пор известных могильников эпохи энеолита в Юго-Восточной Европе.

Нужно отметить, что расположение погребений на плане в ряде случаев расходится с их описанием местопо-

жения в тексте, на что обратил внимание ещё А. Д. Столяр при комплексном анализе могильника [2, с. 25]. Он также впервые подверг сомнению утверждение Н. Е. Макаренко о том, что умерших погребали, выкопав небольшую и неглубокую яму рядом с предшествующими погребениями [1, с. 13]. При этом, по его мнению, последующие захоронения нередко нарушали предшествующие [1, с. 104]. А. Д. Столяр эту точку зрения на формирование могильника подверг, на

мой взгляд, достаточно обоснованному сомнению [2, с. 23–24]. Взамен он предложил свою гипотезу формирования данного погребального комплекса, согласно которой могильник «имел в своей основе открытую, вероятно в несколько приёмов, корридоробразную траншею. В процессе её заполнения последующие погребения помещались непосредственно на предшествующие или рядом с ними» [2, с. 24]. Далее все захоронения по площади могильника были разделены на 3 части, причём северная граница центральной части прошла непосредственно по скоплению погребений (табл. 1). Сравнивая по инвентарю четвёртый (самый нижний) ярус северной и центральной части могильника, он пишет, что в центральной части встречаются только украшения из просверленных зубов животных (кроме створок раковин) и полностью

отсутствуют иные украшения, характерные для остальной части могильника [2, с. 27]. Это, по мнению А. Д. Столяра, позволяет считать эту часть могильника самой ранней [2, с. 18].

Но при тщательной фиксации погребений видно, что в нижнем ярусе центральной части встречено 7 погребений с вещами (кроме раковин). Это больше, чем в северной (табл. 2). Здесь также следует отметить, что преобладания в центральной части могильника погребений нижних ярусов, как пишет А. Д. Столяр [2, с. 18], не наблюдается. Их количество практически одинаково (табл. 1) и на этом основании нельзя предполагать, что центральная часть могильника была его начальным ядром [2, с. 18].

Аналогичную картину мы наблюдаем и с подсчётом погребений с пластинами из клыков кабана. По А. Д. Столяру, они

Таблица 1 / Table 1

Распределение погребений по могильнику / Distribution of burials by burial ground

Ярусы	Части могильника (по А. Д. Столяру)			Части могильника (по А. Д. Резепкину)			Всего в ярусах	
	Северная часть	Центр. часть	Южная часть	Северная часть	Центр. часть	Южная часть	(по А. Д. Столяру)	(по А. Д. Резепкину)
I	8	3	15	8	4	17	26	29
II	23	14	2	16	13	2	39	31
III	20	15		14	16		35	30
IV	8	11		12	10		19	22
Всего:							119	112

Источник: составлено автором

Таблица 2 / Table 2

Распределение погребений в IV ярусе / Distribution of burials in tier IV

Части могильника ярус IV				Части могильника ярус IV			
Северная часть				Центральная часть			
по А. Д. Столяру		по А. Д. Резепкину		по А. Д. Столяру		по А. Д. Резепкину	
с вещами	без вещей	с вещами	без вещей	с вещами	без вещей	с вещами	без вещей
83, 101, 109, 87	107, 76 73	83, 101, 109, 87	76, 57 41, 68. 73, 88, 107, 108	104, 111 114, 122 123	112, 113 115, 108	97, 100 104, 111 114, 122 123	108, 112 113, 115

Источник: составлено автором

найжены в 41 погребении [2, с. 19], но по моим подсчётам – в 32. Здесь, пожалуй, будет уместным эти погребения перечислить по тем номерам, которые указаны у Н. Е. Макаренко, только не в римских числах. Центральная часть могильника: 28, 49, 53, 54, 56, 74, 82, 88, 100, 104 – всего 10 погребений. Северная часть: 13, 16, 18, 24, 30-А, 44, 55, 61, 64, 77, 83, 96, 101, 109 – всего 14 погребений. Южная часть – 6, 7, 8, 20, 22, 23, 50, 124 – всего 8 погребений. Итого – 32 погребения.

Далее А. Д. Столяра пишет, что если учитывать только те предметы, которые показательны для всей культуры могильника в целом, то в центральной части траншеи встречены только украшения из зубов животных. Это погребения 111, 114, 117, 122, 123, что, по мнению А. Д. Столяра, даёт основание считать, что центральная часть нижнего яруса могильника была самой ранней [2, с. 28, рис. 6]. Но здесь так же нужно отметить, что в погребении 117 найдены не зубы животных, а украшения из перламутра в виде кружочков с отверстием в центре и костяные бусы с V-образным сверлением [1, с. 104]. Помимо этих погребений, ещё встречены находки в погребениях 100 – пластины из клыка кабана и украшения из перламутра в виде кружочков с отверстием в центре, в погребении 104 – 2 подвески из клыка животного и пластина из клыка кабана а также в погребении 97 – украшения из перламутра в виде кружочков с отверстием в центре и костяные бусы с V-образным сверлением [2, с. 104–106].

Что же касается северной группы, то, по А. Д. Столяру и моему мнению, количество погребённых с инвентарём одинаково (табл. 2), и в 2 погребениях (83 и 101) найдены пластины из клыков кабана. Однако погребений без вещей обнаружено в 2 раза больше, чем в центральной части – 8 (табл. 2). Таким образом, трудно согласиться с А. Д. Столяром в том, что могильник берёт начало в своей центральной части, тем более что разделение

могильника на северную и центральную части проводилось им прямо по скоплению погребённых в центральной части могильника, в то время как сам могильник делится на группы погребений с достаточно широкими интервалами между ними [2, план могильника].

Вторую довольно основательную попытку построения относительной хронологии внутри могильника сделала Н. С. Котова [3, с. 7–28]. Она, в отличие от А. Д. Столяра, приняла точку зрения Н. Е. Макаренко о способе захоронений в могильнике, где погребения совершались в индивидуальных могилах в общей траншее [3, с. 27]. Но эта точка зрения, на мой взгляд, была весьма аргументировано оспорена А. Д. Столяром [2, с. 23–24]. В итоге Н. С. Котова разбила могильник на 2 этапа его функционирования, согласно которым наиболее ранние захоронения I периода производились на глубине 90–70 см [3, с. 27]. Однако, по Н. Е. Макаренко, костяки погребённых только начали появляться с глубины 0,4–0,75 м [1, с. 11] и встречались до глубины 1,5 м [1, с. 13]. Подсчёт погребений с глубинами, которые указаны Н. Е. Макаренко, показал, что самые глубокие погребения расположены на глубине 1,60–1,65 м – 87, 122, 123. Чтобы не обременять текст цифрами, все погребения были сгруппированы по 3 группам с указанием интервала глубин, где они были обнаружены:

1. глубина 0,95–1,2 м: 49, 51, 52, 54, 56, 89, 100, 104, 124;
2. глубина 1,25–1,45 м: 31, 33, 57–59, 76, 86, 97, 105, 108, 109, 110, 116, 117.
3. глубина 1,59–1,65 м: 60, 73, 87, 111–115, 118–123.

Всего 40 погребений. Это треть погребений могильника, в которых удалось установить их глубину от современной дневной поверхности, то есть от того уровня, с которого началось исследование могильника. Полагаю, далее нет смысла разбирать 6 хронологических групп, предложенных Н. С. Котовой [3, с. 27].

Стратиграфия и планировка Мариупольского могильника

Основная мысль А. Д. Столяра о том, что погребения производились не послойно во всем могильнике, а по его частям, представляется более реалистичной. Тогда следует выяснить, во-первых, какая же часть могильника, несмотря на практически однородность его материала, является всё же более ранней и, во-вторых, в какой временной последовательности и какие части могильника заполнялись погребениями. Выше уже было отмечено, что разбивка А. Д. Столяром основной длины траншеи на центральную и северную части, в силу приведённых мной аргументов, кажется не очень убедительной.

Поскольку материал могильника в целом однороден, то сначала проведём его визуальную разбивку на части. Как представляется, критерием этого деления могут быть некоторые пространства внутри памятника, не занятые погребениями. Здесь, вслед за А. Д. Столяром, следует выделить южную часть могильника в отдельную группу из серии в 17 погребений, как состоящую «из нескольких овальных углублений, заполненных погребениями и соединённых между собой узкой канавкой» [2, с. 35]. К следующей отдельной плотной компактной группе II, состоящей из 32 погребений и отделённой от соседних захоронений промежутками, не заполненными погребениями, следует отнести центральную часть могильника. Остальную часть могильника – группа III, насчитывающую 58 погребений, разделить на группы крайне сложно, поскольку между оставшимися скоплениями практически нет достаточно видимых промежутков (рис. 1).

Разделив могильник на 3 группы, можно посмотреть, отличаются ли они каким либо образом и по инвентарю? Поскольку материал могильника достаточно однороден, то, полагаю, есть смысл обратить внимание на 2 категории материала: с одной стороны, на пластины из клыка

кабана как на самый заметный и один из наиболее многочисленных артефактов и, с другой, – на очень редкие находки.

Первая категория встречена во всех 3 выделенных группах и, соответственно, можно посмотреть, есть ли какая количественная динамика в распределении пластин по группам? Но поскольку количество погребений в группах разное, то это необходимо проследить по процентному соотношению погребений с пластинами к общему количеству погребений в каждой группе. Проследив полученные данные по группам, можно увидеть, что наибольшим процентным содержанием погребений с пластинами обладает I (южная) группа – 50%, а наименьшим – III (северная) группа – 27%. В средней группе насчитывается 31,3% погребений по отношению к общему количеству погребений в этой группе. Здесь мы наблюдаем явную динамику увеличения процентного содержания пластин с погребениями от северной к южной группе (рис. 2).

Что касается остальных типов украшений, то здесь также можно проследить параллельную тенденцию. Если взять погребения с украшениями, но без пластин, то мы увидим, что в I группе встречено только 1 такое погребение, в II группе – 6, а в III группе – 14. То есть количество погребений с украшениями, но без пластин, резко увеличивается от I к III группе. Аналогичную картину мы наблюдаем и в тех погребениях, где встречены пластины, но уже не с такой большой разницей между группами (рис. 2).

В могильнике имеется ещё ряд погребений с нестандартным для этого могильника инвентарем. В северной группе в двух нижних слоях обнаружены специфической формы подвески из камня. Одна – из погребения 109, расположенного в третьем от верха горизонте погребений, изготовлена из порфирита. Вторая – из погребения 75, расположенного в самом нижнем, четвёртом горизонте, согласно плану могильника по Н. Е. Макаренко [1, рис. 3-15]. Оба по-

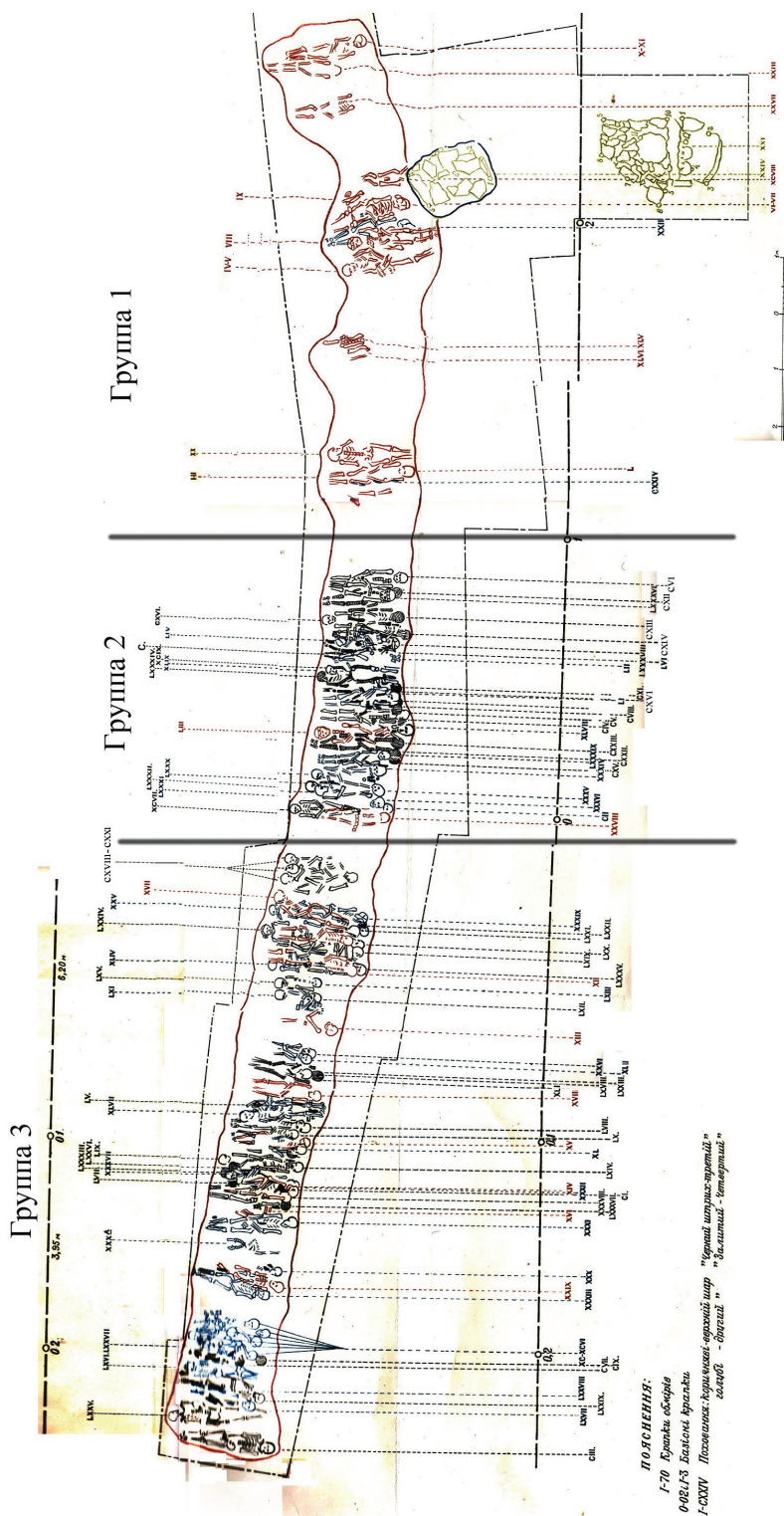

Рис. 1 / Fig. 1. План Мариупольского могильника / Plan of the Mariupol burial
 Источник: по Н. Е. Макаренко, 1933

Группы, слои	Украшения с пластинами	Украшения без пластин	Пласт. без украш.	Без инвентаря	кол-во погр-й в каждой группе	
Гр. I слой 1 (коричнев)	7, 20, 45, 50, 24, 8	4-5	23	1, 2, 3, 9, 11, 27, 46, 98	15	Гр. I 18 погр.
слой 2 (голубой)	22, 124				2	
Гр. II слой 1 (коричнев)	28		53		2	Гр. II 32 погр.
слой 2 (голубой)	36, 49, 51, 54	89		34, 35, 52, 81, 102	10	
слой 3 (штрихован)	97, 100, 104	111, 114, 117		108, 112, 113, 115	10	
слой 4 (чёрный)	56, 82	97, 106		80, 99, 105, 116	8	
Гр. III слой 1 (коричнев)	13, 18,	17		12, 14, 15, 16, 29	8	Гр. III 58 погр.
слой 2 (голубой)	44, 90-96, 61, 30а, 47, 33	39, 66, 67, 77		25, 63, 26, 30, 31, 32, 37, 40	18	
слой 3 (штрихован)	83, 87, 101, 109			41, 57, 68, 73, 76, 88, 107	11	
слой 4 (чёрный)	42, 55, 64, 74	118, 119, 120, 121, 122, 58, 75, 103		65, 69, 70, 71, 72, 72, 59, 60, 78, 79	22	
Итого:	34	20	2	51	Итого: 107	

Процент украшений с пластинами в группах

Гр. I – 50%	Гр. II – 31,3%	Гр. III – 27%	8 погр-й только с
укр. с пласт. 8	укр. с пласт. 10	укр. с пласт. 16	кремневым инвентарём
без пласт – 1:	без пласт – 6	без пласт. – 13	
без инвент. – 8	без инвент. – 13	без инвент. – 30	

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение погребений по группам и слоям / Distribution of burials by groups and layers

Источник: составлено автором

гребения находятся в северной, как представляется, самой ранней группе. Ещё одна подвеска оригинальной формы, изготовленная из клыка кабана, найдена в скоплении из разрушенных погребений 34–36 (рис. 3.9). Оно расположено во втором от верха горизонте в центральной группе погребений.

Эти подвески интересны тем, что они имеют достаточно близкие аналогии среди медных изделий в карбунском кладе (рис. 3.1, 3.7). Для одной из форм пластин из клыков кабана мариупольского могильника (рис. 3.10) достаточно определённой аналогией являются и медные пластины с двумя отверстиями по кра-

ям (рис. 3.2), на что в своё время обратила внимание Н. С. Котова [4, с. 82]. В кладе также встречена костяная бусина с V-образным отверстием (рис. 3.6), которая типична для комплексов многих погребений могильника (рис. 3.14) зубы оленя (рис. 3.3), бусы из кости и камня (рис. 3.4–5), что характерно и для погребений могильника (рис. 3.12–13).

В наиболее поздней, южной части могильника, в погребении VIII, найдена каменная булава крестовидного типа [1, с. 60]. Погребение располагалось во втором от верха горизонте погребений на глубине 1 м [1, с. 59]. Ближайшей аналогией ей, пожалуй, будет булава, найден-

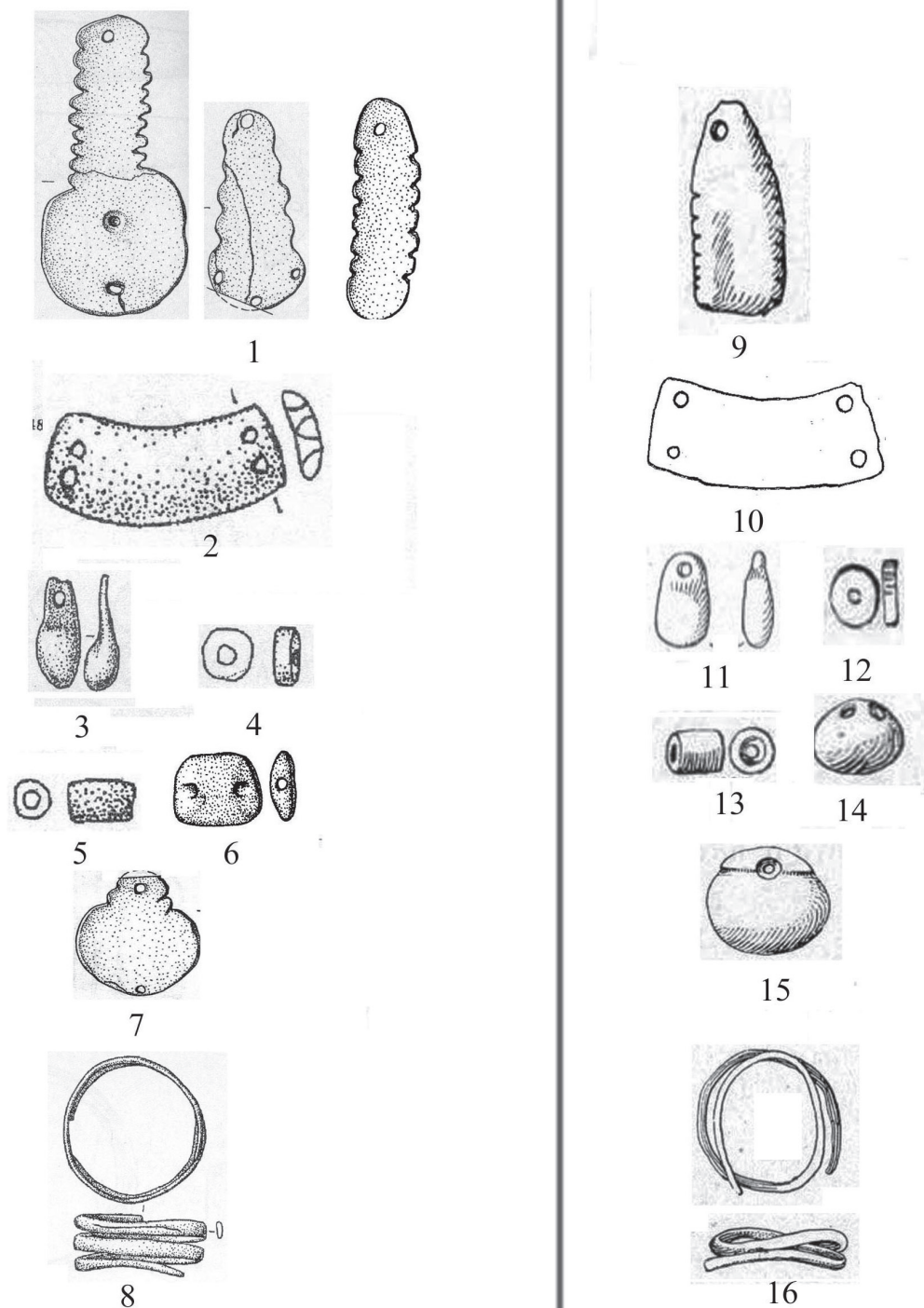

Рис. 3 / Fig. 3. Сравнительная таблица украшений / Comparison table of decorations

Источник: составлено автором

ная в погребении 12 грунтового могильника Дечия Морешулуй в Румынии [4, с. 276, рис. 103.2]. Ещё одна булава, но другого типа, с двумя овальными выступами по краям, встречена во впускном в могильник погребении XXIV [1, с. 73]. Помимо содержащейся в нём булавы [1, с. 32, рис. 31], оно интересно тем, что все найденные там пластины из клыка кабана не имели отверстий, а только прорезы по коротким концам пластин, а также медную бусину и фрагмент медной пластины [1, с. 32, рис. 31]. Аналогичные пластины из клыка кабана были найдены и в погребении XXI [1, с. 70, рис. 29]. В самом же могильнике пластины без отверстий с прорезами встречены только в 4 погребениях: 13, 20, 30а, 55. Аналогичные пластины – тип Г, по М. Макаренко [1, с. 45), были найдены, в основном, в подкурганном погребении 13 близ станции Старонижнестеблиевская на Кубани [5, с. 450, рис. 3–4, 6]. Этот курган примечателен ещё и тем, что во впускном погребении 13-А также были найдены пластины из клыка кабана, но они были укороченных пропорций и имели иную, «бабочковидную» форму, поскольку центральная часть у них была сильно заужена, при достаточно широких концах [5, с. 450, рис. 3.9–12].

Такую же зауженную середину при достаточно широких концах при укороченных пропорциях, мы наблюдаем у пластин из погребения с трупосожжением, перекрывшего впускное погребение XXI мариупольского могильника [1, с. 70, рис. 29, инв. № 89]. По стратиграфии погребение с трупосожжением, наряду с погребением с медными браслетами, является самым поздним в могильнике. В самом погребении XXI кроме кремневой пластины и бусин (одна – из меди, другая – из перламутра) при осмотре экспозиции этого комплекса в Мариупольском музее Н. С. Котовой была обнаружена костяная пластина с отверстием в средней, слегка выступающей части одной из сторон [4, с. 51, 241, рис. 68.6]. Судя по рисунку,

это так называемая «цурка». Подобные предметы неоднократно встречались в комплексах новоданиловской культуры, но весьма вероятно, что это самая ранняя находка, поскольку в более поздних комплексах боковой выступ с отверстием имеет более выраженную форму, как например на «цурке» из погребения 46 кургана 1 в Александровском могильнике [6, с. 23, рис. 6.4]. Можно предположить, что это ретушер с отверстием для привязывания его к поясу.

Как уже упоминалось, впускное погребение XXIV также содержит зауженные в центре пластины с поперечными желобками по краям [1, с. 72, рис. 31, инв. № 116]. Поскольку пластины такого типа встречены только во впускных погребениях могильника, а также во впускном погребении 13-А кургана у ст. Старонижнестеблиевской, у которых кроме ярко выраженной «бабочковидности» вместо желобков по краям имеются по 2 отверстия, то с достаточной уверенностью можно утверждать, что этот тип пластин является более поздним, чем остальные.

Если провести обзор некоторых памятников, где встречены бабочковидные пластины, то можно увидеть, что они встречены в таких памятниках, как Никольский могильник [7, с. 28, 52 рис. 13 тип «Г»] и второй слой поселения Раздорское I [8, с. 74, рис. I.20]. Аналогичные пластины встречены в грунтовом могильнике у с. Съезжее в погребении 6 [9, с. 92, табл. 7.13-16]. Ещё одна пластина, но другого типа, с прорезанными канавками у коротких краев была найдена в погребении 5 [9, с. 92, табл. 7-11]. Такая же пластина, но уже с зауженной серединой, была обнаружена и среди разрушенных погребений [9, с. 92, табл. 7-12].

Примечательно, что Никольский могильник Д. Я. Телегин относит к следующему этапу развития могильников мариупольского типа – Б-2, а сосуды из могильника наибольшее сходство имеют с сосудами из поселения Средний Стог I [7, с. 21, 29, табл. 2]. То, что «бабочко-

видные» пластины были найдены в Никольском могильнике и во втором слое поселения Раздорское I, неудивительно. Представленная керамика похожа по мотивам и технике нанесения орнамента – наколы, проглаженные линии, реже – гребенчатые штампы, воротничковое оформление венчика. И там, и там преобладают крупные, до 0,4 м в диаметре, сосуды с плавным переходом от широкого устья к маленькому, иногда орнаментированному дну плоской формы [7, с. 21–23; 8, с. 73, 75]. Материалы второго и третьего слоёв поселения похожи [8, с. 75]. Там найдены кремневые наконечники стрел редкой формы – со слегка выступающей серединой основания [8, с. 74, рис. I.23-24] Такие же наконечники найдены и в Никольском могильнике [7, с. 19, рис.8.1-2].

Как известно, Карбунский клад был найден на поселении трипольской культуры, которое по анализу керамического материала относится к переходному периоду от раннего триполья к развитому или к концу периода Прекукутень III [10, с. 19, 52], т. е. между финалом Триполья А и началом Триполья Б. В абсолютных датах это будет 4700–4600 до н.э. [11, с. 213–214]. Выше уже отмечалось большое сходство ряда украшений из клада и могильника (рис. 3), что, вероятно, позволяет к этому же времени отнести и могильник. Следовательно, если опираться на вышеназванную дату, то впускные погребения XXI и XXIV, содержащие бабочковидные пластины, должны быть несколько более поздними и, вероятно, отнесены к самому началу Триполья Б.

Самое последнее по стратиграфии погребение с браслетами (рис. 3.16) хорошо входит в круг достаточно многочисленных погребений с аналогичными украшениями: г. Кривой Рог, п-2 [12, рис. 2–8], могильник у с. Джурджулешть п. 12 [13, табл. 273–7, 8], могильник у с. Джурджулешть п. 5 [13, рис. 111.3-5], Петро-Свистуново, п. 1 [13, табл. 233.1-3] Джурджулешть п. 5, Джурджулешть п. 4 (без

браслетов, но с золотыми спиральными кольцами). Два последних погребения датируются 4490–4330 и 4455–4360 до н.э. соответственно [14, р. 84–85].

К этому нужно добавить, что все 13 погребений варненского могильника, имеющих радиоуглеродные даты, ложатся в середину V тыс. до н.э. [15], где помимо медных, также встречены браслеты даже из золота – п. 43 [15, р. 89, fig. 9]. Эти даты относятся уже к следующей фазе развития трипольской культуры – В-I, Кукутень А-2, что логично. Эти погребения совершены уже по иному погребальному обряду: скорчено на спине, кисти рук на тазовых костях, либо вытянуты вдоль тулова, также как и впускное погребение XXIV в мариупольском могильнике [15, с. 71, рис. 30]. Эту фазу развития энеолита Б. Говедарица рассматривает как «горизонт до скипетров» [14, р. 85]. То, что такие же браслеты были найдены и в Карбунском кладе (рис. 3–8), вероятно, свидетельствует о том, что временной промежуток между основными и впускными погребениями был не очень велик, о чём писал и А. Д. Столяр [2, с. 30–31].

Следующий этап развития энеолита в Юго-Восточной Европе относится уже к временному горизонту «погребений со скипетрами». Это Триполье БI–БII, Кукутени А-4. В абсолютных датах 4300–4200 до н.э. [14, р. 85]

Как видно из вышеизложенного, выделенные временные горизонты достаточно хорошо известны и их последовательность в принципе сомнений не вызывает. В данном случае встаёт проблема абсолютной хронологии. Если мы примем 2 вышеизложенных постулата, а именно, что некоторые типы украшений мариупольского могильника имеют достаточно хорошие аналогии среди находок в карбунском кладе (рис. 3) и то, что переходный период от Триполья А к Триполью Б датируется 4700–4600 до н.э., то радиоуглеродные даты ряда памятников будут выглядеть довольно необычными. К примеру, погребение СХХIV из само-

го могильника имеет даты в диапазоне 5510–5480, впускное погребение XXIV имеет 3 даты с диапазоном 5340–5304 с отклонениями менее 100 лет [16, с. 9, табл. 1]. Съезжинский могильник, где встречена пластина из клыка кабана, аналогична пластинам из впускных погребений мариупольского могильника, датирован двумя датами: 5700–5470 и 4860–4670 гг. Могильники Хвалынский I и II в основном укладываются в первую половину V тыс. до н.э. [17, с. 125, рис. 3], но при этом там найден скипетр [17, с. 105, табл. 20–18], медные браслеты и небольшие выпуклые бляшки с пунсонным орнаментом из 2-го Хвалынского могильника [18, с. 276, рис. 7, с. 277, рис. 8].

Анализируя медь из Хвалынских могильников и её параллели по данным спектроаналитических исследований, Е. Н. Черных считает, что выделенные им 6 химических групп, их сочетание и определённая пропорция в каждой из коллекций из хвалынских, новоданиловских и среднестоговских памятников, имеет прямое отношение к проблемам хронологии всех степных памятников, в которых встречена Балканская медь. «Давно выяснено, что феноменальный по своей мощности и технологическому уровню взлёт производства металла, приходится на очень короткий отрезок времени. Он по времени совпадает с финалом существования таких культур, как гумельница, винча-плочник, тисаполгар-бодрогкерестур.

Здесь следует иметь в виду, что сочетание выделенных 6 химических групп, их определённая пропорция в каждой из коллекций присуща только этому времени [17, с. 225, табл. 1]. Ни в более ранний, ни в более поздний периоды такого сочетания образцов химических групп меди в производственных очагах Балкано-Карпатья не встречается [17, с. 224–226]. Сюда попадает медь и неолитической днепро-донецкой культуры и так называемый ранний энеолит мариупольской общности, и «средний» энеолит общно-

сти Хвалынк-Средний Стог. Помещение этих медьсодержащих комплексов в различные исторические эпохи или хотя бы периоды представляется маловероятным или попросту невозможным. Такие комплексы могут быть либо полностью синхронны, либо различаться между собой максимум двумя-тремя столетиями» [17, с. 226].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, выделенные 4 этапа развития раннего и среднего энеолита могут иметь такие наиболее реальные даты:

1. основные погребения мариупольского могильника: конец Триполья А – начало Триполья В-I, 4700–4600 гг. до н.э.;

2. впускные погребения мариупольского могильника XXI, XXIV, впускное погребение 13-A в кургане у ст. Старо-нижнестеблиевской, Никольский могильник, второй слой поселения Раздорское I. Съезжее – Триполье В-I – 4600–4450 гг. до н.э.;

3. мариупольский могильник погребение с браслетами, г. Кривой Рог, п-2, могильник у с. Джурджулешть п. 4, 5, 12. Петро-Свистуново, п. 1, 13 погребений варненского могильника, имеющих радиоуглеродные даты, ложатся в середину V тыс. до н.э. Триполье В-I, Кукутень А2 – 4450–4300 до н.э.;

4. погребения со скипетрами, Триполье В-I, Кукутени А4, 4300–4150 гг. до н.э. Предложенная схема периодизации раннего и среднего энеолита степной зоны Юго-Восточной Европы не укладывается в большинство радиоуглеродных дат, особенно в два первых этапа, но ее достоинство состоит хотя бы в том, что она лишена той временной неопределенности, нередко выраженной в датах столь широкого диапазона, что они теряют свой смысл. Тем более что статистически достоверного количества дат по культурам этой эпохи мы не имеем;

5. финальный этап энеолита – это время конца Триполья СI–СII представлен

погребениями типа тех, что раскопаны Е. В. Яровым у с. Бурсучены. Это уже совершенно другой культурно-хронологический пласт, где погребённые лежат уже на боку, скорчено, кисти рук перед лицом. Из инвентаря в погребальных комплексах для них характерно наличие поздне трипольских сосудов, костяных булавок и нередко чернолощёных кубков с высокой шейкой [19, с. 54–68].

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко М. Мариупольский могильник. Київ, 1933. 151 с.
2. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник // Советская археология. 1955. Вып. XXII. С. 16–37.
3. Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002. 267 с.
4. Котова Н. С. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. 327 с.
5. Шаталин Ю. А., Резепкин А. Д. Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // *Stratum plus*. 2001–2002. № 2. С. 447–457.
6. Братченко С. Н., Константинову Л. Ф. Александровский энеолитический могильник // Древнейшие скотоводы степей Украины. Киев, 1987. С. 17–31.
7. Телегин Д. Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991. 100 с.
8. Кияшко Д. Я. Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. 1987. № 192. С. 73–80.
9. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. 129 с.
10. Дергачев В. А. Кэрбунский клад. Кишинев, 1998. 119 с.
11. Дергачев В. А. Карбунский скраб // *Енциклопедія трипільської цивілізації*. Т II. Київ, 2004. С. 213–214.
12. Будников А. Б., Рассамкин Ю. Я. Энеолитический могильник в г. Кривой Рог и его место в системе степных древностей // *The Fourth Millennium BC*. Sofia, 1993. С. 116–125.
13. Рассамкин Ю. Я. Азово-Понтийские степи в эпоху меди. Ч. II. Mainz am Rhein, 2004. 277 с.
14. Govedarica B. Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area // *Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы*. Кишинев, 2016. С. 81–91.
15. New AMS radiocarbon dates for the Varna Eneolithic cemetery, Bulgarian Black Sea coast / T. Higham, J. Chapman, V. Slavchev, B. Gaydarska, et al. // *The Varna eneolithic necropolis and problems of prehistory in Southeast Europe*. Varna, 2008. P. 95–113.
16. Моргунова Н. Л. Хронология и периодизация энеолита Волго-Уральского Междуречья в свете радиоуглеродного датирования // *Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы*. Оренбург, 2009. С. 6–27.
17. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология Хвалынских некрополей // *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура*. Самара, 2010. С. 121–130.
18. Агапов Д. С. Медные изделия в погребальном обряде Хвалынских энеолитических могильников // *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура*. Самара, 2010. С. 258–286.
19. Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове (предварительная информация) // *Вестник Московского Государственного Областного университета*. 2019. № 5. С. 54–68.

REFERENCES

1. Makarenko, M. (1933). *Mariupilsky burial ground*. Kiiv (in Russ.).
2. Stolyar, A. D. (1955). Mariupol burial ground as a historical source. In: *Soviet archeology*, XXII, 16–37 (in Russ.).
3. Kotova, N. S. (2002). *Neolithic of Ukraine*. Lugansk (in Russ.).
4. Kotova, N. S. (2006). *Early Eneolithic of the Steppe Dnieper and Azov regions*. Lugansk (in Russ.).
5. Shatalin, Yu. A. & Rezepkin, A. D. (2001–2002). Neolithic burial ground with Mariupol-type inven-

- tory in the Kuban region and its place in the system of antiquities of Southeast Europe. In: *Stratum plus*, 2, 447–457 (in Russ.).
6. Bratchenko, S. N. & Konstantinescu, L. F. (1987). Alexandrovsky Eneolithic burial ground. In: *The oldest pastoralists of the steppes of Ukraine*. Kyiv, 17–31 (in Russ.).
  7. Telegin, D. Ya. (1991). *Neolithic burial grounds of Mariupol type*. Kyiv (in Russ.).
  8. Kiyashko, D. Ya. (1987). Multilayer settlement Razdorskoye I on the Lower Don. In: *Brief reports of the Institute of Archeology*, 192, 73–80 (in Russ.).
  9. Vasiliev, I. B. (1981). *Eneolite of the Volga region. Steppe and forest-steppe*. Kuibyshev (in Russ.).
  10. Dergachev, V. A. (1998). *Cairbunsky treasure*. Chisinau (in Russ.).
  11. Dergachev, V. A. (2004). Karbunsky Skarb. In: *Tsenclopediya Tripilskii civilizatsii. Vol. II*. Kiiv, 213–214.
  12. Budnikov, A. B. & Rassamakin, Yu. Ya. (1993). Eneolithic burial ground in the city of Krivoy Rog and its place in the system of steppe antiquities. In: *The Fourth Millennium BC*. Sofia, 116–125.
  13. Rassamakin, Yu. Ya. (2004). *Azov-Pontic steppes in the era of copper. Part II*. Mainz am Rhein (in Russ.).
  14. Govedarica, B. (2016). Conflict or Coexistence: Steppe and Agricultural Societies in the Early Copper Age of the Northwest Black Sea Area. In: *Cultural interactions. Dynamics and meanings*. Chisinau, 81–91.
  15. Higham, T., Chapman, J., Slavchev, V., Gaydarska, B., et al. (2008). New AMS radiocarbon dates for the Varna Eneolithic cemetery, Bulgarian Black Sea coast. In: *The Varna eneolithic necropolis and problems of prehistory in Southeast Europe*. Varna, 95–113.
  16. Morgunova, N. L. (2009). Chronology and periodization of the Eneolithic of the Volga-Ural Interfluvium in the light of radiocarbon dating. In: *Problems of studying cultures of the early Bronze Age of the steppe zone of Eastern Europe*. Orenburg, 6–27 (in Russ.).
  17. Chernykh, E. N. & Orlovskaya, L. B. (2010). Radiocarbon chronology of the Khvalynsky necropolises. In: *Khvalynsky eneolithic burial grounds and Khvalynsky eneolithic culture*. Samara, 121–130 (in Russ.).
  18. Agapov, D. S. (2010). Copper products in the funeral rite of the Khvalynsky eneolithic burial grounds. In: *Khvalynsky eneolithic burial grounds and the Khvalynsky eneolithic culture*. Samara, 258–286 (in Russ.).
  19. Spring, E. V. (2019). The main Eneolithic burials of the mound near the village of Bursucheny in Central Moldova (preliminary information). In: *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 5, 54–68 (in Russ.).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рецепкин Алексей Дмитриевич (г. Санкт-Петербург) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры Российской Академии наук;
e-mail: admin@archo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey D. Rezepkin (St. Petersburg) – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: admin@archo.ru

Научная статья
УДК 902
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-25-47

КУРГАН № 1 В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ 2 У С. ГАВРИЛЬСКИЕ САДЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Березуцкий В. Д.^{*}, Гак Е. И.^{2,4}, Килейников В. В.¹, Скоробогатов А. М.³

¹ Воронежский государственный педагогический университет
г. Воронеж, Российская Федерация

² Государственный исторический музей
г. Москва, Российская Федерация

³ Институт истории материальной культуры РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

⁴ Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН г. Пущино,
Российская Федерация

^{*} Корреспондирующий автор, e-mail: berezytski1@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.10.2025

После доработки 28.10.2025

Принята к публикации 06.11.2025

Аннотация

Цель. Ввести в научный оборот материалы необычного подкурганного комплекса эпохи бронзы в левобережье Среднего Подонья.

Процедуры и методы. Материалы раскопок изучены методами сравнительно-типологического, рентгено-флуоресцентного и трасологического анализа.

Результаты. Под курганом высотой до 1,5 м выявлены 5 погребений. Установлено, что основным является погребение 5 с ямно-катакомбными признаками обрядности и металлическим инвентарем второй четверти III тыс. до н. э. Позже были последовательно совершены погребения 3 и 4 среднедонской катакомбной культуры с сосудами. В конце III – начале II тыс. до н. э. производится погребение 2 покровского типа, и после досыпки курган приобретает овальную форму. В этом погребении примечательны 2 металлических наконечника стрелок. Последним стало безынвентарное погребение 1 срубной культуры, впущенное в центр насыпи.

Теоретическая и/или практическая значимость. В научный оборот вводятся новые данные по эпохе средней – поздней бронзы юга Восточной Европы.

Ключевые слова: курган, погребение, стратиграфия, бронзовый век, яма, катакомба, изделия из кости и металла, экспериментально-трасологический анализ, рентгено-флуоресцентный анализ

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 25-28-00214.

Для цитирования:

Курган № 1 в курганном могильнике 2 у с. Гаврильские сады на Среднем Дону / В. Д. Березуцкий, Е. И. Гак, В. В. Килейников, А. М. Скоробогатов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 25–47.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-25-47

Original research article

KURGAN NO. 1 IN THE BURIAL MOUND 2 NEAR THE VILLAGE OF GAVRILSKY SADY ON THE MIDDLE DON

V. Berezutsky^{*}, E. Gak^{2,4}, V. Kileynikov¹, A. Skorobogatov³

¹ Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation

² The State Historical Museum
Moscow, Russian Federation

³ Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Science
St. Petersburg, Russian Federation

⁴ Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science
of the Russian Academy of Sciences
Pushchino, Russian Federation

^{*} Corresponding author, e-mail: berezytski1@rambler.ru

Received 12.10.2025

Revised 28.10.2025

Accepted 06.11.2025

Abstract

Aim. To introduce into scientific circulation the materials of an unusual burial mound complex from the Bronze Age on the left bank of the Middle Don region.

Methodology. The excavation materials were studied using comparative typological, X-ray fluorescent and traceological analysis methods.

Results. Five burials were found under a mound up to 1.5 m high. It was established that the main one is burial 5 with pit-catacomb signs of rituals and metal inventory of the second quarter of the 3rd millennium BC. Later, burials 3 and 4 of the Middle Don Catacomb culture with vessels were successively made. In the late 3rd – early 2nd millennium BC, burial 2 of the Pokrovsky type was made, and after filling, the mound acquired an oval shape. In this burial, two metal goad tips are noteworthy. The last was the inventory-less burial 1 of the Srubnaya culture, released into the center of burial mound.

Research implications. New data on the Middle – Late Bronze Age of southern Eastern Europe are being introduced into scientific circulation.

Keywords: burial mound, stratigraphy, bronze Age, pit-catacomb time, pit, catacomb, block of chariot cultures, bone and metal products, experimental tracological analysis, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project no. 25-28-00214.

For citation:

Berezutsky, V. D., Gak, E. I., Kileynikov, V. V., Skorobogatov, A. M. (2026). Kurgan no. 1 in the burial mound 2 near the village of Gavrilsky Sady on the Middle Don. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 25–47.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-25-47

Введение

В 2016–2017 гг. сотрудниками ООО «Терра» (г. Воронеж) проводились охраняемые раскопки археологических объектов, попадающих в зону строительства окружной автодороги М-4 на участке 633–715 км (обход с. Лосево и г. Павловск) в Павловском и Верхнемамонском районах Воронежской области. В 10 курганах 6 курганных могильников обнаружено 83 погребения, из них 81 относится к бронзовому веку¹. Материалы эпохи поздней бронзы были опубликованы ранее [1, с. 101–116; 2].

Павловский район Воронежской области является одним из самых исследованных в археологическом плане районов, благодаря разведкам и раскопкам А. Т. Синюка, В. Д. Березуцкого, Ю. П. Матвеева, М. В. Цыбина, С. Н. Гапочки, А. М. Скоробогатова и др.

Долина Дона в районе проведения работ относится к лесостепной физико-географи-

ческой (ландшафтной) зоне, лесостепной провинции Среднерусской возвышенности, Среднедонскому меловому левобережному району южной лесостепи, занимающая север Калачской возвышенности [3].

Курганный могильник состоял из 2 насыпей, располагался на относительно ровном участке первой надпойменной террасы левого берега р. Гаврила (приток р. Осередь, левого притока р. Дон), в 1,2 км к ЗЮЗ от западной окраины с. Гаврильские сады Павловского района Воронежской области (рис. 1). В 8 км к юго-востоку находится известный Первый Павловский курганный могильник эпохи ранней – средней бронзы [4].

До начала раскопок курган № 1 подвергался интенсивной распашке, имел овальную форму и размеры 36×48 м (рис. 2). Насыпь вытянута по линии ЮВ–СЗ. Раскопки производились по длинной оси насыпи с оставлением 3 стратиграфических бровок шириной 1 м каждая.

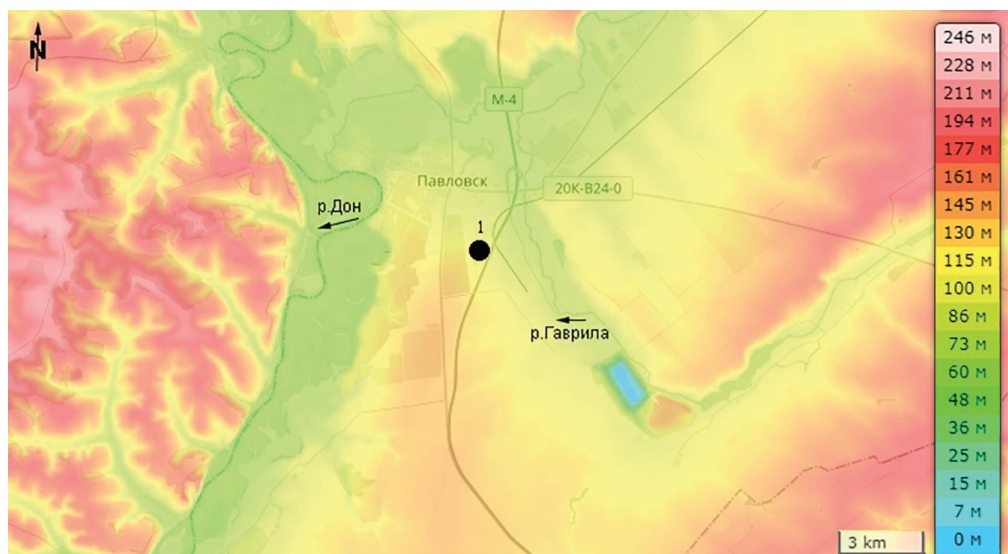

Рис. 1 / Fig. 1. Местоположение памятника на фрагменте топографической карты / The location of the kurgan on a fragment of a topographic map

Источник: составлено авторами

¹ Березуцкий В. Д. Отчёт об археологических исследованиях в зоне строительства и реконструкции автомобильной дороги М-4 «Дон» в 2017 г. // Архив ИА РАН. 2018; Скоробогатов А. М. Отчёт о проведении охраняемых раскопок курганов в Верхнемамонском и Павловском районах Воронежской области в 2016–2017 гг. // Архив ИА РАН. 2017.

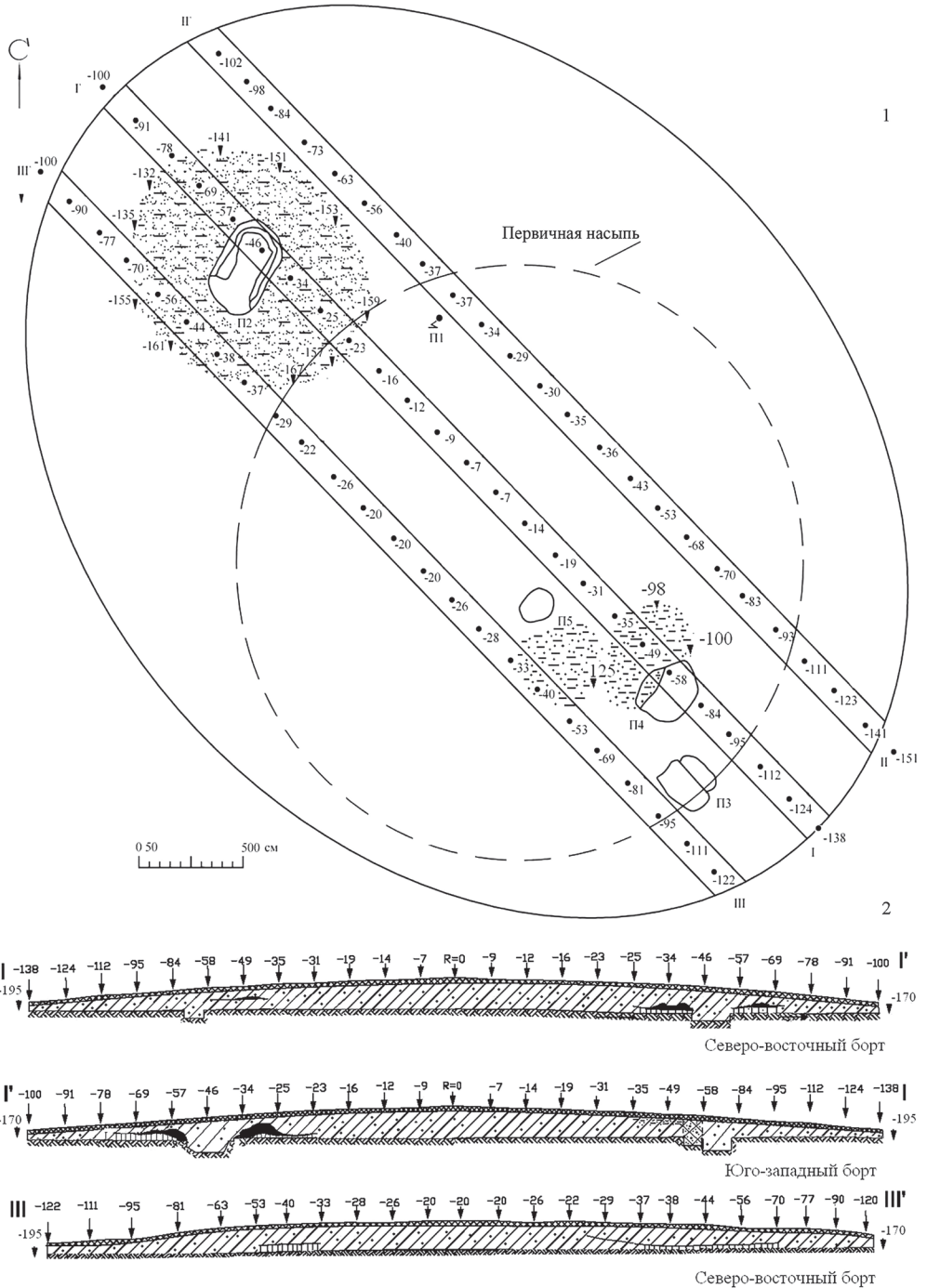

Рис. 2 / Fig. 2. План кургана № 1 и профили бровок / The plan of kurgan No. 1 and profiles of eyebrows

Источник: рисунок авторов

В результате раскопок выяснилось, что насыпь кургана была создана на ровной поверхности незначительного естественного возвышения. Погребённая почва в кургане зафиксирована на отдельных участках бровки I-I', которая оказалась наиболее информативной (рис. 2.2). Стратиграфия наслоений в центре кургана под нулевой отметкой: 0–0,35 м – пахотный слой; 0,35–1,7 м – чернозём с примесью песка; 1,7 м – материк (жёлтый суглинок). Погребённая почва зафиксирована под материковым выкидом из погребения 2 и составила 0,45 м. В этой же бровке выявлен участок погребенной почвы толщиной 0,25 м: дернина была подрезана на 0,2 м при создании погребения 2 в юго-восточную сторону, в направлении уже существовавшего кургана.

В кургане выявлено 5 погребений. Все они относятся к эпохе бронзы. Антропологический анализ костных останков выполнен научным сотрудником ИА РАН, к.и.н. И. К. Решетовой.

Описание погребений

Погребение 1 (срубное, впускное) – обнаружено в центральной части кургана, в 6,3 м к северо-востоку от нулевой отметки, на материке (рис. 2.1).

Форма погребального сооружения не установлена. На материковом основании находился плохо сохранившийся скелет ребёнка до 1 года, лежавший скорченно на левом боку головой на СВ.

Погребение 2 (покровское, впускное) – находилось в 13 м к северо-западу от нулевой отметки, в материке (рис. 2.1). Погребение обрамлял мощный материковый выкид почти круглой в плане формы (чуть вытянут по линии ЮЗ-СВ), размерами 11×12 м, уложенный определённым образом: рядом с захоронением вокруг него располагался вал линзовидной формы, шириной от 1,5 до 2 м, толщиной до 0,45 м, а далее к краям круга шла относительно тонкая полоса выкида толщиной 0,05–0,1 м (рис. 2.1).

В суглинке материкового выкида у юго-западной стенки погребального сооружения на глубине -185 см от R=0 обнаружены кости жертвенного животного – фрагменты сгнившего черепа и кость ноги КРС.

Погребальное сооружение представляло собой обширную прямоугольную яму с закруглёнными углами, размером 2,45×4,2 м, ориентированную по линии ЮЗ-СВ и углублённую в материк на 0,9 м (1,35 м от уровня погребенной почвы) (рис. 3). Яма имела ступеньку по периметру шириной до 0,2–0,3 м, кроме юго-западной торцевой стенки. Ступенька опускалась в материк на глубину до 0,45 м и наклонно под тупым углом переходила в пол ямы.

Поперёк ямы лежало перекрытие, состоявшее из крупных плах (первоначальный диаметр брёвен, из которых изготавливались плахи, достигал 0,25–0,3 м) (рис. 3). Плахи лежали на валу материкового выкида и только часть из них, находившаяся поверх него, является результатом ограбления могилы. По краям ямы перекрытие наклонно провалилось внутрь вместе с материковым выкидом. Заполнение состояло из чернозёма, в центральной же части и ближе к юго-западной стенке оно было плотным, типичным для ограбленных погребений. Здесь же отмечено нарушение перекрытия: плахи были выброшены наружу. По-видимому, и ступенька с юго-запада была скрыта грабительским лазом.

В центре ямы обнаружен участок с разрушенным перекрытием и некоторыми костями скелета (рис. 4). На органической подстилке коричневого цвета зафиксированы останки взрослого человека (кости таза и ног), принадлежащие мужчине около 40 лет. Судя по расположению сохранившихся костей, человек был помещён в яму вытянуто на спине и ориентирован головой на СВ. Отметим, что кости находились у стенки на северо-западе ямы, поэтому не исключено, что грабители вынесли из могилы скелет другого

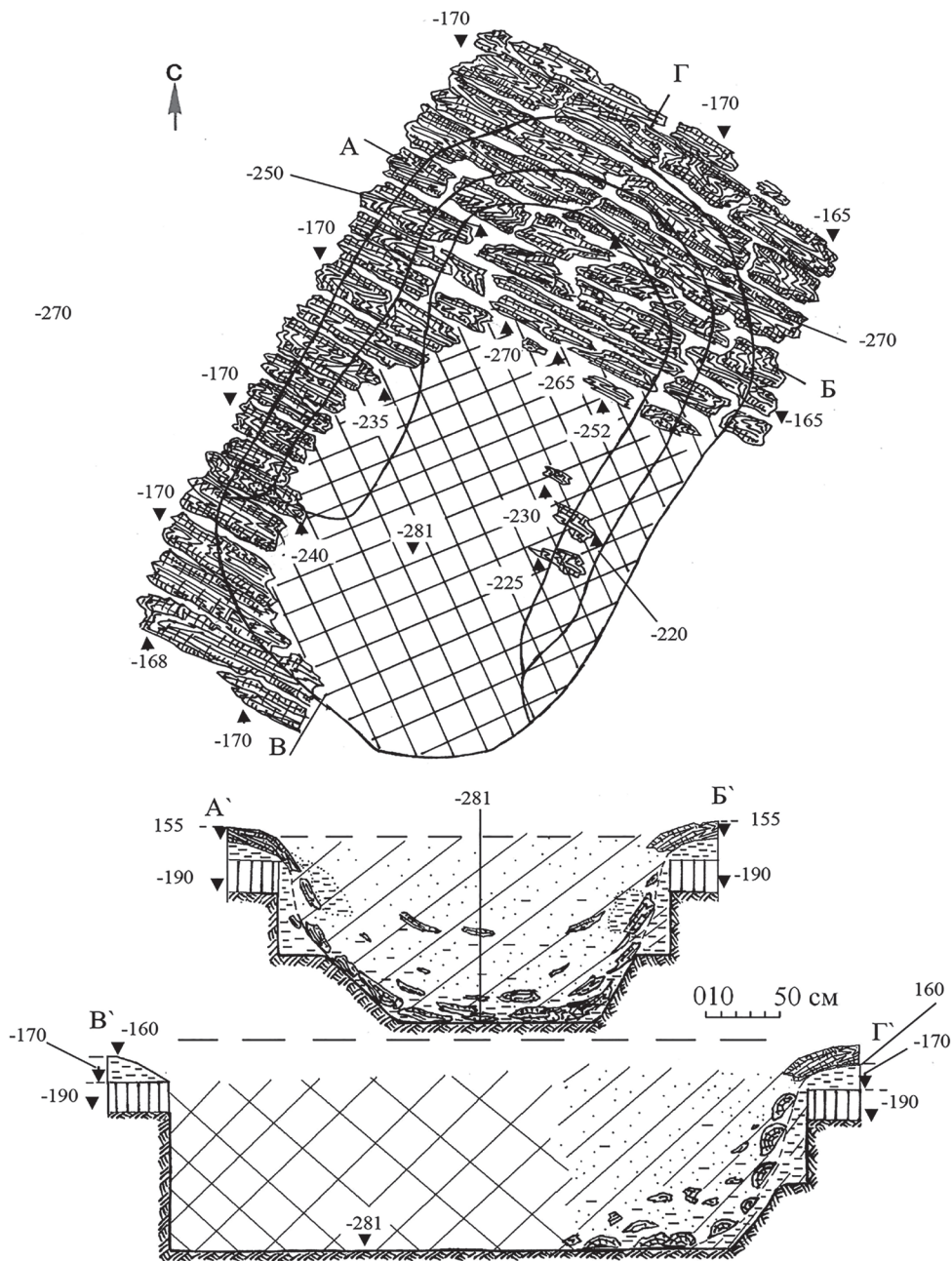

Рис. 3 / Fig. 3. Погребение 2. План и профили на уровне перекрытия / Burial 2. Plan and profiles at the ceiling level

Источник: рисунок авторов

погребённого, лежавшего рядом, с юго-востока. Возможно, ему же принадлежит бедренная кость, встреченная в заполнении на глубине – 200 см от R=0 у юго-за-

падной стенки. Около костей справа, в районе несохранившегося правого предплечья, найдены 2 стержневидных металлических предмета с остатками дерева на

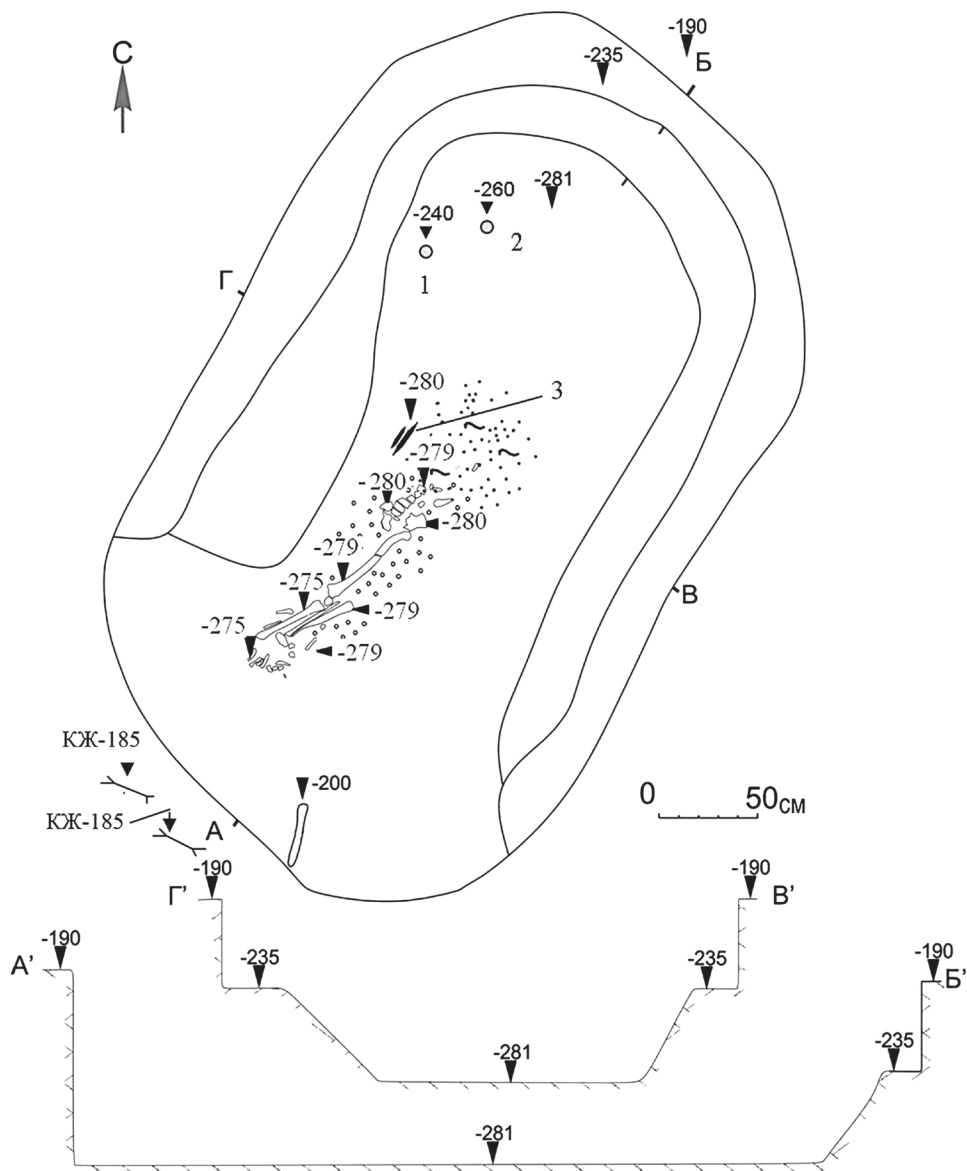

Рис. 4 / Fig. 4. Погребение 2. План и профили погребения / Burial 2. Burial plan and profiles

Источник: рисунок авторов

одном из окончаний. В заполнении погребения обнаружены костяная бляшка и роговая втулка. По характерным признакам обряда и инвентаря погребение 2 относится к памятникам покровского типа.

Находки:

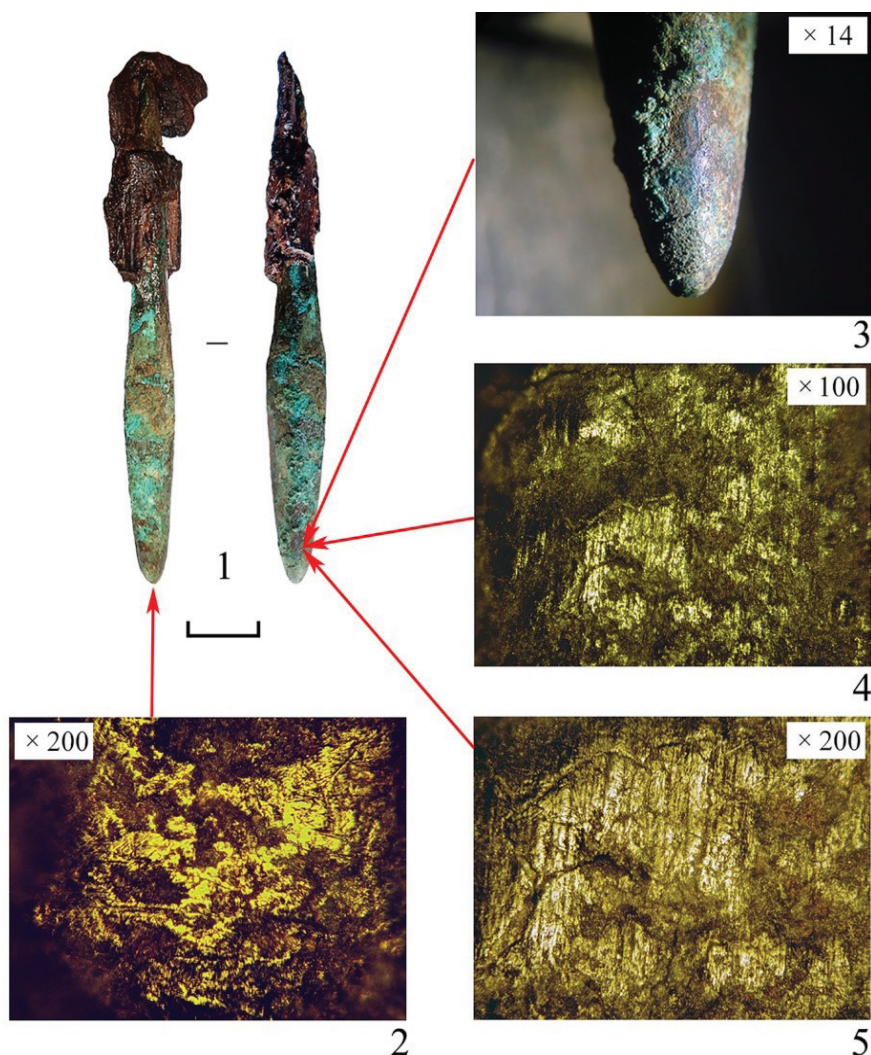
1. *Металлический наконечник* 1 шиловидной формы, длиной 6,8 см, с макси-

мальным расширением 0,9 см, массой 10 г (рис. 5). Заостренный насад наконечника длиной 4 см, круглого сечения у острия и восьмигранного в наиболее утолщенной срединной части, был помещен в деревянную оправу уплощенно-линзовидного сечения, по-видимому, являвшуюся древком. Рабочая часть изделия длиной

2,8 см, не помещённая в древко, обладает квадратным сечением с шириной грани 0,6 см. Жало изделия округлено (рис. 5.3), на его торце наблюдается полировка и тонкие перекрещивающиеся линейные следы различного направления (рис. 5.2). В 0,6 см от жала наблюдаются микроучастки полированной поверхности с многочисленными тонкими линейными следами в основном продольной направленности (рис. 5.4–5.5). Микро-

картина износа изделия показывает его длительное соприкосновение с мягким загрязнённым органическим материалом, которым вполне могла быть шкура животного, что подтверждает высказанную рядом исследователей гипотезу о функциональном определении подобных наконечников в качестве стрелок [11].

2. *Металлический наконечник 2* шиловидной формы, длиной 5,2 см, с максимальным расширением 0,4 см, массой

Рис. 5 / Fig. 5. Металлический шиловидный наконечник 1 из погребения 2: 1 – вид наконечника; 2–5 – микрофото поверхности наконечника / Metal awl-shaped tip 1 from burial 2. 1 – tip view; 2–5 – microphoto of tip surface

Источник: фото авторов

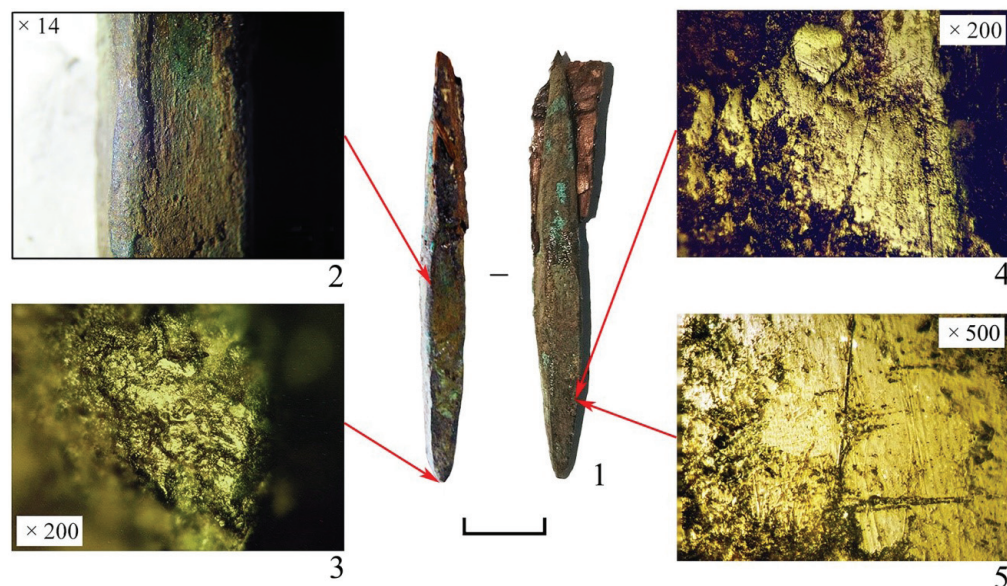
5 г (рис. 6). Изделие имеет заострённый насад длиной 2,5 см, помещённый, как и в случае с наконечником 1, в деревянное древко. Рабочая часть изделия длиной 2,7 см обладает квадратным сечением с шириной грани 0,4 см. На одном из рёбер наконечника в его средней части выявлены следы ковки, возможно, для удаления заусенцев (рис. 6.2). Жало наконечника округлено, фрагментарно заполировано и покрыто редкими разнонаправленными линейными следами. В 0,7 см от жала изделия отмечены микроучастки полированной поверхности с линейными следами продольного и угловых направлений (рис. 6.4–6.5). Функциональная интерпретация наконечника 2 аналогична предшествующему изделию.

Стрекала – нечастая находка в погребениях эпохи бронзы юга Восточной Европы. Эта группа орудий обратила на себя внимание сравнительно недавно [5]. К такому их функциональному определению исследователей подтолкнули находки остатков очень длинных (до 1,5 м)

древков, в которые металлический стержень был загнан на большую часть своей длины. Другими признаками стрекал считаются размещение в захоронении отдельно от инвентарного набора и неординарный статус погребённого.

В свете предложенного типологического деления [6] стрекала погребения 2 относится к типу шиловидных. Внешне они почти не отличаются от обычных шильев с упором или утолщением, смещённым к одному из окончаний (в нашем случае рабочему). Наконечники шиловидного типа представлены в разных культурах эпохи бронзы, в т. ч. доно-волжской абашевской и покровской [5, с. 59–60].

Химический состав металла изделий, определённый на рентгено-флуоресцентном анализаторе Bruker M1 MISTRAL в отделе археологических памятников ГИМ (аналитик А. О. Шевцов), оказался единообразен: это медь без примесей при полном отсутствии мышьяка, что нередко фиксируется у орудий колесничных

Рис. 6 / Fig. 6. Металлический шиловидный наконечник 2 из погребения 2: 1 – вид наконечника; 2–5 – микрофото поверхности наконечника / Metal awl-shaped tip 2 from burial 2: 1 – view of the tip; 2–5 – microphoto of the tip surface

Источник: фото авторов

культур, к одной из которых принадлежит рассматриваемый комплекс, и связывается с доступностью их носителям медного сырья уральских месторождений [7, с. 207].

3. *Костяной диск с отверстием (бляшка)* диаметром 4,6 см, толщиной 0,2 см (рис. 7). На протяжении 3 см по окружности хорошо видны повреждения края диска. Отверстие диаметром 0,25 см сделано по центру диска. Оно имеет ровную цилиндрическую форму, с выпуклой стороны слегка развальцовано, что свидетельствует об одностороннем сверлении (рис. 7.2–7.3). Торцевая часть диска обработана на каменном мелкозернистом абразиве, о чём говорят линейные следы, направленные под углом к оси края. Слегка выпуклая плоскость диска сильно заполирована и покрыта хаотичными

линейными следами разной толщины (рис. 7А, 7.4–7.5).

С обратной стороны плоскость диска ровная и не заполирована. Её поверхность покрыта густой сетью разнонаправленных прорезанных линий, каждая из которых пересекает практически всю плоскость (рис. 7Б, 7.6). Линии были нанесены до изготовления отверстия, которое разрезает некоторые из них в центре диска (рис. 7.3). Линии прорезаны металлическим ножом, о чём свидетельствует ровный угловой профиль каждого разреза. Проведённый сравнительный анализ поверхностей диска и других изделий, а также экспериментальных образцов свидетельствует в пользу данного вывода (рис. 8). В частности, аналогичные диску микроследы зафиксированы на роговой мотыге из стоянки с. Черкас-

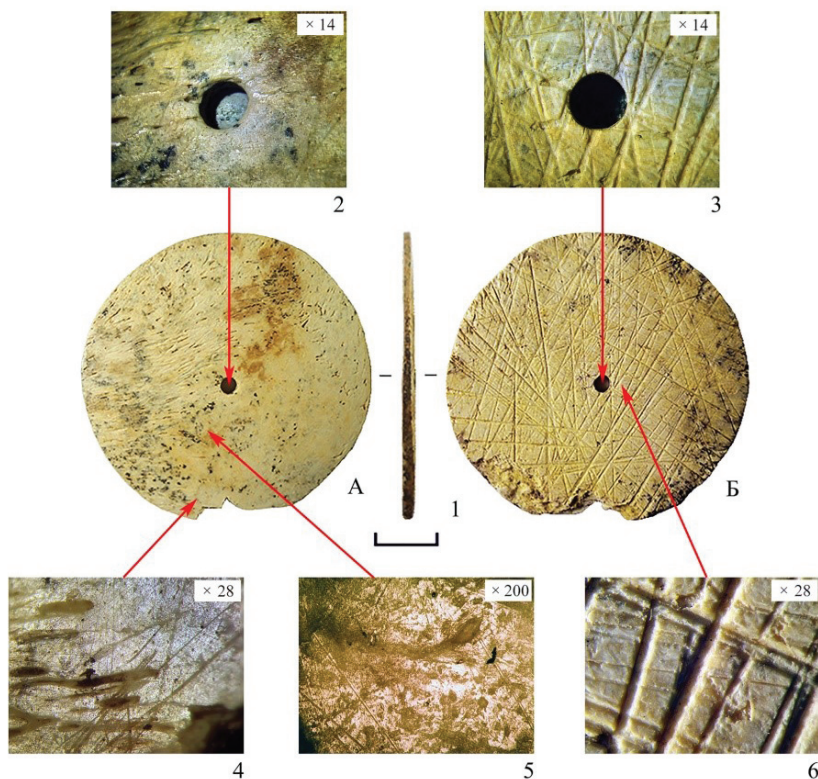
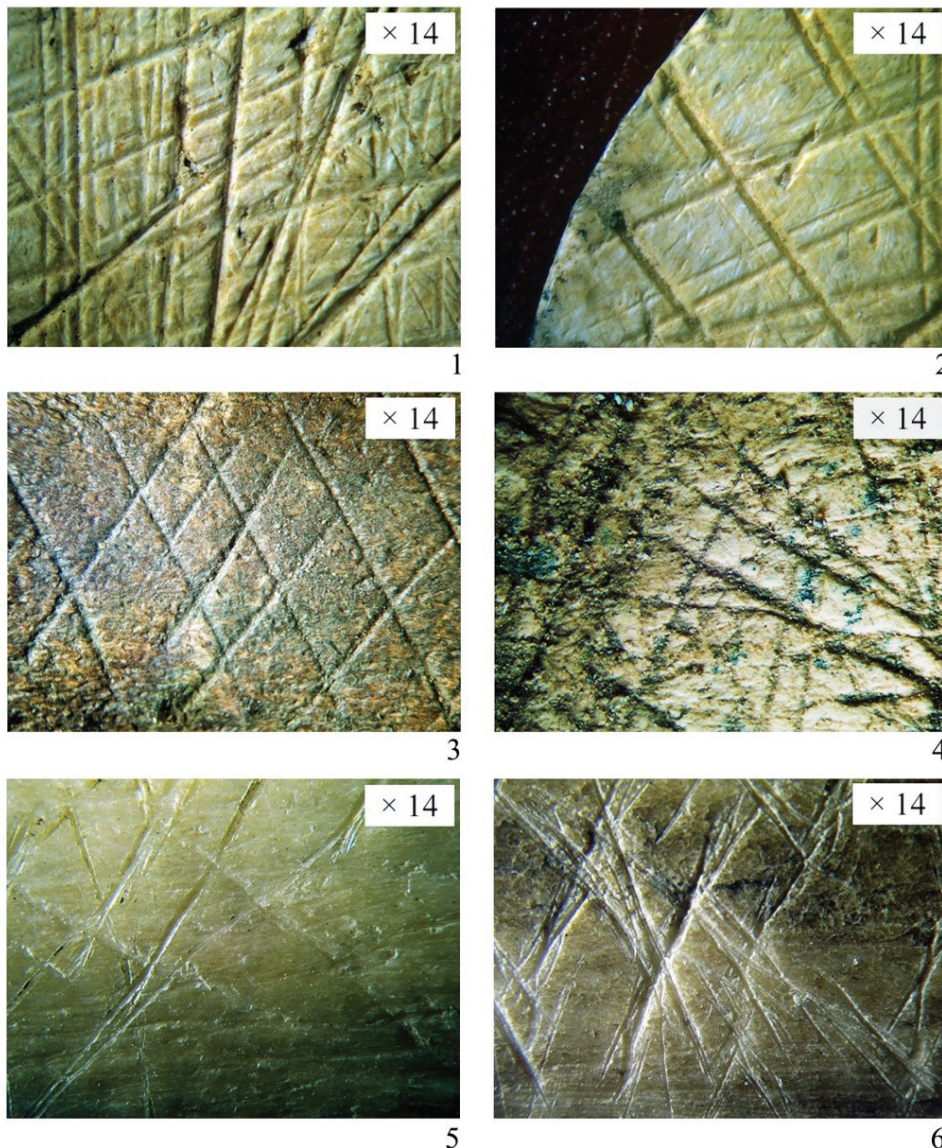

Рис. 7 / Fig. 7. Костяной диск из погребения 2. 1 – вид диска; 2–6 – микрофото поверхности диска / Bone disc from burial 2: 1 – view of the disc; 2–6 – microphoto of the disc surface

Источник: фото авторов

ское (рис. 8.3) и жертвенном столике из катакомбного погребения 2 кургана 3 у г. Россошь (рис. 8.4) [8, с. 67–71]. При экспериментальном резании кости металли-

ческим (медным) и кремневым ножом на её поверхности образовались различные линейные следы. Процесс осуществлялся без использования направляющей

Условные обозначения:

- 1–2. Костяной диск из погребения 2;
3. Роговая мотыга из с. Черкасское;
4. Жертвенный столик из катакомбного погребения 2 кургана 3 у г. Россошь;
5. Нарезки, выполненные металлическим ножом на экспериментальном костяном изделии;
6. Нарезки, выполненные кремневым ножом на экспериментальном костяном изделии

Рис. 8 / Fig. 8. Микрофото прорезанных линий на костяных и роговых изделиях / Microphotographs of cut lines on bone and horn items

Источник: фото авторов

планки (линейки). Металлическое лезвие оставляет относительно ровные глубокие борозды (рис. 8.5) [8, с. 67–71], а кремневое – чаще извилистые мелкие, рядом располагающиеся линии (рис. 8.6).

Втулка-пронизка сделана из рога оленя и имеет следующие размеры: диаметр – 2,4 см, диаметр отверстия – 1,2 см, высоту – 1,4 см, толщину стенок – 0,5–0,7 см (рис. 9.1). Отверстие со следами компакты рога было первоначально пробито, а

затем развернуто металлическим предметом, что подтверждается отдельными участками круговых линейных следов на неровной поверхности компакты внутри втулки (рис. 9.5).

Втулка изготовлена путём распиловки рога при помощи кремневой пилки, о чём свидетельствуют неровные, взаимно параллельные следы на обоих торцах втулки (рис. 9.2, 9.3, 9.4, 9.8). Все стороны роговой втулки заполированы и покрыты

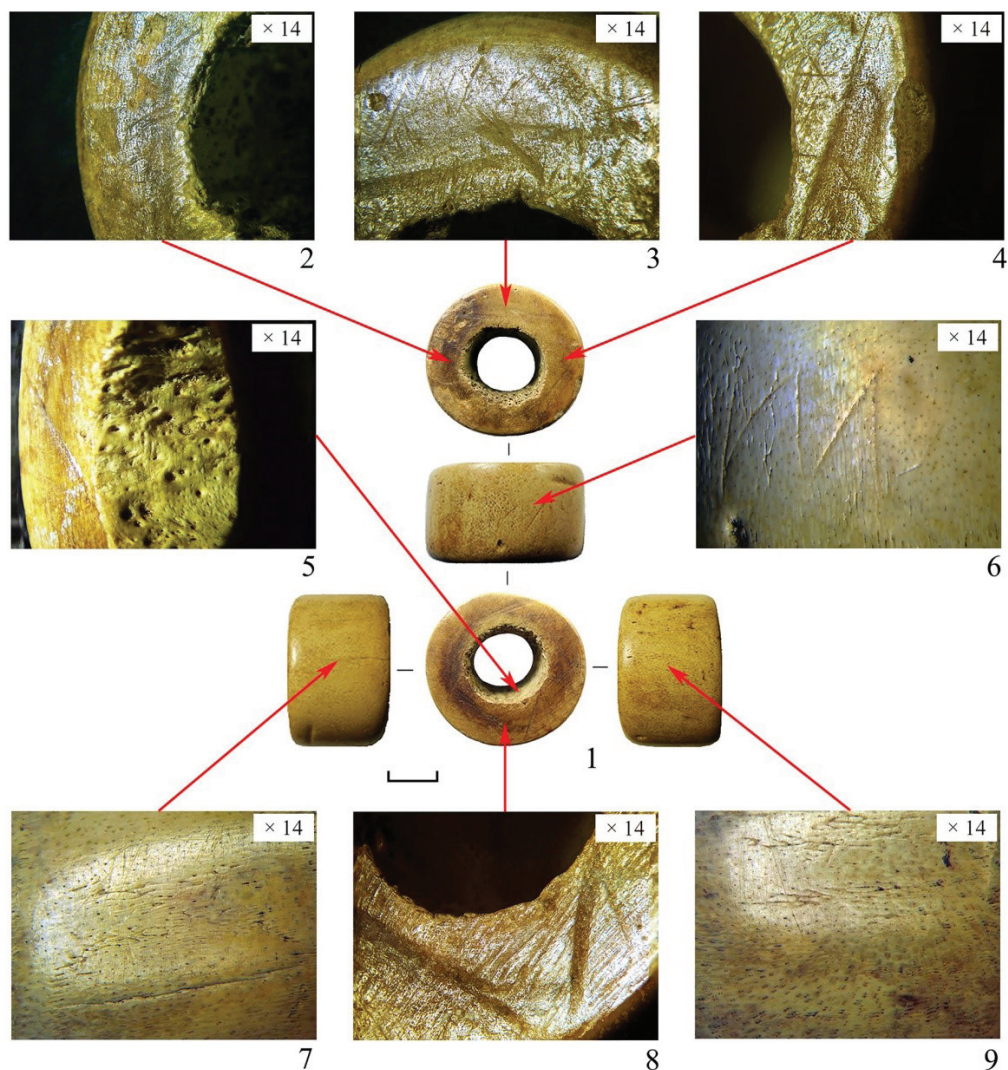

Рис. 9 / Fig. 9. Роговая втулка из погребения 2: 1 – вид втулки; 2–9 – микрофото поверхности втулки / Horn sleeve from burial 2: 1 – view of the sleeve; 2–9 – microphoto of the sleeve surface

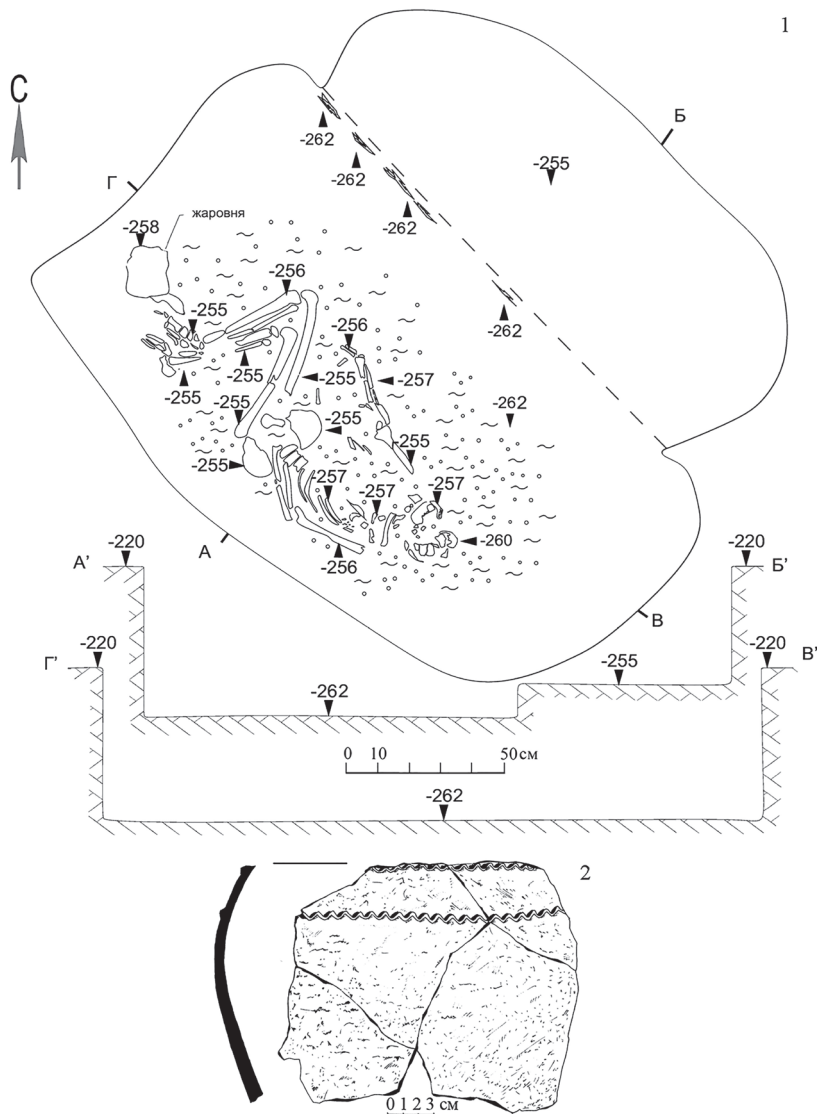
Источник: фото авторов

ты тонкими, хаотично направленными линейными следами (с преобладанием линий по окружности втулки), которые образовались от длительного трения о кожу руки или одежду (рис. 9.7, 9.9). На боковой плоскости втулки процарапан зигзагообразный знак, состоящий из шести линий длиной 0,4–0,5 см (рис. 9.6), возможно, символизирующий змею. Если предположить, что втулка служила эле-

ментом кнута или плетки, то соответствующие ассоциации этого предмета со змеёй вполне очевидны.

Погребение 3 (катакомбное, впускное) – находилось в 16 м к югу от нулевой отметки, в материке (рис. 2.1).

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 10.1). К прямоугольной шахте с закругленными углами 0,8×2,05 м,

Рис. 10 / Fig. 10. Погребение 3. 1 – план и профили погребения; 2 – керамика / Burial 3. 1 – burial plan and profiles; 2 – ceramics

Источник: рисунок авторов

ориентированной по линии ЮВ-СЗ, углублённой в материк на 0,35 м, с юго-запада примыкала камера подпрямоугольной формы с закругленными углами. От пола шахты к камере вела ступенька высотой до 0,07 м. Перед входом в камеру обнаружены остатки деревянного заслона в виде плохо сохранившихся тонких плашек (количество не установлено). Камера и шахта были забутованы материком с незначительной примесью чернозёма.

В камере на органической подстилке бурого цвета лежал скелет взрослого человека – мужчины 20–25 лет, в скорченном положении на правом боку, ориентированного головой на юго-восток (рис. 10.1). Правая рука отстранена от скелета в сторону и кистью вытянута к коленям. Левая рука согнута, кисть лежала на тазовых костях. У западного угла камеры находилась жаровня из боковой части лепного сосуда (рис. 10.2). Снаружи на ней – чёрный нагар от воздействия огня, изнутри – широкие горизонтальные расчёсы. Выше перегиба тулова на расстоянии 4 см друг от друга сосуд опоясывали два наlepных волнистых валика.

По характерным обрядовым признакам и морфологии сосуда погребение 3 относится к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры.

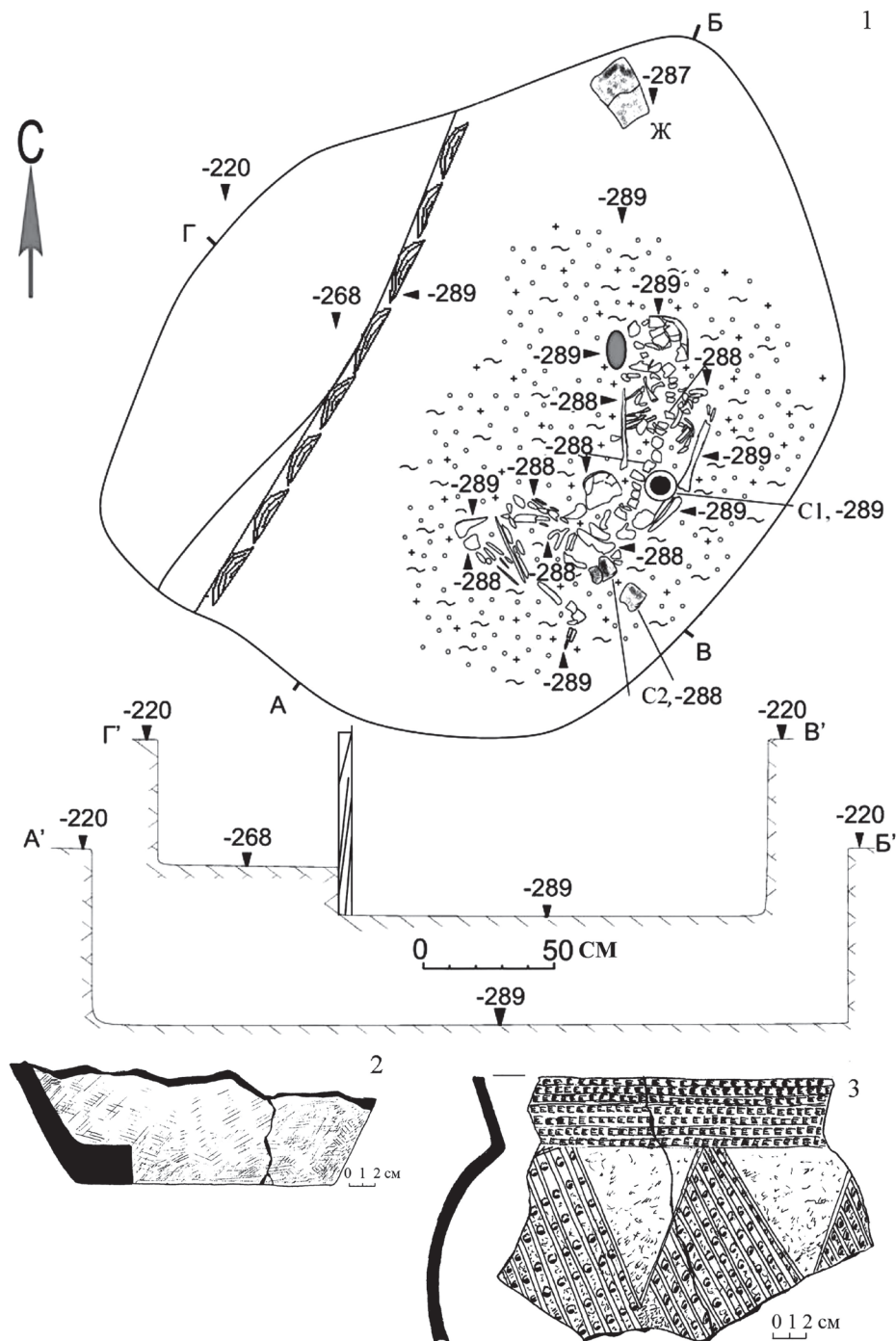
Погребение 4 (*катакомбное, впускное*) – находилось в 14 м к югу от нулевой отметки, в материке (рис. 2.1). С погребением связывается материковый выкид округлой формы размерами 4×5 м, вытянутый по линии ЮЗ-СВ. Уровень его залегания в северо-восточной части бровки I-Г' составлял -100 см от R=0. С противоположной стороны выкид поднимался до уровня подпахотного слоя (забутовка шахты) (рис. 2.2). Его толщина фиксировалась лишь с северо-восточной части бровки (до 0,1 м), с юго-запада он выглядел бесформенным и перемешанным (заполнение шахты).

Погребальное сооружение представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 11.1). Шахта непра-

вильной овальной формы 0,7×1,8 м была ориентирована по линии ЮЗ-СВ и углублена в материк на 0,48 м. Заполнение – материковый жёлтый песок. Вход из шахты в камеру осуществлён через ступеньку высотой до 0,2 м. Его закрывали восемь деревянных плах, стоявших вертикально почти вплотную друг к другу. Длина плах составляла 0,6–0,65 м, ширина 0,1–0,15 м, толщина до 0,07–0,1 м. Благодаря относительно хорошей сохранности плах, удалось зафиксировать, что они округлой стороной упирались в ступеньку, а ровной, плоской поверхностью были направлены в сторону камеры (рис. 11.1). Плахи стояли вертикально основанием на полу камеры. Такое положение их сохранилось, благодаря забутовке камеры и шахты.

С юго-востока к шахте примыкала камера неправильной овальной формы размерами 1,8×2,7 м, углублённая в материк на 0,7 м. Заполнение состояло из перемешанного с чернозёмом желтого материкового песка. На органической подстилке чёрного цвета с меловой и охровой посыпкой тёмно-красного цвета находился скелет взрослого человека – мужчины старше 50 лет, который лежал в скорченном положении на спине с небольшим завалом вправо, головой на север (рис. 11.1). Правая рука вытянута вдоль скелета и лучевыми костями зажата между бедренных костей. Левая рука, чуть согнута, кистью направлена к тазу. Перед лицом – «пирожок» из охры тёмно-красного цвета размерами 6×12 см, толщиной примерно 3–4 см. В погребении также обнаружены жаровня из боковины сосуда и днище сосуда.

Жаровня из боковины сосуда (рис. 11.3) находилась у северной стенки камеры. Представляет собой верхнюю часть округлобокого горшковидного сосуда с раструбным венчиком, срезанным горизонтально. Венчик орнаментирован горизонтальными линиями прямоугольного штампа, тулово – косыми прочерченными полосами, между которыми – овальные вдавления. Полосы и овальные

Рис. 11 / Fig. 11. Погребение 4: 1 – план и профили; 2 – керамика; 3 – керамика (жаровня) / Burial 4: 1 – plan and profiles; 2 – ceramics; 3 – ceramics (brazier)

Источник: рисунок авторов

вдавления между ними создают в итоге треугольники вершинами вверх. Снаружи жаровня светло-коричневого цвета с чёрными подпалинами, изнутри – с обильными остатками органики чёрно-коричневого цвета, налипшей на стенки.

Жаровня из днища сосуда стояла у левого локтя погребенного (рис. 11.2). Поверхность тщательно заглажена, покрыта изнутри чёрно-коричневой органикой. К этому же днищу относятся два фрагмента, лежавшие у таза.

По характерным обрядовым признакам и морфологии сосуда погребение 4 относится к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры.

Погребение 5 (*ямно-катакомбное, основное*) – находилось в 6 м к югу от нулевой отметки, в материке (рис. 2.1). У погребения отмечен материковый выкид округлой формы, размером в плане примерно 4×4 м, расположенный к югу от погребения. Уровень залегания выкида (-125 см от R=0) соответствует уровню погребённой почвы (рис. 2).

Погребальное сооружение представляло собой прямоугольную яму с выделенными углами, размером 1,35×1,5 м, ориентированную по линии ЮЗ–СВ и углублённую в материк на 0,1 м (рис. 12.1). Заполнение – чернозём с песком.

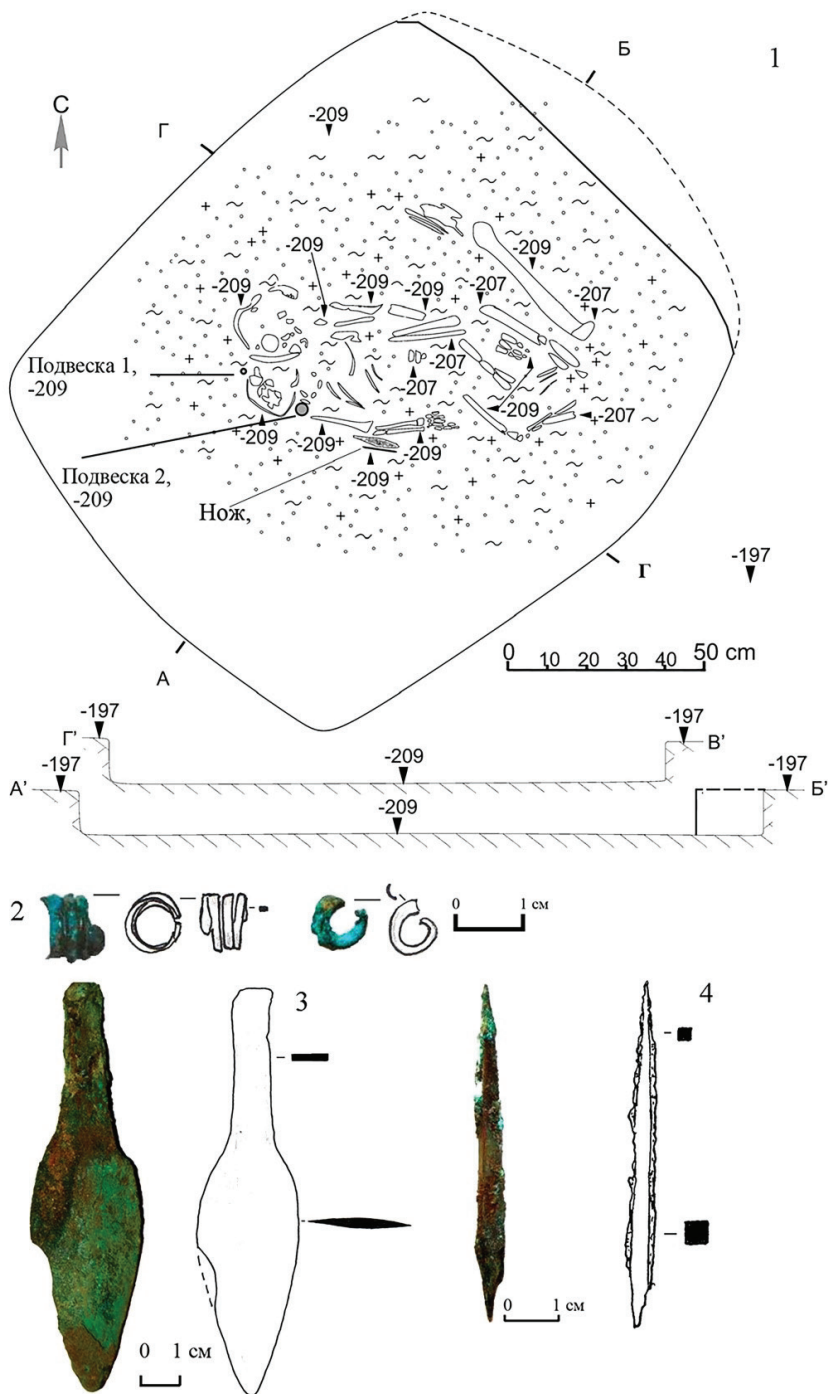
Органическая подстилка коричневого цвета была посыпана мелом и алой охрой. Местами отмечены незначительные отпечатки циновки. На органической подстилке лежали плохо сохранившиеся костяки 2 погребённых: мужчины около 40 лет и ребенка 5–6 лет. Ребёнок, находившийся справа от взрослого, лежал вытянуто на спине, головой на запад. Слева от ребенка – плохо сохранившиеся останки взрослого человека. Его скелет сохранился фрагментарно и хуже детского скелета. Судя по некоторым костям, он лежал скорченно на спине. У правого локтя ребенка обнаружены металлические предметы: нож, рядом с которым находилось шило, а также 2 подвески (рис. 12.2–12.4).

Находки:

Металлический нож двулезвийный, черенковый, с листовидным лезвием (рис. 13.1). Длина ножа 10,6 см, лезвия – 6,6 см, черенка – 5 см. Масса – 27 г. Лезвие в сечении линзовидное, без ребра жёсткости, черенок в сечении прямоугольный. С одной стороны лезвия – скол глубиной до 0,3 см, протяжённостью 1,6 см. Следы кузнечной обработки и заточки не наблюдаются. На клинке с двух сторон присутствуют остатки органического материала (ножны?), похожего на кору берёзы (рис. 13.2, 13.4). На черенке также отмечены фрагменты органического материала – остатки рукояти (рис. 13.3, 13.5).

При внимательном осмотре с одной стороны по контуру ножа прослеживается угловато выделенное плечико и перегиб ближе к основанию клинка, отсылающие к ножам так называемой «сглаженной пятиугольной схемы». В отличие от ножей с плавнолизовидным абрисом клинка, распространённых на юге Восточной Европе в предкатакомбный и раннекатакомбный периоды, и ножей пятиугольной формы, характерной для донецкой катакомбной культуры, эта схема с регулярностью фиксируется в ямных и катакомбных комплексах второй фазы металлопроизводства раннего этапа СБВ, появляясь в непосредственно предшествующее ей время [9, с. 74–79; 10, с. 146–148]. По-видимому, она маркирует промежуточный типологический вариант.

2. *Металлическое шило* длиной 6,4 см, квадратное в сечении с максимальной шириной грани 0,5 см (рис. 14). С одного края на расстоянии 1 см от конца орудия наблюдается его резкое сужение, что может говорить о функциональном своеобразии. Шило обильно покрыто медными окислами. Оба конца острые. На одной из плоскостей в средней части изделия отмечены идущие по диагонали линейные следы, возникшие от заточки поверхности шила на каменном мелкозернистом абразиве (рис. 14.2). В 0,7 см от равномерно заостряющегося конца

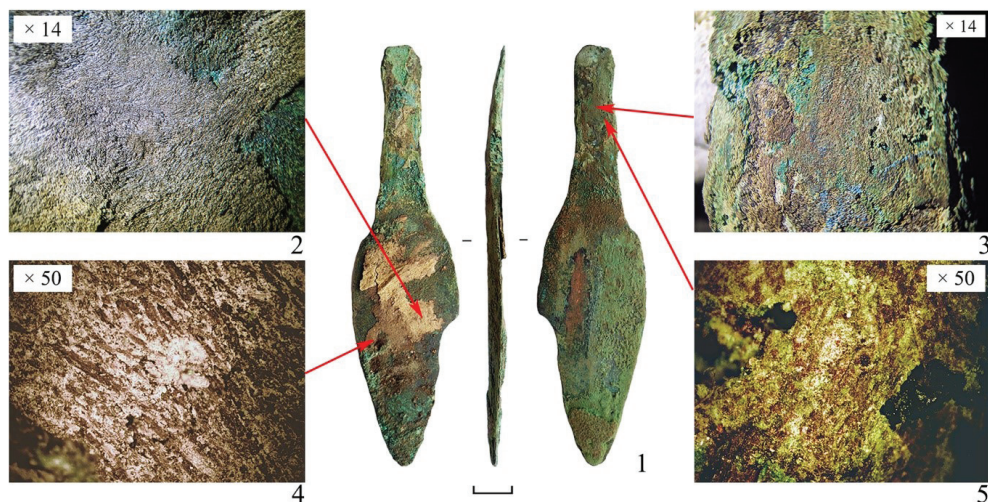

Условные обозначения:

1. План и профили; 2. Подвеска; 3. Нож; 4. Шило (2–4 – металл)

Рис. 12 / Fig. 12 Погребение 5 / Burial 5

Источник: рисунок авторов

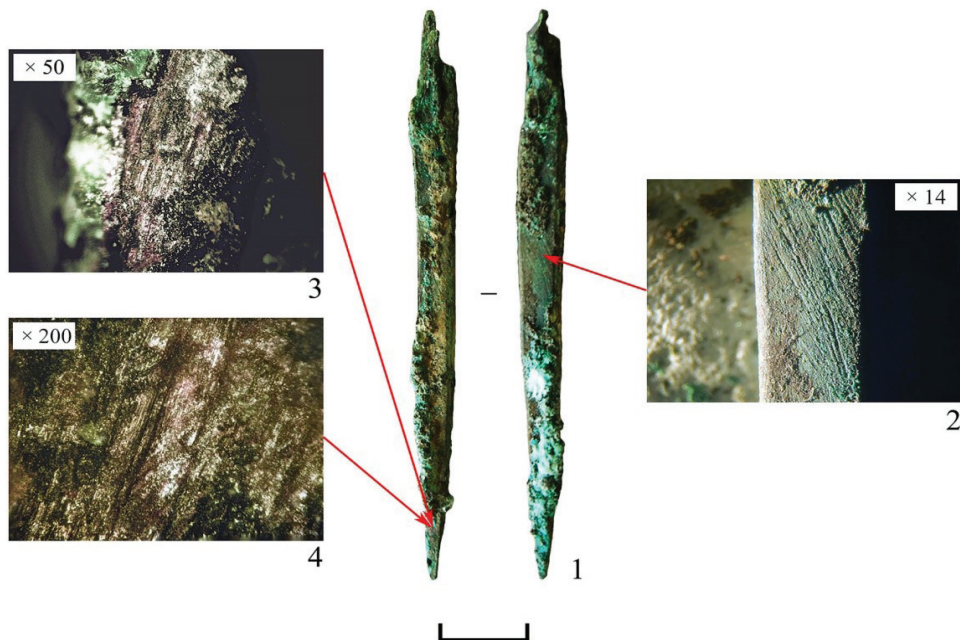

Рис. 13 / Fig. 13. Металлический нож из погребения 5: 1 – вид ножа; 2-5 – микрофото поверхности ножа / Metal knife from burial 5: 1 – view of the knife; 2-5 – microphoto of the knife surface

Источник: фото авторов

орудия выявлен участок заполированной поверхности с длинными тонкими продольными линейными следами, возник-

шими от прокалывания мягкого органического материала, вероятно, шкуры или кожи (рис. 14.3–14.4).

Рис. 14 / Fig. 14. Металлическое шило из погребения 5: 1 – вид шила; 2-4 – микрофото поверхности шила / Metal awl from burial 5: 1 – view of the awl; 2-4 – microphoto of the awl surface

Источник: фото авторов

Шило наименее информативно из числа металлических находок погребения. Культурно и хронологически диагностирующими в рамках эпохи бронзы подобные изделия не являются.

3. *Металлические подвески.* Одна из подвесок целая, диаметром 0,9 см с раскованными концами, изготовлена из плоского прутка шириной 0,15 см. Другая подвеска, диаметром 0,8 см, представлена желобчатым фрагментом (рис. 12.2). По видимому, оба кольца были круглые, диаметром 1–1,5 см, пластинчатые в сечении, желобчато раскованные к концам. Целое кольцо свёрнуто в 3,5 оборота, что позволяет относить его к многовитковым спиральям. Украшения данного типа с учётом их размеров характерны для первой фазы металлопроизводства эпохи средней бронзы [6; 10] и крайне редко сочетаются с типичным металлом второй фазы, маркируя в таких случаях обычно комплексы переходной стадии. Обе находки сделаны из меди либо медного сплава (аналитически не установлено по причине сплошной коррозии металла), но точно не из серебра (судя по патине и слою фрагментированного экземпляра), тенденция замещения которого бронзой нарастает именно во время перехода к второй фазе среднего бронзового века [9].

Рентгено-флуоресцентный анализ металла ножа и шила, проведённый на приборе Bruker M1 MISTRAL в отделе архе-

ологических памятников ГИМ (аналитик А. О. Шевцов), выявил в обоих случаях медь со следами мышьяка. Такой химический состав обычен для орудийного инвентаря эпохи бронзы юго-востока Русской равнины. В лесостепном Подонье находки с аналитически определённым составом металла относятся, в основном, к более позднему времени среднедонской катакомбной культуры [10, табл. 4]. Если сравнивать полученные данные на широком культурном, географическом и хронологическом фоне, выясняется, что следы мышьяка в меди – это особенность периферийных районов позднеямной и катакомбной культурных общностей. Речь идёт о территориях, значительно удалённых от потенциальных источников металлургического сырья эпохи средней бронзы на Кавказе (при малой вероятности других), тогда как для археологического металла сопредельных с ним районов характерно стабильное присутствие заметных лигатур и даже их превышение с точки зрения оптимальных кузнечных свойств медно-мышьяковых сплавов [11, с. 114–124].

Морфология металлических предметов, а именно ножа и целиком сохранившегося височного кольца, позволяет ограничить время совершения погребения 5 концом первой – началом второй фазы металлопроизводства раннего этапа эпохи средней бронзы. В общей пе-

Таблица 1 / Table 1

Результаты рентгено-флуоресцентного анализа металла из погребений кургана 1 могильника 2 у с. Гаврильские Сады / Results of X-ray fluorescence analysis of metal from the burials of mound 1 of burial mound 2 near the village of Gavrilsky Sady

№ п/п	Паспорт	Предмет	Cu	Sn	Ag	Sb	As	Fe	Ni
1	Погребение 5	Нож	99,37		0,02		0,58		0,03
2	Погребение 5	Шило	99,66		0,18		0,13		
3	Погребение 2	Стрекало «большое»	99,30	0,04	0,02	0,02		0,60	0,02
4	Погребение 2	Стрекало «малое»	99,42					0,55	0,02

Источник: составлено по данным А. О. Шевцова

риодизации памятников юга Восточной Европы этот хронологический отрезок соответствует позднейшим ямным и не самым ранним катакомбным памятникам, которые на шкале абсолютной хронологии в свете накопленного массива калиброванных радиоуглеродных дат вписываются в рамки второй четверти III тыс. до н. э.

По характерным обрядовым признакам и металлическому инвентарю погребение 5 относится к группе ямно-катакомбных памятников лесостепного Подонья.

Заключение

Стратиграфические признаки дают основание следующим образом реконструировать последовательность возведения кургана. Первичная насыпь была создана для парного ямно-катакомбного погребения 5. Насыпь имела примерный диаметр 26–27 м при высоте 0,5–0,8 м. Следующим по времени погребением, впущенным в первичную насыпь, являлось погребение 3 катакомбной культуры, совершённое без досыпки, с умершим, ориентированным головой в южную половину круга. После впуска погребения 3 следует впуск погребения 4 с досыпкой кургана на юго-востоке. Погребённый при этом был ориентирован головой в северную половину круга. Захоронение 2 совершается примерно в 3,5 м к северо-западу от первичной насыпи с досыпкой, после которой курган приобретает овальную форму. Завершающим было погребение 1 срубной культуры, впущенное в центральную часть насыпи кургана.

Ввиду отсутствия данных радиоуглеродного анализа охарактеризованных выше комплексов кургана для определения их места в периодизации культур эпохи бронзы Восточной Европы целесообразно привести некоторые аналогии из числа памятников Среднего Подонья, для которых такие датировки имеются.

Погребение 2, без сомнения, отно-

сящееся к кругу колесничных культур, обнаруживает параллели в материалах кургана 4 курганной группы 1 у с. Рождествено (Лискинский район Воронежской обл.), расположенного в 100 км к ССЗ. Синхронизировать комплексы позволяют большие размеры могильных ям с использованием дерева, их ССВ ориентировка, наличие металлических стрекал [12, с. 56–73]. Даты погребения 1 из Рождествено, полученные в 3 разных лабораториях (в т. ч. методом AMS), после калибровки указывают на период 1935–1775 гг. до н. э. [13, с. 262–272]. Если проводить аналогии по костяной бляшке в материалах блока колесничных культур, то сошлёмся на схожее изделие в инвентаре погребения 3 Второго Липецкого кургана [14, рис. 64.1] с абсолютными датировками в пределах 22–21 вв. до н. э. [15, с. 53–54]. С учётом этих и других С-14 данных по покровским и доно-волжским абашевским памятникам, погребение 2 можно датировать концом III – началом II тыс. до н. э.

В отношении основного погребения 5 ямно-катакомбного времени и впускных катакомбных погребений 3–4 показательным является расположенный в 22 км к СЗ курган 1 у хут. Крицкий. Основным погребением в кургане была Т-образная катакомба, в камере которой при скорченном на спине индивиде с южной ориентировкой обнаружены бронзовая круглая подвеска в 2,5 оборота с раскованными лопастями на концах, бронзовая дуговидная пронизь пружинного типа и ствол костяной флейты. По кости человека из погребения получена радиоуглеродная дата 2880–2620 cal BC с вероятностью 95,4% (Ki-19105). Сопоставимый возраст показало датирование основного погребения в кургане Золотой с височным кольцом того же типа, но полуторавитковой схемы, и идентичной пружинной пронизью [16, с. 164–166], представляющей крайне редкую и, по видимому, хронологически маркерную разновидность этих украшений.

Примечательно, что в том же кургане 1 у хут. Крицкий одно из двух впускных, близких по времени погребений в Н-катакомбах, имеет дату 2861–2472 cal BC с вероятностью 95,4% (K1-19105) [17, с. 64–76], ближе стоящую к следующему хронологическому горизонту, связанному с памятниками среднедонской катакомбной культуры. К её развитому этапу в кургане 1 могильнике 2 у с. Гав-

рильские Сады относятся погребения 3 и 4. Форма и особенности орнаментации сосудов, из которых сделаны жаровни этих погребений, находят массовые аналогии в лесостепном Подонье. Памятники с подобной керамикой, датированные методом радиоуглеродного анализа, позволяют оценивать время их существования в диапазоне 26–24 вв. до н. э. [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Комплекс эпохи бронзы из курганной группы Рассвет на Среднем Дону / А. М. Скоробогатов, В. В. Килейников, Ю. А. Чекменев, Е. Ю. Яниш // Этнокультурные процессы древности и средневековья в Восточной Европе по данным археологии: мат-лы конф. Воронеж: ВГПУ, 2020. С. 101–116.
2. Березуцкий В. Д. Курганы начала поздней бронзы на Среднем Дону (курганные могильники покровского типа у поселка Дубрава, сел Белогорье, Лосево, Михайловка). Воронеж: Научная книга, 2023. 132 с.
3. Долина Дона: природа и ландшафты / Ф. Н. Мильков, А. Г. Курдов, В. В. Протопопов и др. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1982. 159 с.
4. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Издательство ВГУ, 1983. 192 с.
5. Отрошенко В. В., Черных Л. А. Стрекала как орудия труда и атрибуты власти // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. Ростов-на-Дону: РГУ, 1998. С. 59–61.
6. Гак Е. И., Калмыков А. А. Ямно-новотиторское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. С. 104–119.
7. Гак Е. И., Луньков В. Ю. Металлы и сплавы переходного периода от средней к поздней бронзе в культурном пространстве юга Восточной Европы // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. М.: ИА РАН, 2023. С. 193–209.
8. Березуцкий В. Д., Килейников В. В. Уникальная находка в погребении среднедонской катакомбной культуры в Правобережье Среднего Дона // Труды ВОКМ. Вып. 3. Воронеж: Печатный двор, 2019. С. 67–71.
9. Гак Е. И. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): Круглый стол. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 74–79.
10. Гак Е. И. Две фазы развития в металлопроизводстве раннего этапа средней бронзы Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. II. СПб., 2019. С. 146–148.
11. Равич И. Г., Рындина Н. В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь-мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. 1984. № 9. С. 114–124.
12. Новые комплексы неординарных погребений доно-волжской абашевской культуры / А. М. Скоробогатов, С. Б. Боруцкая, В. В. Килейников, А. Н. Усачук // Археология евразийской лесостепи-степи: сб. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 56–73.
13. Радиоуглеродное датирование парных образцов из могильника Рождествено: результаты анализа и обсуждение / Н. И. Шишлина, А. М. Скоробогатов, Э. Кайзер, А. Н. Усачук // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 262–272.
14. Голотвин А. Н. и др. Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк, Воронеж, 2016. 160 с.

15. Шишлина Н. И., Фернандес Р. Радиоуглеродное датирование парных образцов из захоронений кургана 2 Липецкого могильника // Голотвин А. Н. и др. Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Липецк, Воронеж, 2016. С. 53–54.
16. Мимоход Р. А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.: Таус, 2009. 292 с.
17. Березуцкий В. Д., Килейников В. В., Чендев Ю. Г. Курган ямно-катакомбного времени в Побитюжье // История: факты и символы. Вып. 2. 2017. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 64–76.
18. Гак Е. И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. М.: ГИМ, 2019. 172 с.

REFERENCES

1. Skorobogatov, A. M., Kileinikov, V. V., Chekmenev, Yu. A. & Yanish, E. Yu. (2020). The complex of the Bronze Age from the Dawn mound group on the Middle Don. In: *Ethnocultural processes of antiquity and the Middle Ages in Eastern Europe according to archeology*. Voronezh: VSPU Publ., 101–116 (in Russ.).
2. Berezutsky, V. D. (2023). *Kurgan began the Late Bronze Age on the Middle Don (burial mounds of the Pokrovsky type near the village of Dubrava, the villages of Belogorye, Losevo, Mikhailovka)*. Voronezh: Nauchnaya Kniga Publ. (in Russ.).
3. Milkov, F. N., Kurdov, A. G., Protopopov, V. V., et al. (1982). *Don Valley: Nature and Landscapes*. Voronezh: Center.-Chernozem. Prince Publ. (in Russ.).
4. Sinyuk, A. T. (1983). *Mounds of the Bronze Age of the Middle Don (Pavlovsky burial ground)*. Voronezh: VSU Publ. (in Russ.).
5. Otroshchenko, V. V. & Chernykh, L. A. (1998). Strelak as tools and attributes of power. In: *Problems of archeology in Southeast Europe*. Rostov-on-Don: RSU Publ., 59–61 (in Russ.).
6. Gak, E. I. & Kalmykov, A. A. (2009). Yamno-Novotitorov heritage in the metal production of catacomb cultures in the central and eastern parts of the steppe Ciscaucasia. In: *Problems of studying cultures of the early Bronze Age of the steppe zone of Eastern Europe*. Orenburg: OGPU Publ., 104–119 (in Russ.).
7. Gak, E. I. & Lunkov, V. Yu. (2023). Metals and alloys of the transition period from medium to late bronze in the cultural space of southern Eastern Europe. In: *Eneolite and the Bronze Age of the Circum-pontian region*. Moscow: IA RAS Publ., 193–209 (in Russ.).
8. Berezutsky, V. D. & Kileinikov, V. V. (2019). A unique find in the burial of the Middle Don catacomb culture in the Right Bank of the Middle Don. In: *Proceedings of VOKM. Iss. 3*. Voronezh: Printing yard, 67–71 (in Russ.).
9. Gak, E. I. (2016). Stages of transformations in metal production of the Middle Bronze Age on the territory of the steppe Ciscaucasia and the southeast of the Russian Plain. In: *External and internal connections of steppe (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (V-II millennium BC)*. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., 74–79 (in Russ.).
10. Gak, E. I. (2019). Two phases of development in metal production of the early stage of the Middle Bronze Ciscaucasia and the southeast of the Russian Plain. In: *Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of ties and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts)*. T. II. St. Petersburg, 146–148 (in Russ.).
11. Ravich, I. G. & Ryndina, N. V. (1984). Study of the properties and microstructure of copper-arsenic alloys in connection with their use in antiquity. In: *Artistic heritage*, 9, 114–124 (in Russ.).
12. Skorobogatov, A. M., Borutskaya, S. B., Kileinikov, V. V. & Usachuk, A. N. (2016). New complexes of extraordinary burials of the Don-Volga Abashev culture. In: *Archeology of the Eurasian forest-steppe: a collection of scientific articles*. Voronezh: VSU Publ., 56–73 (in Russ.).
13. Shishlin, N. I., Skorobogatov, A. M., Kaiser, E. & Usachuk, A. N. (2015). Radiocarbon dating of paired samples from the Rozhdestveno burial ground: analysis results and discussion. In: *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17-3, 262–272 (in Russ.).
14. Golotvin, A. N., et al. (2016). *Lipetsk mound – a monument of the elite of the Don-Volga Abashev culture*. Lipetsk, Voronezh (in Russ.).
15. Shishlina, N. I. & Fernandez, R. (2016). Radiocarbon dating of paired samples from the burials of mound 2 of the Lipetsk burial ground. In: Golotvin, A. N., et al. *Lipetsk mound – a monument to the elite of the Don-Volga Abashev culture*. Lipetsk, Voronezh, 53–54 (in Russ.).

16. Mimokhod, R. A. (2009). *Mounds of the Bronze Age – Early Iron Age in the Saratov Volga Region: characteristics and cultural and chronological attribution of complexes*. Moscow: Taus Publ. (in Russ.).
17. Berezutsky, V. D., Kileynikov, V. V. & Chendeв, Yu. G. (2017). Mound of pit-catacomb time in Pobityuzhye. In: *History: facts and symbols. Iss. 2. Yelets: YSU named after I. A. Bunin Publ.*, 64–76 (in Russ.).
18. Gak, E. I. (2019). *Rykan-3. Settlement of pastoralists of the III millennium BCE in the forest-steppe Poodonye*. Moscow: GIM Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Березуцкий Валерий Дмитриевич (г. Воронеж) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета;
e-mail: berezytski1@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-8336-6283

Гак Евгений Игоревич (г. Москва) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея;
e-mail: e.i.gak@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9889-449X

Килейников Виктор Викторович (г. Воронеж) – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета;
e-mail: kileynik@rambler.ru; ORCID: 0009-0004-0385-1430

Скоробогатов Андрей Михайлович (г. Санкт-Петербург, г. Воронеж) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук;
e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1960-9855

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery D. Berezutsky (Voronezh) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University;
e-mail: berezytski1@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-8336-6283

Yevgeny I. Gak (Moscow) – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, The State Historical Museum; Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: e.i.gak@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9889-449X

Viktor V. Kileynikov (Voronezh) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Voronezh State Pedagogical University;
e-mail: kileynik@rambler.ru; ORCID: 0009-0004-0385-1430

Andrei M. Skorobogatov (St. Petersburg, Voronezh) – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Science;
e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1960-9855

Научная статья

УДК 902.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-48-63

УНИКАЛЬНЫЙ КУРГАН У ЛИМАНА БОЛЬШОЙ АДЖАЛЫК НА ОДЕСЧИНЕ

Субботин Л. В.¹, Яровой Е. В.²

¹ Одесский археологический музей

г. Одесса, Украина

² Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: jar.evgenij@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.09.2025

После доработки 17.10.2025

Принята к публикации 29.10.2025

Аннотация

Цель. Ввести в научный оборот уникальный курганный памятник, исследованный в 1988 г. в верховьях лимана Большой Аджалык, на юге Одесской области Украины. В результате раскопок в кургане был открыт культовый комплекс, не имеющий прямых аналогий на данной территории.

Процедура и методы. В статье подробно описываются конструкция кургана и 17 погребений различных исторических эпох, обнаруженных в его насыпи. Проведён сравнительно-типологический анализ курганного сооружения, дана его историческая и культурная атрибуция.

Результаты. Анализ стратиграфии, а также строительных и погребальных комплексов показал отсутствие в данном кургане основного захоронения, что свидетельствует о его культовом назначении. Скорее всего, он был связан с проведением различных ритуальных акций. Показательно, что все обнаруженные погребения различных культур были впущены в окончательно готовую насыпь и наиболее ранними среди них оказались захоронения ямной культуры. В связи с этим можно предположить, что указанный строительный комплекс был сооружён в энеолитическую эпоху.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данный курган является уникальным в Северо-Западном Причерноморье и не имеет прямых аналогий. Вместе с тем в данном регионе отмечено несколько древнейших курганных сооружений, представляющих собой своеобразные святилища энеолитического времени. Выделение этой группы подкурганных сооружений позволяет осветить религиозные представления древнейшего скотоводческого населения Пруто-Днестровского междуречья.

Ключевые слова: курган, святилище, погребение, каменные конструкции

Для цитирования:

Субботин Л. В., Яровой Е. В. Уникальный курган у лимана Большой Аджалык на Одесчине // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 48–63.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-48-63

Original research article

UNIQUE MOUND AT THE ESTUARY OF THE BOLSHOY ADZHLYK IN ODESSA

L. Subbotin¹, E. Yarovoy²

¹ Odessa Archaeological Museum
Odessa, Ukraine

² Federal State University of Education
Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Received 27.09.2025

Revised 17.10.2025

Accepted 29.10.2025

Abstract

Aim. To introduce into scientific circulation a unique burial mound, explored in 1988 in the upper reaches of the Bolshoy Adzhlyk estuary, in the south of the Odessa region of Ukraine. As a result of excavations in the mound, a cult complex was discovered that has no direct analogues in the given territory.

Methodology. The article describes in detail the design of the mound and 17 burials of different historical epochs, discovered in its embankment. A comparative analysis of the mound structure was carried out, and its historical and cultural attribution was given.

Results. The analysis of stratigraphy, as well as construction and burial complexes, showed that there was no main burial in this mound. This indicates that it had a religious purpose. Most likely, it was associated with various ritual activities. It is significant that all the discovered burials from different cultures were incorporated into the final mound, and the earliest of these were from the Yamnaya culture. Therefore, it can be assumed that this construction complex was built during the Chalcolithic era.

Research implications. This mound is unique in the North-Western Black Sea region and has no direct analogues. However, there are several ancient mounds in this region that serve as Chalcolithic sanctuaries. The allocation of this group of sub-kurgan structures allows us to illuminate the religious beliefs of the ancient pastoral population in the Prut-Dniester interfluvium.

Keywords: kurgan, sanctuary, burial, stone structures

For citation:

Subbotin, L. V. & Yarovoy, E. V. (2026). Unique mound at the estuary of the Bolshoy Adzhlyk in Odessa. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 48–63.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-48-63

Введение

В 1988 г. на основании приказа по Институту археологии АН УССР была создана комплексная Дунай-Днестровская новостроечная археологическая экспедиция (ДДЭ), которую возглавил кандидат исторических наук Л. В. Субботин. Её основной целью было продолжение охранных полевых работ в зоне мелиорации

новостроек Одесской области в соответствии в плановой темой «Культурно-хронологическая классификация археологических памятников, исследованных в зонах новостроек Северо-Западного Причерноморья».

Основные раскопки в экспедиции проводились тремя отрядами, один из которых – Любашевский, под руковод-

ством М. М. Фокеева, провёл исследование одиночного кургана у северной оконечности лимана Большой Аджалык, в зоне проектируемого орошения земель сточными водами Одесского припортового завода [1, с. 2–3]. Курган находился в 3 км от верховья лимана Большой Аджалык и с. Свердлово Коминтерновского района Одесской области, в 6 км к северо-востоку от Одессы, в 1,5 км к северо-северо-востоку от шоссе Одесса-Вознесенск (рис. 1). Курганная насыпь вытянутой овальной формы была ориентирована по линии запад-восток. Её поверхность была изрыта окопами и ямами блиндажей времён Великой Отечественной войны. В результате курганная поверхность оказалась бугристой и сильно деформирован-

ной. На ней встречалось множество вывернутых при перекопах известняковых камней различных размеров без следов обработки. В центре на вершине насыпи был установлен триангуляционный знак, под который для столба-репера была вырыта яма диаметром до 2 м и глубиной до 3 м.

Курган исследован при помощи 6 параллельных бровок, ориентированных по линии север-юг. Его высота от погребённой почвы – 2,4 м, от материка – 2,7 м, длина – 42 м, наибольшая ширина – 32 м (рис. 2).

В результате раскопок в кургане было обнаружено 17 впускных погребений*.

Погребение 1 (культуры многоваликовой керамики) – обнаружено в юго-

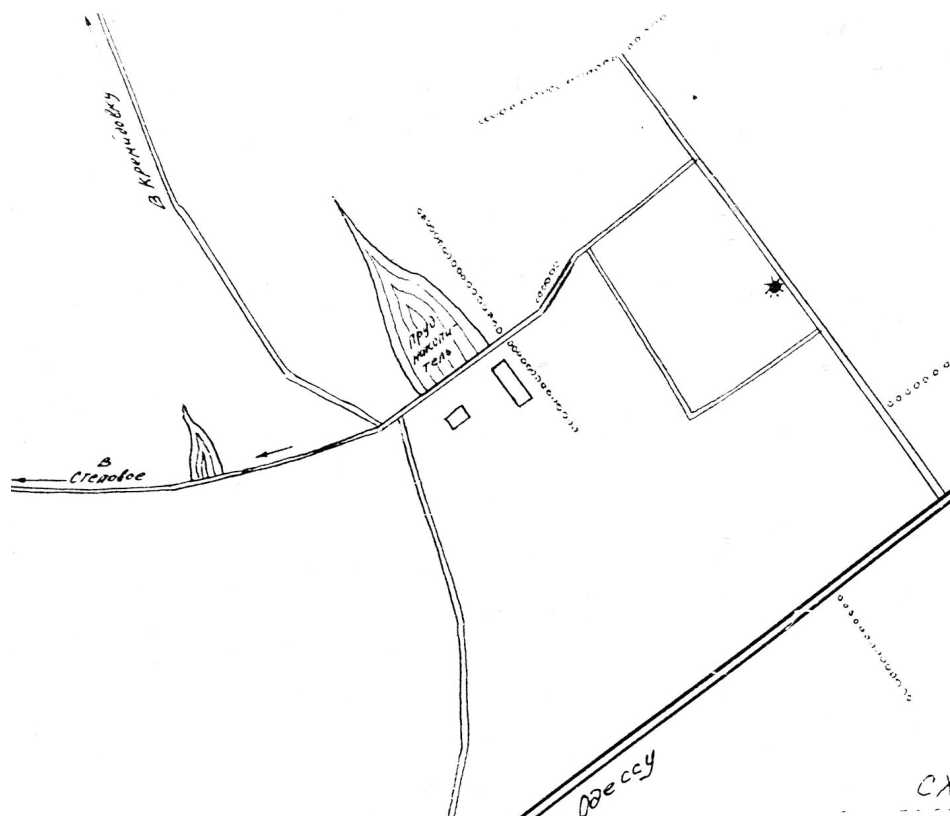

Рис. 1 / Fig. 1. Расположение кургана у с. Большой Аджалык / Location of the burial mound near the village of Bolshoy Adzhalyk¹

Источник: [1].

* все рисунки даны в авторском исполнении М. М. Фокеева.

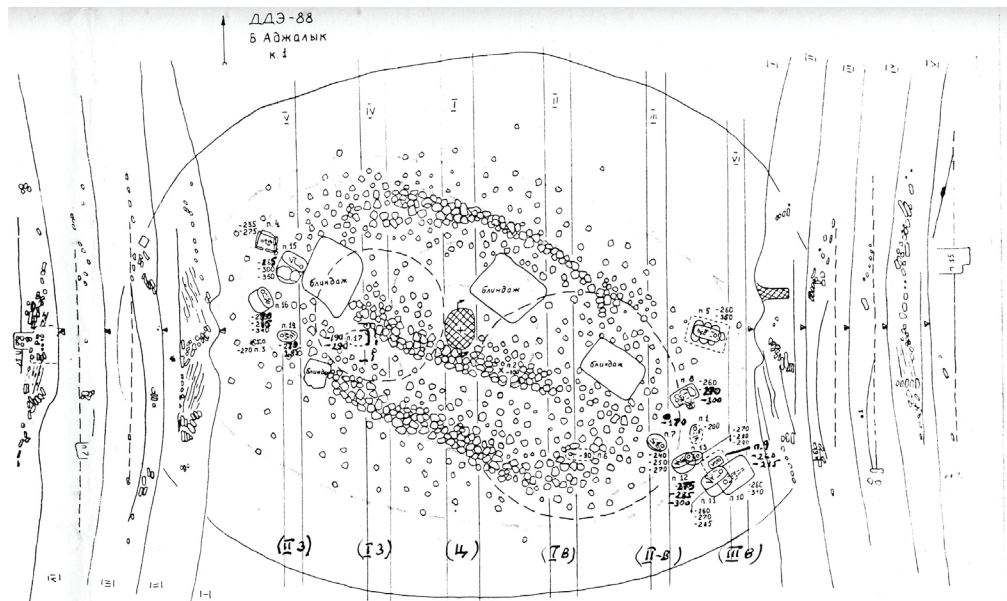

Рис. 2 / Fig. 2. План кургана у с. Большой Аджалык (по М. М. Фокееву) / The plan of the mound near the village of Bolshoy Ajalyk (according to M. M. Fokeev)

Источник: [1].

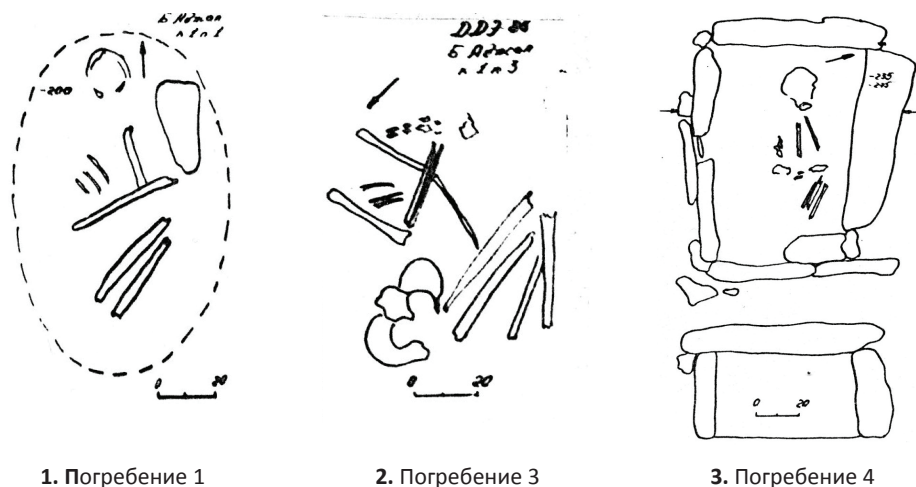
восточном секторе кургана, в 15 м от репера, на глубине 2 м от нуля. Костяк взрослого человека плохой сохранности лежал скорченно на левом боку, головой на север. От рук сохранилась правая плечевая кость, лежавшая у груди. Ноги резко согнуты, подтянуты к грудной клетке. В 0,1 м от лицевой части черепа погребённого, на дне лежал плоский камень без следов обработки (рис. 3.1).

Погребение 2 (неопределённое) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 2 м от репера, на глубине 1 м от нуля. В насыпи были обнаружены обломки разрозненных, но компактно лежавших костей взрослого человека, предположительного лежавшего скорченно на боку. Однако плохая сохранность скелета не позволила чётко зафиксировать его позу.

Погребение 3 (культуры многоваликовой керамики) – обнаружено в западной части кургана, на расстоянии 11,5 м от репера, на глубине 2,7 м от нуля. Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, верхней частью на восток.

Череп отсутствовал. Левая рука слегка согнута, лежала вдоль тела, кистью под бедренными костями; правая – согнута под прямым углом, лучевыми костями уложена на локоть левой руки, кистью направлена к левому плечу; ноги резко согнуты (рис. 3.2). На дне отмечен коричневый тлен от растительной подстилки. У левой кисти лежал крестец мелкого рога-того скота.

Погребение 4 (ямное?) – обнаружено в каменном ящике в северо-западном секторе кургана, на расстоянии 12 м от репера, на глубине 2,35 м от нуля. Каменный ящик прямоугольно-трапециевидной формы длиной и шириной во внутренней части 1×0,7 м, был ориентирован по линии ЮЮВ–ЗСЗ. Его перекрывала каменная плита длиной 1,2 м, шириной – 0,9 м и толщиной – до 0,15 м, также ориентированная по линии ЮЮВ–ЗСЗ. Северная и западная стенки ящика состояли из целых плит известняка размерами 0,85×0,4×0,23 м и 0,8×0,4×0,13 м. Южная и восточная стенки были составлены из каждой из 2 плит размерами 0,4×0,4×0,1

1. Погребение 1

2. Погребение 3

3. Погребение 4

Рис. 3 / Fig. 3. Курган у с. Большой Аджалык: Погребения 1, 3, 4 / Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. Burials 1, 3, 4

Источник: [1]

и 0,5×0,4×0,07 м. Стыки двойных плит и углы ящика были укреплены забутовкой из более мелких камней известняка и замазаны сероватой глиной. Точно такой же глиной были замазаны пазы между верхней частью ящика и плитой перекрытия.

Костяк ребёнка плохой сохранности лежал скорченно на левом боку, головой на ЗСЗ, лицевой частью черепа на ССВ. Сохранились лишь плечевые кости, лежавшие вдоль позвоночного столба. Ноги резко согнуты, повернуты коленями влево (рис. 3.3).

Погребение 5 (ямное) – обнаружено в восточной части кургана, на расстоянии 11 м от репера, на глубине 2,6 м от нуля, на уровне уступа.

Яма с уступом. Уступ прямоугольной формы с закругленными углами длиной 2,4 м, шириной – 1,8 м и отмеченной глубиной 0,05–0,1 м, ориентирован по линии ВЮВ. Погребальная камера прямоугольной формы с сильно закругленными углами длиной 1,65 м, шириной – 0,75 м и глубиной от уступа – 1 м, ориентирована по линии ВЮВ. На уровне уступа яма имела перекрытие, состоящее из 4 крупных каменных плит, уложенных поперек по линии ЮЮЗ–ССВ. Ещё одна небольшая

плита размерами 0,55×0,3×0,1 м лежала в центре в южной части перекрытия, перекрывая щель между двумя центральными плитами. Размеры плит (с запада на восток): 1,5×0,6×0,15, 1,35×0,65×0,15, 1,15×0,55×0,15 и 0,6×0,6×0,1 м (рис. 4.1).

Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении на спине, головой на ВЮВ, лицевой частью вверх. Руки прямые, лежали вдоль тела. Левые лучевые кости не сохранились. Ноги слабо согнуты, остались в первоначальном положении – коленями вверх (рис. 4.2).

На дне ямы сохранился коричневый тлен от растительной подстилки.

Погребение 6 (позднекочевническое) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в бровке ПВ, на глубине 0,9 м от нуля.

Костяк взрослого человека сохранился фрагментарно (был снесён бульдозером, и осталась лишь его верхняя часть – череп и ключица). Судя по хорошей сохранности черепа, он лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицевой частью вверх. У его правого виска обнаружен маловыразительный фрагмент лепного сосуда.

Погребение 7 (культуры многоваликовой керамики) – обнаружено в юго-

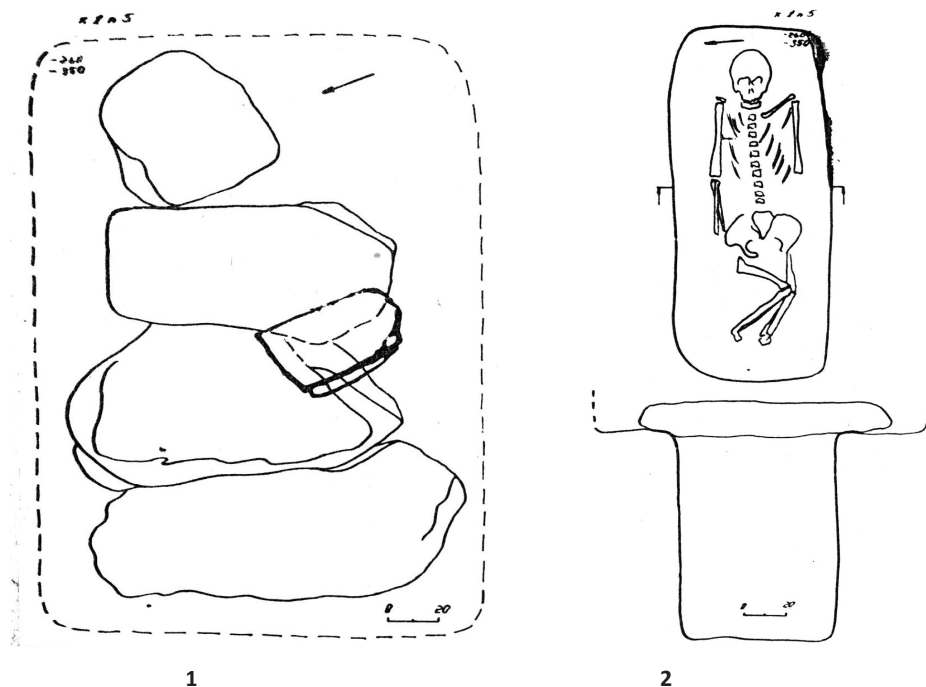

Рис. 4 / Fig. 4. Курган у с. Большой Аджалык. Погребение 5 / Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. Burial 5

Источник: [1]

восточном секторе кургана, в 13 м от репера, на глубине 2,4 м от нуля.

Яма с подбоем, овальной формы длиной – 1,2 м, шириной – 0,75 м и глубиной от входной ступеньки – 0,2 м, была ориентирована по линии юго-восток-северо-запад. В её северо-восточной части имелся подбой высотой до 0,4 м, а в юго-западной части ступенька длиной – 1,2 м и шириной – 0,15 м. Отмеченная высота входной ямы – 0,1 м.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток, лицевой часть на юго-запад. Руки резко согнуты, кистями положены у черепа. Ноги резко согнуты, пятками прижаты к тазу (рис. 5.1).

Находки: *сосуд* – стоял на лучевых костях левой руки, у груди погребённого. Представляет собой лепной горшок с округлым в верхней части туловом, выделенным горлом, небольшим отогнутым венчиком и широким дном. Внешняя поверхность пятнистого серого цвета, вну-

тренняя – равномерного темно-серого цвета. В тесте имеется примесь шамота. Высота сосуда – 11,5 см, диаметр венчика – 12,5 см, наибольший диаметр тулова – 14,5 см, диаметр дна – 9 см (рис. 5.2).

Погребение 8 (ямное) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, на глубине 2,6 м от нуля.

Яма прямоугольной формы с закругленными углами длиной 1,7 м, шириной – 1 м и отмеченной глубиной – 0,5 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В центре юго-восточной стенки к ней примыкал своеобразный тамбур квадратной формы с закругленными углами размерами 0,5×0,5 м и отмеченной глубиной 0,1 м. Его дно находилось в 0,3 м выше дна погребальной камеры. На её уровне погребение было перекрыто крупными плитами, а на дне тамбура, на глубине 2,7 м от нуля, находились небольшие камни. Учитывая, что каменное перекрытие находилось фактически на одном уровне, можно сделать вывод, что яма была засыпана

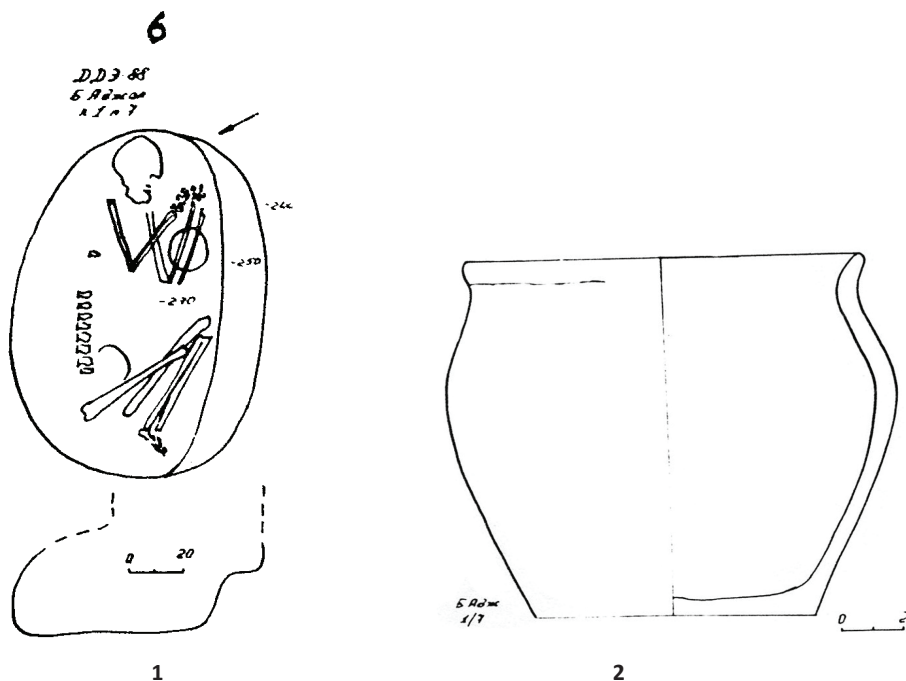

Рис. 5 / Fig. 5. Курган у с. Большой Аджалык. Погребение 7 / Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. Burial 7

Источник: [1]

во время погребального обряда и камни укладывались на засыпной грунт.

Костяк взрослого человека плохой сохранности лежал в скорченном положении на спине, головой на ЮЗ, лицевой частью вверх. Левая рука прямая, правая – чуть согнута, лежали вдоль тела. Ноги слабо согнуты, упали коленями вправо (рис. 6).

Справа от черепа находилось несколько мелких комочков фиолетовой охры. На дне отмечен глен коричнево-черного цвета от растительной подстилки со следами обмазки белой глиной.

Погребение 9 (ямное) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 16,5 м от репера, на глубине 2,6 м от нуля.

Яма прямоугольной формы с закругленными углами длиной 0,85 м, шириной – 0,5 м и отмеченной глубиной – 0,35 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Судя по плотности почвы вокруг неё, погребение имело уступ, зафиксировать который в грунте насыпи не удалось.

Костяк ребёнка очень плохой сохранности лежал в скорченном положении на спине, головой на СВ, лицевой частью вверх. Руки прямые, слегка разведены в стороны, лежали вдоль тела. Ноги слабо согнуты, распались ромбом. Правая нога не сохранилась (рис. 7.1).

Погребение 10 (катакомбное) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 17,4 м от репера, на глубине 2,6 м от нуля.

Яма представляла собой катакомбу правильной прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами длиной 2,1 м, шириной – 1,5 м и отмеченной глубиной – 0,5 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Сохранившиеся стенки позволяют считать, что её свод имел полуовальную в профиле форму высотой до 0,5 м. Заполнение состояло из сухого суглинка, перемешанного с материковой глиной.

Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ, лицевой частью вверх. Обе руки прямые, лежали вдоль тела (рис. 7.2).

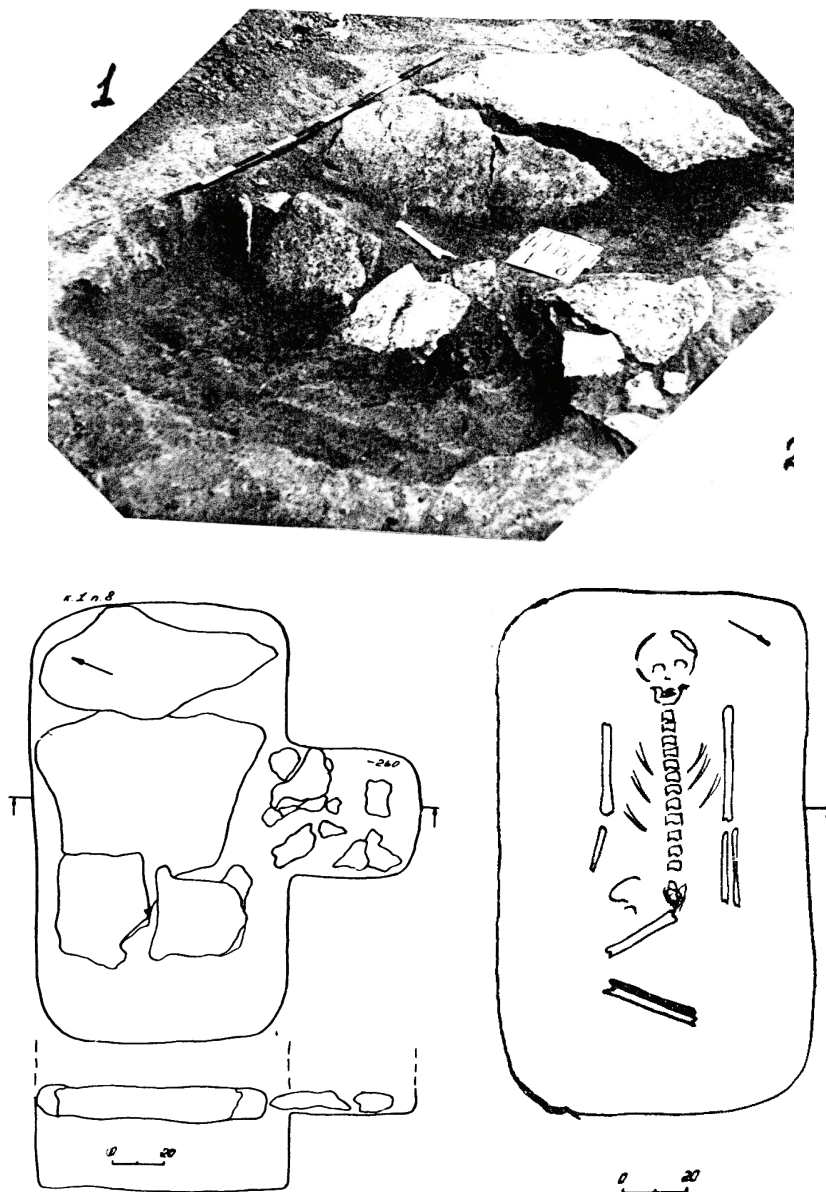

Рис. 6 / Fig. 6. Курган у с. Большой Аджалык. Погребение 8 / Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. Burial 8

Источник: [1]

На дне отмечен коричневым тлен от растительной подстилки.

Находки: невыразительный фрагмент лепного сосуда – обнаружен в заполнении у восточной стенки катакомбы.

Погребение 11 (культуры многова-
ликовой керамики) – обнаружено в юго-

восточном секторе кургана, в 17 м от репера, на глубине 2,6 м от нуля. Оно частично перекрывало уступ погребения 9 и верхней частью находилось над погребением 10.

Яма с подбоем, прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами дли-

ной – 1,5 м, шириной – 0,6 м и глубиной от входной ступеньки – 0,2 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В её северо-западной части имелся подбой прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами длиной – 1,55 м и шириной – 0,7 м, от которого в погребальную камеру вела наклонная ступенька. Судя по сохранившимся стенкам свод ямы имел полуовальную в профиле форму высотой до 0,4 м. Заполнение состояло из сухого суглинка, перемешанного с материковой глиной.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на СВ, лицевой частью на ЮЮЗ. От левой руки сохранилась плечевая кость, лежавшая вдоль тела. Правая рука согнута, кистью положена на бедренные кости. Ноги резко согнуты (рис. 7.3).

Погребение 12 (культуры многоваликовой керамики) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 15 м от репера, на глубине 2,75 м от нуля. Частично перерывало погребение 13.

Яма с подбоем, овальной формы длиной – 1,4 м, шириной – 1,1 м и глубиной от входной ступеньки – 0,15 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В её северо-западной части имелась входная яма прямоугольной формы с сильно закруглёнными

углами длиной – 1,4 м и шириной – 0,4 м, от которой в погребальную камеру вела наклонная ступенька. В заполнении верхней части входной ямы находились камни из курганной закладки.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку, головой на ВСВ, лицевой частью на юг. Руки резко согнуты, прижаты к груди, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги резко согнуты (рис. 8.1).

Находки: *сосуд* – стоял на лучевых костях погребённого. Представляет собой лепной приземистый горшок банковидной формы с округлым в верхней части туловом, выделенным горлом, небольшим отогнутым венчиком и широким дном с небольшой закраинкой. Внешняя поверхность пятнистого серо-коричневого цвета, внутренняя – равномерного тёмно-серого цвета. В тесте имеется примесь шамота. Высота сосуда – 10 см, диаметр венчика – 13,5 см, наибольший диаметр тулова – 13,5 см, диаметр дна – 10 см (рис. 8.2).

Погребение 13 (культуры многоваликовой керамики) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 15,5 м от репера, на глубине 2,7 м от нуля. Частично находилось под погребением 12.

1. Погребение 12

2. Сосуд из погребения 12

3. Погребение 13

Рис. 8 / Fig. 8. Курган у с. Большой Аджалык. Погребения 12, 13 // Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. Burials 12, 13

Источник: [1]

Яма с подбоем, неправильной овальной формы длиной – 1,1 м, шириной – 0,55 м и глубиной от входной ступеньки – 0,15 м, ориентирована по линии З–В. В её южной части имелась входная яма полуовальной формы длиной – 1,05 м и шириной до 0,2 м, от которой в погребальную камеру вела отвесная ступенька. В заполнении входной ямы и частично в подбое находились камни из курганной закладки.

Костяк взрослого человека плохой сохранности, возможно, частично разрушен погребением¹², лежал скорченно на левом боку, верхней частью на восток. Череп отсутствовал. Руки согнуты, лежали у груди, кистями направлены к черепу. Ноги резко согнуты, коленями прижаты к локтям (рис. 8.3).

Погребение 14 (культуры многовальной керамики) – обнаружено в западном секторе кургана, в 9,5 м от репера, на глубине 2,7 м от нуля.

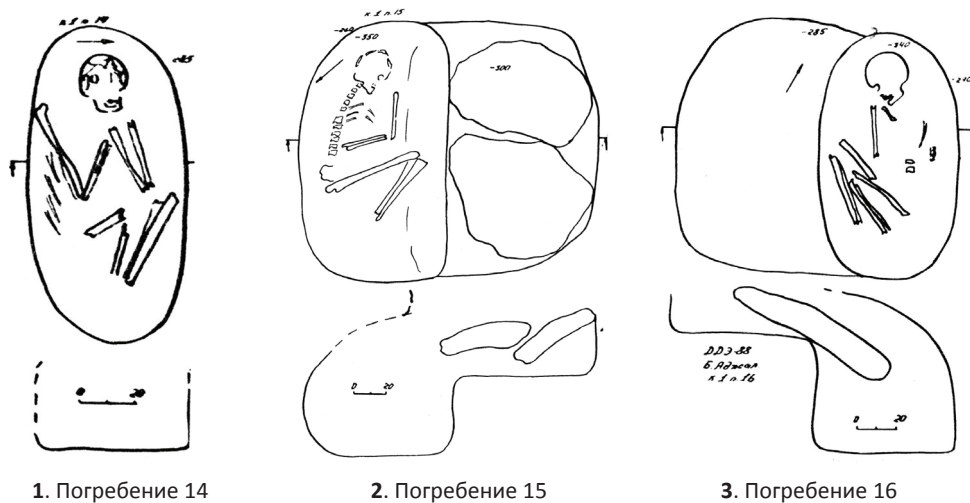
Яма овальной формы длиной – 1,1 м, шириной – 0,55 м и отмеченной глубиной – 0,15 м, ориентирована по линии З–В. Скорее всего, в северной части имела входную яму со ступенькой, которая не сохранилась. На это указывают северная

вертикальная стенка и незначительное сужение к вероятному своду остальных стенок.

Костяк взрослого человека лежал скорченно на левом боку с наклоном на спину, головой на запад. Руки резко согнуты, сложены на груди, кистями лежали у нижней челюсти. Ноги резко согнуты, коленями подтянуты к локтям (рис. 9.1).

Погребение 15 (культуры многовальной керамики) – обнаружено в бровке в северо-западном секторе кургана, на глубине 2,6 м от нуля.

Яма с подбоем, неправильной овальной формы длиной – 1,55 м, шириной – 0,9 м и глубиной от входной ступеньки – 0,5 м, ориентирована по линии ЮВ–СЗ. В её юго-западной части имелась входная яма неправильной прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами длиной до 1,55 м и шириной до 0,9 м, от которой в погребальную камеру вела вертикальная ступенька. Вход в погребальную камеру закрывал каменный заклад. Крупные камни без следов обработки размерами до 0,9×0,75×0,15 м лежали в заполнении в 0,1–0,3 м выше дна входной ямы. Они просели в погребение, ча-

1. Погребение 14

2. Погребение 15

3. Погребение 16

Рис. 9 / Fig. 9. Курган у с. Большой Аджалык. Погребения 14, 15, 16 // Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. Burials 14, 15, 16

Источник: [1]

стично разрушив свод подбоя. Судя по сохранившейся части северо-восточной стенки, свод имел полуовальную форму и достигал 0,9 м в высоту.

Костяк взрослого человека плохой сохранности лежал скорченно на левом боку, головой на юго-юго-восток, лицевой частью на запад-северо-запад. Левая рука резко согнута, лежала у груди, кистью у лицевой части черепа. От правой сохранились лишь лучевые кости, которые показали, что она была согнута под прямым углом и кистью положена на левый локоть. Ноги резко согнуты, коленями подтянуты к локтям (рис. 9.2).

На дне погребальной камеры у входной ступеньки лежал зуб овцы (?).

Погребение 16 (культуры многоваликовой керамики) – обнаружено в северо-западном секторе кургана, в 12 м от репера, на глубине 2,7 м от нуля.

Яма с подбоем, овальной формы длиной – 1,2 м, шириной – 0,7 м и глубиной от входной ступеньки – 0,55 м, ориентирована по линии ЮВ–СЗ. В её юго-западной части имелась входная яма неправильной прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами длиной до 1,55 м и шириной до 0,7 м, от которой в погребальную камеру вела вертикальная ступенька. Вход в погребальную камеру закрывала каменная плита размерами до 1,3×0,8×0,15 м, которая частично просела в погребальную камеру. Судя по сохранившимся стенкам, свод имел полуовальную форму и достигал 0,7 м в высоту.

Костяк взрослого человека плохой сохранности лежал скорченно на правом боку с наклоном на спину, головой на СЗ, лицевой частью на ЮВ. От рук сохранилась лишь правая плечевая кость, лежавшая у грудной клетки. Ноги резко согнуты, подтянуты к локтям (рис. 9.3).

Погребение 17 (ямное (?), разрушенное) – обнаружено в бровке в западной части кургана, в 5 м от репера.

В бровке удалось зафиксировать лишь часть ямы с уступом, впущенную с поверхности кургана. Глубина уступа –

1,9 м, глубина погребальной камеры – 1 м от уступа. Форму и размеры погребения установить не удалось. Однако в профиле было отмечено, что в заполнение ямы находилось множество камней без следов обработки, попавших в него из каменных конструкций с поверхности кургана.

Находки в насыпи кургана

Сосуд – обнаружен в юго-восточном секторе кургана, в 15 м от нуля. Сосуд лепной, приземистой баночной формы, широким толстым дном, округлым в верхней части туловом и вогнутым приостренным венчиком. Керамика хорошего обжига, её внешняя поверхность пятнистого серо-жёлтого цвета, внутренняя – равномерного тёмно-серого цвета. В тесте имеется примесь шамота. Высота сосуда 7,5 см, наибольший диаметр тулова – 12 см, диаметр венчика – 10,5 см, диаметр дна – 9 см (рис. 10).

Стратиграфия кургана и относительная хронология погребений

Сегодня, почти через 40 лет после проведённых раскопок, следует признать, что они были выполнены на недостаточно высоком научном уровне. Главной ошибкой стало расположение всех бровок поперёк курганного сооружения. В связи с этим основные выводы автора раскопок о стратиграфии данного курганного комплекса не получили однозначного подтверждения. В частности, по мнению М. М. Фокеева, в основу сооружения памятника легло существование здесь двух более ранних курганов небольших размеров, которые он якобы зафиксировал в бровках II и III (насыпь 1) и в бровке IV (насыпь 2).

По его мнению, обе насыпи были возведены из чистого чернозёма и не имели каких-либо примесей, а также связанных с ними погребений. Они отстояли друг от друга на 2,5 м и впоследствии после сооружения в этом промежутке небольшой купольно-конической «фигуры» из земли

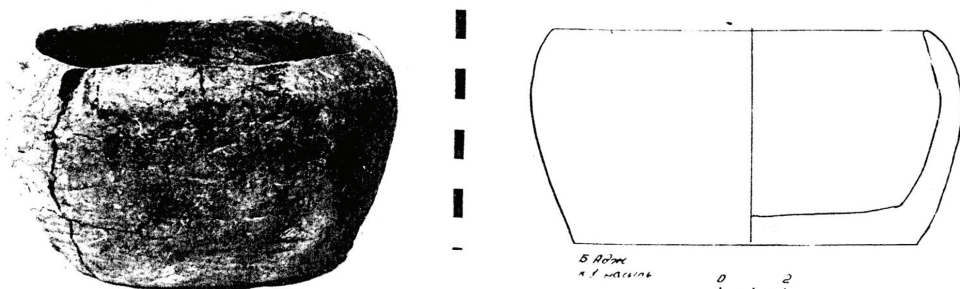

Рис. 10 / Fig. 10. Курган у с. Большой Аджалык. Сосуд из насыпи / Kurgan near Bolshoy Adzhalyk. A mound vessel

Источник: [1]

были перекрыты единой насыпью, которая образовала в плане овальную форму¹.

Первоначальная насыпь длиной 21 м, шириной – 14 м и высотой до 2 м, была ориентирована по линии СЗ–ЮВ, но затем последовавшие позже досыпки увеличили её размеры и изменили ориентировку на З–В, сохранив при этом овальную форму кургана [1, с. 22].

Предложенная М. М. Фокеевым стратиграфия в принципе вполне допустима, однако не выдерживает проверки полевой документацией. Достаточно лишь указать, что насыпь 2 была отмечена лишь в одной бровке, и поэтому предложенная её реконструкция в виде правильного круга никак не подтверждается. В свою очередь, насыпь 1 зафиксирована в двух бровках, но её нет в третьей (центральной), хотя по предложенному плану её пола должна была попасть в разрез. Во-вторых, вызывает сомнение само сооружение двух первоначальных насыпей без каких-либо погребальных конструкций. Не проясняют ситуацию ни приведённые в отчёте чертежи, ни многочисленные фотографии (рис. 2) [1].

Сразу же после раскопок Л. В. Субботин высказал иную точку зрения, предположив, что основой данного сооружения стало возведение упомянутой купольно-конической «фигуры» высотой до 1,7 м

и диаметром около 5 м. Затем она была досыпана ещё одной купольной насыпью, увеличившей высоту сооружения до 2 м и диаметр до 9–10 м. Только после этого были сделаны 2 последующие грунтовые досыпки, придавшие этому архитектурному комплексу форму овала. Поверхности обеих досыпок были покрыты панцирной обкладкой из камней, причём обкладка первой из них была более плотной, и её полы были укреплены мощной кладкой. Затем последовали ещё 2 грунтовые досыпки без использования камня, которые и довершили окончательное оформление памятника [1, с. 23–24, рис. 2].

Однако, спустя годы, после подробного обсуждения авторы пришли к выводу, что приведённая полевая документация объективно не доказывает и эти заключения. Сегодня можно лишь уверенно утверждать, что указанный памятник не был возведён одномоментно, и содержит ряд строительных горизонтов, которые достоверно реконструировать не представляется возможным. Как уже отмечалось, главным недостатком применённой методики является отсутствие продольных бровок по линии З–В. Исключительно поперечные бровки не позволили объективно доказать не только соотношение, но и само существование различных чернотёмных насыпей и иных конструктивных особенностей курганов. Судя по зафиксированным профилям, можно лишь

¹ Фокеев М. М. Полевой дневник Любашевского отряда ДДЭ. С. 22.

с уверенность говорить, что грунт для насыпи выбирался из лунообразного котлована вокруг центральной купольной «фигуры», причём её наибольшая удалённость (до 10 м) отмечена с восточной стороны. Именно этим и объясняется отсутствие погребённой почвы в профилях бровок II и III и по краям центральной бровки (рис. 2) [1, рис. 2].

Заключение

Подведём итоги.

Курган 1 Большой Аджалык представлял собой овальную в плане насыпь, покрытую каменным панцирем. Её длинные края были обложены мощным каменным закладом в виде наклонённой к вершине стенки из плашмя положенных плит. Ширина основания стенки достигала 1,5 м, высота – до 1,2 м. Высота насыпи достигала 2 м, длина – 21 м, ширина – до 14 м (рис. 11).

Показательно, что под каменным панцирем не было обнаружено ни одного захоронения. Несмотря на то, что к моменту раскопок насыпь была сильно изрезана различными позднейшими перекопами (включая и сооружения времён ВОВ), говорить о том, что основное (или основные) погребение было ими разрушено оснований нет, т. к. ни одно из них не было прокопано даже до уровня древней погребённой почвы. Так что, если в процессе самих раскопок центральное погребение не было случайно пропущено, то его просто не существовало. В пользу этого свидетельствует и то, что на уровне материка не было обнаружено ни одного ямного пятна.

В связи с этим можно предположить, что данный курган создавался не для захоронения, а как сложный ритуальный комплекс. Так как все отмеченные в каменной конструкции погребения оказались впускными, наглядна их относительная хронология. Самыми ранними оказались 3 погребения ямной культуры, которые находились на одной глубине в восточной поле сооружения. Показатель-

на их широтная ориентировка, характерная для основных погребений ямной культуры. Два из них (погребение 5 под каменной закладкой и детское погребение 9) были ориентированы в восточном полукруге, а одно (погребение 8 с каменным перекрытием) – на юго-запад. Если рассматривать их как основные захоронения, то 2 из них с восточной ориентировкой относятся к древнейшему этапу данной культуры, а 1 – собственно к ямным памятникам [2, с. 20–22]. Вероятно, близким по хронологии к этой группе является и погребение 4 ребёнка в каменном ящике, обнаруженное в западной части кургана. Но поскольку оно является безинвентарным, его культурное определение требует уточнения и в данном случае дано предварительно.

Следующим в насыпь сооружения было впущено катакомбное захоронение 10, а затем группа из 9 погребений КМК (1, 3, 7, 11–16). Лишь в захоронении 1 не удалось зафиксировать яму. Остальные погребения КМК находились в ямах с подбоями. Последние близки погребениям типа II в подбойных ямах, описанных Е. Саввой, а керамику можно отнести по его классификации к типу VII [3, с. 22, 36, 154, рис. 1–2]. Следует отметить, что погребения КМК с подбоями характерны не только для Пруто-Днестровского междуречья, но также и для Побужья, Нижнего Поднепровья и Приазовья [3; 4; 5; 6, с. 63; 7, с. 5–13; 8, с. 72]. Скорее всего, к этой же культуре относится и лепная чашечка из юго-восточной части курганной насыпи. Самым поздним в данном комплексе является разрушенное позднекочевническое захоронение 6.

Тот факт, что все отмеченные погребения были впущены в насыпь уже готового кургана, позволяет считать его уникальным культовым сооружением и отнести его возведение к более раннему возрасту. В настоящее время известна серия так называемых подкурганых энеолитических святилищ, которые характеризуются столбовыми конструкциями

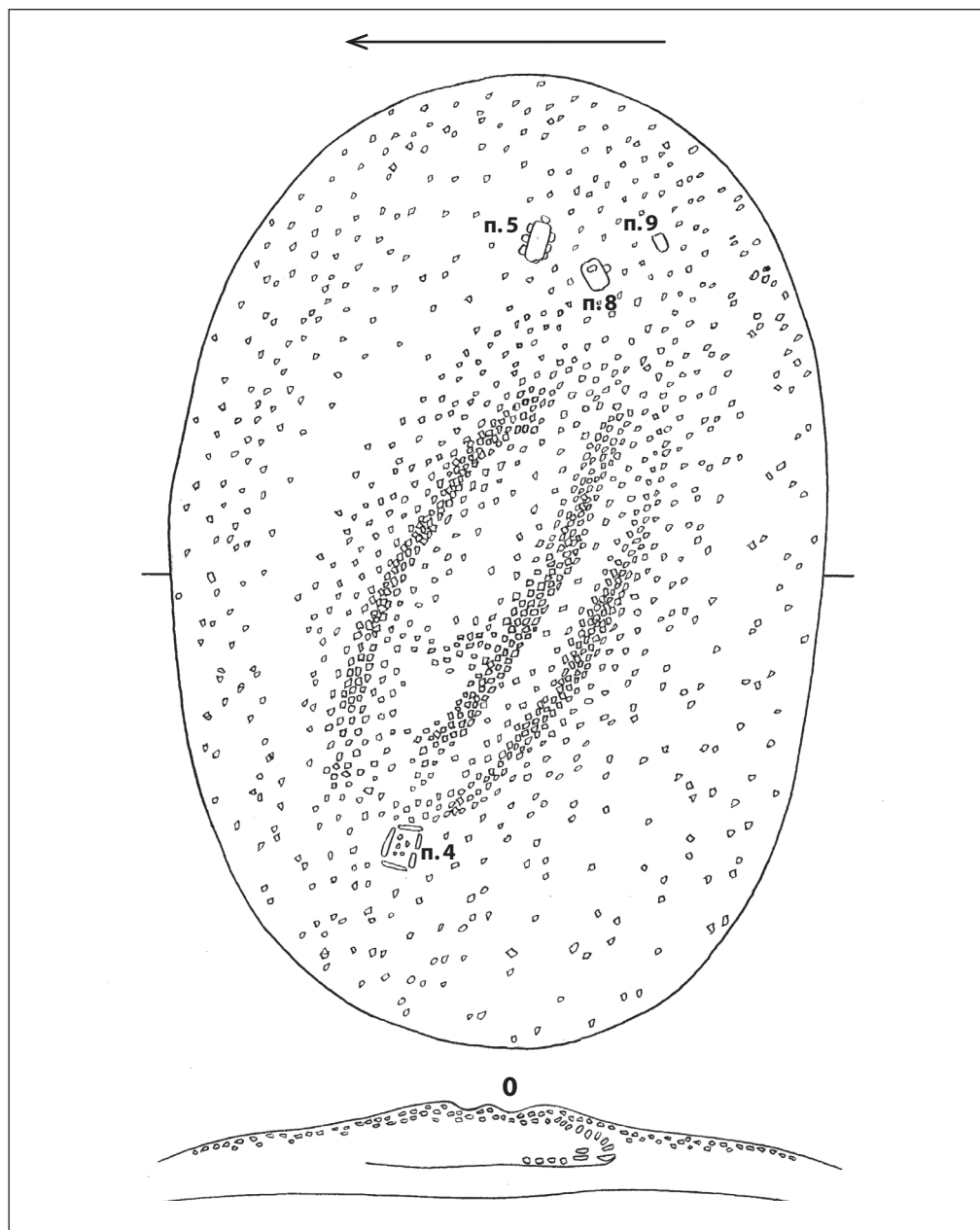

Рис. 11 / Fig. 11. Курган у с. Большой Аджалык / Kurgan near Bolshoy Adzhalyk

Источник: [1]

в круглых ямах, связанных различными ровиками [9, с. 78, рис.31; 10, с. 164–166, рис. 4; 11, с. 130–150; 12, р. 63–64, 97–98, fig. 62, 74–75]. Однако в данном случае ничего подобного обнаружено не было: ни под курганом, ни в погребённой по-

чве, ни в материке ничего не оказалось.

Показательно, что на прилегающем к данному сооружению поле отмечено более десятка светлых круглых пятен от полностью распаханных маленьких курганов. К сожалению, исследовать их не

представилось возможным в связи с отсутствием средств и засаженным кукурузой полем. Однако их раскопки в будущем могут пролить свет на культурную принадлежность данного памятника, с которым, скорее всего, и связано их сооружение. Судя по особенностям каменных конструкций в кургане, можно предположительно связать его с усатовской культурой. В пользу данной принадлежности памятника косвенно указывает и лунообразный ров, отмеченный у его первоначальной насыпи, аналогичный

по форме, ориентировке и даже размерам рву из кургана 1-9 в Усатово [13, с. 29, 32, 39].

Необходимо отметить, что до сих пор аналогов курганному сооружению у лимана Большой Аджалык (близ с. Свердлово Одесской обл.) нет. Однако его форма, а также мощные каменные конструкции, отсутствие основных захоронений и явное доминирование в окружающем ландшафте позволяют считать его своеобразным культовым комплексом древнейших скотоводческих племён.

ЛИТЕРАТУРА

1. Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. Отчёт о работе Дунай-Днестровской новоостроечной-экспедиции в 1988 г. Киев-Одесса, 1988. 26 с.
2. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. 47 с.
3. Савва Е. Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинев: Штиинца, 1992. 114 с.
4. Черняков И. Т. Племена северо-западного Причерноморья в позднем бронзовом веке (вторая половина II тыс. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1975. 218 с.
5. Пислару І. Культура Делакеу-Бабине. Культура багатоваликів кераміки. Київ, 2025. 162 с.
6. Ключинцев В. В. Памятники многоваликовой керамики степного Побужья // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг.: тезисы конф. Днепропетровск, 1980. С. 63–64.
7. Культуры эпохи бронзы на территории Украины / С. С. Березанская, И. Н. Шарифутдинова, Н. Н. Чередниченко, В. В. Отрошенко. Киев: Наукова Думка, 1986. 164 с.
8. Привалов А. И. Типы погребений культуры многоваликовой керамики в Приазовье // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 72–73.
9. Серова Н. Л., Яровой Е. В. Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца, 1987. 154 с.
10. Субботин Л. В. Энеолитическое святилище курганного могильника Кубей // ССПК. Т. IX. Запоріжжя, 2001. С. 160–167.
11. Хахей В., Попович С. Раскопки курганов у с. Жюржюлешть в Нижнем Попрутье // Revista arheologică, seria nouă. 2010. Vol. VI. № 1. P. 130–150.
12. Popovici S., Ceban I. Cercetări arheologice la Cimișlia. Chișinău, 2021. 225 p.
13. Субботин Л. В., Петренко В. Г. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. С. 26–43.

REFERENCES

1. Subbotin, L. V., Dzigovsky, A. N. & Ostroverkhov, A. S. (1998). *Report on the work of the Danube-Dniester new-construction expedition in 1988*. Kyiv-Odessa (in Russ.).
2. Yarovoy, E. V. (2000). *Cattle-breeding population of the North-Zapalny Black Sea region of the early metal era: [dissertation]*. Moscow (in Russ.).
3. Savva, E. N. (1992). *The culture of polyvalic ceramics of the Dniester-Prut interfluvium (based on materials from the funeral rite)*. Chisinau: Shtiintza (in Russ.).
4. Chernyakov, I. T. (1975). *Tribes of the northwestern Black Sea region in the late Bronze Age (second half of the 2nd millennium BC): [dissertation]*. Kyiv (in Russ.).
5. Pislaru, I. (2025). *Delaqueu-Babine culture. Bagatovalik i ceramic culture*. Kyiv.
6. Klyushintsev, V. V. (1980). *Monuments of polyvalic ceramics of the steppe Pobuzhye*. In: *Archaeological research in Ukraine in 1978–1979*. Dnepropetrovsk, 63–64 (in Russ.).
7. Berezanskaya, S. S., Sharafutdinova, I. N., Cherednichenko, N. N. & Otroschenko, V. V. (1986). *Cultures of the Bronze Age in Ukraine*. Kyiv: Naukova Dumka (in Russ.).

8. Privalov, A. I. (1980). Types of burials of the culture of polyvalic ceramics in the Sea of Azov. In: *Archaeological research in Ukraine in 1978–1979*. Dnepropetrovsk, 72–73 (in Russ.).
9. Serova, N. L. & Yarovaya, E. V. (1987). *Grigoriopol mounds*. Chisinau: Shtiinza (in Russ.).
10. Subbotin, L. V. (2001). Eneolithic sanctuary of the Kubey burial mound. In: *SSPK. Vol. IX. Zaporizhia*, 160–167.
11. Haheu, V. & Popovich, S. (2010). Excavations of mounds near s. Jurjulesti in Lower Poprutia. In: *Revista arheologică, seria nouă*, VI-1, 130–150.
12. Popovici, S. & Ceban, I. (2021). *Cercetări arheologice la Cimișlia*. Chișinău.
13. Subbotin, L. V. & Petrenko, V. G. (1986). On the architecture of the Usat barrow structures. In: *Monuments of ancient art of the North-West Black Sea region*. Kyiv: Naukova Dumka, 26–43 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Субботин Леонид Васильевич (г. Одесса, Украина) – кандидат исторических наук, учёный, педагог, археолог, научный сотрудник Одесского археологического музея;

Яровой Евгений Васильевич (г. Москва) – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;

e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid V. Subbotin (Odessa, Ukraine) – Cand. Sci. (History), Scientist, Teacher, Archaeologist, Researcher, Odesa Archaeological Museum;

Evgeniy V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, State University of Education; e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

Научная статья

УДК 902.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-64-85

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ РОСТОВО-ЛУГАНСКОЙ ПОЗДНЕКАТАКОМБНОЙ ГРУППЫ БАССЕЙНА СРЕДНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ

Коваленко П. П.

Луганский государственный педагогический университет

г. Луганск, Российская Федерация

e-mail: p_kov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.11.2025

После доработки 28.11.2025

Принята к публикации 15.12.2025

Аннотация

Цель. Исследование направлено на анализ погребального обряда и культурной принадлежности памятников ростово-луганской группы (РЛГ) позднего катакомбного периода в бассейне среднего течения Северского Донца, а также уточнение их места в системе катакомбных культур региона.

Процедура и методы. На основе расширенной источниковой базы проведён системный анализ погребальных сооружений и обрядовых практик. Используются методы картографирования, статистической обработки данных, сравнительно-типологического анализа и корреляции археологических признаков.

Результаты. Установлено, что РЛГ объединяет 2 типа памятников – с реповидной и раструбной керамикой, демонстрирующих общие черты погребального обряда. Выделено 10 обрядовых групп, отражающих вариативность традиций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в изучение позднего этапа катакомбного культурогенеза, уточняя роль и место памятников РЛГ. Практическое значение заключается в систематизации новых археологических данных, которые могут быть использованы для реконструкции этнокультурных процессов в степной зоне Восточной Европы.

Ключевые слова: Среднее Подонцовье, эпоха ранних металлов, бронзовый век, катакомбная культурно-историческая общность, ростово-луганская группа, погребальный обряд, курган

Для цитирования:

Коваленко П. П. О погребальном обряде ростово-луганской позднекатакомбной группы бассейна среднего Подонцовья // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 64–85.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-64-85

Original research article

ON THE BURIAL RITES OF THE ROSTOVO-LUGANSK LATE CATACOMB GROUP IN THE MIDDLE DONETS BASIN

P. Kovalenko

Lugansk State Pedagogical University

Lugansk, Russian Federation

e-mail: p_kov@mail.ru

Received 02.11.2025

Revised 28.11.2025

Accepted 15.12.2025

Abstract

Aim. The study aims to analyze the burial rites and cultural affiliation of the Rostovo-Lugansk group (RLG) monuments from the Late Catacomb period in the Seversky Donets basin, as well as to clarify their place within the system of Catacomb cultures in the region.

Methodology. The research is based on an expanded source database. A systematic analysis of burial structures and ritual practices was conducted using mapping methods, statistical data processing, comparative typological analysis, and correlation of archaeological features.

Results. It was established that the RLG combines two types of monuments – those with bulbous (turnip-shaped) and flared pottery-demonstrating common features of the funerary rite. Ten ritual groups were identified, reflecting the variability of traditions.

Research implications. The study contributes to the research on the late stage of Catacomb cultural genesis, clarifying the role and place of RLG monuments. Its practical significance lies in the systematization of new archaeological data, which can be used to reconstruct ethnocultural processes in the steppe zone of Eastern Europe.

Keywords: Middle Seversky Donets basin, Early Metal Age, Bronze Age, Catacomb cultural-historical community, Rostov-Luhansk group, funerary rite, burial mound

For citation:

Kovalenko, P. P. (2026). On the burial rites of the Rostovo-Lugansk late catacomb group in the middle Donets Basin. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 64–85.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-64-85

Введение

На завершающем этапе катакомбно-го культурогенеза в бассейне Северского Донца, наряду с дальнейшим развитием самостоятельных катакомбных культур (прежде всего донецкой и среднедонской), формируется ряд локальных образований, обладающих смешанными признаками инвентарно-обрядовых комплексов. Среди них особый интерес представляют памятники так называемого «маньчского» и «бахмутского» типов,

демонстрирующие в различной степени сочетание черт донецкой, среднедонской, предкавказской (маньчской) и ингульской (днепро-азовской) культурных традиций.

Несмотря на изначальное номенклатурное и культурное различие обозначенных групп памятников, впервые выделенных и охарактеризованных на нижнедонских материалах С. Н. Братченко (1969, 1976 гг.), в актуальных обобщающих работах по донецко-донскому

региону, с подачи А. М. Смирнова (1987, 1996), всё более утвердилось мнение об их единой культурной составляющей. В частности, комплексы «маньчского» типа с характерными бесшейными реповидными сосудами и значительная часть погребений «бахмутского» типа, содержащих высокошейную керамику строительных пропорций, стали объединяться в рамках единой группы в пределах маньчского культурного круга.

В настоящей работе для обозначения всей совокупности материалов рассматриваемой группы памятников мы сохраняем термин «ростово-луганская группа», первоначально введённый С. Н. Братченко только для комплексов с реповидными сосудами и впоследствии использованный Н. М. Власкиным при анализе идентичных нижнедонских (ростовских) погребений. Этот термин, как представляется, наиболее адекватно отражает маньчскую (предкавказскую) культурную основу рассматриваемых памятников, хотя и имеющих значительные инородные признаки.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, главным образом, существенным расширением источниковой базы. Так, за несколько десятилетий, прошедших с момента выхода последней комплексной работы по материалам ростово-луганской группы в Северско-донецком регионе, количество известных комплексов увеличилось почти вдвое, были получены новые стратиграфические данные, расширена география распространения памятников, а также выявлены ранее неизвестные погребальные наборы. Накопленные материалы позволяют вновь обратиться к анализу этого яркого образования с учетом новых имеющихся данных. В данной публикации основное внимание уделено анализу погребального обряда, тогда как вопросы, связанные с характеристикой инвентарного комплекса, хронологией и периодизацией, будут рассмотрены в последующих исследованиях.

Историография ростово-луганской группы

Впервые погребения ростово-луганской группы были открыты ещё В. А. Городцовым в начале XX в. (1903 г.) при его исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии [1, с. 232]. Исследователь использовал термины «реповидный», «репчатый» для обозначения специфических сосудов без шейки.

На протяжении следующих десятилетий эта немногочисленная к тому времени группа источников на Северском Донце, Нижнем Дону, Приазовье рассматривалась исключительно в контексте кавказских и даже средиземноморских проявлений [2; 3 с. 112–113].

Вновь интерес к этим памятникам возобновился лишь в конце 1960-х гг., когда С. Н. Братченко на ограниченных нижнедонских материалах выделил эту группу в составе памятников маньчского типа. Тогда группа характеризовалась автором исключительно комплексами с характерными реповидными сосудами, отмечалось влияние донецких, бахмутских и среднедонских традиций. Позднее эта группа погребений стала относиться исследователем к позднему периоду донецкой катакомбной культуры, куда включались также и памятники бахмутского типа. Для нашей темы особенно важен подмеченный С. Н. Братченко тезис о значительной степени влияния на комплексы РЛГ донецких, среднедонских и бахмутских традиций. В работе предполагается даже особая роль последних в активном распространении реповидной керамики на Северском Донце, в Приазовье и даже Поднепровье [4, с. 105]. О подобной особой связи бахмутских и ростово-луганских комплексов автор не единожды упоминает на протяжении всей работы [4, с. 79–80, 134, 142–143], однако в итоге ограничивается выводом лишь об имевшем место контакте рассматриваемых групп [4, с. 105].

В диссертации А. М. Смирнова середины 1980-х гг. представления об РЛГ

были расширены путём выделения на Северском Донце памятников маньчжского типа, куда исследователь отнес не только классические комплексы с реповидниками, но и погребения с раструбной керамикой, до этого составляющие основу так называемой «смешанной бахмутской группы памятников». В этих сосудах исследователь видел эквивалент высокошейной керамики восточно- и западно-маньчжской культур (тогда элистинской и нижнеманьчжской групп). На основании анализа материала А. М. Смирнов наметил 2 этапа в развитии керамической традиции и погребального обряда. По мнению автора, обе группы оказались связаны общей динамикой трансформации погребального сооружения и изменения стиля и месторасположения орнамента керамики. Такие общие признаки позволили ему заключить, что «обе группы погребений различаются друг от друга лишь на уровне субкультур в пределах однокультурного образования» [5, с. 77]. Таким образом, впервые был поднят вопрос о фактически выделении новой культурной группы и дальнейшей необходимости распределения неоднородных бахмутских материалов.

В 1991 г. в своем диссертационном исследовании, посвящённом катакомбным памятникам Северо-Восточного Приазовья С. Н. Санжаров рассматривает многочисленные в регионе комплексы с реповидной керамикой в составе бахмутского круга [6, с. 108–128]. В совместной с С. Н. Братченко монографии [7, с. 45] выдвигается важное заключение о культурной связи и даже родственности комплексов с раструбной и реповидной посудой. Кроме прочего, отмечаются случаи совместного нахождения этих типов керамики в закрытых комплексах [7, с. 92]. Отмеченный признак, упоминается в качестве надежного критерия «однокультурности» ещё в работе А. М. Смирнова [5, с. 77], однако там не получает развития в виду ограниченности источниковой базы.

В диссертационном исследовании Н. М. Власкина, посвящённом сравнительной характеристике катакомбных культур маньчжского типа представлена обстоятельная характеристика комплексов РЛГ на Нижнем Дону [8]. В состав группы, вслед за А. М. Смирновым и, видимо, под влиянием его выводов, автор включает также комплексы с раструбной керамикой, однако без дополнительной аргументации.

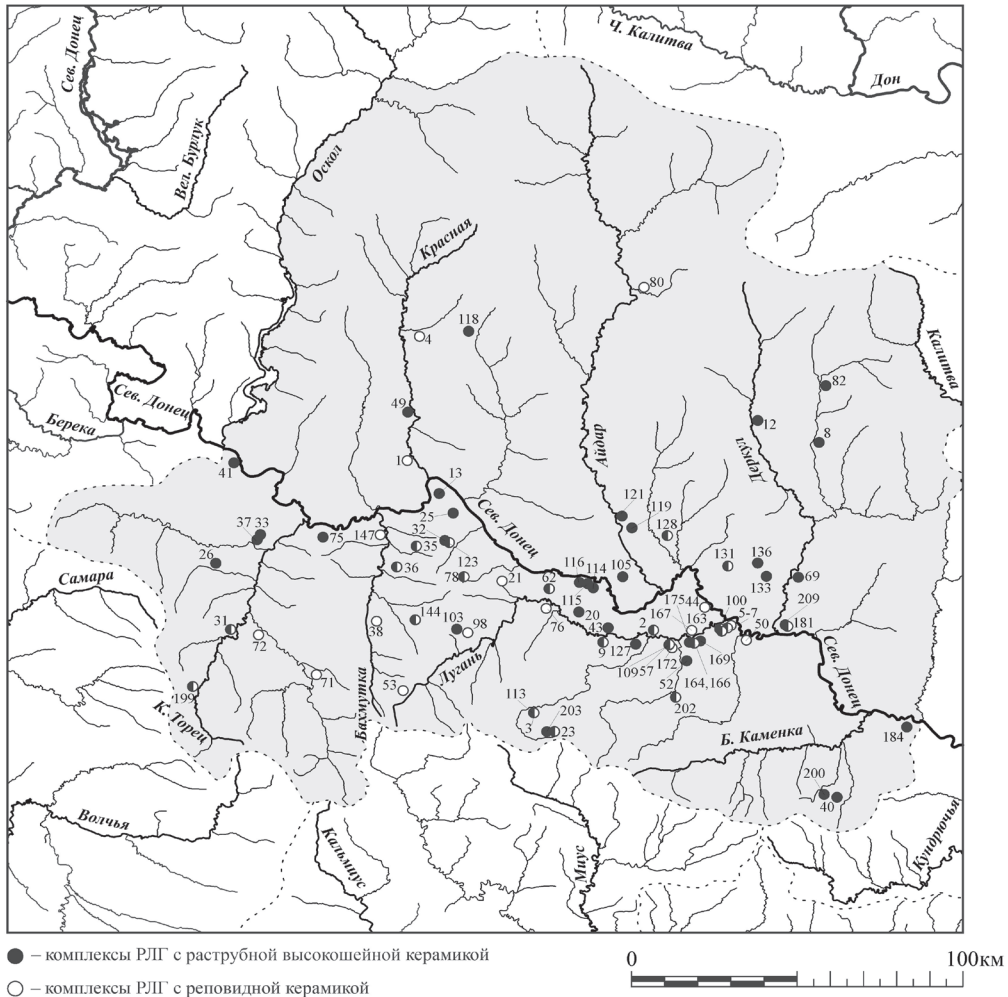
На современном этапе исследований отдельным проблемам этой позднекатакомбной группы посвящена серия публикаций А. Ю. Чечиной и автора [9; 10 и др.].

Параллельно с теоретическим изучением ростово-луганской группы происходило и формирование её источниковой базы. Основная масса комплексов была открыта в результате больших новострочечных работ 70–80-х гг. XX вв. и значительно меньших по объёму современных спасательных исследований. Общая история основной части этих полевых работ ранее освещалась автором [11; 12] и здесь не упоминается.

Территория, курганное строительство и организация курганного пространства

На сегодняшний день к памятникам РЛГ в пределах среднего течения Северского Донца могут быть отнесены 184 захоронения, происходящие из 75 могильников. Они представлены 58 погребениями с реповидной керамикой, 122 комплексами с раструбной керамикой и 4 захоронениями в инвентарных наборах которых выявлена посуда обоих типов.

Картографирование местонахождений комплексов РЛГ демонстрирует, что их подавляющее большинство располагается на правом берегу Северского Донца в пределах бассейнов рек Лугань, Бахмут и Казенный Торец (рис. 1). Незначительная часть захоронений также представлена на левом берегу Северского Донца,

Условные обозначения:

2. Александровск;	41. Богородичное (Проклята Могила);	119. Царевка;
3. Красная Заря;	43. Зимогорье, 2011–2012;	121. Деменково;
5. Николаевка I;	49. Краснореченское II;	123. Тополевка;
6. Николаевка II;	52. Тельмана;	127. Говоруха;
8. Нижняя Бараниковка;	57. Луганск, 2011	128. Войтово III;
9. Зимогорье, 1977, 1980;	(ул. Марленовская);	131. Плотина;
12. Беловодск;	62. Желобок;	133. Паськово (Камышное);
13. Приволье, 1975;	69. Можаявка;	136. Степовое (Степное);
20. Новогригорьевка;	75. Николаевка, 1983;	144. Покровское (Острая могила);
23. Уткино;	78. Камышеваха;	164. Луганск, 1926;
25. Шкляр;	82. Калмыковка;	169. Луганск, 1927 (Гартманский 1 курган);
26. Октябрьское, 1985;	100. Луганск (Восточный II);	175. Луганск, 1929;
31. Дружковка;	103. Новозвановка I;	181. Закатное I р. XIII;
32. Лисичанск (ЛНПЗ);	105. Трехизбенка;	184. Малая Каменка VI;
33. Славянск (пос. Артема);	109. Луганск (ВСХИ);	199. Панковка;
35. Ивано-Дарьевка;	114. Пришиб, 1978;	200. Провалье (урочище «Майка»);
36. Раздоловка;	115. Знаменка;	202. Георгиевка;
37. Былбасовка (Степной);	116. Сокольники;	203. Тимирязево;
40. Провалье (Грушевая балка);	118. Рудовка;	209. Лаповский I

Рис. 1 / Fig. 1. Распространение погребальных памятников РЛГ в бассейне среднего течения Северского Донца / The Distribution of RLG funerary monuments in the middle current basin of the Seversky Donets

Источник: данные авторов

причём преимущественно это комплексы с раструбной керамикой, занимающие низовья рек Айдар и Деркул.

При анализе количественных показателей распределения комплексов по территории Среднего Подонцовья наблюдается следующая картина. Основная масса захоронений приходится на правобережье Северского Донца, где совокупно зафиксирован 151 комплекс или 82% от общего числа. На левобережье количество захоронений существенно меньше: здесь их всего 32 единицы или 18% от общего числа.

Если сравнивать ситуации территориального распространения групп захоронений с реповидной и раструбной керамикой, то обе группы памятников внутри РЛГ ожидаемо демонстрируют совпадение основных ареалов, за исключением случая наличия несколько большего числа комплексов с раструбной посудой на левобережье.

Возведённые племенами РЛГ курганы в большинстве случаев представлены одиночными насыпями в составе могильников прочих катакомбных культур или более ранних образований (Кременная к. 1, Заайдаровка к. 1, Ивано-Дарьевка к. 3, Раздоловка к. 2, Нижняя Бараниковка к. 4, Степное (Степовое) к. 1, Рудовка к. 1, Берестовое к. 1, Панковка к. 1). В одном случае зафиксировано скопление из 2 курганов РЛГ в составе инокультурного могильника (Тополовка к. 3, 5). Для территории Среднего Подонцовья также известен единственный могильник, обособленный от прочих курганных групп катакомбного и более ранних периодов – Луганск (Восточный II).

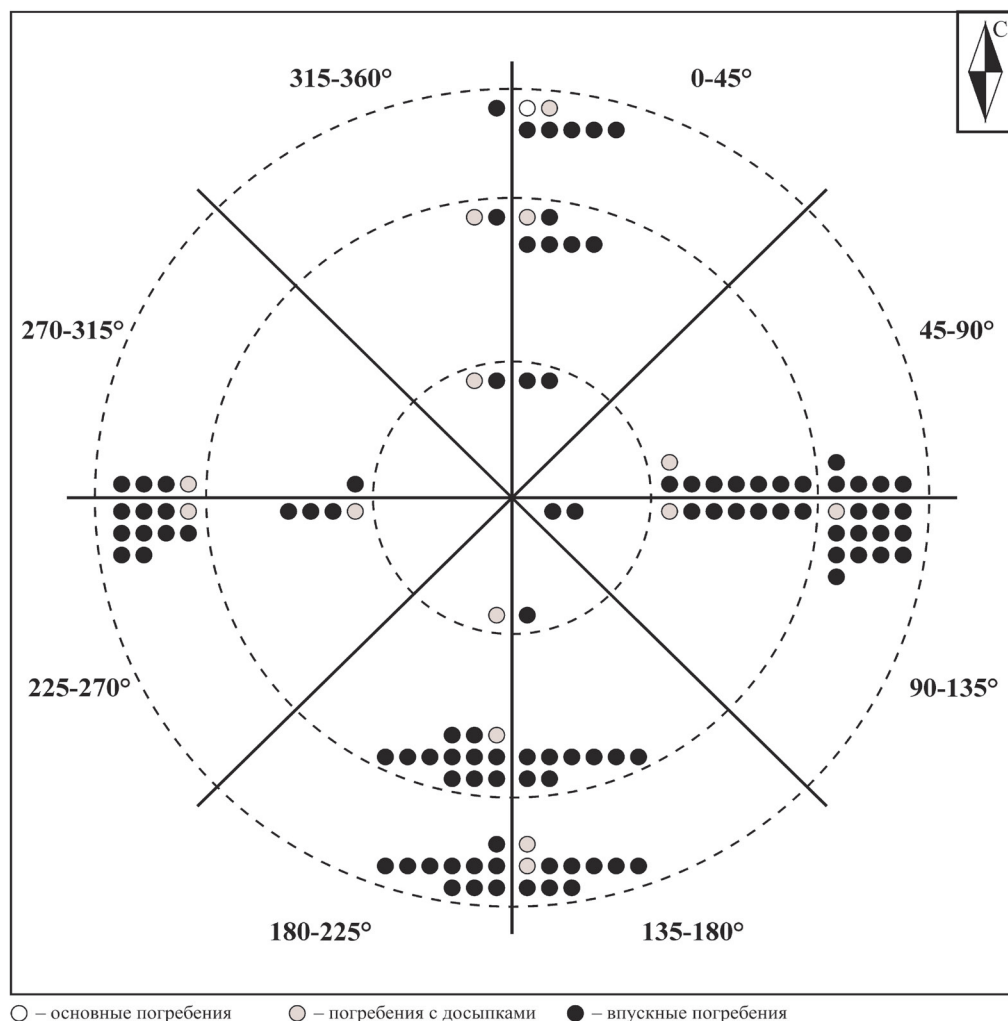
Размеры курганных насыпей РЛГ сравнительно небольшие. Их диаметры в пределах 12–20 м, а высота от 0,3 до 1,5 м. К наиболее крупным относятся несколько: Кременная к. 1, Степное (Степовое) к. 1 и Рудовка к. 1 (диаметр 14–18 м и высота 1,3–1,5 м). Можно утверждать, что для РЛГ не характерно возведение курганов вообще и больших насыпей в частно-

сти, в сравнении с прочими катакомбными группами на Северском Донце.

В двух случаях на памятниках РЛГ зафиксирован безкурганый обряд погребения. Среди захоронений хорошо известного грунтового могильника катакомбного периода Закатное I на раскопе XIII выявлено 2 комплекса росто-луганской группы с керамикой как реповидного, так раструбного типов. Второй случай связан с комплексом Александровск 1/48, который входил в состав компактной группы захоронений, обустроенных вблизи огромной курганной насыпи, но вне её пределов.

К числу основных относится всего 15 комплексов РЛГ, что составляет 9,4% от всего массива захоронений. 13 погребений или 8,1% сопровождалось досыпками, остальные 82,5% захоронений впускного типа. При отдельном рассмотрении групп с реповидной и раструбной керамикой основные комплексы представлены поровну – по 7 случаев. Ещё один комплекс содержал посуду обоих типов. Территориальное распределение курганов, возведённых племенами РЛГ демонстрирует равномерное распределение по основному ареалу, единственная прослеженная закономерность связана с почти полным отсутствием основных насыпей в бассейне Лугани (за исключением могильника Луганск – Восточный II) – зоне наибольшей концентрации захоронений РЛГ. Погребений с досыпками, как и впускных комплексов, несколько больше в группе с раструбной посудой, что не удивительно, учитывая общий перевес в численности захоронений. Как и в случае с возведением собственных курганов, досыпка уже существующих насыпей была не характерна для РЛГ.

Обобщённая картина по анализу распределения погребений РЛГ по основным секторам насыпи выглядит следующим образом (рис. 2). В центральной части кургана размещены 15% захоронений, ещё 34% занимали зону между центром и полами кургана, остальные 51% рас-

Рис. 2 / Fig. 2. План-схема планиграфического расположения погребений в пределах кургана / The Plan-diagram of the planographic location of burials within the mound

Источник: данные авторов

полагались в полах по краю насыпи. Из общей статистики выведены основные захоронения, которые за исключением одного комплекса (Кременная 1/4) всегда оказывались под центральной частью насыпи. Подобная картина наблюдается для всех без исключения катакомбных культур развитого и позднего периодов. Наблюдение над размещением катакомб в основных секторах демонстрирует сравнительно равномерное распределение северо-восточной, юго-восточной и юго-западной четвертей насыпи в преде-

лах 0–270° (91% захоронений). Из них немного меньше половины или 41% от всех комплексов с зафиксированной планиграфией занимают участок в пределах 90–225°, который следует рассматривать как доминирующий в погребальном обряде РЛГ. Северо-западная часть кургана в пределах 270–360°, напротив, почти не использовалась для размещения погребений, здесь выявлено всего 9% комплексов.

При анализе организации курганного пространства и планиграфии учитываем только те насыпи, где число росто-

луганских захоронений превышало три комплекса включительно. Этим критериям соответствует выборка из 14 курганов: 9 содержали по 3 погребения (Краснореченское II к. 1, Тимирязево к. 3, Луганск (Восточный II) к. 2, Ивано-Дарьевка к. 1, Раздоловка к. 2, Александровск к. 1, к. 6, к. 7А, Трехизбенка к. 3, Зимогорье 1977, 1980 к. 1), в одной насыпи зафиксировано 4 комплекса (Николаевка I к. 2), ещё в 3 курганах обнаружено по 5 захоронений (Провалье (Грушевая балка) к. 11, Ворошиловград (ВСХИ) к. 3, Луганск 2011 (ул. Марленовская) к. 1). Во всех этих курганах абсолютно чётко прослеживается закономерность в устройстве могил по дуговой или круговой планировке, причём внутри дуги сочетаются как комплексы с раструбной, так и с реповидной керамикой (рис. 3).

Погребальные сооружения и способы обращения с останками

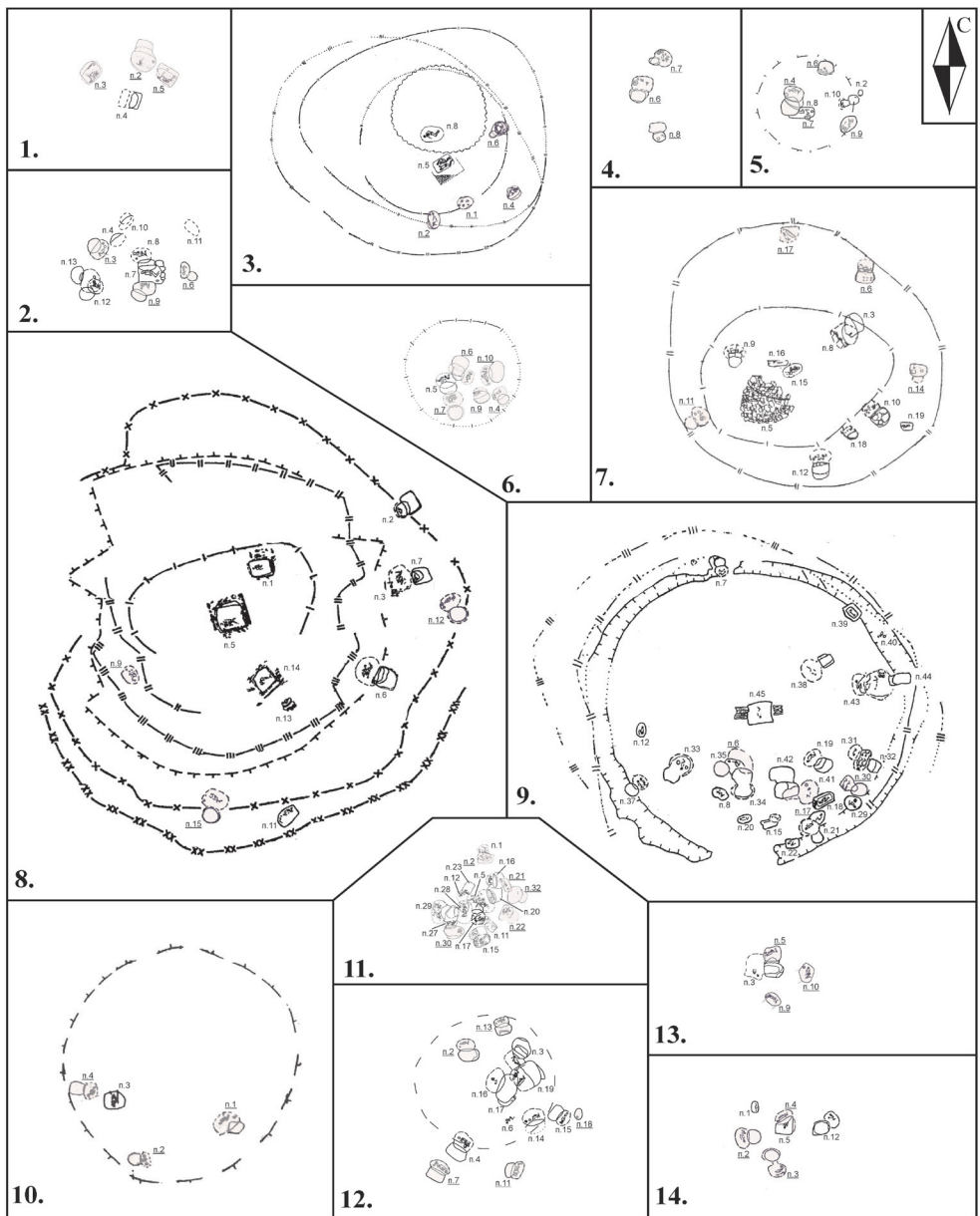
Из всего массива комплексов, относимых нами к памятникам РЛГ, а именно 58 захоронений с реповидной керамикой, 124 комплекса с раструбной керамикой и 4 погребения с посудой обоих типов, сохранившиеся и доступные к определению в полном объёме погребальные конструкции зафиксированы в 43, 56 и 3 случаях соответственно. Удалось выделить 7 типов сооружений, в качестве критерия разделения выступила форма входного колодца и вариант его сопряжения с камерой (рис. 4). Последняя, как правило, была стандартной овальной формы и редко имела другой вид.

Картографирование погребальных конструкций памятников РЛГ на территории Среднего Подонцовья демонстрирует сравнительно равномерную картину распространения основных форм погребальных сооружений. Наиболее часто встречаемый тип 5 полностью совпадает с основным ареалом РЛГ в пределах бассейна Среднего Подонцовья – правобережье Донца в районах микрорегионов рек Лугань, Бахмут, Казённый Торец, а также

небольшая полоса левобережья в низовьях рек Айдар и Деркул. Подобная ситуация наблюдается и для погребальных конструкций типа 2 и 4, основное сосредоточение которых приходится на бассейны Лугани и Бахмута, а также далее на север по бассейну р. Красной. Определённая закономерность прослеживается в территориальном распространении Н-видных катакомб с овальным входным колодцем (тип 6), почти не известных в комплексах с реповидной керамикой, но хорошо представленных для погребений с раструбной посудой. Наблюдается тяготение этих сооружений, за некоторым исключением (Дружковка 1Б/19), к локальному участку вокруг большой излучины Северского Донца в месте впадения р. Ковсуг. Удаление этих комплексов от главной водной артерии в степь составляет не более 20 км во всех направлениях. Прочие группы погребальных сооружений слишком малочисленны для информативных наблюдений, здесь стоит лишь отметить явно локальный характер ямных конструкций, представленных попарно для обеих групп погребений РЛГ в одних и тех же могильниках (Александровск, Ивано-Дарьевка).

В зависимости от количественного состава погребённых индивидов в одном комплексе, среди памятников РЛГ встречаются одиночные, парные и коллективные группы захоронений. В количественном отношении абсолютно преобладают одиночные погребения – их известно 132 ед. (72% от общего числа). Доля парных и коллективных комплексов значительно меньше – 15% (27 захоронений) и 2% (4 захоронения) соответственно. Возрастное распределение индивидов внутри группы одиночных погребений с зафиксированными костными останками демонстрирует преобладание взрослых особей, встреченных в 83% захоронений, в остальных случаях скелеты принадлежали детям или подросткам.

В материалах РЛГ зафиксировано 10 случаев, когда в погребениях не обна-

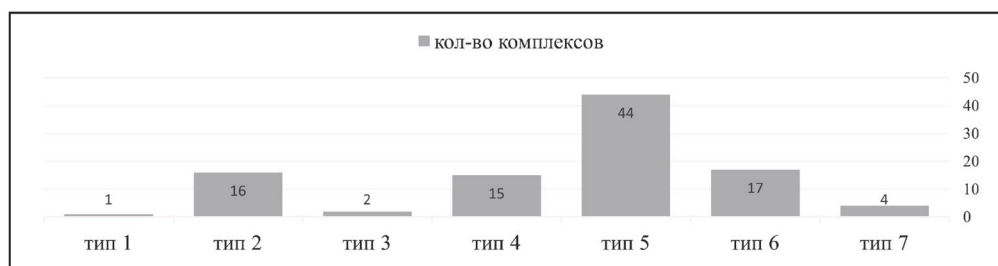
○ п.1 – комплексы РЛГ   ○ п.2 – прочие комплексы
 *на планах представлен вид насыпи на момент совершения погребений РЛГ

Условные обозначения:

1. Краснореченское II к.1;	6. Луганск 2011 (ул. Марленовкая) к.1;	11. Провалье (Грушевая балка) к.11;
2. Трехизбенка к.3;	7. Ивано-Дарьевка к.1;	12. Ворошиловград (ВСХИ) к.3;
3. Тимирязево к.3;	8. Зимогорье 1977, 1980 к.1;	13. Александровск к.6;
4. Луганск (Восточный II) к.2;	9. Александровск к.1;	14. Александровск к.7А
5. Николаевка I к.2;	10 – Раздоловка к.2;	

Рис. 3 / Fig. 3. Внутрикультурная планиграфия комплексов РЛГ в пределах одной насыпи / Intracultural planning of RLG complexes within the same embankment

Источник: данные авторов

Условные обозначения:

1. Схемы основных типов погребальных сооружений;
2. Общая гистограмма количественного соотношения;
3. Гистограмма количественного соотношения внутри групп с различными типами керамики

Рис. 4 / Fig. 4. Типы погребальных конструкций и их количественное соотношение / The Types of burial structures and their quantitative ratio

Источник: данные авторов

ружены остатки костяков: Кременная 1/4, Тимирязево 3/6, Дружковка 1Б/19, Луганск (Восточный II) 2/8, 3/2, Уткино 1/3, Октябрьское 1985 7/1, Провалье (Грушевая балка) 11/32, Сокольники 2/1, Приволье 1975 11А/14. Вероятно, как минимум часть этих погребений возможно относится к так называемым кенотафам.

Основным способом размещения погребённых в комплексах РЛГ является скорченное положение на правом боку. Среди одиночных погребений с зафиксированным положением скелета такая поза встречена в 72% могил (92 из 119 захоронений). Противоположная левобочная скорченная позиция совершенно не примечательна для рассматриваемой группы памятников: в группе одиночных захоронений достоверно известно только 4 могилы с подобным положением корпуса скелета: Зеленая Роща 1/9, Ивано-Дарьевка 4/1, Закатное I р. XIII п. 19, Александровск 1/48. Сравнительно большим числом представлены погребения с размещением погребённого в скорченном положении на спине – 15% от всех одиночных захоронений. Здесь, однако, в силу различного уровня сохранности костей, а также качества полевой фиксации, не всегда удаётся точно определить первоначальное положение тела. При положении на спине преобладает позиция с ногами, заваленными вправо (14 захоронений), но встречается и обратная левобочная (2 захоронения), а в одном случае совершенно не типичная для катакомбной общности поза коленями вверх (Александровск 8/13). В комплексе Александровск 9/53 встречена ещё одна редкая поза – погребённый ребенок размещён в вытянутом положении на спине.

Среди одиночных, парных и коллективных типов погребений РЛГ встречаются скелеты с признаками расчленений или вторичных захоронений. Это так называемые «пакетированные» останки, а также костяки с частично или полностью нарушенным анатомическим расположением костей. Выборка таких погребений

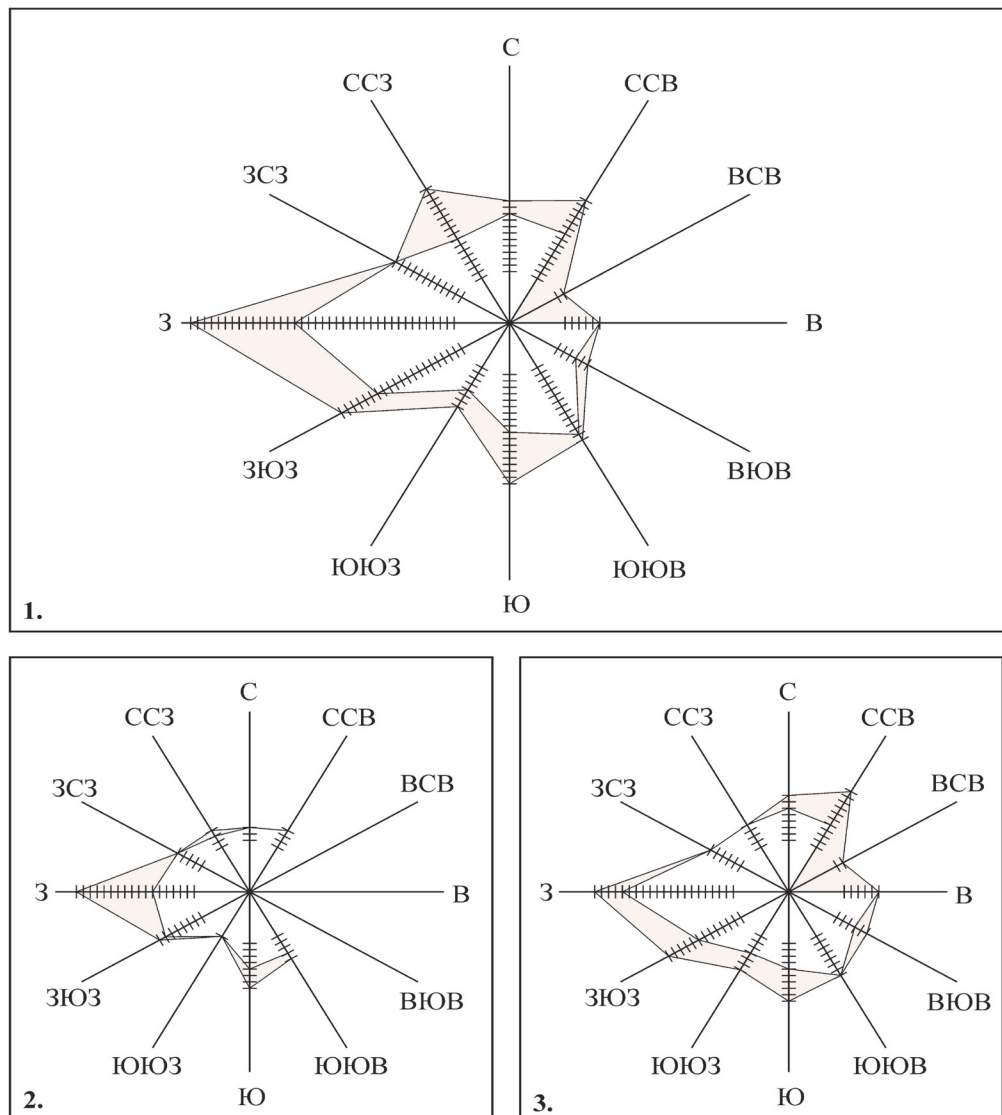
представлена 11 комплексами, из которых 5 относятся к одиночным захоронениям, а остальные к совместным.

В погребальной обрядности РЛГ преобладает средняя (35%) и слабая скорченность (52%) костяков. В этих случаях угол между позвоночником и большими берцовыми костями является прямым или тупым соответственно. Сильная скорченность вообще не характерна для катакомбной общности – в памятниках РЛГ доля таких скелетов всего 8%.

Ориентировка погребённых индивидов демонстрирует следующую картину (рис. 5). Среди основных векторов преобладают участки западного, южного и северного направлений с отклонениями. Абсолютно доминирует западный вектор, в направлении которого вместе с отклонениями ориентировано более 40% скелетов. Несколько менее востребованными были северное и южное направления – 26% и 24% всех костяков соответственно. Лишь отдельные редкие захоронения содержали костяки с ориентацией к востоку с отклонениями (10%).

Подобные тенденции также прослеживаются при отдельном рассмотрении групп погребений с реповидной и расрубной керамикой, что ещё раз демонстрирует их культурную близость на уровне обрядовой практики. Единственная отличительная закономерность между этими группами, которая бросается в глаза, связана с абсолютным преобладанием западных ориентировок с отклонениями и полным отсутствием противоположных восточных в комплексах с реповидной посудой.

Признак «ориентировка погребённых» в комплексах РЛГ прямо коррелируется с планиграфической позицией катакомбы в пределах кургана. При стереотипной позе погребённого в скорченном положении на правом боку лицевой частью к выходу из камеры и преобладанием пространственной позиции размещения погребальных конструкций в пределах участка 90–225°, абсолютно закономерно доминирование

○ – одиночные захоронения   ○ – одиночные и совместные захоронения

Условные обозначения:

1. Общая диаграмма; 2. Погребения с реповидной керамикой;
3. Погребения с раструбной керамикой

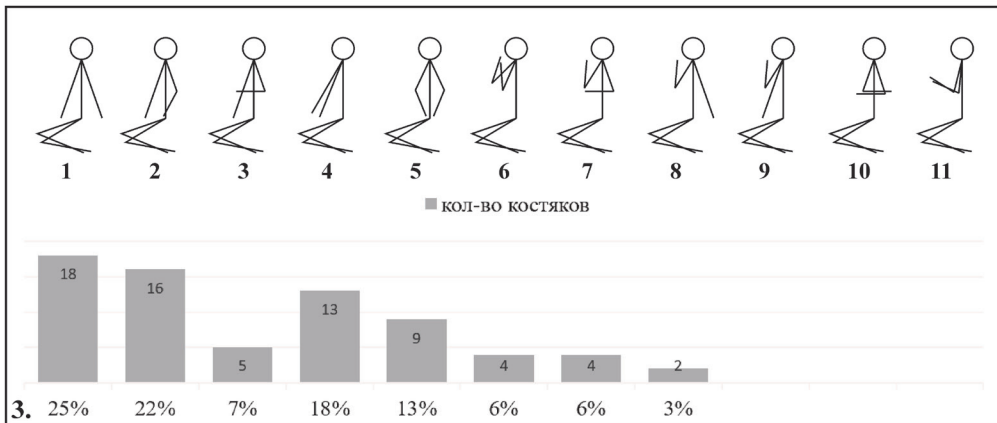
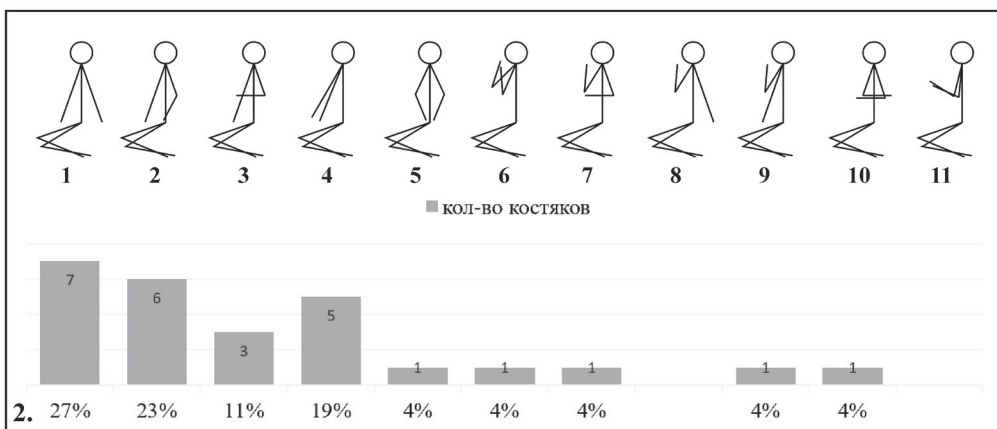
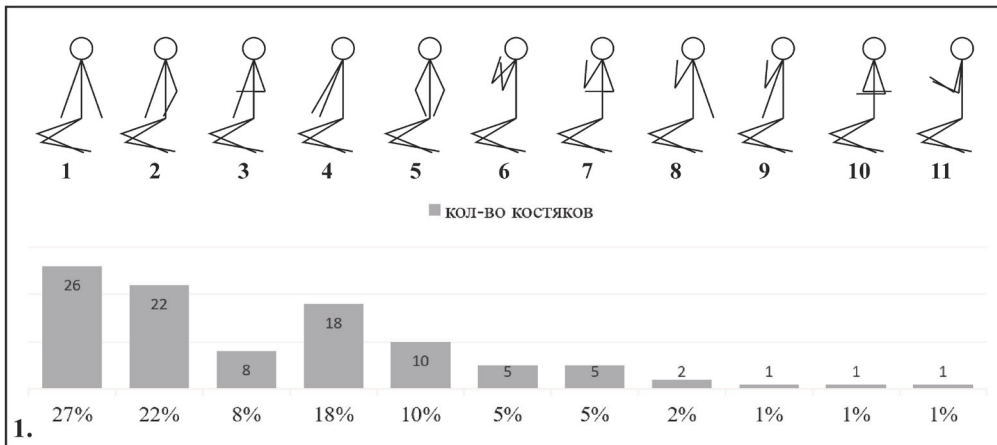
Рис. 5 / Fig. 5. Ориентировки скелетов в погребениях / The Orientation of skeletons in burials

Источник: данные авторов

западных, южных и отчасти северных ориентировок.

При анализе признака «положение костей рук скелета» используются данные о погребенных с прослеженной позицией обеих конечностей из 96 комплексов РЛГ,

в т. ч. содержащих 26 скелетов из погребений с реповидной и 71 костяк из захоронений с раструбной керамикой, ещё при 2 погребённых найдена посуда обеих типов. Выделяется 11 вариантов сочетаний (рис. 6).

Условные обозначения:

- 1. Общая гистограмма; 2. Погребения с реповидной керамикой;
- 3. Погребения с раструбной керамикой

Рис. 6 / Fig. 6. Варианты положения костей верхних конечностей и их количественное соотношение / Variants of the position of the bones of the upper extremities and their quantitative ratio

Источник: данные авторов

Из всего массива серийными выборками представлены только первые 7 позиций, вариант 8 прослежен для 2 скелетов, остальные позы расположения рук зафиксированы в единственном числе. Наиболее распространёнными в погребальной обрядности РЛГ являются варианты 1, 2 и 4, количество захоронений с такой позицией рук составляет 26%, 22% и 18% соответственно. Меньшим числом представлены варианты 3 (8%) и 5 (10%), которые выглядят близкими второй позе и, возможно, являются её разновидностями. Позы с «адоративными» и близкими им признаками размещения рук (варианты 6–9, 11) встречаются совокупно всего у 23% костяков.

Распределение этих данных между группами захоронений с реповидной и раструбной керамикой вновь демонстрирует схожие картины развития погребального обряда уже на уровне признака «положение костей рук».

Обрядовые группы

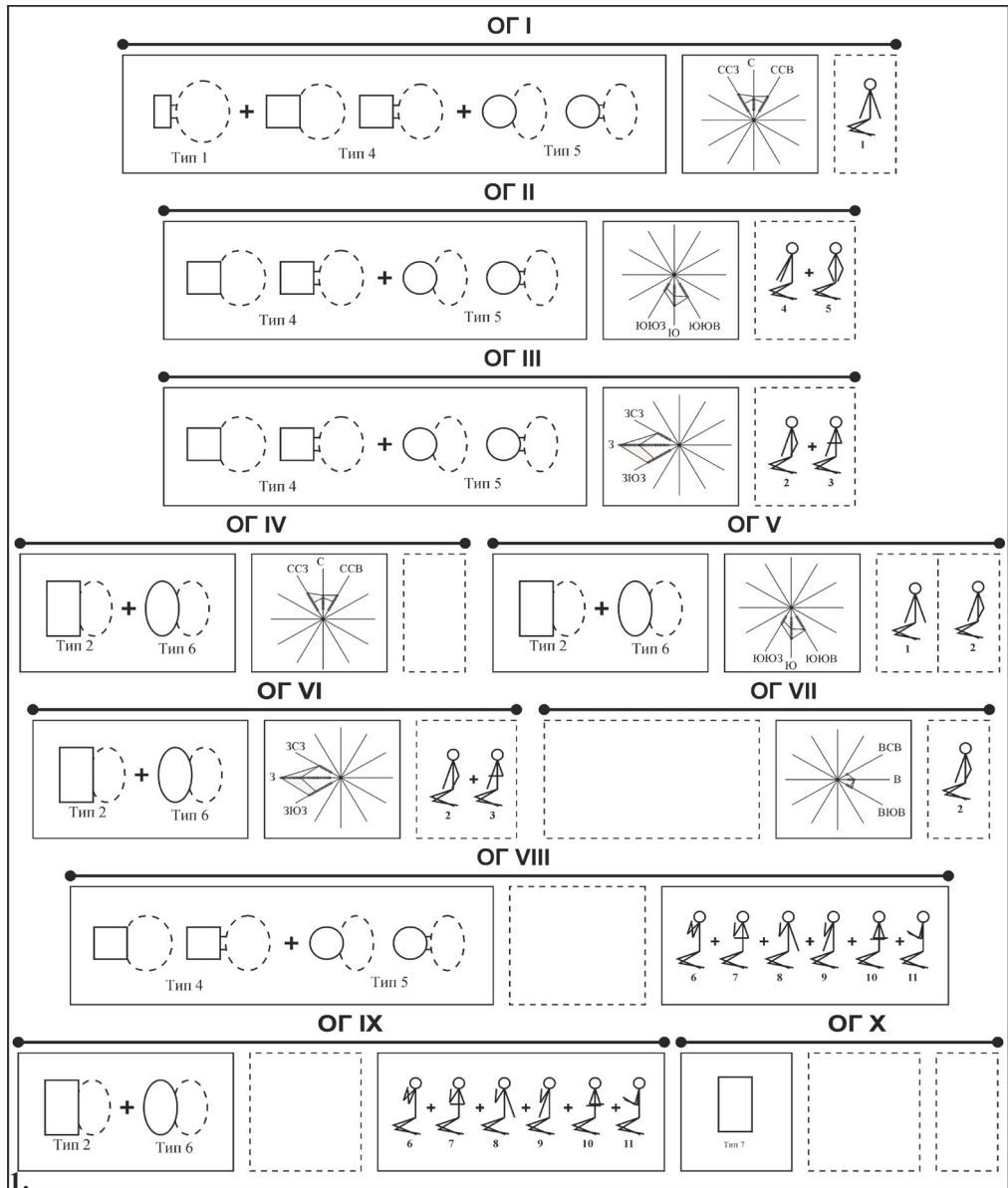
Интересные данные получены при корреляции обозначенных признаков погребального обряда РЛГ. В нашем представлении наиболее важными из них, т. е. демонстрирующими наглядный образ обрядовой стороны культуры являются следующие: «тип погребального сооружения», «ориентировка костяка», «положение костей рук скелета». Именно эти детали погребального обряда выступают сравнительно надёжными и устоявшимися чертами, которые возможно зафиксировать совместно или по отдельности в максимальном числе комплексов.

Эти наблюдения объективно отражают существование как минимум нескольких обрядовых традиций, различающихся на уровне исполнения деталей погребального обряда. Зафиксированные различия могут быть выражены в выделении соответствующих обрядовых групп. Однако в связи с тем, что компиляция основных признаков по отдельности демонстрирует около 2 десятков разновидностей с малым внутренним ко-

личеством комплексов, для их укрупнения близкие формы погребальных сооружений, варианты ориентировки костяка и положения его верхних конечностей были объединены. К близкой группе погребальных сооружений отнесены катакомбы типов 1, 4, 5. Их объединяет наличие, как правило, меньшего в сравнении с камерой входного колодца симметрично округлой, квадратной или близких форм. Только эти типы погребальных сооружений иногда имеют промежуточный дромос между шахтой и камерой.

Также в близкую группу объединены погребальные сооружения типов 2, 6. Это так называемые Н-видные катакомбы с прямоугольной или овальной входной шахтой и подобной формы погребальной камерой. По признаку «ориентировка костяка» выделено четыре основных вектора с отклонениями. Встреченные варианты положения рук группируются следующим образом: костяки с положением рук варианта 1; костяки с положением рук вариантов 2–3 (одна рука выпрямлена, вторая согнута); костяки с положением рук вариантов 4–5 (объединены по признаку совместного положения кистей в районе колен, бедер или таза); костяки с положением рук вариантов 6–9 и 11 («адоративные» и близкие позиции конечностей с кистями у лицевой или грудной части).

Таким образом, основой для разделения выступают признаки «тип погребального сооружения» и «ориентировка костяка» с привлечением тенденций в положении костей верхних конечностей. Все прочие захоронения РЛГ с не прослеженными признаками, прежде всего типом погребального сооружения, учтены в составе общей условно «неопределённой» группы, которая может быть разделена в будущем с применением иных критериев. Всего из 184 анализируемых комплексов критериям выделения соответствуют 80 одиночных и совместных единообрядовых захоронений, которые могут быть учтены в составе 10 обрядовых групп (рис. 7). За «обрядовую» груп-

Условные обозначения:

1. Схемы корреляции признаков обрядовых групп;
2. Количественное соотношение обрядовых групп

Рис. 7 / Fig. 7. Обрядовые группы / The Ritual groups

Источник: данные авторов

пу принимались комплексно встречаемые сочетания признаков в не менее чем 4 захоронениях, т. е. группа, демонстрирующая определённую и явно неслучайную серийность.

Обобщённая схема скоррелированных признаков обрядовых групп выглядит следующим образом:

- *ОГ I* (рис. 8.1–8.7) – катакомбы 1, 4, 5, северные ориентировки, преобладает позиция рук варианта 1 (11 захоронений);

- *ОГ II* (рис. 8.8–8.11) – катакомбы 4, 5, южные ориентировки, позиция рук нестабильна, несколько чаще встречаются варианты 4–5 (8 захоронений);

- *ОГ III* (рис. 9.1–9.8) – катакомбы 4, 5, западные ориентировки, несколько больше представлена позиция рук варианта 2–3 (19 захоронений); *ОГ IV* (рис. 9.9–9.11) – катакомбы 2, 6, северные ориентировки, позиция рук нестабильна, представлены все варианты (6 захоронений);

- *ОГ V* (рис. 10.1–10.3) – катакомбы 2, 6, южные ориентировки, преобладает позиция рук с вариантами 1–2 (5 захоронений);

- *ОГ VI* (рис. 10.4–10.7) – катакомбы 2, 6, западные ориентировки, преобладает позиция рук с вариантами 2–3 (12 захоронений);

- *ОГ VII* (рис. 10.8–10.10) – восточные ориентировки, катакомбы неустойчивы, позиция рук у большинства варианта 2 (6 захоронений);

- *ОГ VIII* (рис. 11.1–11.4) – «адоративные» и близкие позиции рук, катакомбы 1, 4, 5, ориентировки неустойчивы (5 захоронений);

- *ОГ IX* (рис. 11.5–11.6) – «адоративные» и близкие позиции рук, катакомбы 2, 6, ориентировки неустойчивы (4 захоронения);

- *ОГ X* (рис. 11.7–11.8) – ямы 7, ориентировки неустойчивы, положение костяков нетипичное (4 захоронения).

Заключение

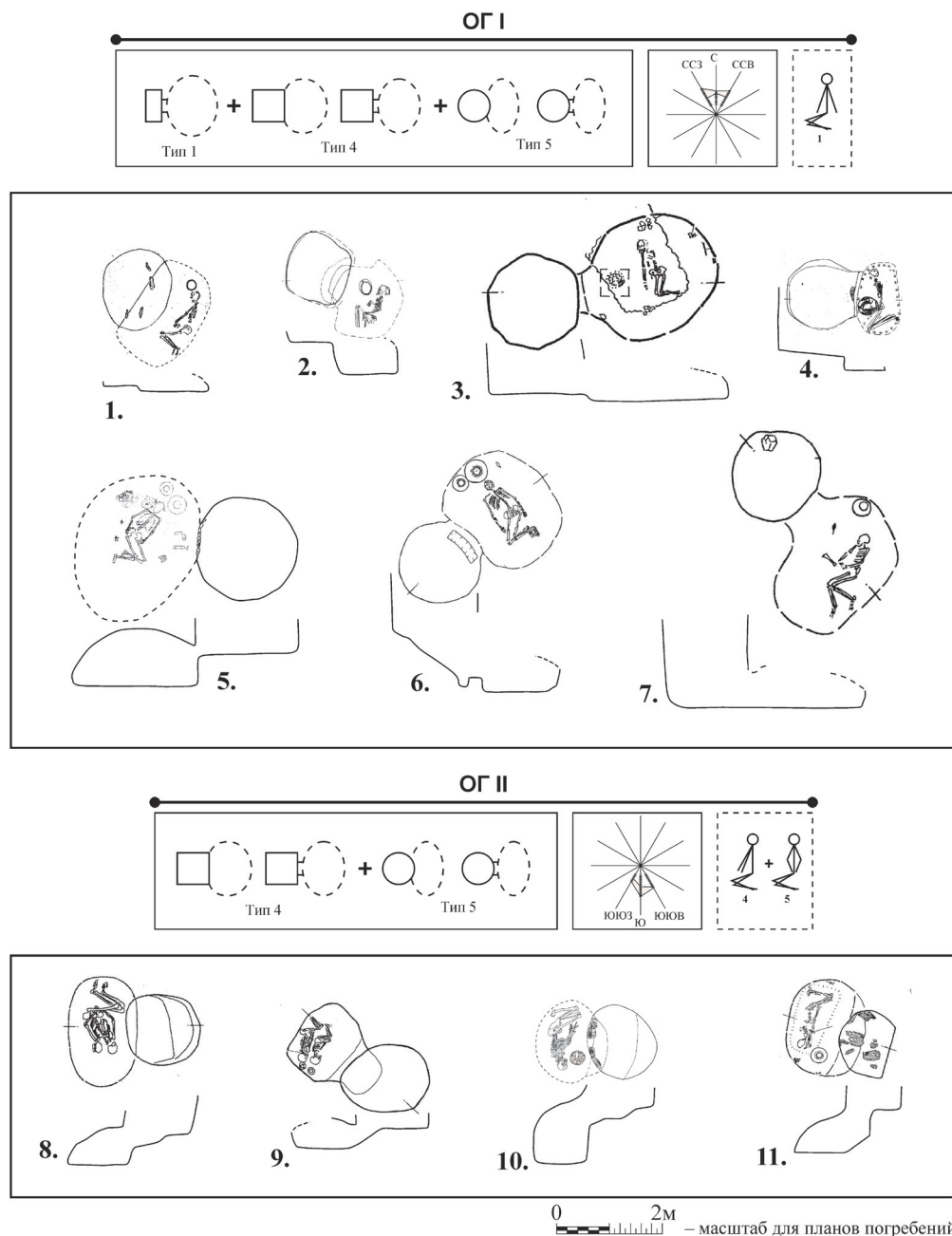
Проведённое исследование погребального обряда ростово-луганской группы Среднего Подонцовья выявило

сложную структуру погребальной традиции, сочетающей как местные, так и пришлые элементы. Несмотря на выраженный синкретизм, погребальная практика РЛГ при этом сохраняет яркое своеобразие и отчётливую культурную специфику, существенно отличаясь по комплексу основных признаков от соседних культурных образований. В то же время комплексы с реповидной и высокошейной раструбной керамикой проявляют заметное сходство на уровне исполнения обрядовых практик, что позволяет говорить об их культурном единстве внутри РЛГ.

В контексте последнего тезиса особенно показательны дуговые и круговые планировки курганов с несколькими захоронениями, где совместно представлены комплексы как с реповидной, так и с высокошейной раструбной посудой. Рассматриваемые захоронения лишь изредка включены в планиграфические схемы иных культурных образований, однако почти всегда составляют единые сочетания между собой.

Среди погребальных сооружений доминируют катакомбы нескольких типов, но наиболее распространённый – тип 5 (овальная камера с округлым входом) – преобладает в комплексах с обоими типами керамики. Такой вид погребального сооружения не характерен для донецкой, среднедонской или маньчжурской традиций, но типичен в обрядности днепро-азовского региона. В обрядности РЛГ подобные конструкции сохраняют округлую форму, но, в отличие от ингульских древностей, входные шахты имеют уже большие размеры.

Погребальный обряд демонстрирует высокую степень стандартизации: преобладает скорченное положение на правом боку с западной, реже южной или северной ориентировкой. Характерной чертой является определённое положение рук, чаще всего с одной вытянутой и одной согнутой конечностью. Эти особенности с незначительными оговорками присущи обоим изучаемым группам. Здесь, таким

Условные обозначения:

1. Трёхизбенка 3/3;

2. Новогригорьевка 1/4;

3. Александровск 8/13;

4. Раздоловка 2/2;

5. Ворошиловград (ВСХИ) 2/11;

6. Николаевка I 5/22;

7. Александровск 10/13;

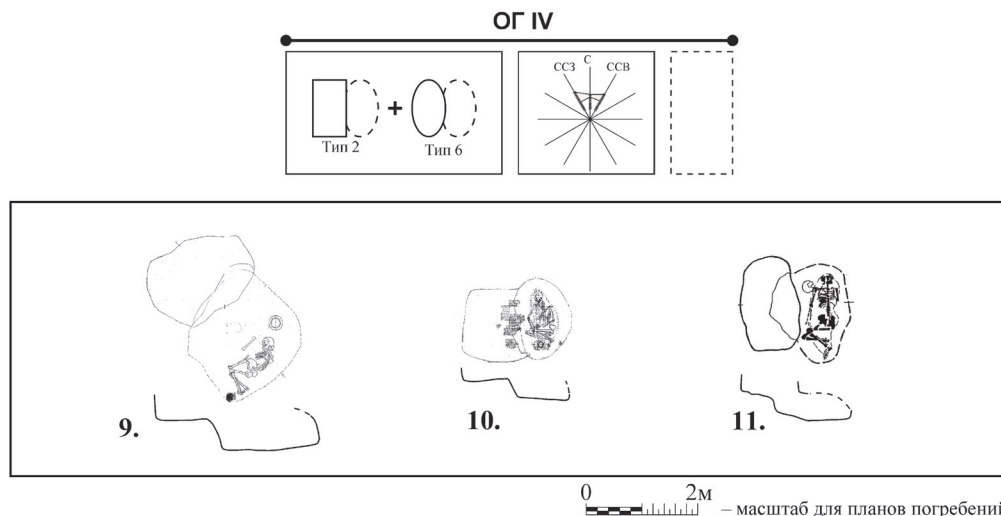
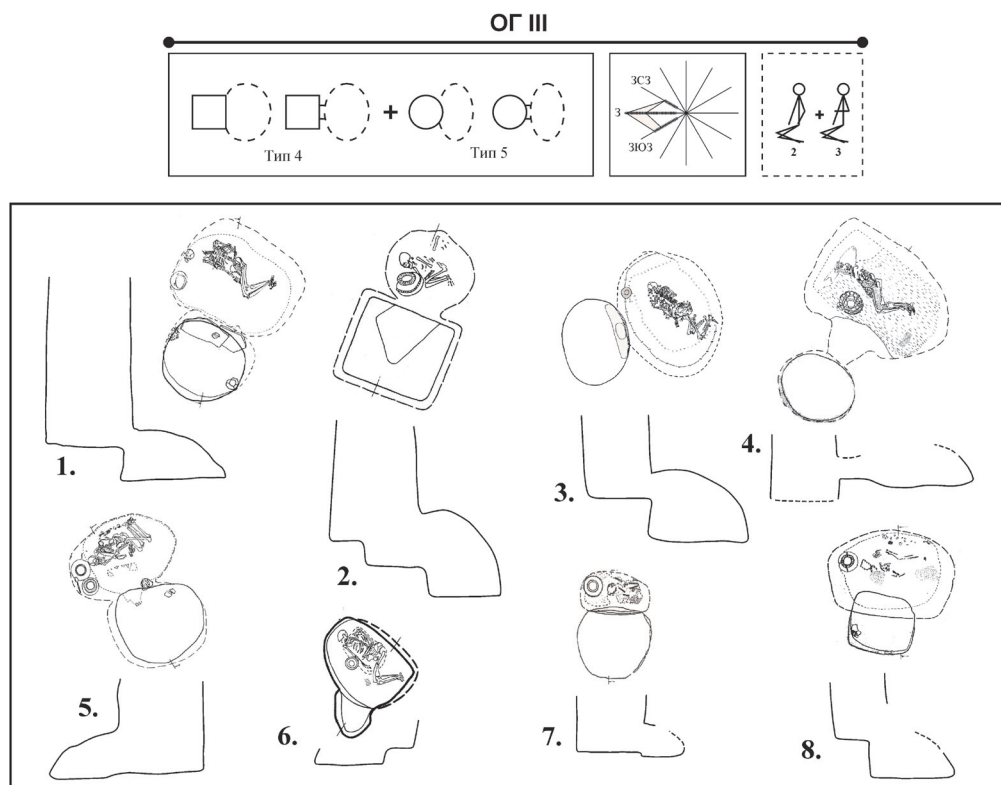
8. Александровск 7А/2;

9. Александровск 1/30;

10. Пионерское 8/4;

11. Николаевка II 7/9

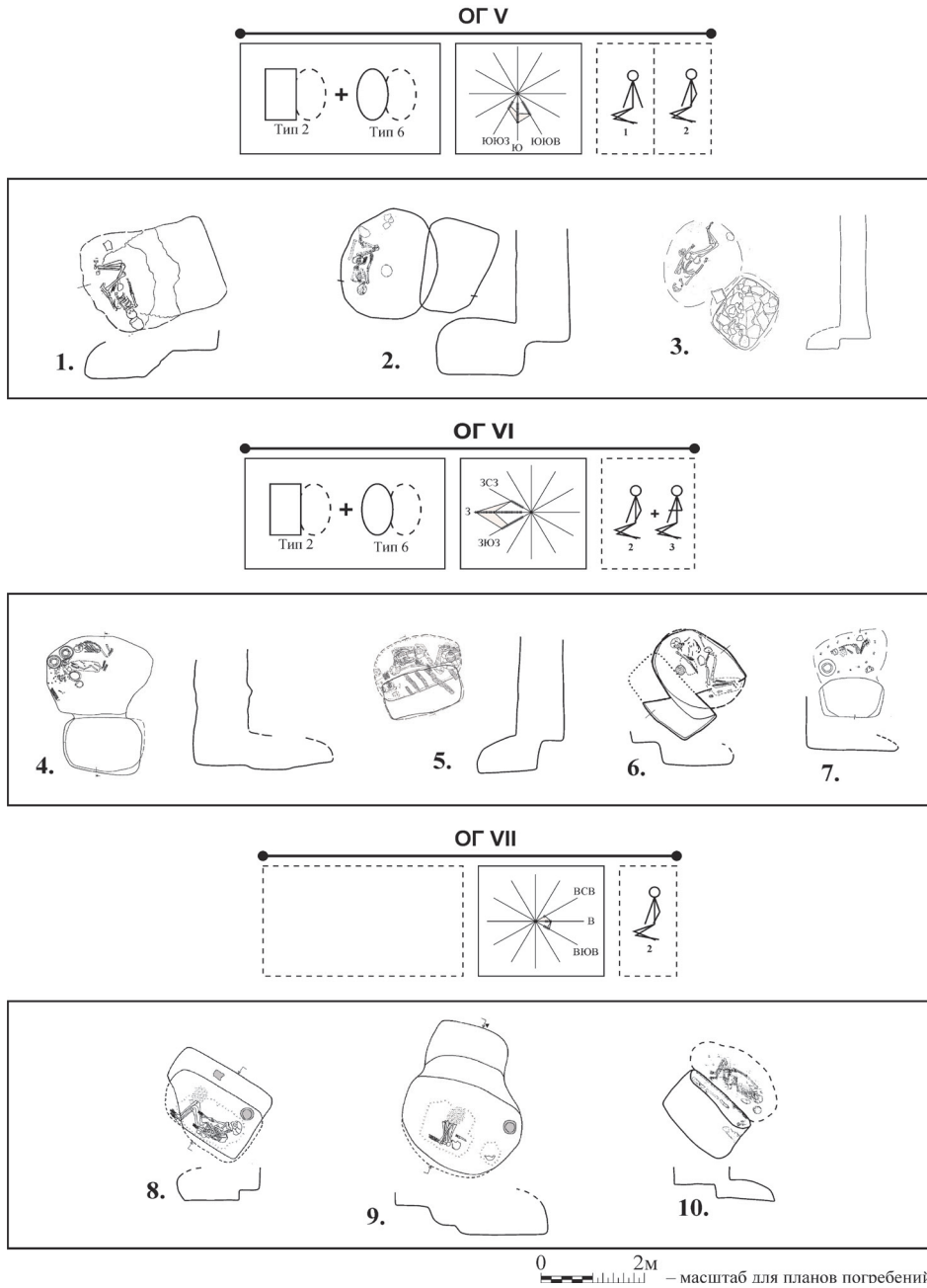
Рис. 8 / Fig. 8. Погребения ОГ I (1–7) и ОГ II (8–11) / Burials of reflector I (1–7) and reflector II (8–11)*Источник: данные авторов*

Условные обозначения:

1. Зимогорье 1977, 1980 1/15;	5. Зимогорье 1977, 1980 1/12;	9. Ворошиловград (ВСХИ) 5/2;
2. Луганск 1927 (Каменный брод) 2/8;	6. Красная Заря 1/1;	10. Приволье 1975 8/3;
3. Пионерское 8/3;	7. Берестовое 2/2;	11. Говоруха 9/3
4. Зимогорье 1977, 1980 2/4Б;	8. Тополевка 3/4;	

Рис. 9 / Fig. 9. Погребения ОГ III (1–8) и ОГ IV (9–11) / Burials of reflector III (1–8) and reflector IV (9–11)

Источник: данные авторов

Условные обозначения:

1. Николаевка I 11/4;	4. Дружковка 1А/7;	8. Краснореченское II 1/5;
2. Ворошиловград (ВСХИ) 1/3;	5. Берестовое 1/2;	9. Краснореченское II 1/2;
3. Покровское (Острая Могила) 1/6;	6. Красная Заря 2/5;	10. Ворошиловград (ВСХИ) 3/7
	7. Артемовск 1995–1998 4/2;	

Рис. 10 / Fig. 10. Погребения ОГ V (1–3), ОГ VI (4–7) и ОГ VII (8–10) / Burials of reflector V (1–3), reflector VI (4–7) and reflector VII (8–10)

Источник: данные авторов

ЛИТЕРАТУРА

1. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года // Труды XIII АС в Екатеринославе 1905 года. Т. I. М., 1907. С. 211–285.
2. Локтюшев С. А. Среднедневецкие курганные погребения бронзовой эпохи с оригинальной бытовой индустрией Северо-Кавказского и Средиземноморского влияний // Збірник № 1 матеріалів вивчення басейну Донця. 1928. Окремий відбиток з т. 1-го Трудів Наук. Т-ва Донеччини. 12 с.
3. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. Вып. 24. М.: Госкультпросветиздат, 1955. 180 с.
4. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К.: Наукова думка, 1976. 252 с.
5. Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996. 182 с.
6. Санжаров С. Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск: изд-во ВНУ, 2001. 172 с.
7. Братченко С. Н., Санжаров С. М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини III тис. до н.е. Луганськ: Вид-во СЧУ, 2001. 109 с.
8. Власкин Н. М. Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 258 с.
9. Чечина А. Ю. Ростово-луганская группа памятников эпохи средней бронзы на территории Нижнего Дона // Мир первобытного человека: современные исследования и проблемы сохранения памятников первобытной эпохи / под ред. Н. В. Гинькута, Л. В. Седиковой. Севастополь, 2024. С. 128–131.
10. Коваленко П. П. Некоторые вопросы изучения катакомбных погребений с реповидной керамикой бассейна Северского Донца // Новик. 2020. Вып. 21. С. 45–48.
11. Коваленко П. П. Полевые исследования катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (70-е – начало 90-х гг. XX ст.) // Вестник Государственного университета просвещения Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 270–282. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-270-282
12. Коваленко П. П. История полевых исследований катакомбных погребальных комплексов в бассейне среднего течения Северского Донца (конец XIX – 60-е гг. XX ст.) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 12. Липецк, 2022. С. 65–69.

REFERENCES

1. Gorodtsov, V. A. (1907). Results of archaeological research in the Bakhmut district, Yekaterinoslav province, 1903. In: *Proceedings of the XIII AC in Yekaterinoslav 1905. Vol. I.* Moscow, 211–285 (in Russ.)
2. Loktyushev, S. A. (1928). Middle Donets burial mounds of the Bronze Age with the original household industry of the North Caucasus and Mediterranean influences. In: *Zbirnik. Iss. 1. Material in vivcheniya basin Dontsya.* Okremiy vidbitok z t. 1st Labor Sciences. T-va Donecchini.
3. Popova, T. B. (1955). Tribes of the catacomb culture. In: *Proceedings of the State Historical Museum. Iss. 24.* Moscow: Goskultprovezdat Publ. (in Russ.).
4. Bratchenko, S. N. (1976). *Lower Podonye in the Middle Bronze Age.* Kyiv: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
5. Smirnov, A. M. (1996). *Mounds and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donets.* Moscow (in Russ.).
6. Sanzharov, S. N. (2001). *Catacomb cultures of the North-East Azov region.* Lugansk: VNU Publ. (in Russ.).
7. Bratchenko, S. N. & Sanzharov, S. M. (2001). *Ridkisi i bronze i charging from the catacombs of Siverzkodonochchini and Donshchini 3rd century BC.* Lugansk: View of SNU.
8. Vlaskin, N. M. (2010). *Comparative characteristics of the catacomb cultures of the Manych type of the Middle Bronze Age:* [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
9. Chechina, A. Yu. (2024). Rostov-Lugansk group of monuments of the Middle Bronze Age on the territory of the Lower Don. In: Ginkut, N. V., Sedikova, L. V., eds. *The world of primitive man: modern research and problems of preserving monuments of the primitive era.* Sevastopol, 128–131 (in Russ.).
10. Kovalenko, P. P. (2020). Some questions of the study of catacomb burials with turnip ceramics of the Seversky Donets basin. In: *Novik*, 21, 45–48 (in Russ.).

11. Kovalenko, P. P. (2024). Field studies of catacomb burial complexes in the middle current basin of the Seversky Donets (70s – early 90s of the 20th century). In: *Bulletin of the State University of Education Series: History and Political Sciences*, 5, Circumpontics VI, 270–282. DOI: 1018384/2949-5164-2024-5-270-282 (in Russ.).
  12. Kovalenko, P. P. (2022). History of field studies of catacomb burial complexes in the middle reaches of the Seversky Donets basin (late 19th – 60s of the 20th century). In: *Verkhnedonsky archaeological collection. Iss. 12*. Lipetsk, 65–69 (in Russ.).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Петр Петрович (г. Луганск) – младший научный сотрудник Центра археологии и этнографии Луганского государственного педагогического университета;
e-mail: p_kov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr P. Kovalenko (Lugansk) – Research Assistant, Archaeology and Ethnography Center, Lugansk State Pedagogical University;
e-mail: p_kov@mail.ru

Научная статья

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-86-95

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЙ ТАШ-ДЖАРГАНА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ (КИЗИЛ-КОБИНСКИЙ ГОРИЗОНТ)

Лучинский Н. Д.

Институт археологии Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: lunin kolya2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2025

После доработки 28.12.2025

Принята к публикации 12.01.2026

Аннотация

Цель. Уточнить датировки кизил-кобинских памятников урочища Таш-Джарган и предложить предварительную гипотезу о генезисе кизил-кобинской культуры.

Процедура и методы. Проведён предварительный анализ керамики поселений Таш-Джаргана. Для решения проблем хронологии использован сравнительно-типологический метод.

Результаты. Хронология поселений Таш-Джаргана определяется в рамках VIII–VII вв. до н.э. Керамика поселений и её орнаменты относятся к ранней кизил-кобинской культуре. Керамический комплекс ранней кизил-кобинской культуры не связан хронологически и генетически с памятниками поздней бронзы предгорного Крыма. Таким образом, начало кизил-кобинской культуры синхронно предскифскому времени. Предложена гипотеза, согласно которой кизил-кобинская культура генетически связана с культурой «киммерийцев».

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования уточняют хронологию и проблему генезиса ранней кизил-кобинской культуры.

Ключевые слова: кизил-кобинская культура, Таш-Джарган, предгорный Крым, поздний бронзовый век, начало раннего железного века, предскифское время, раннескифское время, чернолесская культура, Жаботин, гальштат, киммерийцы

Для цитирования:

Лучинский Н. Д. Материалы поселений Таш-Джаргана: предварительные итоги исследований (кизил-кобинский горизонт) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 86–95.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-86-95

Original research article

MATERIALS FROM THE TASH-JARGAN SETTLEMENTS: PRELIMINARY RESEARCH RESULTS (KIZIL-KOBA CULTURE HORIZON)

N. Luchinsky

Institute of Archeology of the Russian Academy Sciences

Moscow, Russian Federation

e-mail: lunin kolya2015@yandex.ru

Received 02.12.2025

Revised 28.12.2025

Accepted 12.01.2026

Abstract

Aim. To clarify the dates of the Kizil-Koba monuments of the Tash-Jargan locality and propose a preliminary hypothesis about the genesis of the Kizil-Koba culture.

Methodology. A preliminary analysis of the ceramics of Tash-Jargan settlements has been carried out. The comparative typological method is used to solve the problems of chronology.

Results. The chronology of Tash-Jargan settlements is determined within the framework of the 8th–7th centuries BC. Ceramics of settlements and its ornaments belong to the early Kizil-Koba culture. The ceramic complex of the early Kizil-Koba culture is not chronologically and genetically related to the monuments of the Late Bronze Age of the foothill Crimea. Thus, the beginning of the Kizil-Koba culture is synchronous with the pre-Scythian time. A hypothesis is proposed according to which the Kizil-Koba culture is genetically related to the culture of the "Cimmerians".

Research implications. The results of the study clarify the chronology and the problem of the genesis of the early Kizil-Koba culture.

Keywords: Kizil-Koba culture, Tash-Jargan, foothill Crimea, late Bronze Age, Early Iron Age, pre-Scythian time, Early Scythian time, Chernoles culture, Jabotin, Hallstatt, Cimmerians

For citation:

Luchinsky, N. D. (2026). Materials from the Tash-Jargan settlements: preliminary research results (Kizil-Koba culture horizon). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 86–95.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-86-95

Введение

В прошлом цикле моих статей было показано, что между памятниками поздней бронзы Горного Крыма и кизил-кобинской культурой имеется хронологическая лагуна в 150–200 лет [1; 2]. Это видно при сравнительно-типологическом анализе материалов этих 2 групп памятников. В настоящее время промежуточные памятники в горной зоне Крымского полуострова так и не обнаружены. В связи с этим было выдвинуто предположение об отсутствии генетической преемствен-

ности между ними. Это вновь поднимает вопрос о генезисе кизил-кобинского населения.

Имеющиеся материалы позволяют датировать начальные кизил-кобинские памятники временем не ранее IX–VIII вв. до н.э. Соответственно, в настоящее время представляется логичным искать истоки кизил-кобинской культуры среди культур населения предскифской эпохи.

В данной работе рассмотрим материалы поселенческих объектов Таш-Джаргана в черте г. Симферополь, от-

крытые и частично опубликованные В. А. Колотухиным в ходе разведок 1977 г. Они интересны тем, что находят определённые аналогии, позволяющие уточнить хронологию, характер культурных контактов, а также сформулировать *предварительные гипотезы* о формировании кизил-кобинской культуры.

Кизил-кобинские поселения урочища Таш-Джарган

Урочище Таш-Джарган расположено на Ю-ЮЗ г. Симферополь, на отрогах второй гряды Крымских гор. С востока урочище ограничено балкой Холодная, с запада – балкой Калиновая, с юга – Курцово-Сабловской долиной, северная сторона напольная. Эпизодические работы здесь вели в 1950–1960-е гг. А. А. Шепинский, И. А. Баранов и П. Н. Шульц. В ходе этих и дальнейших археологических обследований было открыто позднекифское городище, что может указывать на то, что слой кизил-кобинских поселений мог быть нарушен ещё в античное время. Более планомерные археологические разведки в урочище Таш-Джарган провёл В. А. Колотухин в 1977 г.¹ К моменту разведок В. А. Колотухина культурный слой поселений был нарушен при проведении технических работ [3, с. 88]. И ещё одно обстоятельство, которое важно учитывать – в ходе разведок 1977 г. были выявлены собственно хозяйственные объекты. Площадь памятников, характер культурного слоя на них, по описаниям в отчёте В. А. Колотухина позволяют относить их к поселениям условно, т. к. информации явно недостаточно, чтобы установить более определённо, идёт речь об одном поселении, или нескольких, стационарные это поселения, или кратковременные стоянки?

Поселение Таш-Джарган-2

Выявлено на южной оконечности урочища. С северо-востока и востока его ограничивает могильник из каменных ящиков и каменных курганных сооружений, с юга и юго-востока границей служат отвесные скалы, с запада – стена, отражающая мыс. Также на площади поселения расположен курган и развалы 3 каменных стен. Культурный слой памятника на некоторых участках был нарушен в ходе постройки ретранслятора, посадки сосны и выборки дерна. В. А. Колотухиным было заложено 7 шурфов достаточно крупных размеров: 2×1 м, некоторые 4×1,5 м, 2,3×1,7 м. Лишь шурф № 7 составлял стандартные размеры 1×1 м. Толщина культурного слоя в разных шурфах колебалась от 0,6 м до 0,2 м².

Наиболее полная коллекция керамики была получена из шурфа № 1³, который был заложен в 170 м к ЮЗ-З от ретранслятора у южного конца второй стены. Первоначально он закладывался как шурф стандартного размера 1×1 м, но после выявления на уровне материка хозяйственной ямы был расширен до размеров 2,3 × 1,7 м. В западном профиле шурфа была прослежена *стратиграфия*: 0 – 0,4–0,5 м – сероватый гумусированный грунт с включениями золы и мелких фрагментов лепной керамики; ниже шёл стерильный слой мелкой щебенки толщиной 10 см; ниже – материковая скала. В основании шурфа была выявлена «спаренная хозяйственная яма»⁴. Судя по описанию В. А. Колотухина, здесь скорее следует говорить о наличии 2 ям: яма «А» – округлая, диаметр 1,2 м, глубина от погребённой поверхности 0,25 м; её северо-восточную часть перерезала яма «Б», с перепадами глубин от 0,1 м в её северо-западном секторе до 0,55 м в основной части. Заполнение ям представлено золой, которая оказалась сцементированной растворённым известняком. Плот-

¹ Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. С. 1.

² Там же. С. 6, 7–8.

³ Там же: С. 9.

⁴ Там же: С. 7.

ность заполнения была значительной и с трудом поддавалась разработке киркой. Заполнение было насыщено битой лепной посудой. Именно этот объект (ямы АБ) дал основное количество материала.

На первый взгляд, материалы из шурфа № 1 носят смешанный характер – сосуда финала поздней бронзы встречены здесь с сосудами предскифского времени. Значит ли это, что мы можем рассматривать Таш-Джарган-2 как промежуточный памятник между, например, поздней белозерской культурой и ранней кизил-кобинской? На мой взгляд, нет. Во-первых, речь идёт лишь об одном (точнее, двойном) объекте – ямах А-Б. Делать далеко идущие выводы, основываясь на материалах одного объекта, недопустимо. Второе – возможно, что здесь мы имеем дело с более ранней ямой и перерезавшей её более поздней. Третье – заполнение, по всей видимости, образовалось в результате затёков, и было сцементировано, так что о стратиграфии ям говорить невозможно. Остаётся провести лишь анализ материалов и выяснить, могут ли они частично быть синхронны, и если нет, то наблюдается ли встречаемость более поздних сосудов в верхних слоях заполнения?

Чтобы ответить на эти вопросы, перейдём к анализу материала шурфа № 1¹. Крупные пифосоподобные сосуды с лепным валиком (фрагменты верхней профильной части)² характерны для памятников финала поздней бронзы [4, рис. 17.5, рис. 31.3; 5, рис. 5.2]. К этому же времени относятся фрагменты горшков S-видного профиля средних и малых размеров, фрагмент баночного или тюльпановидного горшка с валиком, фрагментированная полусферическая миска

с плоским дном³. Неорнаментированный горшок средних размеров с отогнутым венчиком⁴ может относиться и к предскифскому времени.

Следует отметить, что орнаментация лепными валиками характерна не только для поздней бронзы, но и встречается (по всей видимости, эпизодически) в культурах переходного к раннему железу времени. Например, валиковая орнаментация встречается в Сахарне [6, рис. XIII.6]. К предскифскому времени относятся округлобокая корчага, фрагмент лощёной корчаги с 3 налепами, лощённый и грубой лепки черпаки, фрагмент чернолощеного кубка⁵. Черпаки и кубок происходят из ямы «А», причём кубок из верхнего заполнения. Также к яме «А» относится чаша малых размеров без орнамента⁶, аналогии которой имеются как в «киммерийских» погребениях Северного Причерноморья и Крыма, так и на других памятниках кизил-кобинской культуры.

В верхнем слое ямы «Б» обнаружен фрагмент конической миски с ленточной ручкой⁷, которая имеет аналогии в культуре Бассарабь-Шолданешты [7, с. 138, № кат. 200]. Кувшиноподобные сосуды без ручек⁸ также встречаются на памятниках Бассарабь-Шолданешты [7, с. 102, № кат. 133]. Фрагмент корчаги биконической⁹ находит аналогии среди материалов Немировского городища [8, с. 173, рис. 143].

Все указанные аналогии позволяют датировать поздние материалы шурфа № 1 и верхнего заполнения ям А-Б временем не раньше VIII в. до н.э. Горшковидные же сосуды с лепными валиками, по всей видимости, либо относятся к самому раннему заполнению хозяйственной ямы горизонта поздней бронзы, либо

¹ Также следует отметить, что из отчёта В. А. Колотухина не всегда ясно, происходит ли часть материала собственно из ям А-Б или из заполнения шурфа № 1 над ними.

² Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году / Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 30.1, 9.

³ Там же. Рис. 30.2-6.

⁴ Там же. Рис. 30.8.

⁵ Там же. Рис. 31.1, 3, 8-9.

⁶ Там же. Рис. 30.7.

⁷ Там же. Рис. 31.4.

⁸ Там же. Рис. 31.2, 31.6.

⁹ Там же. Рис. 31.5.

это наследие архаичных традиций, которое гипотетически могло сохраняться до предскифского времени, как в культуре Сахарна.

На данный момент можно выдвинуть следующую предварительную гипотезу: в шурфе № 1 В. А. Колотухиным были обнаружены 2 ямы: ранняя эпохи финала поздней бронзы и нарушившая её яма населения VIII в. до н.э. Хронологически материалы шурфа № 1 относятся к 2 разным горизонтам, не связанным между собой генетически.

Поселение Таш-Джарган-1

Поселение расположено между Калиновой и Ташджарганской балками. В. А. Колотухин, основываясь на распространении фрагментов керамики, определял его площадь в размерах 400×350 м. Однако, как показывает практика, определение площади памятника подобным методом весьма противоречиво и потому носит условный характер.

На территории поселения расположены 3 невысокие курганные насыпи, а также прослеживаются остатки каменных стен. Верхняя часть культурного слоя была нарушена к моменту раскопок при снятии дерна в ходе сельскохозяйственных работ. На территории памятника был собран подъёмный материал и заложено 3 шурфа размерами 2×2 м на расстоянии 60 и 120 м друг от друга. Мощность культурного слоя, прослеженная в шурфах, составила от 0,2 до 0,55 м. Культурный слой состоял из гумуса, лежавшего на материковой скале. Материал поселения Таш-Джарган-1 крайне фрагментирован¹.

Условно керамику можно разделить на 4 группы:

1) группа верхних профильных частей сосудов;

2) группа венчиков;

3) группа стенок сосудов;

4) группа фрагментов кубков и черпаков.

К *верхним профильным частям сосудов* относятся: фрагменты горшка с лепным валиком, венчик сосуда с лепным валиком; фрагмент верхней профильной части кубковидного сосуда с резко отогнутым венчиком; фрагменты мисок сферических и с отогнутым венчиком и плечом с выделенным уступом; фрагмент чаши с кизил-кобинским орнаментом в виде пояса горизонтальных наколов под венчиком и идущими вниз от него наклонными резными линиями; фрагмент корчаги с кизил-кобинским орнаментом; венчик сосуда с плавным отгибом; фрагмент кубковидного сосуда².

К *группе венчиков* относятся: венчик сосуда, плавно отогнутый, с округлым утолщением по краю; венчик сосуда, плавно отогнутый с заостренным краем³.

Группа стенок сосудов включает фрагменты 3 стенок с кизил-кобинской орнаментацией наколами и резными линиями⁴.

К *группе фрагментов кубков и черпаков* относятся: фрагмент кубковидного сосуда, без орнамента, с дуговидной шейкой и косо срезанным венчиком, уступом по плечу и приземистым туловом, 2 схожих с ним по форме фрагментированных кубка с кизил-кобинским орнаментом; фрагмент стенки и петлевидной ручки черпака с кизил-кобинским орнаментом⁵. Интересен фрагмент кубка, по форме схожий с описанными здесь, орнаментированный косыми каннелюрами⁶, а также фрагмент приземистого кубка с резко отогнутым венчиком, образующим на переходе к горлу сосуда острый угол, плавным ребром на середине высоты сосуда, украшенный на тулове крупными круглыми штампами и косыми резными

² Там же. Рис. 38.1, 4, 9-10, 5, 7, 13, 14, 3.

³ Там же: рис. 38.8, 11.

⁴ Там же: рис. 38.12, 15, 16.

⁵ Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году / Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. Рис. 37.

⁶ Там же. Рис. 37.1.

¹ Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году / Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. С. 11-12.

линиями под ними, расположенными косо, под углом друг к другу¹.

Подобные формы кубков и элементы орнамента встречаются в лесостепной зоне среди культур Сахарна, чернолесской, что позволяет определять раннюю дату поселения Таш-Джарган-1 не раньше VIII в. до н.э. Собственно же кизил-кобинская орнаментация, например, из резных линий, образующих острые треугольники вершиной вниз, в сочетании с поясом мелких наколов над ними, чаще встречаются на кизил-кобинских памятниках от VII до V вв. до н.э. В связи с этим предварительные датировки памятника Таш-Дажрган-1 определяются в рамках около середины VIII–VII вв. до н.э. Наличие фрагментов горшков с валиками не обязательно противоречит такой датировке. Как указывалось выше, сосуды с валиками ещё встречаются в культуре Сахарна, а также на городище Немиров. Не противоречат этой датировке и фрагменты каменных молотков предскифского времени, а также глиняный штамп².

Сложнее объяснить обнаружение в шурфе № 3 бронзовой булавки малых размеров, с вислообразным щитком и свернутой в петлю головкой³. Дело в том, что полные аналогии этой булавке имеются на поселении Льговское (Туш-3) в юго-восточном Крыму (горизонт финала поздней бронзы)⁴, а также на памятниках культур позднего бронзового века Северного Причерноморья, где самые поздние датировки таких изделий не выходят за рамки XII–XI вв. до н.э. [9, рис. 18.3, 19.6, 21.9, 22.7].

Проблема в том, что В. А. Колотухин в отчёте не указал, где именно стратиграфически находилась данная булавка – в верхнем заполнении шурфа или у его под-

ножья? Предполагаю, что данная булавка относится к горизонту позднего бронзового века, и, учитывая контекст находок, попадание её в кизил-кобинский слой (если так вообще было) случайно.

Поселение Холодная балка

Поселение расположено в 4 км к югу от Симферополя, на северо-восточном склоне Холодной балки вдоль пересохшего русла р. Западный Булганак. Площадь поселения определена В. А. Колотухиным в размерах с северо-запада на юго-восток 350–400 м, шириной не более 80 м. Большая часть культурного слоя поселения была разрушена при строительстве шоссе Симферополь–Партизаны и нарезки террас под лесонасаждения. Непотревоженной осталась полоса шириной 20–30 м между шоссе и руслом реки.

По указанию В. А. Колотухина, чётко выраженного культурного слоя на поселении не наблюдалось. Отдельные находки залегали на глубине 0,4–0,7 м, что, видимо, соответствовало древней дневной поверхности. На фоне жёлтого суглинка откоса прослеживались тёмные пятна заполнения хозяйственных ям, 10 из которых были исследованы. В основном ямы расположены на расстоянии не более 20–30 м одна от другой. Они имели цилиндрическую или конусовидную в разрезе форму, диаметр по дну составлял в среднем не более 1,5–1,6 м, глубина от 0,4 до 0,7–1 м. Некоторые ямы были сдвоенными. Основное количество сосудов происходит из ям №3 и № 3-А, а также из пункта № 1 (скопление развала керамики)⁵.

Типы керамики поселения Холодная балка представлены фрагментами сосудов нетипичных форм, горшками, мисками, корчагами, кубками и чашами. Горшки крупных размеров с широким горлом и туловом, резко сужающимся к

¹ Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году / Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. Рис. 37. 6.

² Там же. Рис. 36, 69.

³ Там же. Рис. 70.4.

⁴ Фонды ИАМЗ Неаполь Скифский, К. о. № 296. КП 6031 М 2201.

⁵ Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году / Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. С. 15–18.

плоскому донцу малых размеров¹, имеют аналогии на Каменском городище [10, с. 97, табл. IX.2Б], в материалах степных памятников предскифского времени [7, с. 32, № кат. 34], и датируются VIII–VII вв. до н.э. Горшки малых размеров баночно-го типа, малых и средних размеров вытянутых пропорций, с плавно отогнутым венчиком и расширением тулова в верхней трети сосуда, горшки средних размеров с шаровидным туловом и плавно отогнутым венчиком (один из экземпляров украшен лепным валиком с несомкнутыми загнутыми концами), а также тюльпановидный сосуд с резными вертикальными линиями² имеют аналогии в наборах сосудов памятников предскифского и раннескифского времени и датируются в рамках VIII–VII вв. до н.э. Сюда же относится цедилки³. Миски представлены фрагментом казаноподобной формы и сферической формы⁴. Чаши представлены сосудами малых и крупных размеров. Малые чаши украшены резным орнаментом в виде наклонных линий и круглыми штампами вдоль линий и под венчиком⁵. Они имеют аналогии в памятниках предскифского времени, в т. ч. и в одном из черноморовских погребений Крыма (Пролом 1) [11, рис. 15.1]. Указанные элементы орнамента встречаются и в черноморской культуре [12, с. 66, рис. 40.4], что позволяет датировать их для Крыма в рамках VIII в. до н.э. Сферические чаши крупных размеров с отогнутым венчиком и уступом по плечу сосуда, с кизил-кобинским резным орнаментом в виде острых заштрихованных треугольников вершиной вниз и перекрещивающихся прямых лент⁶ имеют аналогии на других кизил-кобинских памятниках, и датиру-

ются в рамках VII в. до н.э. Кубки и фрагмент черпака⁷ имеют аналогии на памятниках предскифского времени. Аналогии фрагментированным нетипичным горшковидным сосудам с кизил-кобинским орнаментом⁸ подобрать трудно, но судя по орнаментации, они датируются в рамках VIII–VII вв. до н.э. Фрагмент верхней профильной части нетипичного сосуда казаноподобной формы с кизил-кобинским орнаментом⁹ имеет аналогии на поселении Строгоновка (раскопки 2021 г.). Определить датировки этого типа сосудов затруднительно. Дело в том, что на поселении Строгоновка эти сосуды датируются VII–VI вв. до н.э. [13, с. 44–45, рис. 8]. Но наиболее близкие аналогии им (в т. ч. в элементах орнамента) имеются на Жаботинском поселении [14, с. 258, табл. 105], а это строго VIII в. до н.э. Для Холодной балки на данном этапе можно предложить только суммарную датировку в рамках VIII в. до н.э. или, с наибольшей вероятностью, VII в. до н.э. Также трудно подобрать аналогии фрагментам нетипичных горшковидных сосудов¹⁰. В целом, по комплексу керамики, представляется возможным датировать объекты поселения Холодная балка в рамках VIII–VII вв. до н.э.

Заключение

На основе анализа керамического комплекса (и немногочисленных изделий из камня и металла) можно предложить *предварительные* датировки рассмотренных памятников ранней кизил-кобинской культуры. Наиболее ранним из них является поселение Таш-Джарган-2. По всей вероятности, оно возникло уже в начале VIII в. до н.э. Возможно даже, что и в IX в. до н.э., однако для столь ранней датировки оснований пока мало.

Функционировало оно, по всей видимости, в пределах VIII в. до н.э. Следую-

¹ Колотухин В. А. Отчет об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году / Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. Рис. 51.10–11.

² Там же. Рис. 51.1–7, 9.

³ Там же. Рис. 51.8, 13.

⁴ Там же. Рис. 51.15; 52.4.

⁵ Там же. Рис. 52.5, 11.

⁶ Там же. Рис. 52.7.

⁷ Там же. Рис. 52.8, 10, 12.

⁸ Там же. Рис. 52.6, 9.

⁹ Там же. Рис. 52.2.

¹⁰ Там же. Рис. 51: 12, 14.

щим возникло поселение Таш-Джарган-1 около середины–конца VIII в. до н.э. В целом, датировки этого памятника определяются в границах исхода VIII–VII вв. до н.э.

Позднее других возникло поселение Холодная балка, возможно, что также в конце VIII в. до н.э., но с наибольшей вероятностью оно возникло и функционировало в VII в. до н.э. Нетипичный орнаментированный фрагмент казановидного сосуда, обнаруженный в Холодной балке, позволяет довести эти датировки и до VI в. до н.э.

Но главное, это то, что ранние кизил-кобинские памятники (судя по тому, что мы знаем на данный момент) не связаны хронологически и генетически с предшествующими памятниками финала поздней бронзы этих же территорий.

Вновь поднимается вопрос о происхождении кизил-кобинской культуры. Из рассмотренных материалов видно, что керамический комплекс (а также такая категория материала, как, например, каменные молотки) ранней кизил-кобинской культуры предельно схож с материальным комплексом ранних кочевников степи Северного Причерноморья и Крыма, представленного черноморовскими и

новочеркасскими древностями. В пользу этого говорит схожесть керамики груболепной степной группы, а также то, что парадная лощёная керамика не имеет чёткой структуры на системном уровне (в отличие от лощёной керамики населения лесостепи). Лощёная керамика как кизил-кобинцев, так и «киммерийцев», носит характер подражаний либо прямых импортов из лесостепи и культур гальштатского круга. Также в районе предгорной зоны современного Симферополя, в долине р. Салгир, встречаются и «киммерийские» погребения по соседству с кизил-кобинской культурой [15].

Все это даёт основания предложить следующую *предварительную гипотезу* о генезисе кизил-кобинской культуры: она возникла в результате перехода части степного «киммерийского» населения к жизни в предгорной зоне Крыма. Трансформация системы экономики в новой экологической нише быстро привела к некоторому обособлению этого населения, и быстрому формированию новой кизил-кобинской культуры, которая стала развиваться параллельно со степными поздними киммерийцами и появившимися вслед за ними ранними скифами на Крымском полуострове¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лучинский Н. Д. Кизил-кобинские памятники центральной группы Горного Крыма: хронология начальной стадии (XI–X вв. до н.э.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 119–128. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128
2. Лучинский Н. Д. Начальные кизил-кобинские памятники Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма: проблемы хронологии и преемственности (XI–X вв. до н.э.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 5. С. 139–151. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-139-151
3. Сmealова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетей, 2015. 248 с.

¹ Надо быть справедливым. На самом деле, эту мысль впервые озвучил мой руководитель С. Г. Колтухов в личной беседе на раскопках в Строгоновке летом 2021 г. Как выясняется теперь, по всей видимости, он был прав. Также я обязан выразить благодарность моему дорогому другу, ныне сотруднику ИАК РАН Р. Чикину, который также в личной беседе оспаривал моё первоначальное мнение, что кизил-кобинская культура начинается уже в финале поздней бронзы. Именно это его замечание впоследствии навело меня на мысль проверить, действительно ли ранние кизил-кобинские памятники хронологически и генетически связаны с культурами позднего бронзового века. В итоге появилась эта статья, за что этим дорогим мне людям я и выражаю благодарность.

4. Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
5. Граков Б. Н., Тереножкин А. И. Субботовское городище // Советская археология. 1958. № 2. С. 164–178.
6. Кашуба М. Т. Раннее железо в Лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 241–488.
7. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX – первая половина VII вв. до н.э.). Киев: Издатель Олег Финюк, 2017. 338 с.
8. Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН / Г. И. Смирнова, М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашуба, Е. Г. Старкова СПб., 2018. 336 с.
9. Лысенко С. С. Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы. Кишинев, 2021. 688 с.
10. Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре. М.: АН СССР, 1954. 240 с.
11. Колтухов С. Г. Киммерийцы Степного и Предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплекты» IX–VII вв. до н.э.). Симферополь, 2022. 116 с.
12. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: АН УССР, 1961. 248 с.
13. Колтухов С. Г. Строгоновка – поселение раннего железного века // История и археология Крыма. 2024. Вып. XXI. С. 40–55.
14. Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.
15. Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины реки Салгир // История и археология Крыма. 2016. № 3. С. 47–78.

REFERENCES

1. Luchinsky, N. D. (2023). Kizil-Kobin monuments of the central group of the Mountain Crimea: chronology of the initial stage (11th–10th centuries BC). In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 5, Circumpontica-V, pp. 119–128. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128 (in Russ.).
2. Luchinsky, N. D. (2024). The initial dogwood-Kobin monuments of the South-Western and South-Eastern Crimea: problems of chronology and continuity (11th–10th centuries BC). In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 5, 139–151. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-139-151 (in Russ.).
3. Smekalova, T. N., Koltukhov, S. G. & Zaitsev, Yu. P. (2015). *Atlas of the late Scythian fortifications of the foothill Crimea*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russ.).
4. Vanchugov, V. P. (1990). *Belozersky monuments in the North-West Black Sea region. The problem of the formation of Belozersky culture*. Kyiv: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
5. Grakov, B. N. & Terenozhkin, A. I. (1958). Subbotovsky settlement. In: *Soviet archeology*, 2, 164–178. (in Russ.).
6. Kashuba, M. T. (2000). Early iron in the Forest-steppe between the Dniester and Siret (Koziya-Sakhar-na culture). In: *Stratum plus*, 3, 241–488 (in Russ.).
7. Gavrilyuk, N. A. (2017). *Stucco ceramics of the early nomads of the Northern Black Sea region (9th – first half of the 7th centuries BC)*. Kyiv: Publisher Oleg Finyuk (in Russ.).
8. Smirnov, G. I., Vakhtin, M. Yu., Kashuba, M. T. & Starkov, E. G. (2018). *Settlement Nemirov on the Southern Bug River. Based on excavations in the 20th century from the collections of the State Hermitage Museum and the Scientific Archive of the IIMK RAS*. St. Petersburg (in Russ.).
9. Lysenko, S. S. (2021). *Decorations of the population of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age*. Chisinau (in Russ.).
10. Grakov, B. N. (1954). *Kamensky settlement on the Dnieper*. Moscow: AS USSR Publ. (in Russ.).
11. Koltukhov, S. G. (2022). *Cimmerians of the Steppe and Piedmont Crimea (funerary monuments and "sets" of the 9th–7th centuries BC)*. Simferopol (in Russ.).
12. Terenozhkin, A. I. (1961). *Pre-Scythian period on the Dnieper Right Bank*. Kyiv: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR (in Russ.).

13. Koltukhov, S. G. (2024). Strogonovka – a settlement of the early Iron Age. In: *History and archeology of Crimea*, XXI, 40–55 (in Russ.).
14. Daragan, M. N. (2011). *The beginning of the early Iron Age in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe*. Kyiv: CST Publ. (in Russ.).
15. Koltukhov, S. G. & Senators, S. N. (2016). Burials of pre-Scythian and Scythian times in the mounds of the Salgir river valley. In: *History and archeology of Crimea*, 3, 47–78 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинский Николай Дмитриевич (г. Москва) – лаборант Института археологии Российской академии наук;
e-mail: lunin kolya2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay D. Luchinsky (Moscow) – Laboratory Assistant, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences;
e-mail: lunin kolya2015@yandex.ru

Научная статья

УДК 930.26

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-96-109

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЫБЫ В КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Керцева Г. Н.¹, Керцев Р. Ю.²

¹ Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания
г. Владикавказ, Российская Федерация

² Комитет по охране и использованию объектов культурного наследия
Республики Северная Осетия – Алания
г. Владикавказ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.11.2025

После доработки 02.12.2025

Принята к публикации 18.12.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть особенности изображения рыбы в кобанской культуре.

Процедура и методы. Были проанализированы изображения рыбы на предметах различного функционального назначения в различные хронологические периоды.

Результаты. На основе изучения предметов кобанской культуры установлено, что фигурки рыб встречаются на предметах вооружения или в виде отдельных подвесок. В ранний период фигуры рыб изображаются на лопастях, боковых частях и обухе топоров, в поздний период рыбы помещаются на боковых сторонах. Семантически рыба сближается с образом хищника.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в обобщении и систематизации материала по исследуемой теме. Практическое значение имеет возможность уточнения датировки кобанских топоров в зависимости от расположения рыб в композициях на их поверхности. Предложен новый подход к семантике изображений рыб.

Ключевые слова: кобанская культура, рыба, Северный Кавказ, эпоха бронзы – ранний железный век

Для цитирования:

Керцева Г. Н., Керцев Р. Ю. Изображение рыбы в кобанской культуре // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 96–109.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-96-109

Original research article

THE IMAGE OF A FISH IN KOBAN CULTURE

G. Kertseva¹, R. Kertsev²

¹ *Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania
Vladikavkaz, Russian Federation*

² *Committee for the Protection and Use of Cultural Heritage Sites
of the Republic of North Ossetia – Alania
Vladikavkaz, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: gal.volnaya@yandex.ru*

Received 10.11.2025

Revised 02.12.2025

Accepted 18.12.2025

Abstract

Aim. The goal is to examine the features of fish images in the Koban culture.

Methodology. Images of fish on objects of various functional purposes were analyzed in different chronological periods.

Results. Based on the study of Koban culture items, it has been established that fish figures are found on weapons or as separate pendants. In the early period, fish figures are depicted on the blades, sides, and hafts of axes, while in the later period, fish are placed on the sides. Semantically, the fish is associated with the image of a predator.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in the generalization and systematization of the material on the subject under study. The practical significance lies in the possibility of refining the dating of Koban axes, depending on the location of the fish in the compositions on their surface. A new approach to the semantics of fish images has been proposed.

Keywords: Koban culture, fish, North Caucasus, Bronze Age - Early Iron Age

For citation:

Kertseva, G. N. & Kertsev, R. Yu. (2026). The image of fish in Koban culture. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 96–109. DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-96-109

Введение

В прикладном искусстве кобанской культурно-исторической общности (ККИО) изображения фигурок рыб встречаются в памятниках Центрального варианта: в Верхнекобанском, Глийском, Стырфазском могильниках, из Цоисской коллекции, могильниках, а также Западного варианта в мог. Клин-Яр. Изображения фигурок рыб известны в виде гравировки на бронзовых топорах, поясах, пряжках, булаве, фибулах. Встречаются литые фигурки рыб, выполненные в мелкой бронзовой пластике. Видовую принадлежность

рыб сложно определить, но, учитывая, что в быстрых холодных горных реках (р. Гизельдон, Большая Лиахва), возле которых расположены вышеуказанные могильники Центрального варианта ККИО водится исключительно форель ручьевая (отряд Лососеобразные – Salmoniformes, вид *Salmo trutta fario*) [1, с. 29–30, 33, табл. II.5], можно предположить, что изображается именно эта рыба. Тело форели более или менее сжато с боков; морда короткая и усечённая; на сошнике находятся зубы. Туловище форели покрыто мелкой чешуёй, а её бока покрыты красными или чёр-

ными пятнами (рис. 1.1). Если сравнить изображения рыбы в прикладном искусстве кобанской культуры с изображением рыбы в определителе животных, то они достаточно похожи.

Привески в виде рыбы

В кобанской культуре рыбы встречаются в виде отдельных привесок из Верхнекобанского мог., Стырфазского мог., недокументированная из Северной Осетии (рис. 1.2-6), об этом свидетельствуют петельки и отверстия в районе морды. Привески в виде рыб крепились к какой-то основе, например, к треугольнику как фигурки из погребения позднеимперского периода Стырфазского могильника (табл. 1.6) или фигуре летящей птицы на подвеске из погребения колхидской культуры Куланурхвского мог. (рис. 1.7).

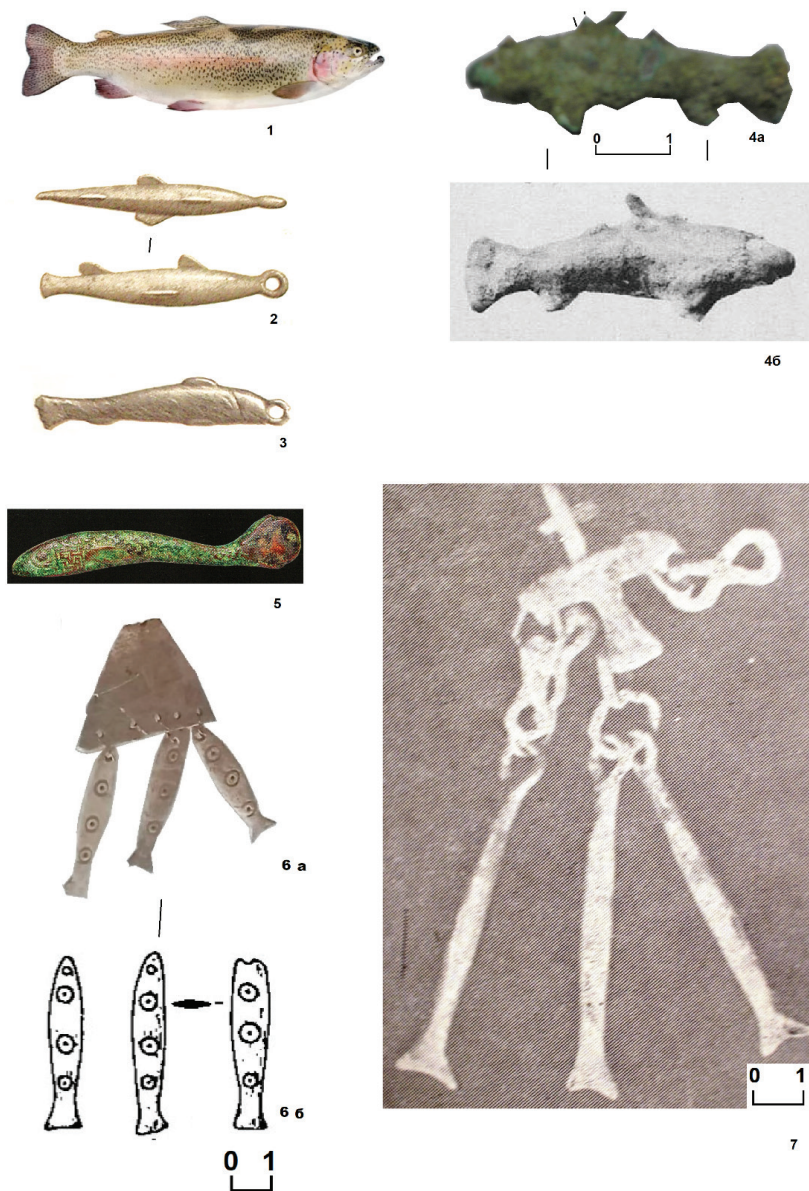
Изображения рыбы на бронзовых топорах

Наиболее ранние изображения фигурок рыб в кобанской культуре встречаются на топорах с двоякоизогнутым корпусом XII–X вв. до н.э. (рис. 2-3). Как правило, изображения рыб помещаются в область щёк проуха и торцевой стороне топора, обухе и соседствуют с изображениями змей или черепахи/лягушки, отражая водную стихию обитания этого животного. По Скакову это подгруппа 1/1, где на лопасти змея «переползает» с лопасти на лопасть (Тлийский мог. погр. 18, 23, 39, 208, 215а). В 4 случаях между змеями на лопастях изображены кружки и «соляные знаки». На обухе в 4 случаях изображались зигзаги и 1 раз возле проуха. Скаков выделяет в особую подгруппу 2/2 подтреугольные рамки с рыбами. Известно 2 экз. из погр. 16 и 18 Тлийского мог. [2, с. 73]. На полотне топора бывает помещено изображение хищника с длинным хвостом. Топоры с дважды изогнутым корпусом с этим типом изображений происходят из Центрального Кавказа, относятся к раннему типу топоров кобанской культуры и датируются XII–X вв. до н.э. [3, с. 81].

В 1991 г. в окрестностях г. Кисловодска в мог. Клинь-Яр III (рук. А. Б. Белинский) в грунтовом погр. 362 обнаружен бронзовый топор с дважды изогнутым корпусом, украшенный прорезными изображениями рыб и змей, инкрустированных железом (рис. 3.6). На лицевой и тыльной сторонах проушины располагаются изображения 3 попарно расположенных групп рыб и кружков, пространство внутри которых заполнено пуансонными точками. Они отделены от лезвийной части гравированным пояском, лицевая часть которого покрыта косой штриховкой, охватывающим «шейку» топора. Еще одна рыба, находится ниже него на лицевой стороне топора справа. Ниже пояса, на обеих лопастях топора, выгравированы изображения 2 змей, инкрустированных железом. Клинь-Ярский топор явно связан своим происхождением с горными районами Центрального Кавказа и уникален для древностей Пятигорья начала раннего железа. Погребение, в котором найден топор датируется первой половиной VIII в. до н.э. [4, с. 333–335, рис. 249].

Также в ряде случаев изображения рыб из Тлийского и Кобанского мог. помещаются непосредственно на лопасти топора. Это могут быть 2 плавающие рыбы, размещённые поперёк или наискосок лопасти; 7 рыб вдоль лопасти, повторяющие свой композицией её форму; рыба, атакующая хищника; рыба в окружении змей и хищников (рис. 4). Обращают на себя внимание две схожие композиции на топоре из мог. Фаскау (рис. 2.1) и топоре из Тлийского мог. (рис. 4.2), где протомы хищников и фигурки рыб размещены однотипно.

На топорах с прямым корпусом позднего периода начала второй половины X – начала VII в. до н.э. изображения рыбы встречается как правило в области проуха на боковой части топора (рис. 5.1,3,4,6). Однако из погр. 264 Тлийского могильника известно изображение рыбы на лопасти топора рядом с фигурой быка. С фигурами быка рыба встречается

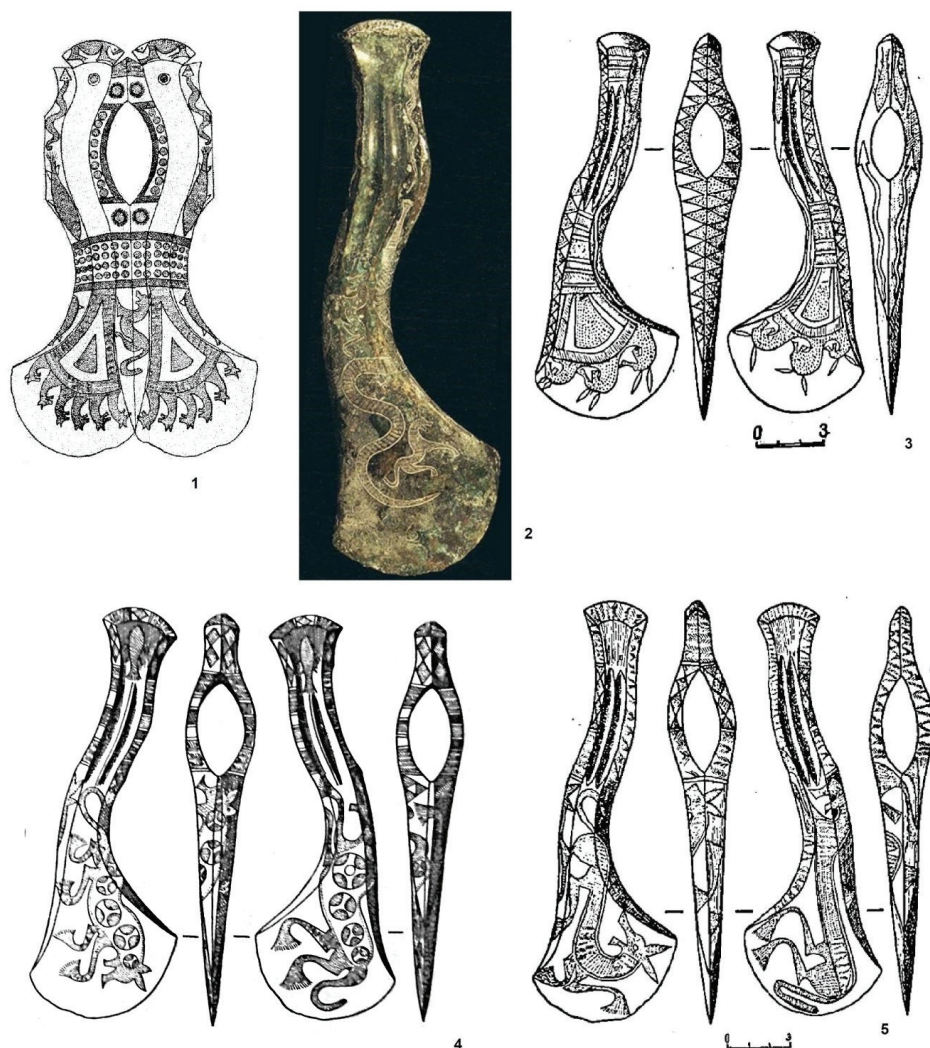

Условные обозначения:

1. Форель; 2. Верхнекобанский могильник; 3. Верхнекобанский мог. 4. Верхнекобанский мог. Погр. IX. 5. Северная Осетия. Национальный музей РСО-Алания; 6. Стырфазский мог. Погр. 3. Южная Осетия; 7. Куланурхваский мог. Погр. 1, Абхазия 2–5,7 – бронза, 6 – кость

Рис. 1 / Fig. 1. Форель и изображения отдельных фигурок рыб / Trout and images of individual fish figures

Источник: 1 – [1, табл. II.5], 2 – Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Période protohistorique. Atlas. Paris: Ch. Reinwald, Libraire; Lyon: Henri Georg, Libraire, 1885–1887, 1886. Pl. XX bis, 5-7, [5, табл. XXXIX.16]; 3 – Chantre, 1886. Pl. XXIV.15; 4a – Музей естественной истории. Вена. Инв. № 41.551, фото автора, 46 – [5, табл. XL.7]; 5 – Легенды Кавказа. Владикавказ: Веста, 2013. С. 36; 6a – Экспозиция Национального музея Южной Осетии; 6б – Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. С. 551. Рис. 26; 7 – [8, с. 117, табл. II.3]

Условные обозначения:

1. Фаскау; 2. Адайдонский мог.; 3. Тлийский мог. Погр. 262; 4. Тлийский мог. Погр. 282; 5. Тлийский мог. Погр. 271

Рис. 2 / Fig. 2. Бронзовые топоры с двоякоизогнутым корпусом с изображением рыбы / Bronze axes with a double-curved body with a picture of a fish

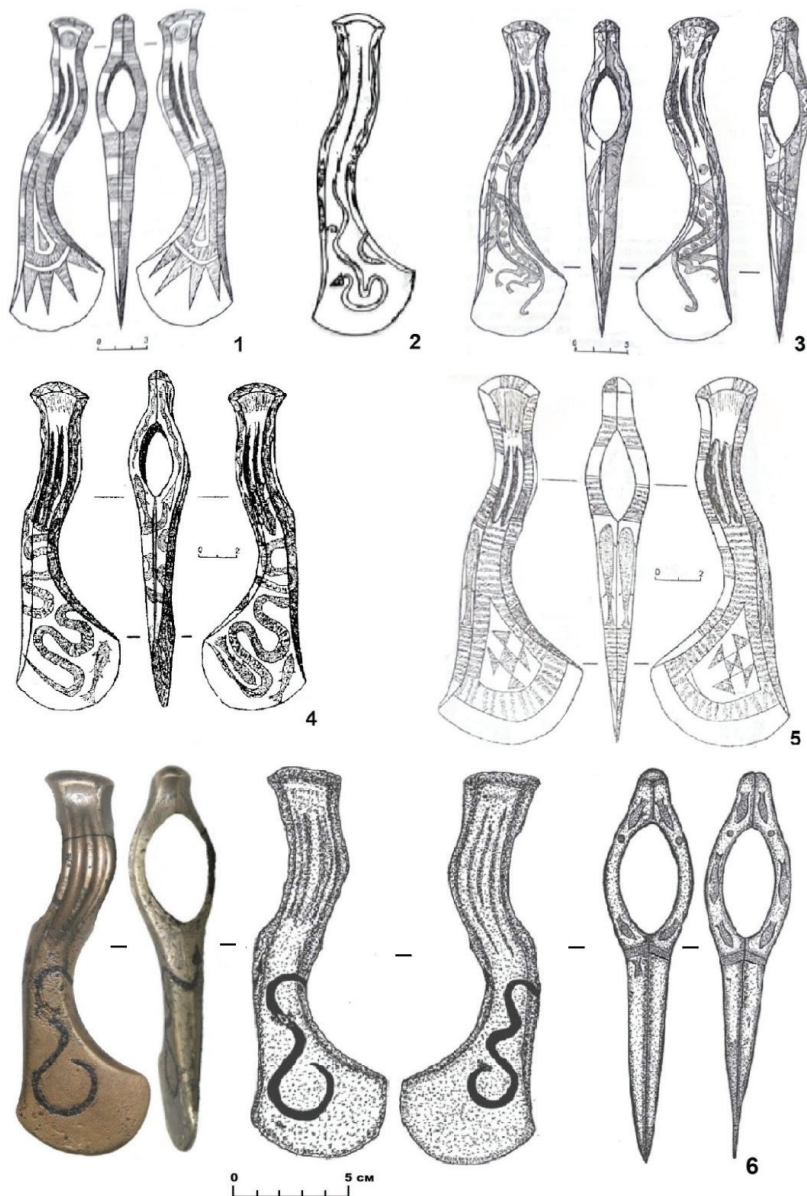
Источник: 1 – Hanchar F. Probleme des Kaukasischen Tierstils. Wien, 1935. Taf. V.; 2 – Сокровища Алалии. М.: Эксмо, 2011. С.81. 77а; 3 – [3, рис. 69]; 4 – [6, рис. 10]; 5 – [3, рис. 68]

ся также на поясе из погр. 350 Тлийского мог (рис. 6,3).

Для кобанской культуры характерно использование изображения рыб рядом со змеями и черепаками на боковых частях топора. Хищники, как правило, изображаются на лопасти топора. Это рас-

пределение закрепилось на разных зонах топора в течение всего периода кобанской культуры.

Изображения рыб рядом со змеями известны на лопастях ряда топоров подгруппы ½ (по А. Ю. Скакову), но расположение рыб между извилами ползущей

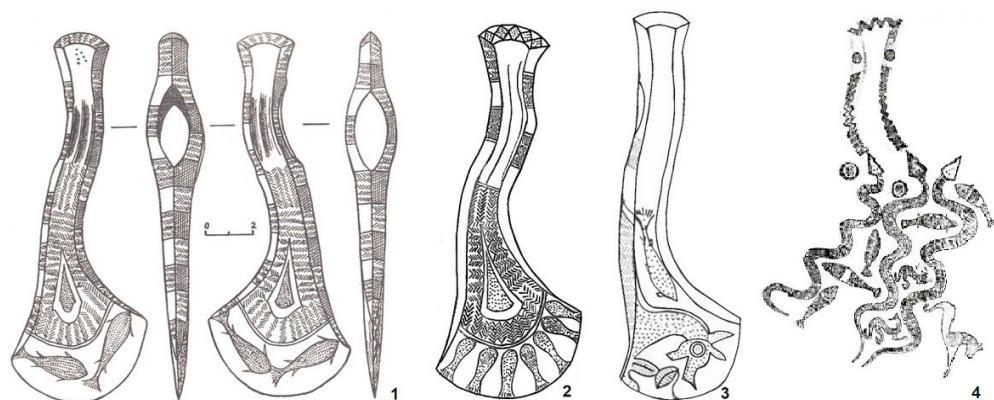

Условные обозначения:

1. Тлийский мог. Погр. 234; 2. Мог. Фаскау; 3. Тлийский мог. Погр. 233; 4. Тлийский мог.; 5. Тлийский мог.; 6. Мог. Клин-Яр III. Погр. 362

Рис. 3 / Fig. 3. Бронзовые топоры с двоякоизогнутым корпусом с изображением рыбы / Bronze axes with a biconcave body depicting a fish

Источник: 1 – [3, рис. 66]; 2 – Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М.: РАН, 1999. Рис. 2; 3 – [3, рис. 67]; 4 – Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. Рис. 35.2); 5. – Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. С. 279. Рис. 35.1; 6 – Якшина О. А. Раннекобанский бронзовый топор из могильника Клин-Яр III: Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории в работах молодых исследователей. Вып. 8. Ставрополь, 2021. С. 57–60. Рис. 1-2.

Условные обозначения:

1. Тлийский мог. Погр. 16; 2-3. Тлийский мог.; 4. Кобанский могильник.

Развёртка гравированной композиции на кобанском тополе из раскопок Антоновича

Рис. 4 / Fig. 4. Бронзовые топоры с двоякоизогнутым корпусом с изображением рыб/рыбы на лопасти / Bronze axes with a double-curved body with the image of fish/fish on the blade

Источник: 1 – [6, рис. 16]; 2-3 – [6]. 4 – по Куфтин, 1949. С. 194. Рис. 38.

змеи характерно исключительно для более ранней подгруппы 1/1 (Кобанский мог., погр. 23, 39.215а Тлийского мог., мог. Фаскау из собрания Б. Дзелихова в ГИМе № 497,202) [2, с. 123; 5, рис. 15, 16). Такие топоры характерны для центрально-кобанского варианта.

Изображения рыб на бронзовых поясах

Изображение рыб встречается в кобанских памятниках на бронзовых поясах, которые появляются на территории Северного Кавказа в X в. до н.э. и связаны с Закавказьем и Передней Азией. Рыбы встречаются в сценах «шестивия животных»: копытных и хищных. В таких сценах рыбы появляются на поясах из Тли, а также на поясах из Закавказья со сценой охоты.

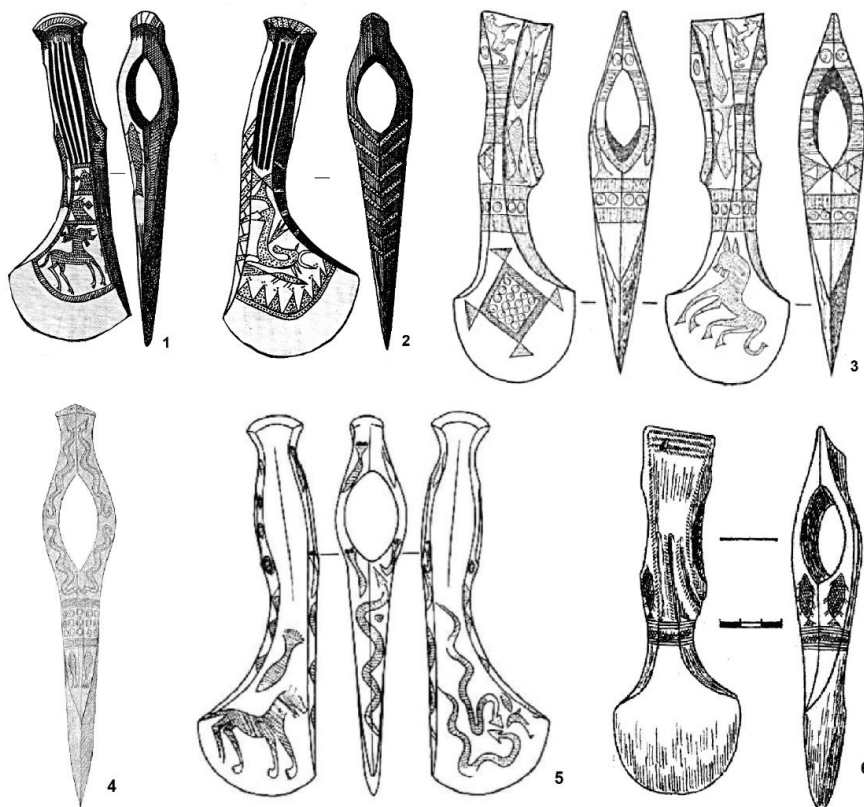
Одним из таких предметов является бронзовый пояс из Газахского района на северо-западе Азербайджана. Ещё 1 бронзовый пояс с изображением рыбы был выявлен Жаком де Морганом в местности Мёвджу, около оз. Гекча. Следует отметить, что на бронзовых орнаментированных поясах Южного Кавказа, осо-

бенно происходящих из Самтаврского могильника в Грузии (рис. 6.3-4), изображения различных рыб встречается достаточно часто [7, с. 120–123, рис. 1.2-3]. Рыба изображена в «сцене охоты» лучника на оленей в качестве атакующей наряду с лучником и быками на бронзовом поясе из погр.350 Тлийского мог. (рис. 6.2).

Рыба встречена на урартийском поясе со сценой «шестивия животных» из погр. 425 Тлийского мог., где наряду с копытными и хищниками принимают участие и рыбы (рис. 6.1). Фигуры животных перемежаются наклонными, прямыми крестами, розетками и рядами окружностей.

Одним из широко распространенных сюжетов в изобразительном искусстве Южного Кавказа начала I тыс. до н.э. являются совместные изображения собаки-волка с рыбой. Оба образа связываются с водной стихией, считаются «хозяевами воды», и в изобразительном искусстве это сочетание образов сохраняется до периода средневековья [7, с. 121].

Соединение рыбы с хищным животным встречается также в изображении 4 фигурок Сэнмурва (Паскуджа) на бронзовом поясе VIII–VII вв. до н.э. из

Условные обозначения:

1. Тлийский мог. Погр. 76; 2. Тлийский мог. Погр. 264; 3. Тлийский мог. Погр. 52;
4. Кобанский мог.; 5. Кобанский мог.; 6. «Цоисская коллекция»

Рис. 5 / Fig. 5. Бронзовые топоры с прямым корпусом с изображением рыб начала – II половины X – начало VII в. до н.э. / Bronze axes with a straight body depicting fish of the beginning – II half. 10th century – beginning of the 12th century BC

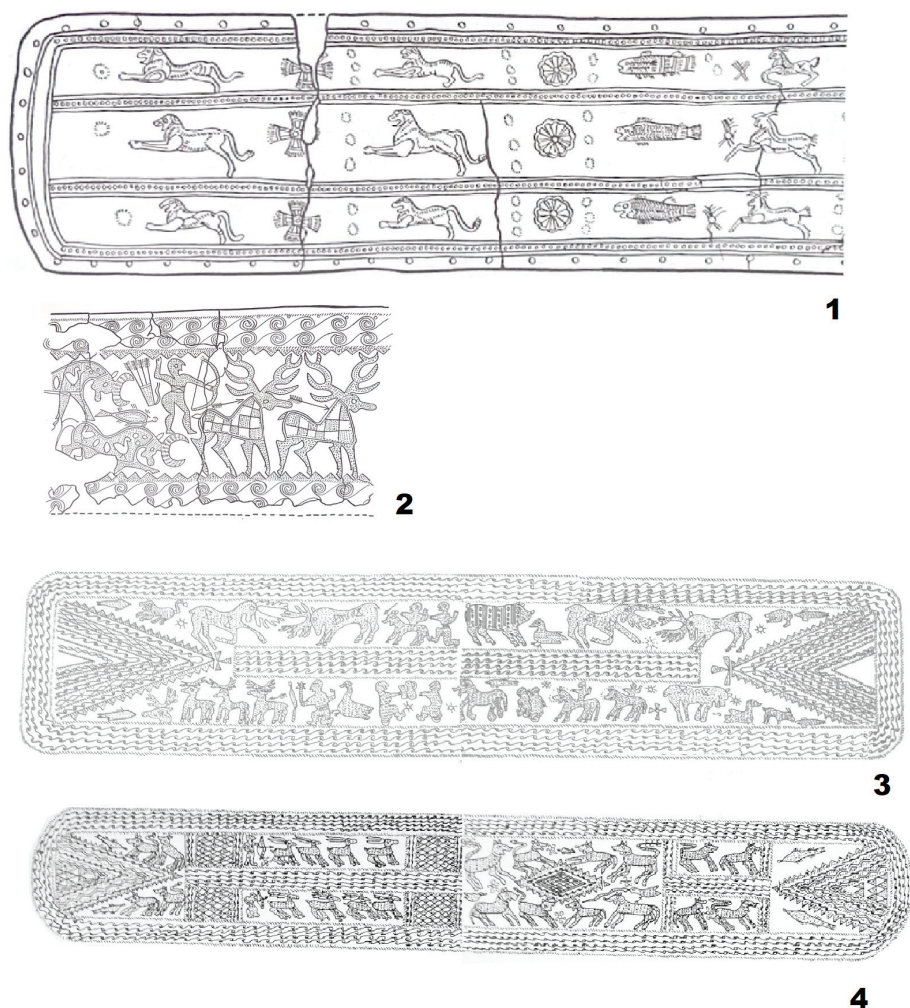
Источник: 1 – Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. Пятигорск: Снег, 2009. С. 41; 2 – Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. Пятигорск, 2009. С. 41; 3 – Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ Ир, 2006. С. 281. Рис. 38.2; 4 – Уварова, 1900. Рис. 11; 5 – Уварова, 1900. Рис. 10; 6 – Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ Ир, 2006. С. 259. Рис. 4.3.

погр. 419 Тлийского мог. Тело крылатого хищника покрыто чешуёй [8, с. 114–115]. Иконография животных на этом поясе характерна для восточнокавказской иконографии (рис. 6.3-4), а сам образ характерен для иранской мифологии [7, рис. 1.2-3].

**Изображения рыб
на бронзовых пряжках**

На бронзовых поясных пряжках кобанской культуры из Кобанского и Тлий-

ского могильников изображения рыб появляются довольно поздно в V–IV вв. до н.э. [10, с. 160, рис. 6]. Пряжки с 2 рыбами могут располагаться как симметрично (рис. 7.3), так и ассиметрично (рис. 7.1-2, 4-5). На пряжке из Кобанского могильника из коллекции Венского музея естественной истории две рыбы находятся за копытным животным (рис. 7.4). На другой пряжке из Кобанского могильника из Сен-Жерменского музея (рис. 7.3) две рыбы на-

Условные обозначения:

1. Тлийский мог., погр.425; 2. Тлийский мог. Погр. 350;
3. Самтаврский мог.; 4. Самтаврский мог. Погр. 281

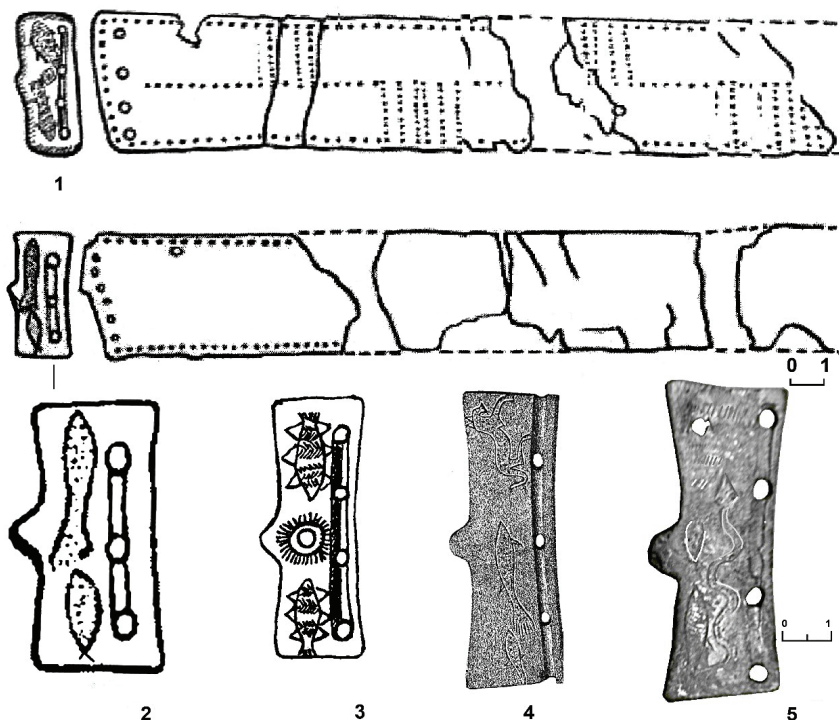
Рис. 6 / Fig. 6. Бронзовые парадные пояса с изображением рыб / Bronze ceremonial belts depicting fish

Источник: 1 – Техов Б. В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал, 2001. Табл. 86; 2 – Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. С. 297; 3 – Lordkipanidse O. Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter. Quellen und Forschungen zur prähistorischen und provincialrömischen Archäologie, Band 5. Acta Humaniora. VCH Verlagsgesellschaft, Weinheim, 1991. Abb.43.1; 4 – Там же. Abb.44.1b.

ходятся над змеей. Создаётся впечатление, что рыбы гонятся за хищником и змеей. Обращает на себя внимание двойность изображения рыб. Изображения двух пар рыб встречаются на поясах Самтаврского

могильника (рис. 6.3-4). На одной из пряжек между рыбами помещены концентрические окружности с лучами (рис. 7.3).

Иногда под изображением хищников помещают зигзагообразную линию, обо-

Условные обозначения:

1. Тлийский мог. Погр. 108а; 2. Тлийский мог. Погр. 132; 3. Тлийский мог. Погр. 409;
4. Кобанский мог.; 5. Сен-Жерменский музей

Рис. 7 / Fig. 7. Бронзовые пряжки с изображением рыб / Bronze buckles depicting fish

Источник: 1 – Техов Б. В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал, 2001. Табл. 5.2; 2 – Там же. Табл. 4.3; 3 – Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. Табл. 150.10; 4 – Собрание Музея естественной истории, Вена [5, табл. XXIV.3]; 5 – фото автора.

значающую движение наземной воды. Такая линия встречается на бронзовых топорах и поздней хронологической группе бронзовых поясных пряжках «типа Исти-Су» (V в. до н.э.) [9, рис. 2].

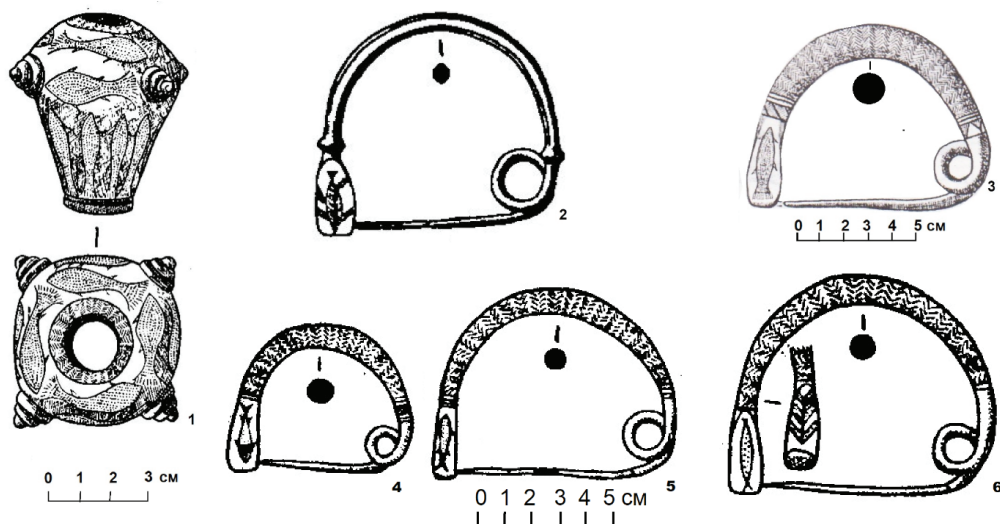
Изображения рыб на бронзовой булаве

Изображение рыб известно на вершини бронзовой булавы с 4 шишечками этого же периода (рис. 8.1) XII–X вв. до н.э. Навершие булавы украшено 12 изображениями рыб. Между шишечками помещено по 1 рыбе, на верхней плоскости булавы вокруг отверстия 4 рыбы расположены одна за другой. Между ними

и отверстием идёт тонкая кольцеобразная линия с ёлочным орнаментом. Булава являлась парадным или ритуальным предметом – символом власти. Б. В. Техов датирует её широко с XIV–XIII вв. до н.э. до конца II тыс. до н.э. [3, с. 112].

Изображения рыб на бронзовых фибулах

Изображение рыбы встречается на иглоприёмнике бронзовых дугообразных фибул (рис. 8.2-6) Тлийского мог. Фибула из тонкой проволоки более ранняя, датируется около конца XII в. до н.э. (рис. 8.2). Остальные фибулы с ёлочным орнаментом на более широкой дуге появляются

Условные обозначения:

1. Тлийский мог. Погр. 57; 2. Тлийский мог.;
3. Тлийский могильник; 4-6. Тлийский мог.

Рис. 8 / Fig. 8. Бронзовое навершие булавы и бронзовые фибулы с изображением рыб / Bronze top of maces and bronze brooches depicting fish

Источник: 1 – [6, рис. 90.2]; 2 – Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. С. 427. Рис. 42.2; 3 – Там же. С. 284. Рис. 42.5); 4-6 – [3, с. 144, рис. 104.1,2,4]

конца X в. до н.э. Дугообразные фибулы в Тлийском мог. Были найдены в основном в мужских погребениях и относились к мужскому костюму [3, с. 143–144].

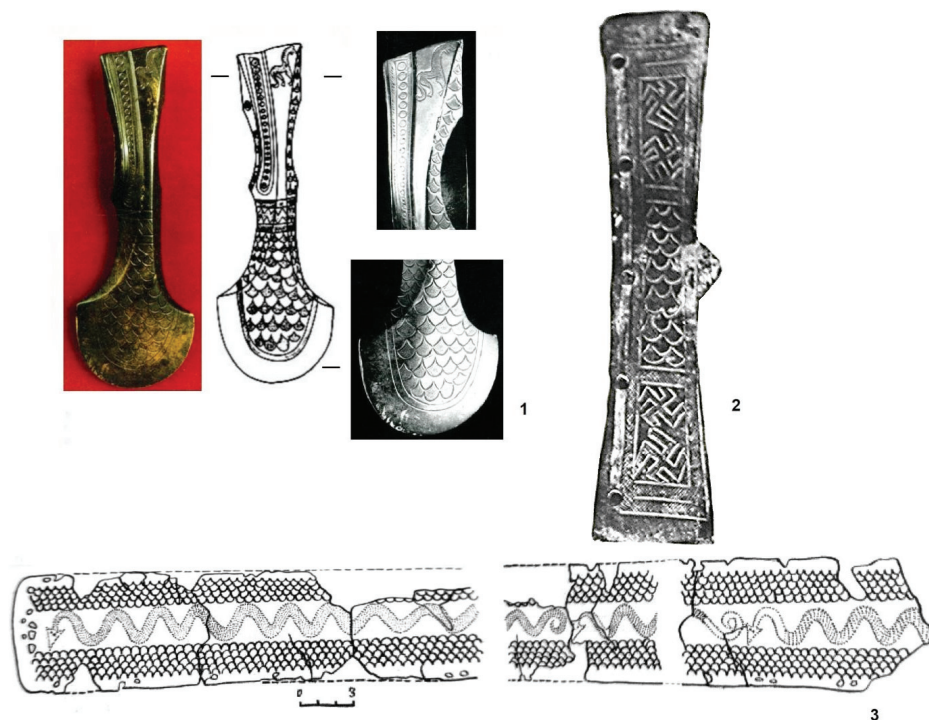
**Иконография рыбы
в кобанской культуре**

Плоскостные гравированные изображения рыбы представляют собой лизовидное тело с треугольными плавниками и хвостом. Хвост может быть изображён треугольником сплошной линией или веером их отдельных полос. Глаз обычно не изображался, но иногда на подвесках его отмечают окружностью. Туловище рыбы чаще всего заполнялось орнаментом из пуансона, в единичных случаях ёлочного орнамента (рис. 7.3), меандра и чешуи (рис. 1.5), окружностями с точкой (рис. 1.6). С образом рыбы связано изображение чешуи, которое встречается на лопасти топора с прямым корпусом (рис. 9.1), на бронзовой поясной пряжке

(рис. 9.2) из Кобанского могильника, а также на бронзовом поясе из погр. 206 Тлийского мог. (рис. 9.3). Рыба/рыбы и изображение рыбьей чешуи на предметах связаны с астральной символикой (окружности, концентрические окружности с лучами, свастические элементы, розетки, кресты различных видов), а также с водной стихией (зигзаги, волны тела ползущей змеи орнамент «бегущая волна», меандр), ёлочный орнамент на фибулах сопоставляется с растительностью, шерстью животных.

**Изображения рыбы в культурах эпохи
бронзы – раннего железного века**

Изображение рыбы встречается в искусстве многих народов и культур: в китайском, египетском, эллинском, римском, урартийском, колхидском, скифском. В колхидской культуре гравированное изображение рыбы встречено в Западном Закавказье в Абхазии на брон-

Условные обозначения:

1. Кобанский мог.; 2. Кобанский мог.; 3. Тлийский мог. Погр. 206.

Рис. 9 / Fig. 9. Изображение чешуи на бронзовых предметах кобанской культуры / Image of scales on bronze objects of Koban culture

Источник: 1 – Доманский, 1984. Рис. 11; 2 – Chantre E., 1886, рi VIII, № 5, № 27224; 3 – Техов Б. В. Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тысячелетия до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал, 2001. Табл. 12

зовых топорах из Эшерского могильника, на грани обушковой части топора из с. Кутол (находка 1956 г.) [11, с. 136, 212], на культовом предмете в виде летящей птицы с прикрепленными к ней на колечках тремя подвесками в виде рыб III–VI вв. до н.э. (рис. 1.7).

Изображение рыбы встречается в скифо-сибирском зверином стиле. А. Р. Канторович выделяет два типа изображения рыбы: Рилеевско-Солохский и Новозаведенско-Волковоцкий [12, с. 131].

Образ рыбы встречается в осетинском Нартовском эпосе, ранние сказания которого синхронны кобанской культуре. С рыбами сравнивают коней. Есть земной мир, где живут нарты и подводный мир – царство Донбеттыра.

Заключение

В рамках кобанской культуры (кобанской культурно-исторической общности) изображения рыб основном встречаются в памятниках её центрального варианта: в Верхнекобанском, Тлийском, Адайдонском могильнике, Стырфазском могильнике, Цоисской коллекции. Топор из погр. 362 могильника Клинь-Яр III также связан с горными районами Центрального Кавказа. Учитывая, что большая часть изображений рыб происходит из памятников горной зоны, можно предположить, что это изображение форели.

Фигурки рыб встречаются на предметах наступательного вооружения (бронзовых топорах, булаве) и элементах костюма (поясах, поясных пряжках, фибу-

лах) и в предметах культа (подвесках). Обращает на себя внимание тот факт, что изображения рыбы связаны с предметами военного быта. Бронзовые пояса и поясные пряжки являлись предметами защитного вооружения. Образ рыбы отражает военные занятия. На бронзовых поясах фигуры рыб встречаются в «сценах охоты» и «шествия зверей». «Сцены охоты» на поясах сопровождается орнамент «бегущая волна» (рис. 6.2-4).

В ранний период рыбы изображаются как на лопастях, так и на боковых частях и обухе топоров с двоякоизогнутым корпусом. В этот период рыбы изображаются одни без включения других зооморфных фигур. На поздних топорах с прямым корпусом рыбы помещаются, как правило, на боковых сторонах топора, а на лопастях размещается фигура хищника/хищников.

Рыбы изображаются рядом со змеями, черепахами/лягушками и однозначно их семантика связана с водной стихией.

На пряжках из Кобанского могильника рыбы преследуют бегущее животное (лошадь) и змею. Семантически рыба сближается с образом хищника: она замещает его на топорах, изображаются в «сценах охоты» на поясах, атакует хищника или змею на поясных пряжках.

Иногда рыбы бывают связаны с изображением быка.

Судя по анализу прикладного искусства материала кобанской культуры, рыба – это сложный многозначный образ, отражающий различные семантические значения, отображающий военные, солярные/астральные культы, персонаж, одновременно связанный с верхним и водным мирами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Б. А. Определитель позвоночных животных фауны СССР. Ч. 1. М.: Просвещение, 1974. 190 с.
2. Скаков А. Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М.: РАН, 1997. С. 70–87.
3. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 239 с.
4. Белинский А. Б., Дударев С. Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. 446 с.
5. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Вып. 8. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. 381 с.
6. Техов Б. В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 86 с.
7. Геюшева Т. Образ рыбы в изобразительном искусстве Азербайджана // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: сб. конф. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 120–123.
8. Чшиев В. Т. Древнеиранская собака-птица в кавказской металлопластике (по материалам кобанской археологической культуры) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. С. 111–118. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-111-118
9. Керцева Г. Н., Керцев Р. Ю. Поясные бляхи «типа Исти-Су»: происхождение, типология, семантика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2022. № 5. С. 103–114. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-103-114
10. Керцева Г. Н., Керцев Р. Ю. Трансформация зооморфных изображений на бронзовых трапециевидных пряжках кобанской культуры // Вестник Государственного университета просвещения. Серия история и политические науки. 2024. № 5. С. 160–164. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-152-164
11. Трапш М. М. Труды. Т. 1. Инвентарь Куланурхвского некрополя Памятника эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухум: Дом печати, 2017. 236 с.
12. Канторович А. Р. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 2022. 430 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov, B. A. (1974). *Determinant of vertebrate animals of the fauna of the USSR. Part 1*. Moscow: Enlightenment Publ. (in Russ.).
2. Skakov, A. Yu. (1997). On the question of the evolution of the decor of Koban-Colchis bronze axes. In: *Antiquities of Eurasia*. Moscow: RAS, 70–87 (in Russ.).
3. Tekhov, B. V. (1977). *Central Caucasus in the 16th–10th centuries BC*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
4. Belinsky, A. B. & Dudarev, S. L. (2015). *Burial ground Klin-Yar III and its place among the antiquities of the Caucasus and Southeast Europe at the beginning of the early iron era*. Stavropol: Design Studio B (in Russ.).
5. Uvarova, P. S. (1900). *Burial grounds of the North Caucasus. Iss. 8*. Moscow: Type of A. I. Mamontova Publ. (in Russ.).
6. Tekhov, B. V. (1988). *Bronze axes of the Tliysky burial ground*. Tbilisi: Metsniereba (in Russ.).
7. Geyusheva, T. (2010). The image of fish in the fine arts of Azerbaijan. In: *Archeology, ethnology, folklore of the Caucasus*. Tbilisi: Meridiani Publ., 120–123 (in Russ.).
8. Chshiev, V. T. (2023). Ancient Iranian bird dog in Caucasian metal plastic (based on materials from the Koban archaeological culture). In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 5, 111–118. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-111-118 (in Russ.).
9. Kertseva, G. N. & Kertsev, R. Yu. (2022). Belt plaques "of the Isti-Su type": origin, typology, semantics. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 5, 103–114. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-103-114 (in Russ.).
10. Kertseva, G. N. & Kertsev, R. Yu. (2024). Transformation of zoomorphic images on bronze trapezoidal buckles of Koban culture. In: *Bulletin of the State University of Education. History and political science series*, 5, 160–164. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-152-164 (in Russ.).
11. Trapsh, M. M. (2017). *Trudy. Vol. 1. Inventory of the Kulanurkhva necropolis Monuments of the Bronze and Early Iron Age in Abkhazia*. Sukhum: Dom Pechati Publ. (in Russ.).
12. Kantorovich, A. R. (2022). *The art of the Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution. Vol. 2*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Керцева Галина Николаевна (г. Владикавказ) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания; e-mail: gal.volnaya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7747-1770

Керцев Руслан Юрьевич (г. Владикавказ) – сотрудник Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Северная Осетия – Алания; e-mail: ruslan89604059594@gmail.com; ORCID: 0009-0005-9542-1231

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Kertseva (Vladikavkaz) – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Archaeology, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania; e-mail: gal.volnaya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7747-1770

Ruslan Yu. Kertsev (Vladikavkaz) – employee, Committee for the Protection and Use of Cultural Heritage Sites of the Republic of North Ossetia-Alania; e-mail: ruslan89604059594@gmail.com; ORCID: 0009-0005-9542-1231

Научная статья

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-110-125

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ МЕГАЛИТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Кудин М. И.^{1*}, Светлоярская А. А.²

¹ Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева
г. Майкоп, Российская Федерация

² Агентство историко-культурных проектов и экспертиз
г. Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: mixail-sochi@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2025

После доработки 24.11.2025

Принята к публикации 15.12.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблемы возникновения и эволюции архитектуры мегалитических сооружений на Западном Кавказе, их семантику, архитектуру сооружений, причины появления и развития мегалитической архитектуры.

Процедура и методы. Использовались методы комплексного междисциплинарного подхода и эмпирического исследования. Проведены измерения, наблюдения и сравнения мегалитических памятников и окружающих их сакральных ландшафтов.

Результаты. Предлагается гипотеза, что возникновение и развитие мегалитической архитектуры связано с взаимодействием человека с сакральными ландшафтами. Были выявлены древние сакральные природные объекты, являющиеся предвестниками появления рукотворных мегалитов. Обнаружены «протодольменные» рукотворные формы, которые в процессе эволюции преобразовались в дольмены. Знаковые астрономические направления, отмечаемые осями и вершинами почитаемых природных камней, совпадают с основными направлениями небесной ориентации дольменных памятников. Многие из этих камней позднее были встроены в дольменные ансамбли. Часть из них были преобразованы в полумонолитные (скальные) дольмены. Прослеживается линия развития от природных алтарных камней к развитым конструкциям, имеющих трёхчастную структуру и внутреннее пространство.

Теоретическая и/или практическая значимость. Появление мегалитической архитектуры следует рассматривать как результат взаимодействия человека с сакральными ландшафтами и объектами. Взаимодействуя с этими объектами, человек создал «протодольменные» формы, которые в процессе эволюции преобразовались в дольмены.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, культ камня, мегалитическая архитектура, скальный дольмен, алтарь, мировая ось, лиминальное пространство, протодольменные формы

Для цитирования:

Кудин М. И., Светлоярская А. А. К вопросу о возникновении и эволюции мегалитической архитектуры Западного Кавказа // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 110–125.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-110-125

© СС ВУ Кудин М. И., Светлоярская А. А., 2026.

Original research article

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN AND EVOLUTION OF MEGALITHIC ARCHITECTURE OF THE WESTERN CAUCASUS

M. Kudin¹, A. Svetloyarskaya²

¹ T. M. Kerashev Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research
Maykop, Russian Federation

² Agency of historical and cultural projects and expertise
Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: mixail-sochi@mail.ru

Received 26.09.2025

Revised 24.11.2025

Accepted 15.12.2025

Abstract

Aim. The article considers the problems of the emergence and evolution of the architecture of megalithic structures in the Western Caucasus, their semantics as architectural structures, the reasons for the emergence and development of megalithic architecture.

Methodology. The methods of an integrated interdisciplinary approach and empirical research were used. Measurements, observations and comparisons of megalithic monuments and the surrounding sacred landscapes were carried out.

Results. The hypothesis is proposed that the emergence and development of megalithic architecture is associated with human interaction with sacred landscapes. There were identified ancient sacred natural objects that were the harbingers of the emergence of man-made megaliths. "Proto-dolmen" man-made forms have been discovered, which in the process of evolution transformed into dolmens. The symbolic astronomical directions marked by the axes and tops of the revered natural stones coincide with the main directions of the celestial orientation of the dolmen monuments. Many of these stones were later built into dolmen ensembles. Some of them were transformed into semi-monolithic (rock) dolmens. The line of development is traced from natural altar stones to developed structures with a three-part structure and interior space.

Research implications. The emergence of megalithic architecture should be considered as a result of human interaction with sacred landscapes and objects. Interacting with these objects, humans created "proto-dolmen" forms, which in the process of evolution were transformed into dolmens.

Keywords: sacred landscape, cult of stone, megalithic architecture, rock dolmen, altar, world axis, liminal space, proto-dolmen forms

For citation:

Kudin, M. I. & Svetloyarskaya, A. A. (2026). To the question of the origin and evolution of megalithic architecture of the Western Caucasus. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 110–125.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-110-125

Введение

Мегалитические постройки являются древнейшими объектами архитектуры на территории Российской Федерации. Несмотря на значительность заявлен-

ного факта, дискуссий на эту тему в научной среде практически нет, поскольку абсолютное большинство специалистов, занимающихся темой изучения мегалитического наследия, рассматривают его

строго в рамках археологической или исторической дисциплин.

Парадокс, однако, заключается в том, что, исходя из данных последних исследований, собственная археологическая культура дольменов Западного Кавказа не выявлена [1, с. 8; 2, с. 26–27]. В таком случае возникает вопрос: что изучают археологи? Судя по всему, археология в данном вопросе зашла в тупик, т. к. все основные выводы по поводу мегалитов сводятся к изучению артефактов, оказавшихся в дольменах при вторичном использовании¹, и к попыткам некой каталогизации сохранившихся памятников и их типизации, в основном по признакам объёмно-конструктивных особенностей. Широкий же круг вопросов, связанный с возникновением, назначением, семантикой их как архитектурных сооружений, отдан на откуп широкой публике, порой оперирующей лишь псевдонаучными категориями, что неизбежно порождает огромное количество вымыслов и абсурдных гипотез [3, с. 26–42].

В статье «Ландшафт как предмет охраны памятников мегалитической архитектуры» рассмотрены взаимосвязи ландшафта и мегалитических построек и сооружений [4]. При дальнейшем внимательном изучении этого вопроса был сделан вывод, что мегалитическая архитектура Западного Кавказа феноменальна: *её породила не некая предыдущая архитектурная традиция, а древние сакральные ландшафты*, точнее говоря, их взаимодействие с человеком, взаимопроникновение замыслов природы и человеческой инженерной мысли. Далее мы раскроем смысл и значимость этого утверждения.

¹ Доступность дольменов могла привести к тому, что в них могли попасть и предметы намного старше самих памятников. А. М. Новичихин приводит пример использования в качестве оберегов и амулетов неолитических каменных тесел в античной Горгииппии (См.: Новичихин А. М. К вопросу о догреческом поселении на месте Горгииппии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. №5. 2023. С. 12–22. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-12-22)

Итак, нами проведены наблюдения, измерения и сравнения мегалитических памятников и окружающих их сакральных ландшафтов на территории Лазаревского района Большого Сочи и Туапсинского района. Главными источниками послужили как известные мегалитические ансамбли, так и не упомянутые ранее в научной литературе, выявленные в ходе полевых исследований культовые камни и окружающие их сакральные ландшафты.

Археоастрономические наблюдения и расчёты позволили выявить ориентацию исследованных памятников на знаковые календарные положения небесных светил, связанные с природными маркерами (скалы, горные вершины, распадки) и возникающие в эти даты светотеневые эффекты в окружающем ландшафте.

Возникновение и развитие мегалитической архитектуры

Схемы, построенные по принципу пересечения двух окружностей или множеств и представляющие собой *vesica piscis* или мандорлу, очень удачно иллюстрируют законы возникновения и развития (эволюции) мегалитической архитектуры. Именно поэтому в данном исследовании подобные схемы будут основным иллюстративным материалом. Стоит отметить, что этот символ известен с древнейших времён и часто присутствует в том или ином виде, иногда завуалированно, на объектах мегалитической архитектуры. Ряд ассоциированных с ним символов включает: горы с двумя вершинами, изображения ромбов, равнобедренных треугольников, а также изображение близнецов.

Рассмотрим схему возникновения мегалитической архитектуры (рис. 1).

Если с «человеком», т. е. человеческой деятельностью, в процессе создания мегалитической архитектуры всё очевидно – человек выступает активным творцом, то словосочетание «сакральные ландшафты» требует пояснения. Несмотря на то, что в настоящее время целый ряд иссле-

Рис.1 / Fig. 1. Принципиальная схема возникновения мегалитической архитектуры / Schematic diagram of the emergence of megalithic architecture

Источник: составлено авторами

дователей использует этот термин, единого подхода к трактовке этого не выработано. Поэтому считаем необходимым привести свою трактовку «сакральных ландшафтов» применительно к мегалитической архитектуре.

Под «сакральными ландшафтами» мы будем подразумевать такие ограниченные территории, в которых иерофаниями (проявлениями сакрального) становятся не просто необычные природные образования (пещеры, камни, скалы причудливой формы, пирамидальные либо имеющие 2 вершины горы), но и их взаимосвязи с ключевыми событиями, происходящими в данном небесном пейзаже (календарно-астрономическими, сезонными циклами и ключевыми моментами положений небесных тел восходящих/заходящих в пороговой зоне горного горизонта, на границе между нижним и верхним миром) и создающих необычные светотеневые эффекты в ландшафте, элементы которого становятся не только ярким проявлением сакрального, но и превращаются во временные якоря.

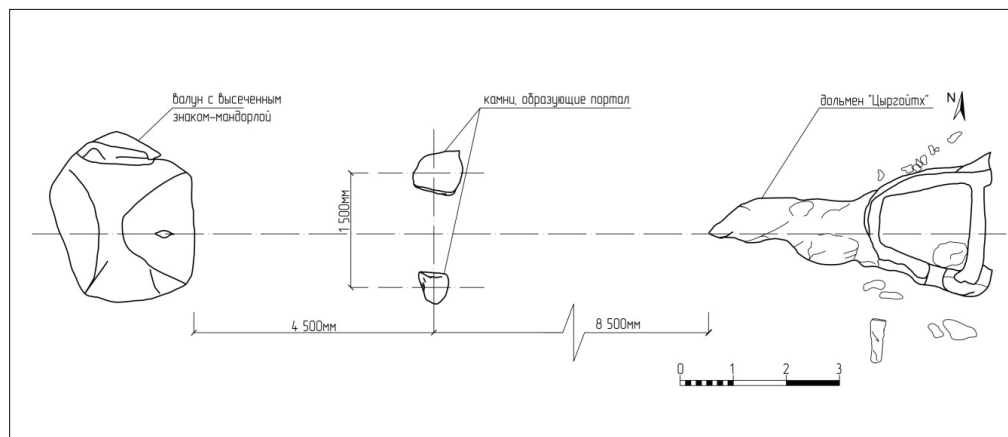
Для иллюстрации этого определения приведём несколько примеров сакральных ландшафтов, связанных с мегалитами.

Пример 1: Полумонолитный дольмен с ложным входом Цыргойтх расположен на широкой плоскости одноимённого плато, со всех сторон окружённого

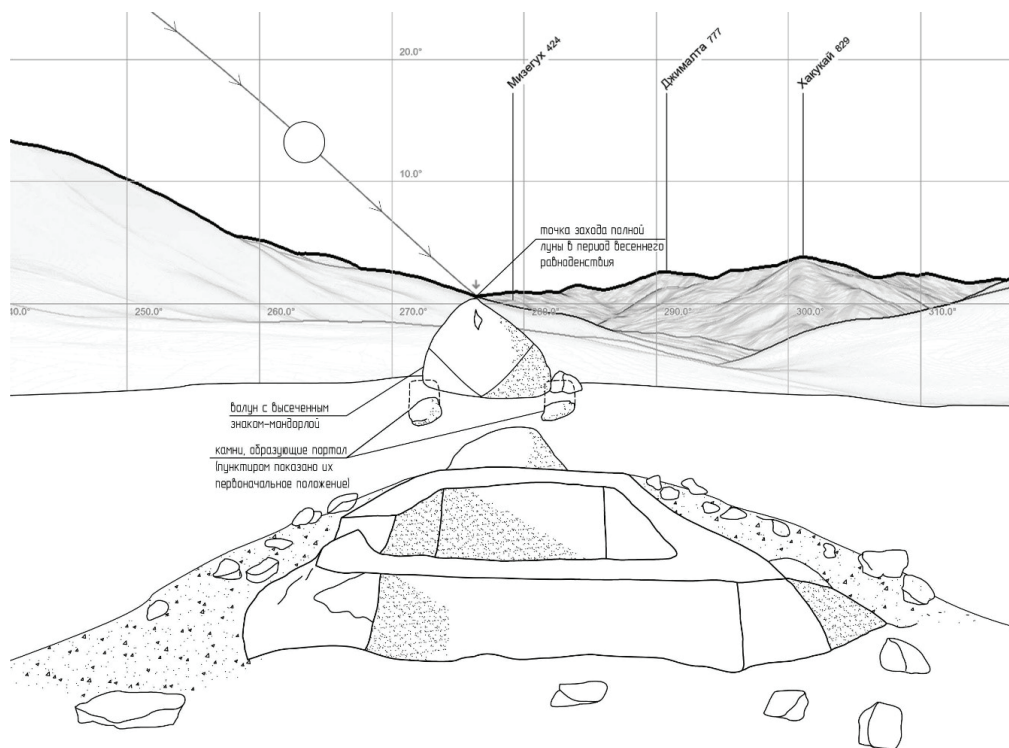
горными хребтами и вершинами. Он высечен в природной глыбе песчаника треугольной формы. Вершина треугольника направлена на частично обработанный валун пирамидальной формы, расположенный на оси памятника в 13 м западнее (азимут с учётом магнитного склонения – 277°). Важность этого направления дополнительно подчеркнута 2 вертикально поставленными камнями, расположенными между дольменом и валуном, которые образуют своеобразный портал. В верхней части пирамидального валуна выбит грубый ромбовидный знак со сглаженными боковыми углами (мандорла). В нижней части камня высечены 2 линии, под углом спускающиеся вниз, соединяющиеся вместе и образующие на валуне большой ромбовидный знак (рис. 2). Вершина валуна на оси дольмена отмечает точку пересечения дальнего и ближнего горного склона. В этой точке заходит полная Луна в период весеннего равноденствия.

Главный фасад дольмена отмечает восход полной луны в распадке между гор в период равноденствий. Вход дольмена ориентирован на юг. В этом направлении наблюдается кульминация светил, а также самая высокая пирамидальная гора в данном ландшафте. Кроме важных и впечатляющих календарно-астрономических событий, сакральность окружающего дольмен пространства отмечают светотеневые эффекты. После захода луны в направлении, отмеченном валуном с мандорлой, восходящее с противоположной стороны солнце окрашивает пирамидальную вершину горы, располагающуюся напротив входного отверстия дольмена, в красный цвет, в то время как все остальные горы находятся ещё в темноте [4, с. 97–98].

Необычное расположение природных глыб, из которых был создан дольмен Цыргойтх – «стрела», ориентированная в пространстве с востока на запад и указывающая на пирамидальный валун, отмечающий естественным путём важный

1. План мегалитического ансамбля дольмена Цыргойтх

2. Вид от фасада дольмена Цыргойтх на заход полной Луны в период весеннего равноденствия

Рис. 2/ Fig. 2. Дольмен Цыргойтх / Dolmen Tsigoytix

Источник: составлено авторами с помощью программы PeakFinder

сезонный рубеж, показывает, что это место почиталось как сакральное ещё до строительства дольмена. Такие места во многих культурах считались воплощением мифического времени. Они были не

просто частью ландшафта, но и *космогоническими событиями*, происходящими с определённой периодичностью.

Пример 2: Центральным элементом мегалитического ансамбля в дольменной

группе «1-й дачный» в долине р. Цусквadge, вокруг которого он, по-видимому, и сформировался, является **природный валун пирамидальной формы**, направленный осью на вершину горы (высота склона 20° , азимут с учётом магнитного склонения – 158°), из-за которой в этом направлении встаёт солнце в зимнее солнцестояние (рис. 3.1). Позднее северо-восточная и юго-западная стороны валуна были искусственно доработаны. Здесь снята значительная часть породы, чтобы придать валуну более выраженную пирамидальную форму.

Такая доработка боковых поверхностей встречается и на других мегалитических памятниках Причерноморья. Подобную форму, например, имеет чашечный алтарный камень из урочища «Ландыши», валун с вертикальным чашевидным углублением в группе «Три дуба». Поверхность валуна, обращённая вниз по склону, также была обработана, чтобы придать валуну форму ромба (рис. 3.2).

На вершине пирамиды находится, возможно, природный следовик, направленный на точку восхода солнца в равноденствия (азимут 110°). От следовика вниз спускаются расположенные в ряд 3 небольшие лунки. Образованная ими

линия, как и сам валун, направлены на точку восхода солнца в зимнее солнцестояние. На юго-западной, обработанной вертикальной плоскости валуна, направленной на закат солнца в зимнее солнцестояние, изображены 4 солярных знака, подчеркнутые расположенной ниже горизонтальной линией.

Ниже по склону от пирамидального валуна расположена ещё одна крупная природная глыба песчаника. В её восточной части был высечен полумонолитный дольмен. Его главный фасад находится ниже, справа от пирамиды. Вертикальная плоскость остальной части глыбы, находящаяся напротив пирамиды, также была тщательно обработана, и в верхней части вытесана алтарная площадка. С левой стороны композицию уравнивает корытообразный дольмен, сопоставимый по размеру с полумонолитом.

Ещё левее на этой же линии находится корытообразный дольмен меньших размеров. С правой стороны, ниже и правее дольменов, расположен плоский валун, покрытый многочисленными лунками. За лунками, со стороны дольменов, на плоскости валуна выбито неглубокое углубление, напоминающее следовик огромных размеров. Сам «следовик» и ряд наиболее крупных лунок направле-

1. Восход солнца в зимнее солнцестояние над вершиной валуна

2. Ромбовидная форма валуна с юго-восточной стороны

Рис. 3 / Fig. 3. Пирамидальный валун в дольменном ансамбле группы «1-й дачный» в долине р. Цусквadge / Pyramidal boulder in the dolmen ensemble of the "1st Dachny" group in the valley of the Tsuskvadzhe River

Источник: фото авторов

ны на точку восхода солнца в равноденствия. Выше и чуть левее пирамидального валуна на небольшом скальном выступе находится пяточная и фасадная плита разрушенного плиточного дольмена. Остальные плиты находятся рядом.

Описанный дольменный ансамбль с запада и востока естественно ограничен 2 небольшими ручьями. Северо-западная граница ограничена линией лежащих в ряд крупных камней размером 0,8–1 × 0,6–0,7 м, высотой около 0,5 м. Таким образом, за плиточным дольменом в это ограниченное пространство оказываются вписаны еще 3 крупные, природные глыбы песчаника, которые, вероятно, также являлись частью комплекса. Одна из них находится на оси центральной пирамидальной глыбы и также имеет пирамидальную форму. К сожалению, она пострадала от современной добычи камня песчаника.

Принцип анализа сакральных ландшафтов

Основополагающим принципом, по которому мы анализируем сакральные ландшафты Западного Кавказа, является «осевой принцип»: в каждом таком ландшафте непременно присутствует ось. Ось, Мировая ось, Мировое Древо, Мировая гора – в представлении древних людей это неперенный атрибут мироустройства, имеющий вертикальную, обычно трёхчастную структуру. Этот принцип характерен практически для всех древних культур [5, с. 32–35]. В подтверждение справедливости вышесказанного в отношении мегалитической культуры стоит отметить, что многие исследователи сходятся во мнении, что мегалитические постройки символизируют собой ось мира [6, с. 575; 7, с. 54–55], земной эквивалент точки небесного вращения.

Для подробного анализа «осевого принципа» следует обратиться к труду Р. Генона и использовать приведённые им термины «гора» и «пещера» [8, с. 244–

248]. Эти термины тем более удобны в нашем исследовании, что они совершенно естественным образом проявляются в сакральных ландшафтах буквальным образом. Итак, существуют 2 осевых принципа: «гора» и «пещера», которые, впрочем, настолько взаимосвязаны между собой и инвертны, что порой перетекают друг в друга или содержатся один в другом, что мы наблюдаем и в реальных ландшафтах. «Гора», эквивалентом которой являются пирамиды, курганы и т. п., имеет более первозданный характер, нежели «пещера», эквивалентом которой является чаша. Схематически «гора» изображается в виде треугольника с вершиной, устремлённой вверх, а «пещера» – символ, инвертный «горе», изображается треугольником, обращённым вершиной вниз (рис. 4). Следует отметить, что с точки зрения мифической космогонии гора обладает функцией медиатора между небесным, земным и подземным мирами.

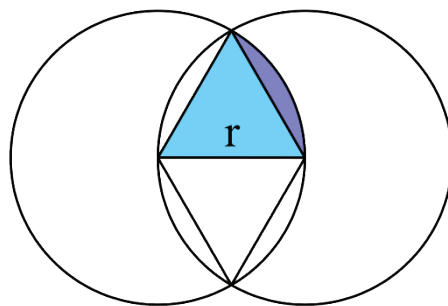

Рис. 4 / Fig. 4. Схема «гора и пещера», вписанные в vesica piscis / The diagram of the "mountain and cave" inscribed in the vesica piscis.

Источник: составлено авторами

В таблице 1 приведены объекты природных сакральных ландшафтов в соответствии с обозначенными выше осевыми принципами.

Естественно, что в ландшафтах присутствуют и другие сакральные объекты: река, море, небесные светила, деревья. Однако в данном исследовании мы сосредоточимся именно на осевых объектах, связанных с горой и пещерой, ко-

Таблица 1 / Table 1

Объекты природных сакральных ландшафтов / Objects of natural sacred landscapes

Принцип «гора»	Принцип «пещера»
Двуглавые горы, скалы и валуны	Природные пещеры
Пирамидальные горы, скалы и валуны	Естественные чаши (выпавшие геологические конкреции)
Зоо(антропо)-морфные скалы	Скальные ниши и гроты

Источник: составлено авторами

торые главным образом и повлияли на развитие мегалитической архитектуры, а также укажем на роль небесных светил, с которыми мегалиты и связывают землю.

В качестве примера рассмотрим валун пирамидальной формы, расположенный у подножия скального дольмена-пирамиды в Мамедовом ущелье. Валун имеет выраженную пирамидальную форму. Вершина пирамиды и её грань, направленная с запада на восток, отмечают точку восхода солнца над горным склоном в равноденствия. С восточной стороны на валуне имеется природная лунка, появившаяся в результате выпадения конкреции (рис. 5.1). Очевидно, что эти обстоятельства предопределили почитание валуна как объекта иерофании и оси мира.

О том, что этот природный алтарь почитался и в более позднее время, свидетельствуют следы обработки валуна. На

его западной грани была высечена ромбовидная фигура (рис. 5.2), а восточная грань была искусственно расколота так, чтобы придать центральной части глыбы ромбовидную форму (рис. 5.1). Таким образом, в этом памятнике предстают оба осевых принципа: принцип «горы» (пирамидальный валун) и принцип «пещеры» (природная лунка), ярко подчеркнутые двумя разнонаправленными треугольниками на западной грани пирамиды.

Поклонение подобным природным камням, связанным с важными астрономическими событиями, сохранилось на Западном Кавказе вплоть до начала XX в. Почитаемый камень в Чегемском ущелье называли «гулдоргу». Продолжительность дня определялась в зависимости от того, как падают на него лучи солнца. В самые короткие дни года, в зимнее солн-

1. Восточная грань валуна с лункой

2. Западная грань валуна с высеченным ромбом

Рис. 5 / Fig. 5. Пирамидальный валун у дольмена в Мамедовом ущелье / Pyramidal boulder near the dolmen in Mamedovo Gorge

Источник: фото авторов

цестояние, солнце вообще не освещало его [9, с. 300–301]. Определение важных событий солнечного цикла с помощью природных визиров гористого горизонта широко известно у народов Северного Кавказа. В данном случае со времён мегалитической культуры сохранилось представление об астрономическом значении дальних природных визиров и светотеневых эффектах как инструментов для определения значимых календарных дат.

С течением времени в процессе взаимодействия человека с сакральными ландшафтами появляются первые мегалитические формы, имеющие рукотворное происхождение, генетически связанные с природными сакрализованными объектами. Часть из них были преобразованы из почитаемых ранее природных форм (табл. 2).

Появление этих форм обусловлено изменениями, происходившими в экономике, культурной, социальной и идеологической сферах древних обществ Западного Кавказа. Развитие экстенсивной экономики и рост населения привели к значительному увеличению важности зе-

мельных ресурсов, появляется отгонное скотоводство. Таким образом, мегалитические сооружения при достаточно высокой мобильности населения служили маркерами родных долин, через наследство от богов и предков узаконивающими права на землю живых членов общины. Поэтому памятники и размещены у переходов, дорог и перекрестков, вдоль которых передвигались не только обитатели долины, но и приходящие – чужаки [10, с. 42].

В таблице показана взаимосвязь рукотворных и природных мегалитических форм, однако, одновременно с их созданием возникали и новые формы, образованных которых в природе не было – алтарные камни с желобками, ромбовидные камни и мыжьо чиц (*адыг.* «камни с хвостами»). Появление этих форм обусловлено возрастающей долей участия человека в сотворчестве с природой, процессами самоосознания и т. д. Известно, что изначально, в искусстве палеолита, человек лишь добавлял несколько штрихов к уже имеющимся природным формам и рисункам, как бы проявляя их, и лишь с

Таблица 2 / Table 2

**Примеры преобразования природных сакральных образов в рукотворные/
Examples of transformation of natural sacred images into man-made ones**

Принцип «гора»			Принцип «пещера»		
Двуглавые горы	a	Обработанные двуглавые валуны (п.Хамышки; менгир Тугош; двуглавый валун у дольмена Бжеф 2)	Природные пещеры	a	Искусственный грот и ниша рядом с дольменом «Гигант» Туапсе
Пирамидальные горы	a	Обработанные пирамидальные валуны (у горы Бозтепе; плато Цыргойтх)	Естественные чаши (выпавшие конкреции)	a	Искусственные чашки и лунки
Зооморфные и антропоморфные скалы	a	Валун в виде головы собаки группа «1-й дачный» с изображением бегущего животного; обработанный валун в виде черепа у дольмена Верхняя Мамедка	Природные следовики	a	Искусственные следовики

Источник: составлено авторами

течением времени, в процессе развития человека, развивалась и его творческая деятельность.

Возникновение протодольменных форм и сооружений

Все эти первоначальные рукотворные формы, в т. ч. и описанные в таблице 2, мы относим к «протодольменным» сооружениям (рис. 6).

Принцип сотворчества с природой обусловлен творческой деятельностью человека по преобразованию освоенных им ландшафтов. Кроме того, здесь нужно особое внимание уделить стремлению человека связать землю и небо, что ему и удаётся сделать, используя направления объектов сакрального пространства на значимые астрономические события на небосводе. Сочетания статичного земного и динамичного небесного ландшафта раскрывают календарно-космогоническую значимость почитаемых камней.

Осевые принципы в сочетании с трюичностью структуры по вертикали есть не что иное, как обязательные атрибуты такого архитектурного сооружения, как *алтарь*. В своей работе «Алтарь. Ступа.

Храм» Н. Л. Павлов подробно рассматривает процессы эволюции алтарей. Он даёт исчерпывающее определение алтаря как центрального сооружения, освоенного или созданного человеком пространства жизнедеятельности. Первичная природная форма алтаря – это камень, возлежащий в фокусе местности [11, с. 26]. Также он рассматривает этапы преобразования и развития алтарных камней в собственно алтари. И если изначально алтарный камень мыслился лишь как нижняя опора вселенской оси, то в процессе своего развития алтарь постепенно приобрёл трехчастную структуру (отражающую структуру мироздания), а впоследствии и собственное внутреннее пространство. Обретая собственное внутреннее пространство, алтарь становится храмом.

Учитывая все вышесказанное, мы утверждаем, что «протодольменные» мегалитические объекты Западного Кавказа являются алтарными сооружениями, и дальнейшая их эволюция в дольмены в целом соответствует общемировым тенденциям в развитии алтарей. Введение понятия «алтарное сооружение» ни в коем случае не входит в противоречие с

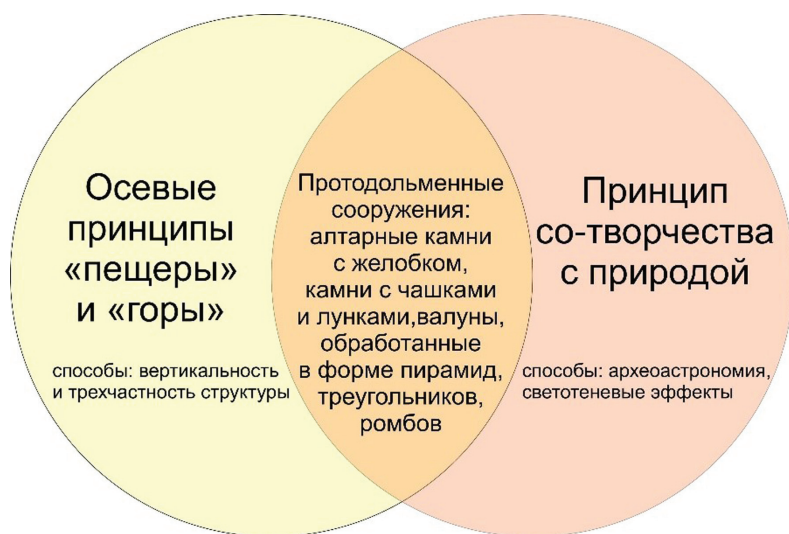

Рис. 6 / Fig. 6. Схема образования «протодольменных» мегалитических сооружений / Scheme of formation of "protodolmen" megalithic structures

Источник: составлено авторами

определением «ритуально-погребальное сооружение», данное археологами дольменам [12, с. 53; 13, с. 76; 14, с. 107]. Это объясняется тем, что «алтарное сооружение» отражает пространственно-организационные особенности объекта и, по сути, является сугубо архитектурным термином, а «ритуально-погребальное сооружение» отражает функциональные особенности этих объектов. Кроме того, повторимся, что к алтарным сооружениям мы относим:

1. некоторые природные объекты сагральных ландшафтов;
2. «протодольменные» сооружения;
3. дольмены;
4. ансамбли, которые в разных комбинациях включают в себя как «протодольменные», так и дольменные сооружения.

Появление и развитие архитектуры дольменов

Итак, следующим этапом развития мегалитической архитектуры стало появление собственно дольменов. Их появление обусловлено, в первую очередь, процессами развития самого человека, параллельно которому в архитектуре, естественно, шёл процесс эволюции алтарных сооружений. Сам дольмен и его расположение в пространстве земного и небесного ландшафта и времени структурировали единственность всего космоса. Через него человек осознавал и при его помощи демонстрировал причастность ко всему миру, как видимому, так и невидимому. Проявление проекции человека в пространство природы, а также поиск своего места в мироздании, что главным образом выражалось в «развитии отношений» с предками, требовало решения новых архитектурных задач с применением новых методов. Этим методом оказалась геометрия. Применение геометрических форм (трапециевидные камеры и главные фасады, преимущественно круглые входные отверстия, близкие к прямоугольной или квадратной плите перекрытия) было проявлением именно

человека в природе. Кроме того, стремление человека в разных культурах увязать между собой формы круга и квадрата отражает стремление связать землю и небо. Как мы увидим далее, строители дольменов также были поглощены этой задачей. Таким образом, к уже имеющимся методам астрономии, благодаря которым связывались воедино земля и небесные события, добавились методы геометрии.

Схематически процесс возникновения дольменов изображён на рисунке 7.

Исследователи дольменов Западного Кавказа отмечают, что в абсолютном большинстве случаев образ дольмена состоит из 2 основных «компонентов»: самого дольмена и каирна, его окружающего. Согласно вышеобозначенным осевым принципам, каирн являет зрителю принцип «горы», а сам дольмен с камерой внутри – принцип «пещеры». К слову, Б. Х. Бгажноков отмечает, что прообразом входных отверстий могли быть естественные вертикальные чаши [15, с. 13], которые также являются эквивалентом пещеры.

На рисунке 8 показана схема дольмена в каирне. Поскольку существует огромное разнообразие архитектурных форм дольменов, такую модель мы назовем «Однофасадный дольмен в каирне» и приведём необходимые пояснения.

«Однофасадный дольмен в каирне» – это базовая, принципиальная модель любого дольмена. Плиточные и составные дольмены приобретают свою форму за счёт реального каирна вокруг, а скальные, полумонолитные – за счёт символа, т. е. имитации такого каирна в массиве камня [12, с. 34; 16, с. 122].

Несмотря на то, что «однофасадный дольмен в каирне» в разных проекциях (вид спереди и вид сверху) решает геометрическую задачу связи неба и земли, единственным элементом для взаимодействия с человеком остаётся главный фасад, который археолог и архитектор А. М. Бианки назвал «иконой» [7, с. 52]. На наш взгляд, это утверждение вполне

Рис.7 / Fig. 7. Схема возникновения дольменов / Scheme of the origin of dolmens

Источник: составлено авторами

справедливо, тем более что и Н. Л. Павлов также указывает на то, что на одном из этапов развития алтарей на их фасадах предъявлялось изображение божества, которое имело вид круга или чакры [11,

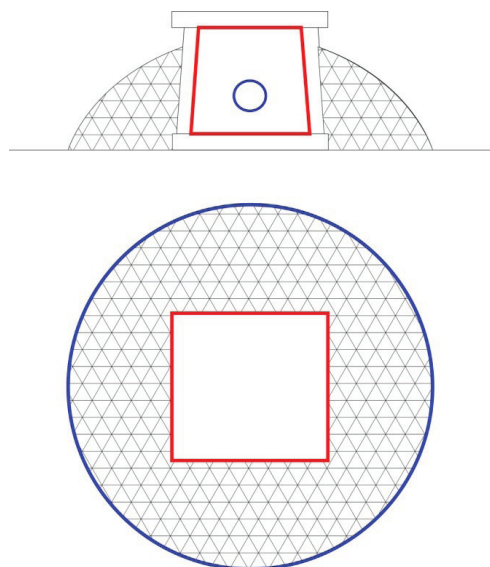

Рис. 8 / Fig. 8. Схема дольмена в кайрне (вид спереди и вид сверху) / Scheme of dolmen in cairn (front view and top view)

Источник: составлено авторами

с. 76–77]. Вполне обосновано, что вход в дольмен многофункционален и является не только пороговой зоной, но и предъявлением изображения божества, которым, очевидно, было небесное светило/светила. Многофункциональность и многообразие смыслов, их совмещение вообще характерны для симультанного искусства, к которому мы смеем причислить и мегалитическую архитектуру.

Рассмотрим на рисунке 8 механизм образования главного фасада дольмена. Любое лиминальное пространство образуется на стыке двух других. Как видно на схеме, главный фасад дольмена с входным отверстием находится в лиминальном пространстве между «внешним миром» и сакральной «пещерой» камеры дольмена.

Следующим этапом эволюции мегалитов является развитие различных форм лиминального пространства. Однако развивается и преобразуется не сам главный фасад: он остаётся неизменным, кроме того, строго соблюдаются пропорции положения входного отверстия. Вместо этого появляется *многообразие форм доступа к главному фасаду* (двори-

Рис. 8/ Fig. 8. Схема пространства главного фасада дольмена / Layout of the space of the main facade of the dolmen

Источник: составлено авторами

ки, дромосы, площадки и т. д.), а также в отдельных случаях – появление ложных фасадов [12, с. 34–40].

Внутреннее пространство дольменов, «пещера», архитектурно не развивается. Выдерживаются лишь основные пропорции, необходимые для неких физических характеристик (вместимость, звуковые характеристики и другие, которых в данной работе не рассматриваются). Архитектурное развитие присуще лишь входному элементу, что и даёт архитектурное разнообразие дольменов.

Однако нужно сделать небольшое уточнение для скальных и полумонолитных дольменов. Разнообразие их форм достигается ещё одним инструментом, характерным только для этого типа дольменов. При высечении их из валунов и скал, дольменостроители активно использовали уже существующие «протодольменные» формы, таким образом, что зачастую мы видим ранние чаши, *мыжьо чииц* (адыг. «камни с хвостами») и пирамиды, соседствующие с дольменами в одном скальном массиве.

Одним из важных выводов в данной работе является то, что имеющаяся на данный момент классификация дольме-

нов Западного Кавказа по конструктивным признакам, введённая Лавровым-Марковиным [17, с. 59–60], имеет вполне исчерпывающий характер для археологического анализа. Однако необходима разработка классификации дольменов по архитектурному оформлению лиминального пространства.

Заключение

Проведённое исследование дало основание утверждать, что монументальное зодчество, возникшее в раннем и среднем бронзовом веке на Западном Кавказе, среди прочих факторов своего рождения, было связано с познанием человеком природных и космических ритмов. Древние люди превосходили нас остротой наблюдения природы, что было для них естественной необходимостью. Они, наблюдая и сопоставляя, улавливали гармонию событий, земных и небесных. Постигание таких закономерностей, по мнению антропологов, породило появление начальных «естественнонаучных» знаний и мифов о происхождении и поведении небесных светил, а также культовое поклонение им. Человек начал создавать календарь как средство накопления

и систематизации знаний о времени и действительности с особой функцией – предсказания явлений.

Символическое значение дольмена как космической модели достигалось не только посредством уподобления его плана макрокосмосу, но и путём нанесения на его стены особых (календарных) изображений, указывающих такое значение. Детальное изучение календарного орнамента на стенах дольменов позволило установить, что календарь строителей дольменов был лунно-солнечным. На стены дольменов наносились те его циклы, которые были связаны с осенне-зимним периодом и культом мёртвых [18, с. 65–68].

Анализ расположения дольменов в пространстве и их ориентации показал, что выбор места для строительства памятника и направления его фасада проводился исходя из большого количества разных факторов. Основными из них были связь направления дольменов с астральными культурами и культом воды.

Основа обрядов, связанных с дольменами, – разрушение мира в конце года и его последующее воссоздание ярко выражены в ритуальных циклах умирания и возрождения небесных светил, наблюдаемых на небесах и в сакральных ландшафтах.

Сакральным являлось не только пространство (место), где происходят особые события, но и время, в которое происходят события, не имеющие место в профаном мире. Наступление сакрального времени проявляет саму суть сакрального пространства, происходит взаимопроникновение сакрального и профанного миров.

Многие из скальных дольменов являются выдающимися примерами кавказского мегалитического феномена. Одной из наиболее значимых его особенностей

является очевидная связь между заметными природными образованиями и рукотворными памятниками.

Мы стремимся показать сложные закономерности взаимодействия между искусственными и природными объектами в процессе создания сакральных мест, особенно там, где существовали необычные природные образования.

Расположение и архитектурная концепция скальных дольменов подчёркивают диалог между природными образованиями и рукотворными памятниками. Исследования показали, что мы можем ясно видеть, что и земной ландшафт, и небесные явления подчёркивают друг друга.

Выводы:

1. появление мегалитической архитектуры стоит рассматривать как результат взаимодействия человека с сакральными ландшафтами;

2. сакральные ландшафты породили сакральные объекты, взаимодействуя с этими объектами, человек создал «протодольменные» формы, которые в процессе эволюции преобразовались в дольмены;

3. в процессе эволюции лиминального пространства, а также под влиянием «протодольменных» форм появилось многообразие существующих дольменных построек;

4. мегалитическая архитектура – результат развития функции самоосознания человека;

5. мегалитическая архитектура – симультанное искусство, в связи с чем: дольмен с каирном совмещает в себе 2 осевых принципа мироздания – «пещеры» и «горы», т. е. сам является воплощением осевого принципа, символом мировой оси; дольмен с каирном решает в разных проекциях геометрическую задачу взаимосвязи круга и квадрата, т. е. неба и земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологический комплекс Шущук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы / В. Р. Эрлих, А. А. Клещенко, Е. И. Гак, Г. Л. Годизов // Российская археология. 2022. № 1. С. 7–23.

2. Дмитриев А. В. Дольмены. Заблуждения исследователей и выход из тупика (Логический анализ выводов) // материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2022. № 22. С. 20–35.
3. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего изучения // Российская археология. 2000. № 1. С. 26–42.
4. Кудин М. И., Светлаяряская А. А. Ландшафт как предмет охраны памятников мегалитической архитектуры // Дольмены Западного Кавказа: новые и традиционные подходы к изучению: мат-лы конф. Майкоп, 2023. С. 96–103.
5. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
6. Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.
7. Бианки А. М. Декор двух дольменов Солоницкого хребта и проблема его интерпретации // Записки ИИМК РАН. 2012. № 7. С. 46–55.
8. Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. 496 с.
9. Шортанов А. Т. Адыгская (черкесская) мифология и культы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2016. 496 с.
10. Кудин М. И., Глазов К. А. Расположение и ориентация дольменов в ландшафте на примере памятников Большого Сочи // Доклады Сочинского отделения РГО. Вып. 6. Сочи, 2022. С. 38–45.
11. Павлов Н. Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 368 с.
12. Трифонов В. А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены современники древних цивилизаций. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2001. С. 20–54.
13. Дмитриев А. В. Каменные исполины Черноморья // Дольмены современники древних цивилизаций. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2001. С. 56–87.
14. Дмитриев В. А. Метрология и предпосылки «вечной» сакрализации мегалитических памятников // Дольмены современники древних цивилизаций. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2001. С. 106–117.
15. Бгажноков Б. Х. Чашевидные знаки кавказских дольменов // Археология и этнология Северного Кавказа. 2013. № 2. С. 7–32.
16. Валганов С. В. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004. 368 с.
17. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.
18. Кудин М. И. Календарные мотивы в орнаменте дольменов // Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур: мат-лы конф. Сухум, 2017. С. 59–74.

REFERENCES

1. Erlich, V. R., Kleshchenko, A. A., Gak, E. I. & Godizov, G. L. (2022). Archaeological complex Shushuk – a reference post-dolmeny monument of the foothills of the North-West Caucasus of the Middle – Late Bronze Age. In: *Russian archeology*, 1, 7–23 (in Russ.).
2. Dmitriev, A. V. (2022). Dolmen. Researchers' misconceptions and breaking the deadlock (Logical analysis of conclusions). In: *Materials and research on the archeology of the North Caucasus*, 22, 20–35 (in Russ.).
3. Markovin, V. I. (2000). Dolmen of the Western Caucasus: mysticism, scientific opinions and prospects for further study. In: *Russian archeology*, 1, 26–42 (in Russ.).
4. Kudin, M. I. & Svetloyarskaya, A. A. (2023). Landscape as a subject of protection of monuments of megalithic architecture. In: *Dolmens of the Western Caucasus: new and traditional approaches to study*. Maykop, 96–103 (in Russ.).
5. Eliade, M. (1994). *Sacred and worldly*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russ.).
6. Podosinov, A. V. (1999). *Ex oriente lux! Orientation to cardinal points in archaic cultures of Eurasia*. Moscow: Languages of Russian culture (in Russ.).
7. Bianchi, A. M. (2012). Decor of two dolmens of the Solonitsky ridge and the problem of its interpretation. In: *Notes of the IIMK RAS*, 7, 46–55 (in Russ.).
8. Genon, R. (2002). *Symbols of sacred science*. Moscow: Belovodye Publ. (in Russ.).
9. Shortanov, A. T. (2016). *Adyghe (Circassian) mythology and cults*. Nalchik: Publishing House M. and V. Kotlyarov (in Russ.).

10. Kudin, M. I. & Glazov, K. A. (2022). Location and orientation of dolmens in the landscape using the example of monuments of Greater Sochi. In: *Reports of the Sochi branch of the Russian Geographical Society*. Iss. 6. Sochi, 38–45 (in Russ.).
11. Pavlov, N. L. (2001). *Altar. Stupa. Temple. Archaic universe in the architecture of the Indo-Europeans*. Moscow: OLMA-PRESS Publ. (in Russ.).
12. Trifonov, V. A. (2001). What do we know about the dolmens of the Western Caucasus and what the history of their study teaches. In: *Dolmens are contemporaries of ancient civilizations*. Krasnodar: Krasnodar Book Publishing House, 20–54 (in Russ.).
13. Dmitriev, A. V. (2001). Stone giants of the Black Sea. In: *Dolmen contemporaries of ancient civilizations*. Krasnodar: Krasnodar Book Publishing House, 56–87 (in Russ.).
14. Dmitriev, V. A. (2001). Metrology and prerequisites for the "eternal" sacralization of megalithic monuments. In: *Dolmen contemporaries of ancient civilizations*. Krasnodar: Krasnodar Book Publishing House, 106–117 (in Russ.).
15. Bgazhnokov, B. Kh. (2013). Cup-shaped signs of Caucasian dolmens. In: *Archeology and ethnology of the North Caucasus*, 2, 7–32 (in Russ.).
16. Valganov, S. V. (2004). *Dolmen of the Caucasus. Cult reconstruction*. Moscow (in Russ.).
17. Markovin, V. I. (1978). *Dolmen of the Western Caucasus*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
18. Kudin, M. I. (2017). Calendar motifs in the ornament of dolmens. In: *Caucasus and Abkhazia in antiquity and in the Middle Ages: interaction and continuity of cultures*, 59–74 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудин Михаил Иванович (г. Сочи) – внештатный научный сотрудник отдела истории сектора археологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева;

e-mail: mixail-sochi@mail.ru

Светлоярская Анна Андреевна (г. Сочи) – архитектор-реставратор, научный сотрудник Агентства историко-культурных проектов и экспертиз;

e-mail: annaivanova-arch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail I. Kudin (Sochi) – Freelance Researcher, Department of the History of Archeology Sector, T. M. Kerashev Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research;

e-mail: mixail-sochi@mail.ru

Anna A. Svetloyarskaya (Sochi) – architect-restorer, Assoc. Research, Agency for Historical and Cultural Expertise;

e-mail: annaivanova-arch@mail.ru

Научная статья

УДК 903

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-126-145

«НЕУДОБНОЕ ОТКРЫТИЕ» И ТРЁХЧАСТНАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ В. А. ГОРОДЦОВА

Пыслару И.

Археологический музей «Каллатис», г. Мангалия, Румыния

e-mail: ipaslaru50@gmail.com

Поступила в редакцию 16.10.2025

После доработки 10.11.2025

Принята к публикации 29.11.2025

Аннотация

Цель. Осветить историю открытия В. А. Городцова в 1903 г. в результате археологических исследований, проведённых им в 1901 г. в Изюмском уезде Харьковской губернии и в 1903 г. в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии.

Процедура и методы. На базе сравнительного и типологического методов, а также анализа различных письменных источников раскрывается суть периодизации В. А. Городцова и его открытия, позволившие по-новому подойти к вопросу периодизации археологических культур эпохи бронзы.

Результаты. Произведена оценка методов и результатов археологических раскопок, проведённых В. А. Городцовым в начале XX века.

Теоретическая и/или практическая значимость. В процессе изучения имеющихся материалов удалось показать, что общий уровень развития археологической науки того времени ограничил исследователя и не позволил ему достичь ещё более важных результатов. Поэтому В. А. Городцов, будучи близок к выделению особой группы погребальных памятников в деревянных рамных конструкциях, в которых погребённые лежали в слабо скорченном положении, головой на Запад, но не сопровождалась целыми сосудами, в итоге объединил её в одну группу с погребениями в деревянных срубках, в которых костяки лежали на боку, с кистями у лицевой части черепа, головой на Восток и с целыми сосудами. И лишь 70 лет спустя эта особая группа была определена как принадлежащая культуре многоваликовой керамики (КМК), занявшей в «триаде» В. А. Городцова промежуточное место между катакомбной и срубной культурами.

Ключевые слова: ямная культура, катакомбная культура, срубная культура, каменный ящик, рама, на горизонте, в насыпи, КМК

Для цитирования:

Пыслару И. «Неудобное открытие» и трёхчастная периодизация В. А. Городцова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 126–145.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-126-145

Original research article

"INCONVENIENT OPENING" AND THREE-PART PERIODIZATION OF V. A. GORODTSOV

I. Pislaru

Archaeological Museum "Kallatis", Mangalia, Romania

e-mail: ipaslaru50@gmail.com

Received 16.10.2025

Revised 10.11.2025

Accepted 29.11.2025

Abstract

Aim. To cover the history of the discovery of V. A. Gorodtsov in 1903 as a result of archaeological research carried out by him in 1901 in the Izyumsky district of the Kharkov province and in 1903 in the Bakhmut district of the Yekaterinoslav province.

Methodology. On the basis of comparative and typological methods, as well as the analysis of various written sources, the essence of the periodization of V. A. Gorodtsov and his discoveries are revealed, which made it possible to approach the issue of periodization of archaeological cultures of the Bronze Age in a new way.

Results. The methods and results of archaeological excavations carried out by V. A. Gorodtsov at the beginning of the twentieth century were evaluated.

Research implications. In the process of studying the materials available to the author, it was possible to show that the general level of development of archaeological science of that time limited the researcher and did not allow him to achieve even more important results. Therefore, V. A. Gorodtsov, being close to identifying a special group of funerary monuments in wooden frame structures, in which the buried lay in a slightly crouched state, with their heads oriented to the West, but not accompanied by intact clay vessels, which he eventually combined into one group with burials in wooden frames, in which the buried lay on their sides, with their hands near their faces, their heads oriented to the East and accompanied by intact clay vessels. And only 70 years later this special group was identified by us as belonging to the multi-coiled pottery culture, which occupied the "triad" of V. A. Gorodtsov is an intermediate place between the catacomb and timber-frame cultures.

Keywords: pit-grave culture, catacomb culture, timber gravs, stone box, frame, on the horizon, in the embankment, culture of multi-coiled pottery

For citation:

Pislaru, I. (2026). "Inconvenient opening" and three-part periodization of V. A. Gorodtsov. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 126–145.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-126-145

Введение

Вряд ли существует в истории археологической науки столь известная и популярная личность, как Василий Алексеевич Городцов. В статье, посвящённой 120-й годовщине знаменательного открытия основных археологических культур

эпохи бронзы Восточной Европы [1], уже писалось о том, что давно назрело время для серьёзного разговора о честном, принципиальном и уважительном отношении в научной среде к отдельным исследователям, коллегам и предшественникам, их вкладу в археологическую

науку. Нельзя допускать случаев академического плагиата, когда обнарудутся (частично или полностью) научные результаты, полученные другими лицами, как результаты собственного исследования, а также воспроизведение опубликованных текстов других авторов без указания авторства.

Нельзя согласиться и с фальсификацией (сознательным изменением или модификацией) уже имеющихся научных исследований. Как недопустим плагиат, также недопустимо и существование групповых интересов в науке, ради которых даже известные учёные иногда становятся на путь искажения истины, о чём мы будем говорить ниже.

Всегда, когда речь заходит о культуре эпохи бронзы Восточной Европы, то непременно вспоминают о вкладе Василия Алексеевича Городцова. Основным направлением его исследований была проблематика бронзового века. В итоге удивительных по своим результатам и научной интуиции раскопок 1901 и 1903 гг. в Изюмском и Бахмутском уездах Харьковской и Екатеринославской губерний, он сумел выделить 5 групп курганных погребений (в ямах, катакомбах, срубках, на горизонте и в насыпи). Эта первоначально классификационная схема после раскопок 1903 г. была преобразована им в хронологическую систему. Культурно-хронологическая система В. А. Городцова с последовательностью археологических культур – ямной, катакомбной и срубной – приобрела завершённый вид в годы Первой мировой войны и, обнаруженная только в 1927 г., заложила краеугольный камень во все последующие разработки хронологии и периодизации бронзового века Восточной Европы [2].

До наших дней она дожила как трёхчастная хронологическая система, ставшая периодизацией. Его ученица и последовательница О. А. Кривцова-Гракова так охарактеризовала его вклад: «В результате археологических раскопок В. А. Городцова под Изюмом и Бахмутом

в 1901–1903 гг. значительно пополнились данные о культурах бронзового века в южных степях нашей страны. В. А. Городцов определил последовательность сменявших друг друга культур и разработал их относительную и абсолютную хронологию. Схема, установленная им, в своих основных чертах остаётся верной и по настоящее время (1955); лишь отдельные положения В. А. Городцова не получили подтверждения при дальнейших работах и были изменены» [3, с. 3].

О. А. Кривцова-Гракова пришла к выводу, что срубная культура сложилась в Поволжье и оттуда распространилась в другие районы Восточной Европы. Однако в последние десятилетия взгляды на срубную культуру несколько изменились. Наметилась тенденция выделения локальных вариантов с характерными признаками и различными путями сложения. Исследования, проводимые в последней четверти XX в. на территории Поднепровья, Донбасса и Приазовья, дали много нового материала, позволяющего вновь подойти к этим вопросам.

Для О. А. Кривцовой-Граковой приход срубной культуры на Донец из-за Волги через Дон стал очевидностью, а изучение музейных коллекций и поселений Поволжья и других мест привело её к неизбежному выводу о том, «что выделенные В. А. Городцовым в IV ступень бронзового века приазовских степей “погребения в насыпях и на горизонте” представляют собой только вариант погребений срубной культуры. Эти погребения встречались в ней с самого начала её существования наряду с грунтовыми ямами, иногда заключавшими в себе сруб» [3, с. 6–7]. Справедливости ради следует указать, что В. А. Городцов говорил, что древнейшие из встреченных им погребений совершались в «**простых ямах**», на смену которым пришли «**катакомбы**», а еще позже – «**срубы**» и «**каменные ящики**» (кисты), после которых вновь появились погребения «**в простых ямах**» («ямах более позднего времени» – особый

тип, несхожий с древнейшими), а также «**скорченные погребения в насыпях более старых курганов**» [4, с. 213, 237].

При этом О. А. Кривцова-Гракова проигнорировала тип погребений в каменных ящиках, хотя В. А. Городцов по их поводу говорил следующее: «Вероятно, одновременно со срубным народом или несколько позже начал селиться в Бахмутском крае народ, хоронивший своих покойников в каменных ящиках. Этот народ своих курганов не сыпал, а хоронил своих покойников или в насыпях более древних курганов, оставленных его предшественниками или – на ровных местностях» [4, с. 248].

Для того, чтобы возникла необходимость в критической оценке подхода В. А. Городцова к наименованию археологических культур по типу погребального сооружения, – пишет В. В. Отрошенко, – понадобилось ещё 80 лет, чтобы прозвучало чёткое заключение И. А. Пислария, что «погребальное сооружение не может считаться единственным определяющим признаком при культурной атрибуции погребений [5, с. 178; 6, с. 5], поскольку сложные погребальные постройки иногда становятся препятствием культурной атрибуции захоронений» [7, с. 3].

Как мы видим, уже давно появились некоторые сомнения в правильности выработанной В. А. Городцовым тройственной периодизации. Неслучайно позднее некоторые исследователи, оценивая сложившуюся с ней ситуацию, начинают рассматривать её как некое «прокрустово ложе», в которое бронзовый век юга Восточной Европы уже не влезает, и оттого её необходимо дополнить [8, с. 52–55], о чём мы писали ранее [1].

На I Международной Нижневолжской археологической конференции (Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.) В. С. Бочкарёв охарактеризовал результаты проводимой периодизации бронзового века археологами Украины и России одним коротким и ёмким словом – хаос. Но причинами хаоса, по мнению В. В. Отрошенко, было то, что российские исследователи законсер-

вировали тройственную периодизацию эпохи бронзы В. А. Городцова, а украинские фактически игнорировали её [9].

Периодизация В. А. Городцова

В. А. Городцов в своё время доказал существование бронзового века для Восточной Европы, создав триаду археологических культур, преобразованную им же в трёхчастную хронологическую систему, ставшей периодизацией.

Подведя итоги анализа исследований В. А. Городцова, мы, таким образом, вольно или невольно, разрушили его стройную трёхчастную периодизацию, о которой один из корифеев советской и российской археологии говорил следующее: «Создание периодизации восточно-европейских памятников эпохи бронзы является одним из самых крупных достижений отечественной археологии прошлого века. Её основы были заложены В. А. Городцовым в процессе его классических исследований изюмских курганов в 1901 г.» [10, с. 8–103].

И если бы не наше открытие, пополнившее трёхчастную систему В. А. Городцова новой, 4-й культурой, то вряд ли бы появились утверждения В. С. Бочкарёва, что с середины XX в. эта система начинает давать сбои, поскольку появились новые «бездомные» культуры, среди которых и культура многоваликовой керамики [11, с. 8–9; 12, с. 64–65]. Удивительным во всём этом, пожалуй, следует признать тот факт, что для осознания этого исследователю понадобилось не менее четверти века, ведь публикация нашего открытия была сделана в 1975 г. на Всесоюзной конференции в Киеве [13], после чего появился ряд публикаций и была защищена кандидатская диссертация [14; 15].

Следует упомянуть попытки сохранить трёхчленную периодизацию В. А. Городцова, предпринятые украинскими археологами С. С. Березанской и И. Ф. Ковалёвой. И. Ф. Ковалёва указывает на очевидную условность трёхчленных периодизаций, в большинстве кото-

рых культура многоваликовой керамики и срубная оказываются разорванными и включенными соответственно в средний и поздний периоды бронзового века [16, с. 27].

Но, исходя из признания того, что объединение культур многоваликовой керамики и раннесрубной в одном хронологическом периоде имеет в своей основе глубокие внутренние основания и подтверждается материалами, происходящими, в частности, из Орельско-Самарского междуречья, И. Ф. Ковалёва [17] придерживается периодизации бронзового века Украины, предложенной С. С. Березанской [18, с. 4]. В ней обе названные культуры отнесены к среднему периоду, а абсолютная хронология последнего определяется автором XVI–XII вв. до н.э. [17].

Культура многоваликовой керамики, равно как и срубная лесостепного левобережного, по С. С. Березанской, или северо-западного, в определении Н. К. Качаловой, вариантов привлекают к себе всё большее внимание исследователей, что находится в прямой связи с тезисом о том, что «проблема... срубной культурно-исторической общности по праву превращается в одну из ключевых проблем археологии эпохи бронзы евразийской Степи и Лесостепи, и более того, – в одну из значительных проблем археологии II тыс. до н.э.» [17, с. 78]. В российской археологии в настоящее время вопрос о периодизации срубной культуры стоит достаточно остро. В различных регионах исследователями выделялось от двух до четырёх этапов [19, с. 33–36; 20, с. 98–102; 21, с. 65–81; 22, с. 134–138; 23, с. 161–178; 24, с. 76–84; 25, с. 68–73]. Тем не менее пока нет единого мнения в этом вопросе, и он остаётся дискуссионным.

Вместе с тем полученные в ходе работ Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР материалы позволили не только подвергнуть детальному анализу итоги исследований В. А. Городцова, но и дали возможность сделать обзор культурной принадлежности погребений с деревян-

ными конструкциями в виде рам и срубов, а также выделить среди них 2 культурно-хронологические группы [13, с. 89–90; 26, с. 18–19]¹.

Результат наших исследований вышел достаточно неожиданным. Случилось так, что так называемые «классические срубы», оказавшиеся «рамами» с западной ориентацией погребённых, не сопровождавшиеся целыми сосудами, являются одним из ведущих типов погребальных сооружений КМК.

Но вот как это видит И. Ф. Ковалёва: в результате «...пересмотра дореволюционных материалов из раскопок В. А. Городцова И. А. Писларю [27; 28, с. 58], удалось установить принадлежность большинства захоронений в срубках с 3 ориентацией погребённых культуре многоваликовой керамики» [17].

Естественно, что речь у И. Ф. Ковалёвой идёт не столько о выделении мною критериев для определения погребений КМК и срубной культуры, сколько об «удаче» установления культурной принадлежности не всех, а большинства захоронений погребённых в срубках с ориентацией на Запад к КМК. При этом она даже не стала упоминать моё выступление на Всесоюзной конференции 1975 г. и его тезисы [13].

Зато так оценил это открытие С. Н. Братченко после наших выступлений в Донецке, Киеве и Ленинграде в 1974 г.: «Как показал докладчик, В. А. Городцов объединил все погребения в срубках – со слабоскорченными костяками с ориентировкой на З и сильно скорченными с ориентировкой к В – в одну группу и отнёс к срубной культуре. Однако сосуды находились только в срубках при костяках с восточной ориентацией и

¹ О результатах нашего анализа, основанного на исследованиях В. А. Городцова и доказательстве существования погребений КМК среди курганных захоронений, относимых к ямной или катакомбной и срубной культурам, делались доклады в Донецке, Киеве, Санкт-Петербурге (Пыслару, 1973; 1974; 1974а), и сообщалось на конференциях (Пыслару, 1975, 1976, 1978 и 1980).

они-то и были «срубные». В срубах же с западной ориентировкой слабоскорченных костяков они вообще не были найдены. В 1973 г. И. А. Писларий обнаружил в таких срубах типичную многоваликовую керамику. Сделанный на основе этого открытия пересмотр культурной атрибуции погребений в срубах весьма значителен. Правильность отнесения их к культуре многоваликовой керамики подтверждается также тем, что и в погребениях этой культуры Поднепровья, как было замечено нами, костяки находились в слабоскорченном положении, на левом боку, головой к З, СЗ и С [29, с. 336]. Имеются в виду, в частности, погребения в каменных ящиках из Одесского кургана, Кривого Рога, Днепростроя» [29, с. 336; 30, с. 242]¹.

А спустя много лет эту ситуацию описывает один из исследователей памятников срубной культуры и КМК Р. Литвиненко²: «Настоящий прорыв в исследовании КМК был осуществлён в сер. 70-х, когда И. А. Писларию (1975), наконец, удалось выделить соответству-

ющие комплексы среди курганных материалов Сев. Донца. Это открытие, с одной стороны, стимулировало выявление многоваликовых погребений в соседних регионах (Отрощенко, 1978, Шарафутдинова, 1978, Горлач/Чернявская, 1979, Черняков, 1979, Ключинцев, 1980, Привалов, 1980, Тощев, 1980, и др.), а с другой стороны, завершило процесс институализации и признания самой археологической культуры» [31, с. 5].

В «Википедии» в статье «*Культура многоваликовой керамики* (бабинская культура)» неизвестный автор пишет: «Длительное время культура многоваликовой керамики являлась исключительно поселенческой культурой, и её погребения не были идентифицированы. И только в 1983 г. И. А. Писларию, на основе погребальных источников Северского Донца и их относительной стратиграфической позиции, удалось вычленивать погребения культуры многоваликовой керамики и разграничить её на 3 этапа – ранний, средний и поздний. В качестве наиболее ранних захоронений он выделил серию скорченных левобочных костяков с ориентировкой на запад, а само происхождение культуры связал с участием ямной, позднекатакомбной и абашевской культурами. В 1992 г. В. В. Отрощенко расширил круг ранних погребальных памятников культуры многоваликовой керамики за счёт группы правобочных захоронений с восточной ориентацией».

В украинской Википедии ситуация со статьёй о КМК аналогична предыдущей. Моё имя не упоминается ни под каким предлогом, а ссылки даются на [32; 33; 34; 35; 36]. И здесь мы видим, как искажённо подаётся информация об этом открытии в таком авторитетном информационном источнике.

Но это, пожалуй, и неудивительно после того, как мы прочитаем статью С. Н. Братченко «Многоваликовой керамики культура» в Энциклопедии Современной Украины (2003), где он ни слова

¹ Надо сказать, что это был период нашего творческого содружества и почти братских взаимоотношений. В 1972 г. С. Н. Братченко редактировал книгу: Писларий И. А. и Филатов А. П. «Тайны степных курганов» (Донецк, 1972). В то же время И. А. Писларий помогал в редактировании работы С. Н. Братченко «Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы» (Киев, 1976). Именно в течение экспедиционного сезона 1972 г. при работе над его главой V «Памятники многоваликовой керамики» мы много времени обсуждали проблему выделения погребений КМК и последствия моего открытия. С. Н. Братченко был первым, кто уже тогда внёс в рукопись своей монографии отдельные замечания – с. 108, 151, 242. На с. 242 в сноске 12 он совсем иначе, в отличие от В. В. Отрощенко, описывает выступление И. А. Пислария на конференции 1974 г. и даёт высокую оценку открытию. После этого сам С. Н. Братченко стал называть памятники многоваликовой керамики культурой многоваликовой керамики [33, с. 21–42].

² Здесь Р. А. Литвиненко сводит наше открытие не к определению критериев для выделения погребений КМК (1975), а к обнаружению «соответствующих комплексов среди курганных материалов Сев. Донца». А вот комплексы нами открывались на протяжении 1972, 1973–1975 гг.

не говорит о нашем открытии, указав, что исследования данной культуры в Украине проводят И. Черняков, И. Шарафутдинова и В. Отрощенко, а в качестве рекомендованной литературы указал на свои работы [33; 34; 37] и статью Березанской [35].

Отметим, что многие украинские и русские исследователи не могли или не хотели признавать (прямо или косвенно) значение нашего открытия, сделанного на основе давно известных материалов В. А. Городцова, которые находились в открытом доступе. Это хорошо видно в работах многих авторов, которые с 1975 г. вдруг осознали ситуацию и стали (вроде бы самостоятельно) выделять и чётко отделять на разных территориях погребальные памятники КМК от срубных. Исследователи срубной культуры стали отмечать после 1975 г., что как-то само собой стало ясным, что срубным погребениям степной и лесостепной Украины предшествовали погребальные памятники КМК.

До нашего открытия С. С. Березанская в своём автореферате и докторской диссертации, посвящённых культурам бронзового века Северной Украины относительно срубной культуры писала: «На рассматриваемой территории срубная культура не имеет местных корней» [38].

Однако в дальнейшем её взгляды о характере связей КМК и срубной претерпевают изменения, о чём свидетельствует её выступление на Куйбышевской конференции [39, с. 82–83]. А на конференции 1979 г. в Донецке памятники КМК рассматриваются ею уже как местная основа сложения украинского левобережного варианта срубной культуры [40; 41].

Сложившаяся вокруг памятников КМК и срубной культуры ситуация по С. С. Березанской выглядит таким образом, что «благодаря притоку большого количества новых материалов в последние десятилетия появилась возможность уточнения периодизации культур бронзового века на юге Украины, созданной

В. А. Городцовым. Суть уточнения состоит в том, что непосредственным предшественником срубной культуры была не катакомбная культура, как это предполагали прежде, а культура МВК» [42].

Интересно, что с момента создания В. А. Городцовым его знаменитой периодизации к 70-м гг. XX в. прошло более 50 лет и было проведено немало археологических исследований на территории Украины. Это способствовало притоку большого количества новых материалов, но которые, однако, так и не дали «возможности уточнить периодизацию культур бронзового века В. А. Городцова». Тем не менее С. С. Березанская великолепно охарактеризовала суть произошедшего. А именно: в казавшуюся незыблемой трёхчастную периодизацию В. А. Городцова И. Пыслару внёс уточнение, смысл которого состоял в её разрушении после включения в неё четвертой археологической культуры и открытия непосредственного предшественника срубной культуры. Им оказалась не катакомбная культура, как это предполагали прежде, а культура МВК [42].

Не захотел признавать нашего вклада в изучение проблематики срубной культуры и Н. Н. Чередниченко. Поэтому он пишет, что «в результате широких раскопок на новостройках выявлены новые культурно-исторические и хронологические горизонты, которые уже не укладываются в упрощённую схему миграционного происхождения срубной культуры. Становится совершенно ясно, что для срубной культуры Украины подстилающим, генетическим горизонтом явилась культура многоваликовой керамики» [43, с. 45–46].

Из слов С. С. Березанской и Н. Н. Чередниченко вытекает, что простое количественное накопление раскопанных погребений привело к качественному скачку – к выделению из них памятников новой культуры.

Достойным продолжателем этой тенденции стал и ученик В. В. Отрощенко

проф. Р. А. Литвиненко. Последний в своей статье говорит, что в Донецком регионе, в бассейне Северского Донца, Бахмута и верховьях Кальмиуса со времени раскопок В. А. Городцова погребальные сооружения срубной культуры стали объектом внимания археологов, но такие типы погребальных конструкций как срубы, каменные ящики, ямы, в насыпях курганов и на горизонте, явившиеся для В. А. Городцова одними из главных критериев для разделения захоронений бронзового века на типы, привлекли внимание археологов лишь в последние десятилетия. А далее Р. А. Литвиненко с детской наивностью отмечает, что «позднее значительная часть погребений в срубах, а также часть погребений в насыпях и на горизонте из раскопок В. А. Городцова были отнесены к выделенной культуре многоваликовой керамики (КМК), занимающей промежуточное хронологическое положение между катакомбной и срубной культурами» [44; 45].

И оказывается, что для специалиста по срубной культуре и КМК, каковым считает себя Р. А. Литвиненко, выделение ямной, катакомбной и срубной культур В. А. Городцовым – это важно, но равным счётом для него ничего не значит выделение из среды погребений срубной культуры погребений КМК и определение их стратиграфического и хронологического места [44].

Но вот спустя 30 лет после нашего открытия этот же автор с конкретной ссылкой пишет, что тогда И. А. Писларий впервые высказал идею о том, что в бассейне Северского Донца сложение срубной культуры происходило на местном культурном субстрате, представленном бабинской культурой [26]. А вскоре к подобным выводам пришли И. Ф. Ковалёва и Н. Н. Чердниченко [46, с. 90; 47, с. 7].

А вот как видится эта же ситуация исследователю из Харькова: «В ходе полевых исследований в среднем и нижнем течении С. Донца И. А. Писларий обратил внимание на погребения в мелких

грунтовых ямах, нередко с внутримогильными деревянными конструкциями, со слабоскорченными на левом боку костяками, ориентированными головами преимущественно в западном направлении, в нескольких случаях сопровождавшиеся фрагментами сосудов с характерной многоваликовой орнаментацией. Значительная серия подобных захоронений, но без керамики, была известна по раскопкам В. А. Городцова в Харьковской и Екатеринославской губ.; они традиционно рассматривались в рамках раннего этапа срубной культуры. Теперь появилась возможность пересмотреть их культурную атрибуцию и обоснованно связать с КМК» [48, с. 89–91].

И вот роль открывателя критериев для выделения погребений КМК сведена к тому, что «И. А. Писларий **обратил внимание** на погребения в мелких грунтовых ямах... со слабоскорченными на левом боку костяками, ориентированными головами преимущественно в западном направлении...», что дало теперь (всем остальным исследователям) возможность «пересмотреть их культурную атрибуцию и обоснованно связать с КМК» [48, с. 89–91].

В свою очередь, В. С. Бочкарёв, обративший внимание на то, что периодизация В. А. Городцова начинает давать сбои, предпочитает дистанцироваться от такой периодизации, построенной на последовательности археологических культур, подкреплённой стратиграфией. На её место он предлагает тройственную, но технологическую периодизацию эпохи бронзы [12, с. 73].

Не остались в стороне от обсуждения вопросов периодизации и украинские археологи. В. В. Отрощенко считает отход от периодизации В. А. Городцова и замену её технологической периодизацией эпохи бронзы нецелесообразным [49, с. 69]. А как показал В. Панковский [61, с. 15–18], периодизация В. С. Бочкарёва исходит с позиций очагово-аккумулятивной концепции культурогенеза, бази-

рующейся на колонной секвенции археологических культур Днепро-Донецкого центра культурогенеза. При этом за её основу им взята традиционная периодизация В. А. Городцова с введением дополнительных периодов для упоминавшихся ранее «бездомных» и «несуществующих» археологических культур.

В. В. Отрощенко, направляя свои стрелы в корифея русской археологии, В. А. Городцова, говорит, что тот, поднимая культурную целину на востоке Украины более века тому назад, просто не заметил некоторые культуры по причинам, которые стали понятны лишь позже, с накоплением и анализом новой информации. После нашего открытия стало ясно, что в вопросе периодизации возник «кризис» и для его преодоления В. В. Отрощенко предлагает дополнить тройственную схему В. А. Городцова периодами, которые «корифей» не заметил или не нашёл в раскопанных им курганах Северскодонетчины [50, с. 52–58].

Да, теперь с высоты времени и после наших открытий легко рассуждать на тему ошибок предшественников. Конечно же, В. В. Отрощенко в какой-то мере прав, упрекая В. А. Городцова в том, что тот в своё время не увидел культурной и стратиграфической специфики эталонных ныне погребений культуры Бабино, отнеся их «гамузом» к срубной культуре. В. А. Городцова ввела в заблуждение видимость сходства деревянных погребальных конструкций. Лишь 70 лет спустя, подчёркивает В. В. Отрощенко, их разделили *украинские археологи* на бабинские, изготовленные из досок и собственно срубы из колод. Непреложный факт, что открытие состоялось 70 лет спустя после работ В. А. Городцова, но следует принять во внимание и то, что материалы В. А. Городцова были очень хорошо известны и открыты для пользования, но никому и в голову не приходила мысль подвергать анализу его исследования. Вера в непогрешимость и авторитет созданной В. А. Городцовым системы археоло-

логических культур не позволяли сделать это. Удивительным следует признать тот факт, что так называемое «разделение погребений эпохи поздней бронзы на принадлежащие культуре многоваликовой керамики и к срубной культуре», сделано в 1974–1975 гг. и не какими-то *украинскими археологами*, а персонально И. А. Писларием [13], но не С. Н. Братченко. И не в 1977 г., и уж никак не в 1982 г. Об этом В. В. Отрощенко прекрасно знает, и совершенно непонятно, по каким причинам им не упомянута наша работа о двух культурно-хронологических группах.

Не пожелав прямо указывать имена мифических *украинских археологов*, которые это открытие сделали, В. В. Отрощенко приводит ссылки на работы С. Н. Братченко [33, с. 24–26] и И. А. Пислария [14, с. 169–191, рис. 2–4, 6–7, 10], что сильно искажает действительность. В интерпретации В. В. Отрощенко честь открытия погребений КМК принадлежит не И. Писларию (1974, 1975) [13; 27], а С. Н. Братченко [14, с. 55]. А то, что открытие принадлежит И. А. Писларию и сделано им ещё в 1973 г., а не в 1982, пишет сам С. Н. Братченко в своей монографии 1976 г. [30].

Для культуры погребений в срубах в качестве характерных признаков В. А. Городцов указывал скорченное положение костяков, лежащих на левом боку и сопровождавшихся сосудами. Однако погребения с западной ориентацией не содержали целых сосудов, что ускользнуло от внимания В. А. Городцова и последующих за ним исследователей. Поскольку самые ранние погребения в срубах, не содержавшие керамику, были объединены им с более поздними срубными погребениями, содержащими острорёберную керамику, то за последней закрепилось наименование «раннесрубной», что впоследствии негативно отразилось на исследовании погребальных памятников КМК.

Погребальное сооружение по традиции со времён В. А. Городцова считается

очень важным признаком. Многие исследователи кладут его в основу своих классификаций. Но вот ведь незадача – различные формы погребальных сооружений КМК характерны и для погребений срубной культуры. Это обстоятельство затрудняет культурную атрибуцию погребений.

Мы показали, что деревянные конструкции погребений КМК представляют собой дощатые рамы, в то время как собственно срубные конструкции используют брёвна, лафеты или брусы [13; 14; 15; 51; 52]. Чтобы различать деревянные погребальные конструкции КМК от подобных в срубной культуре, Л. С. Клейн предлагал нам ввести понятие **«рамной культуры»**.

Однако, как мы показали, деревянные погребальные конструкции не являются единственным типом погребальных сооружений ни в срубной культуре, ни в КМК. И, тем не менее, многие исследователи пытаются связать отдельные типы погребальных сооружений КМК с определенными регионами её распространения. Для Нижнего Поднепровья С. С. Березанской в качестве ведущих форм указываются каменные ящики, а на ямы указывает И. Н. Шарафутдинова; на ямы с подбоями указывают С. Н. Братченко, В. В. Отрощенко. Для степного Побужья частыми, по мысли В. Н. Ключинцева, являются ямы с подбоями.

Основываясь на стратиграфических данных, полагаю, что погребения в деревянных «рамах» с костяками, ориентированными на З, являются самыми ранними и следуют сразу за погребениями катакомбной культуры. В 14 случаях этот тип могил был основным в курганах, тогда как «срубы» с погребёнными, ориентированными на восток, были основными лишь в 3 случаях. Для всех срубных погребений, по мнению В. А. Городцова, характерно левостороннее положение скелетов, которые сопровождалась сосудами.

Говоря о скорченности погребённых, В. А. Городцов также не обратил особого

внимания ни на саму степень, ни на вид скорченности в погребениях с ориентировкой на Запад. Поэтому погребения со слабо скорченными, лежащими на спине скелетами, головой на запад, с одной стороны, и сильно скорченными, ориентированными на восток, с другой, были объединены им в одну группу на основании наличия деревянных конструкций – «срубов» (рис. 4).

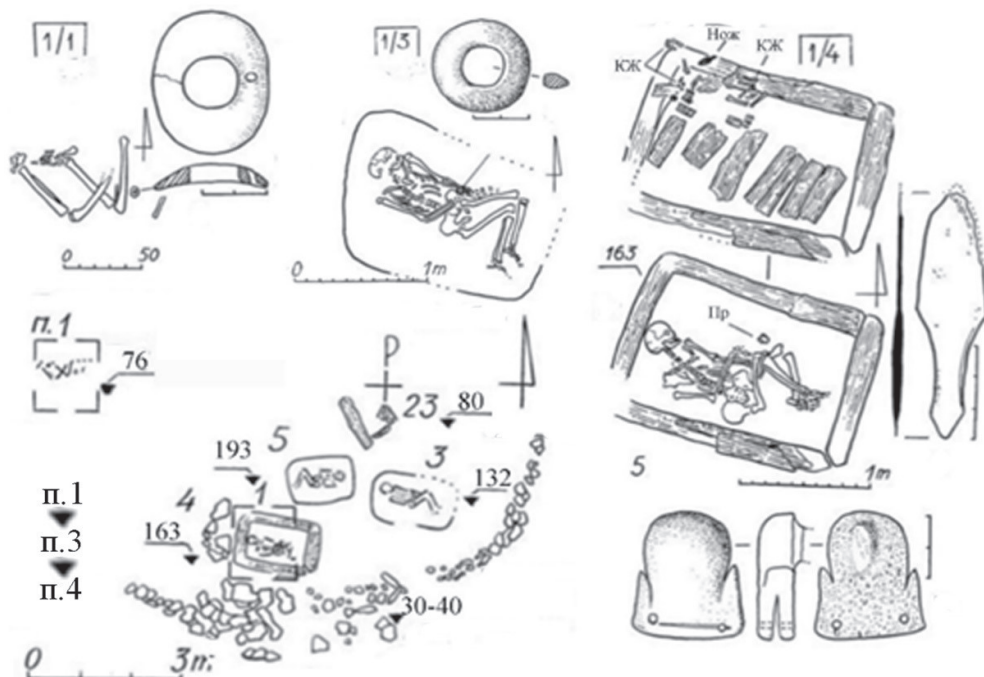
Ещё полвека назад, в 1971 г., С. Н. Братченко писал, что на всей территории Украины ему удалось выделить только 60 погребений «многоваликовой керамики», что для него служило основанием для непризнания данной культуры, которую он именовал «памятниками многоваликовой керамики» [29].

По следам «неудобного открытия»

После организации экспедиции в районе р. Северский Донец в 1972 г. по инициативе Института археологии АН УССР, которую я со временем возглавил, во время исследований у г. Александровска под г. Луганском был открыт ряд погребений т.н. «срубной культуры».

Одно из них было в деревянном «срубе», в котором была обнаружена особая роговая пряжка (рис. 1 п. 4), подобная той, которую В. А. Городцов обнаружил в погребении в срубе у с. Камышеваха (к. 5, п. 1).

Там же, в Александровске, были найдены погребения с роговым кольцом (п. 3) и с костяной бляхой с двумя отверстиями (п. 1), которые находились между собой в определённой стратиграфической последовательности (рис. 1). Самым поздним являлось разрушенное погребение 1, ориентированное на СВ, с костяной эллиптической бляхой с вогнутым основанием и двумя отверстиями, а ниже всех находился сруб с погребённым, ориентированным на З, сопровождавшийся роговой пряжкой-«запонкой» (п. 4), и между ними находилось погребение № 3 в яме, ориентированное на СЗ, с роговым кольцом (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Комплекс погребений со «срубом» в г. Александровске (Луганск, 1972 г.) / Complex of burials with a "log house" in the city of Aleksandrovsk (Lugansk, 1972)

Источник: данные автора

И тогда я, поддержанный С. Н. Братченко, стал заниматься проблемой погребений с подобными изделиями. В. А. Городцов такие называл «запонками» (рис. 2). Открытая нами и городцовские «запонки» были найдены в деревянных конструкциях с погребениями, ориентированными на Запад, и они не сопровождались сосудами. Интересно, что в последующее время похожие пряжки были открыты на территории Донбасса (Приволье), Приазовья (Ново-Троицкое) и Нижнего Дона (Лакедемоновка).

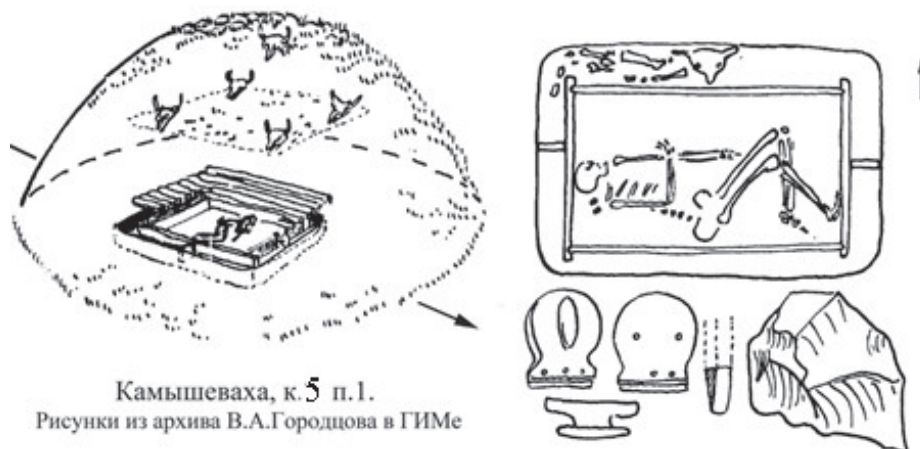
Когда мною готовилась специальная статья о роговых пряжках, её идеи были перехвачены Я. Гершковичем, который представил их в 1979 г. на конференции в Донецке как свои. После сделанного им сообщения он принёс мне в кулуарах конференции свои извинения, но от публикации статьи не отказался [53, с. 59, 60].

В 1973 г. открытое у с. Трёхизбенка погребение в деревянном «срубе», ориен-

тированное на З, без колебаний было отнесено мною к КМК, поскольку в срубе, кроме маленького сосудика, находилась жаровня в виде крупного фрагмента сосуда с многоваликовой орнаментацией (рис. 3).

А ещё до этого мною было раскопано несколько погребений в срубах возле Лисичанского НПЗ (Нефтеперегонного завода) (рис. 4.2-3), а позже еще и у с. Благовка на юге Луганской области (рис. 4.1-4).

Уже тогда я подверг полному анализу данные В. А. Городцова, которые тот получил в ходе исследований в Изюмском и Бахмутском уездах. О результатах проведённого тогда анализа и о доказательствах существования погребений КМК среди курганных погребений, относимых к ямной или катакомбной и срубной культурам, в 1974 г. были сделаны доклады в Донецке, Киеве, Ленинграде, о чём говорилось и писалось неоднократно. А несколько позднее эти результаты анали-

Камышеваха, к. 5 п.1.
Рисунки из архива В.А.Городцова в ГИМе

Рис. 2 / Fig. 2. Курган с основным погребением в «срубе», раскопанный В. А. Городцовым у с. Камышеваха Изюмского у. Харьковской губернии в 1901 г. / Complex of burials with a "log house" in the city of Aleksandrovsk (Lugansk, 1972)

Источник: данные автора

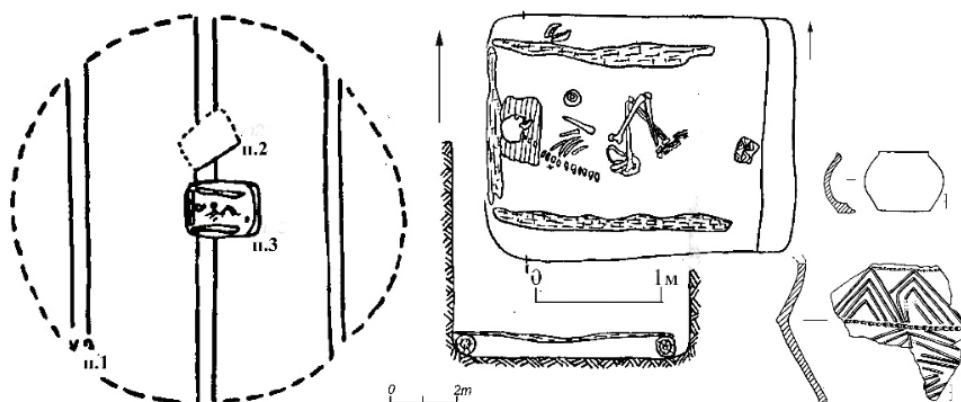

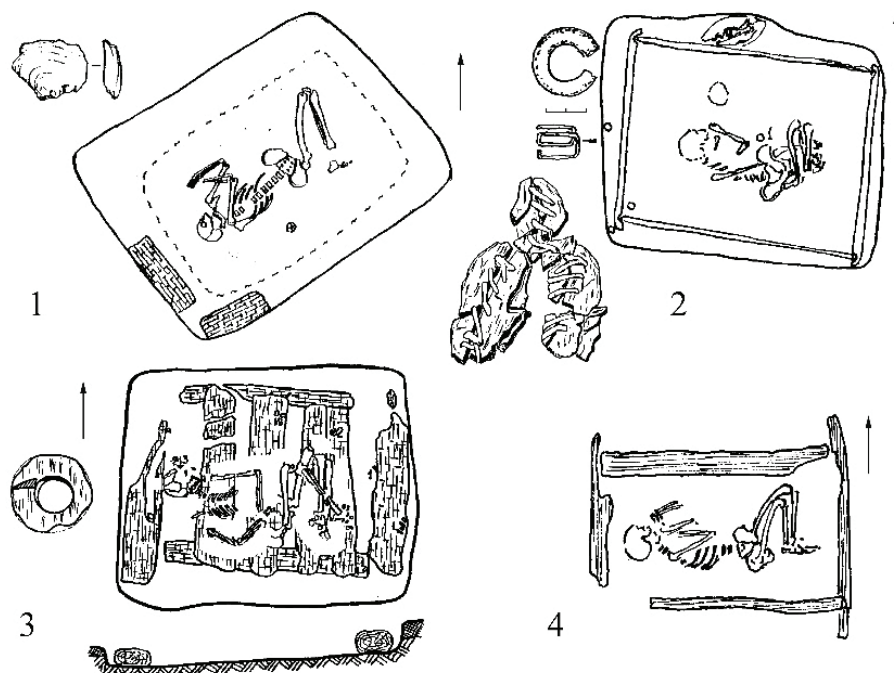
Рис. 3 / Fig. 3. Курган с основным погребением в «срубе» у с. Трехизбенка, 1973 г. / Mound with the main burial in the «log house» near the village. Trekhizbenka, 1973

Источник: данные автора

за были опубликованы [13; 14; 15; 26; 28].

Северско-Донецкая экспедиция под моим руководством проводила археологические исследования в 1975 г. в бассейне Северского Донца, где было открыто значительное количество погребений КМК и срубной культуры. В краткой публикации о результатах этих исследований погребения КМК были названы мною погребениями «**бабинской культуры**». «Для погребений бабинской

культуры характерны мелкие основные или впускные ямы со срубами, скорченное, на левом боку положение костяков, ориентированных на запад, наличие своеобразных костяных пряжек и отщепов кремня. Открытые погребения этой культуры сопровождалась обломками керамики с многоваликовой орнаментацией — чрезвычайно редкой категорией погребального инвентаря. Именно поэтому эти погребения ранее особо не

Условные обозначения:

1. Благовка, 1974, к.1, п.4;

2. Лисичанск НПЗ, 1972, к.1, п.12;

3. Лисичанск НПЗ, 1972, к.1, п.1;

4. Благовка, 1974, к.2, п.1.

Рис. 4 / Fig. 4. Погребения в деревянных конструкциях, исследованные у с. Благовка и у Лисичанского нефтеперегонного завода (ЛНПЗ) / Burials in wooden structures, investigated at the village. Blagovka and at the Lisichansk oil refinery (LNPZ)

Источник: данные автора

выделялись, а рассматривались в числе срубных. Погребения срубной культуры встречены в срубах, каменных ящиках и неглубоких ямах в насыпи. Скорченные на левом боку костяки ориентированы на северо-восток и восток» [54, с. 309].

После анализа данных В. А. Городцова мне удалось разделить все т. н. «срубные» погребения и выделить в них 2 культурно-хронологические группы. Первая из них включает погребения в деревянных «рамах» с костяками, ориентированными на запад, а вторая – погребения в деревянных «срубах» с костяками, ориентированными на восток.

Интересно отметить, что, по словам И. Ф. Ковалёвой, на Орели в 70-е гг. XX в. были исследованы погребения типа тех, какие раскопал на Северском Донце

В. А. Городцов. Эти погребения получили название «маевский тип» [55, с. 16, рис. 10, 17, 18].

Устройство всех срубных сооружений, по мнению И. Ф. Ковалёвой, примерно одинаково. Во время наших исследований на Северском Донце и И. Ф. Ковалёвой на Орели удалось проследить систему скрепления одних досок/бревен/брусков при помощи пазов, в которые входят подтёсанные края других. На дне и поверх досчатого/бревенчатого наката встречается слой камыша или дубовой коры.

Специалисты, занимающиеся срубной культурой, считают, что памятники т. н. «маевского типа» обязаны своим появлением продвижению на Орель и Самару одной из групп пришлых племён. Проникнув на эту территорию, племена сруб-

ной культуры были вынуждены вступить в контакт с местным населением, и прежде всего с племенами КМК. В результате смешения двух этих компонентов и возникла та срубная культура, которая известна на Украине [56, с. 473].

Вызывают интерес некоторые идеи В. В. Отрощенко, когда он говорит, что в водовороте острых дискуссий по «срубной» теме, практически не утихающих в течение последних 40 лет, важно не потерять базовые основы проблемы, среди которых не последнее место занимает появление срубов как типа погребальных сооружений.

Впервые массовое открытие срубов как типа погребальных сооружений эпохи бронзы состоялось в 1901 г. в Изюмщине [4, с. 215–237]. Их можно было бы рассматривать как эталонные для срубной культуры. Однако исследованиями Северо-Донецкой экспедиции в 70-е гг. было установлено, что существенная часть срубов, в т. ч. и раскопанных В. А. Городцовым, принадлежала к другой культуре – предшественнице срубной культуры – КМК [13; 14, с. 184–188, рис. 6, 7; 56, с. 309].

На I Научной конференции молодых учёных ИА АН УССР (1974) я впервые озвучил тезис относительно местного происхождения срубов и одноименной культуры от КМК [26]. И с тех пор проблема генезиса срубов была переведена в практическую плоскость, опирающуюся на факты (конкретные сооружения), обнаруженные в чётком стратиграфическом контексте [7, с. 3–14].

Хотелось бы подчеркнуть один важный нюанс в одной фразе: «исследованиями Северо-Донецкой экспедиции в 70-е гг. установлено, что существенная часть срубов, в том числе и раскопанных В. А. Городцовым, принадлежала к другой культуре – предшественнице срубной культуры – культуре многоваликовой керамики». Из неё следует, что я только изложил то, что было установлено иссле-

дованиями экспедиции. В этом усматривается попытка преуменьшения и искажения сделанного мною открытия.

Показательно, что выделяя маевский локальный вариант срубной культуры, днепропетровские археологи сначала причислили к нему и ряд захоронений бабинской культуры, в частности, в деревянных рамах [55, с. 16, рис. 10, 17, 18]. С. И. Берестнев, различая захоронения в срубах и в дощатых ящиках, относил, тем не менее, оба типа сооружений к раннему этапу срубной культуры [57, с. 10–11], следуя таким образом за Н. Н. Чередниченко [58, с. 12].

Процесс разграничения захоронений бабинской и срубной культур, начатый в 70-е гг. после нашего открытия, довольно быстро приобрёл необратимый характер [17, с. 35–47; 59, с. 70–86]. Тем более, что в другой статье В. Отрощенко сообщает: «И. А. Писларий [15, с. 12–14] более чётко развёл комплексы бабинской и срубной культур по времени: первые датированы им переходным периодом от средней к поздней бронзе, вторые отнесены к поздней бронзе» [50, с. 3–14].

Хотелось бы ещё сделать замечание по поводу коллективной монографии [60], которая, по словам авторов, посвящена характеристике 4-х археологических культур: КМК, срубной, сабашиновской и белозерской, отражающих средний и поздний периоды эпохи бронзы на территории южной и восточной Украины. До последнего времени их относили к единой срубной этнокультурной общности.

Но поскольку мною было сделано открытие по выделению погребений КМК из среды срубных [13], то, естественно, появилась необходимость пересмотра многих вопросов хронологии, генезиса, связей различных групп археологических памятников, входящих в эту общность, и, конечно же, обоснования их культурно-хронологического и этнического разделения [60, с. 2].

Заключение

Итак, подведём итоги. С момента обнаружения первых памятников с многоваликовой керамикой и до полноценного выделения их как культуры многоваликовой керамики прошло около полутора столетий. В её изучении принимало, немалое количество украинских и российских учёных, среди которых напомним хотя бы некоторые имена: Д. Самоквасов М. Беляшевский, В. Хвойко, Н. Бранденбург, Н. Макаренко, П. Ефименко, Г. Подгаецкий, А. Добровольский, Д. Березовец, Д. Блифельд, В. Рыбалова, Т. Попова, Н. Качалова, Б. Латынин, С. Березанская, С. Братченко, И. Шарафутдинова, Э. Шарафутдинова, И. Черняков, И. Ковалёва, С. Агульников, В. Дергачёв, Е. Сава, Е. Пузаков, Т. Шаповалов, А. Привалов, А. Радзиевская, И. Свешников, Л. Крушельницкая, М. Бандривський и другие. Это был длительный путь от обращения внимания на керамику со специфической многоваликовой орнаментацией на поселениях до осознания какого-то особенного культурного явления и выделения его как отдельной культуры. Затем последовали бесплодные поиски погребений, которых не могли идентифицировать среди курганных погребений и потому считали, что их надо искать в грунтовых могильниках.

Ситуация изменилась, когда в 1972 г. в качестве руководителя Северско-Донецкой экспедиции к изучению курганных древностей пришёл ученик С. С. Березанской Ион Пыслару. Именно ему принадлежит честь открытия не только погре-

бений КМК, но и выработка критериев выделения погребений этой культуры и их отличие от погребальных памятников срубной культуры. Ассистентом этих открытий выступал С. Н. Братченко, с которым Ион Пыслару тесно сотрудничал с 1971 по 1979 г.

После того, как их научные пути разошлись, можно было бы понять поведение С. Братченко, когда он стал убирать имя И. Пыслару из истории изучения КМК. Особенно досадным следует признать, что это отношение передалось его ученикам – А. М. Смирнову, Я. П. Гершковичу, С. Н. Санжарову, А. Н. Усачуку, В. Я. Зельдиной-Стеганцевой, В. К. Кульбаке и др., а также коллеге В. В. Отрощенко и его воспитанникам, среди которых Р. Литвиненко, Ю. Бровендер, Д. Куштан, А. Пробейголова, В. Забавин и пр.

В многочисленных статьях в интернете по культуре многоваликовой керамики и срубной культуре, а также в публикациях этих авторов, особенно в их кандидатских диссертациях, руководителями которых являлись Я. П. Гершкович, Р. А. Литвиненко или же сам В. В. Отрощенко, публикации И. Пыслария зачастую вообще не упоминаются. Но зато в качестве нового открывателя КМК фигурирует профессор Р. А. Литвиненко.

Трудно заподозрить великолепного знатока культур эпохи бронзы, профессора В. В. Отрощенко в незнании этих фактов, но встают естественные вопросы: почему это имеет место, с какой целью, зачем и кому нужны (выгодны) эти фальсификации в археологии?

ЛИТЕРАТУРА

1. Пыслару И. Василий Городцов и его схема погребений эпохи бронзы. Анализ исследований (к 120-летию открытия) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 54–76. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-54-75
2. Сафонов И. Е. В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 201 с.
3. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 166 с.
4. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 году // Труды XII Археологического съезда. Т. I. М., 1905. С. 215–237.

5. Писларий И. А. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. С. 169–193.
6. Писларий И. А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1983. 22 с.
7. Отрощенко В. В. З приводу генези цист бережнівсько-маївської зрубної культури // Археологія. 2014. № 2. С. 3–17.
8. Отрощенко В. В. Знаки на кераміці доби пізньої бронзи // Археологічна керамологія. 2019. № 1. С. 52–55.
9. Отрощенко В. В. Троя в дискурсі української археології // Археологія. 2018. № 4. С. 5–10.
10. Бочкарёв В. С. Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы. К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Восточной Европы: мат-лы конф. Самара: СамГПУ, 2001. С. 8–10.
11. Бочкарев В. С. Археологические проблемы радиоуглеродной хронологии (по материалам эпохи бронзы южной половины Восточной Европы) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: мат-лы конф. СПб.: Скифия-принт, 2013а. С. 8–9.
12. Бочкарев В. С. «Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013. С. 64–65.
13. Писларий И. А. О двух культурно-хронологических группах погребений в срубках бассейне Северского Донца // Новейшие открытия советских археологов: тезисы. Ч. I. Киев, 1975. С. 89–90.
14. Писларий И. А. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. С. 169–193.
15. Писларий И. А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1983. С. 2–3.
16. Сафронов В. А. К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен. // Древние культуры Поволжья и Приуралья: тезисы. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 27.
17. Ковалева И. Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск: ДГУ, 1981. 80 с.
18. Березанская С. С. Основные результаты изучения культур многоваликовой керамики. Донецк, 1979. С. 4–5.
19. Качалова Н. К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985. С. 33–35.
20. Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая область, Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985. С. 98–102.
21. Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Периодизация памятников срубной культуры ргглесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985. С. 60–94.
22. Синюк А. Т., Погорелов В. И. Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников) // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985. С. 118–145.
23. Семенова А. П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 152–208.
24. Отрощенко В. В. К истории племен срубной общности. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж, 2003. С. 68–96.
25. Васильев И. Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // Краеведческие записки. Вып. XV: 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Самара: Офорт, 2010. С. 64–86.
26. Писларий И. А. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры // Открытия молодых археологов Украины. Ч. 1. Киев: Наукова Думка, 1976. С. 18–19.
27. Писларий И. А. К вопросу о сложении срубной культуры: доклад, прочитанный на симпозиуме «Проблемы археологии Донбасса», 1974.
28. Писларий И. А. Итоги изучения памятников середины II тыс. до н.э. в Донецкой лесостепи // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Днепропетровск: ДГУ, 1981. С. 58–60.

29. Братченко С. Н., Пам'ятки багатоваликової кераміки // Археологія УССР. Т. 1. Київ, 1971. С. 336.
30. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Київ., 1976. 242 с.
31. Литвиненко Р. О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... док. істор. наук. Київ: Ін-т археології НАНУ, 2009. 32 с.
32. Савва Е. Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1992. 114 с.
33. Братченко С. Н. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977. С. 21–42.
34. Братченко С. Н. Культура багатоваликової кераміки // Археологія УССР. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1985. С. 451–458.
35. Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики // Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 5–6.
36. Куштан Д. П. Південь лісостепового Подніпров'я доби пізньої бронзи. Донецьк: Донбас, 2013. 232 с.
37. Братченко С. Н., Санжаров С. М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини (III тис. до н.е.). Луганськ: Вид-во СНУ, 2001. 108 с.
38. Березанская С. С. Племена Северной Украины в бронзовом веке: дис. ... док. ист. наук. Киев, 1977. 60 с.
39. Березанская С. С. Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 82–83.
40. Березанская С. С. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979. С. 4–6.
41. Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики // Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986. С. 5–44.
42. Березанская С. С. Культура многоваликовой керамики // Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986. С. 5–6.
43. Чередниченко Н. Н. Срубная культуры // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986. С. 44–82.
44. Литвиненко Р. А. Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья // Донецкий археологический сборник. 1992. Вып. 1. С. 29–46
45. Литвиненко Р. О. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2009. № 9. С. 44–90.
46. Ковалева И. Ф., Волковой С. С. Срубные курганне могильники Нижнего Приорелья // КДСП. 1978. Вып. 2. С. 32–45.
47. Чередниченко Н. Н. О некоторых проблемах срубной культуры // ПЭБЮВЕ, Донецк. 1979 С. 6–8.
48. Берестнев С. И. О погребальном обряде населения срубной общности восточно-украинской лесостепи // Древности, 1994. С. 23–24.
49. Отрощенко В. В. Могильники степного Поднепровья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Т. 221. Куйбышев, 1978. С. 81–86.
50. Отрощенко В. В. Міркування щодо концепцій культурогенезу // Археологія і давня історія України. 2021. № 2. С. 52–58.
51. Писларий И. А. Деревообработка в эпоху меди-бронзы в Донецкой лесостепи // ПЭБЮВЕ. Донецк. 1979. С. 20–21.
52. Писларий И. А. Деревообработка в эпоху средней бронзы // Хозяйство древнего населения Украины. Ремесло и промыслы древнего населения Украины. Ч. 2. Киев, 1995. С. 196–210.
53. Гершкович Я. П., Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // ПЭБЮВЕ. Донецк, 1979. С. 59–60.
54. Братченко С. Н., Писларий И. А., Шарафутдинова Э. С. и др. Исследования Северско-Донецкой экспедиции // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 5–309.
55. Ковалева И. Ф., Волковой С. С. Срубные курганне могильники Нижнего Приорелья // КДСП. Вып. 1. Днепропетровск, 1976. С. 4–31.

56. Березанская С. С., Чередниченко Н. Н. Срубная культура // Археология Украины. Первобытная археология. К., 1985. С. 462–473.
57. Берестнев С. И. Срубная культура лесостепного Левобережья Украины: дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1983. 311 с.
58. Чередниченко Н. Н. История срубных племен Подонья (XV–IX вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1973. 37 с.
59. Отрошенко В. В., Срубная культура степного Поднепровья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981. 329 с.
60. Березанская С. С., Отрошенко В. В., Чередниченко Н. Н. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986. 164 с.
61. Панковский В. Б. Очагово-аккумулятивная концепция культурогенеза // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 15–18.

REFERENCES

1. Pyslar, I. (2023). Vasily Gorodtsov and his scheme of burials of the Bronze Age. Analysis of research (to the 120th anniversary of the discovery). In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 5, Circumpontica-V, 54–76. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-54-75 (in Russ.).
2. Safonov, I. E. (2002). *V. A. Gorodtsov and the study of the Bronze Age of the Eastern European steppe and forest-steppe*: [dissertation]. Voronezh (in Russ.).
3. Krivtsova-Grakova, O. A. (1955). *Steppe Volga and Black Sea region in the late Bronze Age*. M.: AS of the USSR (in Russ.).
4. Gorodtsov, V. A. (1905). Results of archaeological research in the Ieyum district of the Kharkov province in 1901. In: *Proceedings of the XII Archaeological Congress. Vol. I*. Moscow, 215–237 (in Russ.).
5. Pislariy, I. A. (1982). On the method of checking the uniformity of the array of archaeological sites. In: *New methods of archaeological research*. Kyiv: Naukova Dumka, 169–193 (in Russ.).
6. Pislariy, I. A. (1983). *Culture of polyvalic ceramics of Eastern Ukraine*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Otroshchenko, V. V. (2014). Z drive the genesis of the cysts of the Berezhnivsko-Mavsko ĭ Zrubno ĭ kultury. In: *Archeology*, 2, 3–17.
8. Otroshchenko, V. V. (2019). Signs on ceramics i dobi pizno ĭ bronzi. In: *Archaeology ceramology*, 1, 52–55.
9. Otroshchenko, V. V. (2018). Troy in the discourse i Ukrainian ĭ archaeologist. In: *Archeology*, 4, 5–10.
10. Bochkarev, V. S. (2001). Periodization of V. A. Gorodtsov in the context of chronological studies of the European Bronze Age. In: *Bronze Age of Eastern Europe. By the centenary of the periodization of V. A. Gorodtsov of the Bronze Age of Eastern Europe: mat-ly conf*. Samara: SamGPU, 8–10 (in Russ.).
11. Bochkarev, V. S. (2013). Archaeological problems of radiocarbon chronology (based on materials from the Bronze Age of the southern half of Eastern Europe). In: *Problems of periodization and chronology in archeology of the era of the early metal of Eastern Europe*. St. Petersburg: Scythia print, 8–9 (in Russ.).
12. Bochkarev, V. S. (2013). "Radio-carbon revolution" and the problem of periodization of monuments of the Bronze Age of the southern half of Eastern Europe. In: *Principles of dating monuments of the Bronze Age, Iron Age and Middle Ages*. St. Petersburg: IIMK RAS; St. Petersburg State University, 64–65 (in Russ.).
13. Pislariy, I. A. (1975). On two cultural and chronological groups of burials in the log cabins of the Sevsky Donetsk basin. In: *The latest discoveries of Soviet archaeologists: theses. Iss. I*. Kyiv, 89–90 (in Russ.).
14. Pislariy, I. A. (1982). On the method of checking the uniformity of the array of archaeological sites. In: *New methods of archaeological research*. Kyiv: Naukova Dumka, 169–193 (in Russ.).
15. Pislariy, I. A. (1983). *Culture of polyvalic ceramics of Eastern Ukraine*: [dissertation]. Moscow, 2–3 (in Russ.).
16. Safronov, V. A. (1978). On the question of the time of the formation of the log house culture, the southern and western expansion of its tribes. In: *Ancient cultures of the Volga region and the Urals: theses. Vol. 221*. Kuibyshev, 27 (in Russ.).
17. Kovaleva, I. F. (1981). *North of the steppe Dnieper in the Middle Bronze Age*. Dnepropetrovsk: DSU Publ. (in Russ.).

18. Berezanskaya, S. S. (1979). *The main results of the study of cultures of polyvalic ceramics*. Donetsk, 4–5 (in Russ.).
19. Kachalova, N. K. (1985). Periodization of felling monuments of the Lower Volga region In: *Felling cultural and historical community*. Kuibyshev: KSPI Publ., 33–35 (in Russ.).
20. Gorbunov, V. S., Morozov, Yu. A. (1985). Periodization of the log house culture of the Urals. In: *Srubnaya cultural and historical region*. Kuibyshev: KSPI, 98–102 (in Russ.).
21. Vasiliev, I. B., Kuzmina, O. V. & Semenova, A. P. (1985). Periodization of the monuments of the log house culture of the Rgless-steppe Volga region. In: *Srubnaya cultural and historical community*. Kuibyshev: KSPI, 60–94 (in Russ.).
22. Sinyuk, A. T. & Pogorelov, V. I. (1985). Periodization of the felling culture of the Middle Don (based on materials from funerary monuments). In: *Felling culture-historical community (problems of formation and periodization)*. Kuibyshev: KSPI Publ., 118–145 (in Russ.).
23. Semenova, A. P. (2000). Funeral monuments of the log house culture. In: *History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. Bronze Age*. Samara, 152–208 (in Russ.).
24. Otroshchenko, V. V. (2003). To the history of the tribes of the felling community. Don-Donetsk region in the Bronze Age. In: *Archeology of the East European forest-steppe. Iss. 17*. Voronezh, 68–96 (in Russ.).
25. Vasiliev, I. B. (2010). Srubnaya culture of the forest-steppe Volga region and the Urals. In: *Local history notes. Iss. XV: 40 years of the Middle Volga archaeological expedition*. Samara: Ofort Publ., 64–86 (in Russ.).
26. Pislariy, I. A. (1976). New materials for studying the question of the formation of the log house culture. In: *Discoveries of young archaeologists of Ukraine. Part 1*. Kyiv: Naukova Dumka, 18–19 (in Russ.).
27. Pislariy, I. A. (1974). On the question of the formation of the log house culture: Report read at the symposium "Problems of archeology of Donbass," 1974.
28. Pislariy, I. A. (1981). Results of the study of monuments of the middle of II millennium BC in Donetsk forest-steppe. In: *Archaeological research in Ukraine in 1978–1979*. Dnepropetrovsk: DSU, 58–60 (in Russ.).
29. Bratchenko, S. N. (1971). Pam'yatki bagatovalikov ceramics. In: *Archaeology of the Ukrainian SSR. Vol. 1*. Kyiv, 336.
30. Bratchenko, S. N. (1976). *Lower Podonje in the Middle Bronze Age*. Kyiv (in Russ.).
31. Litvinenko, R. O. (2009). Kulturne kolo Babine (behind the materials of the lingering pam'yatok): [dissertation]. Kyiv: I n-t archaeologist ii NASU.
32. Savva, E. N. (1992). *Culture of polyvalic ceramics of the Dniester-Prut interfluve*. Chisinau: Shtiinza Publ. (in Russ.).
33. Bratchenko, S. N. (1977). On the question of the formation of Babin culture (multi-peak ceramics). In: *Vilnyansky mounds in the Dnieper Nadporozhye*. Kyiv: Naukova Dumka, 21–42 (in Russ.).
34. Bratchenko, S. N. (1985). Culture of bagatovalikov ceramics. In: *Archeology of the Ukrainian SSR. Vol. 1*. Kyiv: Naukova Dumka, 451–458.
35. Berezanskaya, S. S. (1986). Culture of multi-pendant ceramics. In: Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N., et al. *Cultures of the Bronze Age in Ukraine*. Kyiv, 5–6 (in Russ.).
36. Kushtan, D. P. (2013). *Pivden lisepovoy Podpiprov'ya dobi pizno i bronzi*. Donetsk: Donbas.
37. Bratchenko, S. N. & Sanzharov, S. M. (2001). *Ridkisi i bronze i charging from the catacombs of Siverzkodonocchini and Donshchini (III yew. BC)*. Lugansk: SNU Publ.
38. Berezanskaya, S. S. (1977). *Tribes of Northern Ukraine in the Bronze Age: dissertation*. Kyiv (in Russ.).
39. Berezanskaya, S. S. (1978). Pre-ruble cultural and chronological horizon in Ukraine. In: *Ancient cultures of the Volga region and the Urals. Iss 221*. Kuibyshev, 82–83 (in Russ.).
40. Berezanskaya, S. S. (1979). The main results of the study of the culture of polyvalic ceramics In: *Problems of the Bronze Age of southern Eastern Europe*. Donetsk, 4–6 (in Russ.).
41. Berezanskaya, S. S. (1986). Culture of polyvalic ceramics. In: Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N., et al. (1986). *Cultures of the Bronze Age in Ukraine*. Kyiv: Naukova Dumka, 5–44 (in Russ.).
42. Berezanskaya, S. S. (1986). Culture of polyvalic ceramics. In: Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N., et al. (1986). *Cultures of the Bronze Age in Ukraine*. Kyiv: Naukova Dumka, 5–6 (in Russ.).
43. Cherednichenko, H. H. (1986). Srubnaya culture. In: *Cultures of the Bronze Age in Ukraine*. Kyiv: Naukova Dumka, 44–82 (in Russ.).

44. Litvinenko, R. A. (1992). Burial structures of the log house culture of Podontsovye and the North-East Azov region. In: *Donetsk archaeological collection*, 1, 29–46 (in Russ.).
45. Litvinenko, R. O. (2009). The genesis, the development of that i, the share of Babin's cultural stake is historical. In: *Materiali that pre-senn with archaeologist ü Shidno i Ukraine*. Lugansk, 9, 44–90.
46. Rovaleva, I. F. & Volkoboy, S. S. (1978). Log burial mounds of the Lower Priorelya. In: *KDSP*, 2, 32–45 (in Russ.).
47. Cherednichenko, N. N. (1979). On some problems of the log house culture. In: *PEBYUVE*. Donetsk, 6–8 (in Russ.).
48. Berestnev, S. I. (1994). On the funeral rite of the population of the felling community of the East Ukrainian forest-steppe. In: *Antiquities*, 23–24 (in Russ.).
49. Otroshchenko, V. V. (1978). Burial grounds of the steppe Dnieper region. In: *Ancient cultures of the Volga region and the Urals. Iss. 221*. Kuibyshev, 81–86 (in Russ.).
50. Otroshchenko, V. V. (2021). Murkuvannya. In: *Archeology i a long i standing story of Ukraine*, 2, 52–58.
51. Pislariy, I. A. (1979). Woodworking in the copper-bronze era in the Donetsk forest-steppe. In: *PEBYUVE*. Donetsk, 20–21 (in Russ.).
52. Pislariy, I. A. (1995). Woodworking in the Middle Bronze Age. In: *Economy of the ancient population of Ukraine. Craft and crafts of the ancient population of Ukraine. Part 2*. Kyiv, 196–210 (in Russ.).
53. Gershkovich, Y. P. (1979). Bone zoomorphic buckles of the culture of polyvalic ceramics. In: *PEBYUVE*. Donetsk, 59–60 (in Russ.).
54. Bratchenko, S. N., Pislary, I. A., Sharafutdinova, E. S., et al. (1976). Research of the Seversk-Donetsk expedition. In: *Archaeological discoveries of 1975*. Moscow, 5–309 (in Russ.).
55. Kovaleva, I. F. & Volkova, S. S. (1976). Felling burial mounds of the Lower Priorelya. In: *KDSP. Iss. 1*. Dnepropetrovsk, 4–31 (in Russ.).
56. Berezanskaya, S. S. & Cherednichenko, N. N. (1985). Srubnaya culture. In: *Archeology of Ukraine. Primitive archaeology*. Kyiv, 462–473 (in Russ.).
57. Berestnev, S. I. (1983). *Srubnaya culture of the forest-steppe Left Bank of Ukraine*: [dissertation]. Kharkov (in Russ.).
58. Cherednichenko, N. N. (1973). *History of the log tribes of Podonya (XV-IX centuries BC)*: [dissertation]. Kyiv (in Russ.).
59. Otroshchenko, V. V. (1981). Srubnaya culture of the steppe Dnieper: [dissertation]. Kyiv (in Russ.).
60. Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N., et al. (1986). *Cultures of the Bronze Age in Ukraine*. Kyiv: Naukova Dumka
61. Pankovsky, V. B. (2019). Ochagovo-accumulative concept of cultural genesis. In: *Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of ties and interactions in the Eurasian cultural space*. St. Petersburg: IIMK RAS, 15–18 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пыслару Ион (г. Мангалия, Румыния) – доктор исторических наук, доцент, археолог-эксперт Музея археологии «Каллатис»;

e-mail: ipaslaru50@gmail.com; ORCID: 0009-0000-5192-7760

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ion Pyslaru (Mangalia, Romania) – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Archaeologist-expert, Museum of Archaeology "Kallatis";

e-mail: ipaslaru50@gmail.com; ORCID: 0009-0000-5192-7760

Научная статья

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-146-151

КОМПЛЕКС БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ С ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Новичихин А. М.

Анапский археологический музей, г. Анапа, Российская Федерация

e-mail: yazamat03@mail.ru

Поступила в редакцию 10.09.2025

После доработки 03.10.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Аннотация

Цель. Публикация комплекса металлических предметов из курганного погребения, разрушенного в южной части Таманского полуострова в середине 1990-х гг. Комплекс включает бронзовые нож, тесло и браслет.

Процедура и методы. Культурно-типологический анализ составляющих комплекс предметов. В работе использованы сравнительно-типологический и сравнительно-исторический методы, применён метод анализа и синтеза.

Результаты. Круг аналогий предметам комплекса даёт основания относить его к концу раннего – началу среднего бронзового века. Связать его с какой-либо археологической культурой этого периода, оставившей следы своего пребывания на Таманском полуострове, в настоящее время не представляется возможным.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введён в научный оборот выразительный комплекс металлических предметов конца ранней – начала средней бронзы.

Ключевые слова: Таманский полуостров, бронзовый век, курган, нож, тесло, браслет

Для цитирования:

Новичихин А. М. Комплекс бронзовых предметов с таманского полуострова // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 146–151.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-146-151

Original research article

A COMPLEX OF BRONZE OBJECTS FROM THE TAMAN PENINSULA

A .Novichikhin

Anapa Archaeological Museum, Anapa, Russian Federation

e-mail: yazamat03@mail.ru

Received 10.09.2025

Revised 03.10.2025

Accepted 27.10.2025

Abstract

Aim. Publication of a set of metal objects from a burial mound that was destroyed in the southern part of the Taman Peninsula in the mid-1990s. The set includes a bronze knife, adze, and bracelet.

Methodology. Cultural and typological analysis of the constituent items. The work uses comparative-typological and comparative-historical methods, as well as the method of analysis and synthesis.

Results. The circle of analogies to the objects of the complex gives grounds to attribute it to the end of the early and the beginning of the middle Bronze Age. It is not currently possible to associate it with any archaeological culture of this period that left traces of its stay on the Taman Peninsula.

Research implications. An expressive complex of metal objects from the late early and early middle Bronze Ages has been introduced into scientific circulation.

Keywords: Taman Peninsula, Bronze Age, mound, knife, adze, bracelet

For citation:

Novichikhin, A. M. (2026). A complex of bronze objects from the Taman Peninsula. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 146–151.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-146-151

Введение

В середине 1990-х гг. в южной части Таманского полуострова, в окрестностях пос. Черноморского¹, был разрушен курган, содержащий погребение эпохи раннего металла. Никаких сведений об обряде погребения и конструкции погребального сооружения, к сожалению, не сохранилось. Три найденных в погребении бронзовых предмета, сменив нескольких владельцев, в 1998 г. поступили в Анапский археологический музей² и сегодня находятся экспозиции «Древнейшее прошлое Анапы».

Описание находок

Нож с плоским обоюдоострым клинком остролистных очертаний плавно переходящим в уплощённый черенок. Наибольшее расширение клинка приходится на примыкающую к черенку часть (рис. 1.1). Длина – 8,8 см, ширина клинка – 2,9 см, толщина черенка – 0,3 см.

Тесло в форме трапеции со скруглёнными нижним и верхним основаниями.

¹ В настоящее время пос. Черноморский, называвшийся так по расположенному здесь совхозу, сменил название на Таманский, став административным центром Новотаманского сельского поселения Темрюкского р-на Краснодарского края.

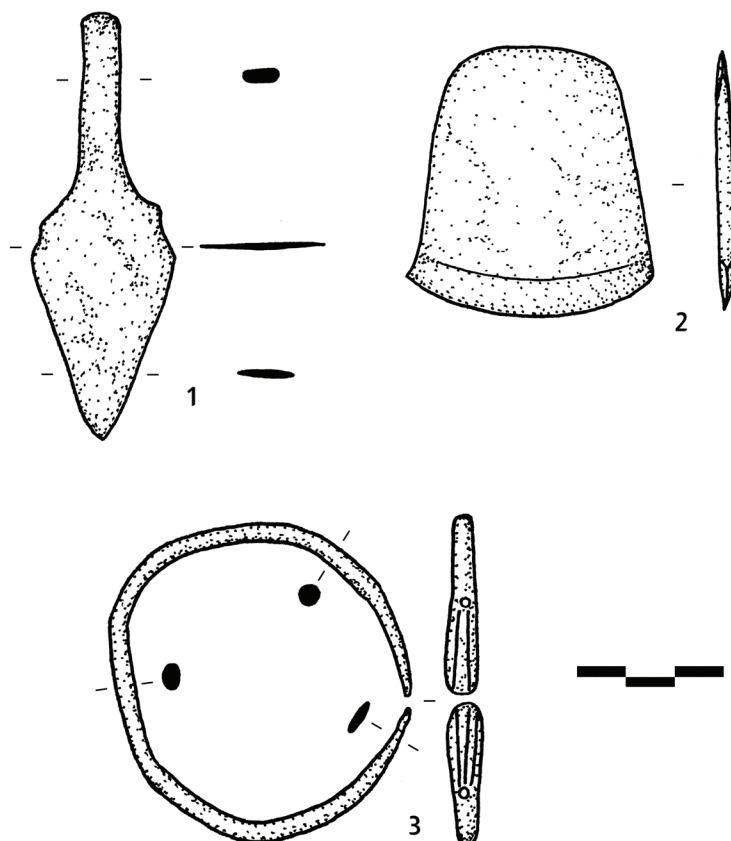
² Инвентарный номер музейного хранения КМ 10383/1-3.

Нижнее основание является лезвийной частью с односторонней заточкой и слегка оттянутым одним концом. Противоположная обушковая часть заострена с обеих сторон, но не заточена (рис. 1.2). Высота – 5,1 см, ширина по концам лезвия – 5,1 см, толщина – 0,3 см.

Браслет из неравномерно прокованной округло-овальной в сечении проволоки. Несомкнутые концы раскованы и украшены гравировкой: точка с отходящими от неё к концам линиями, на одной лопасти 2, на другой 3 (рис. 1.3). Диаметр – 6,5–6,7 см, толщина проволоки – 0,4–0,5 см, ширина раскованных концов – 0,6 см.

Культурно-хронологическая атрибуция

По классификации С. Н. Корневского 1978 г., нож относится к IV группе – «листовидные ножи с узким лезвием» – наиболее распространённой в памятниках эпохи бронзы Северного Причерноморья, Поволжья и Кавказа. Исследователь отмечает «самое широкое распространение» ножей такой формы в памятниках ямной, полтавкинской, катакомбной, майкопской, северокавказской культур [1, с. 41–44]. По типологии, предложенной С. Н. Корневским для метал-

Рис. 1 / Fig. 1. Бронзовые предметы из кургана у пос. Черноморского / Bronze objects from the burial mound near the village of Chernomorskiy

Источник: рисунок автора

лических изделий майкопской культуры, нож из Черноморского относится к варианту А группы КЧ4 – «кинжалы черенковые без отверстия в черенке, с неширокими плечиками, листовидным клинком» [2, с. 52, рис. 25.1-6]. Исследователь также отмечает, что «форма черенкового листовидного кинжала наиболее широко была распространена в последующее время среднего бронзового века на юге Восточной Европы» [2, с. 52]. Действительно, в памятниках конца раннего – среднего бронзового века известны находки таких ножей: по материалам Предкавказья и юго-востока Русской равнины Е. И. Гак выделяет их в вариант II типа 2 [3, с. 762, рис. 2.6-9]. В Западном Предкавказье аналогичные ножи представлены в памят-

никах северокавказской [4, с. 92, рис. 42, типы II и III] и новотиторовской [5, с. 151, рис. 46, 4, 10-12, 16] археологических культур.

Небольшие по размеру плоские тесла характерны для большинства археологических культур эпохи ранней бронзы Циркумпонтийской металлургической провинции [6, с. 61]. Орудия такой формы широко распространены в памятниках майкопско-новосвободненской общности и синхронных ей культур раннего бронзового века Кавказа [2, с. 71-76, рис. 60-63; 7, с. 61, рис. 130.9]. В территориальной близости от Таманского полуострова (в районе Анапы) однотипные, но имеющие более вытянутые пропорции бронзовые тесла встречены в окрест-

ностях станицы Натухаевской. Из них один экземпляр происходит из раскопок поселения майкопской культуры Натухаевское 3 [8, с. 376, рис. 1.12; 9, с. 62, рис. 3.12], второй – является случайной находкой [10, с. 52, рис. 1.5]. Тесла подобной формы («короткие и широкие») из памятников северокавказской культуры В. И. Марковин выделяет в ранний тип и сопоставляет с аналогичными орудиями майкопской культуры [4, с. 91, рис. 41].

Округло-овальные в сечении браслеты с раскованными концами, украшенными гравированным и пунсонным орнаментом, известны в материалах разрушенного погребения из Феодосии и из окрестностей г. Белогорска в Крыму. В. И. Ключко относит их к среднему бронзовому веку без уточнения культурной принадлежности и датировки [11, с. 135, илл. 4, с. 136, илл. 5, с. 309].

Отметим, что ножи и тесла, подобные описанным, зачастую совместно встречаются в инвентаре погребений раннего и среднего бронзового века на Северо-Западном Кавказе. Самое близкое по размерам и параметрам публикуемому тесло в комплексе с ножом, имеющим более вытянутый клинок, происходит погребения 5 кургана 1 у пос. Праздничного, исследованного Н. И. Веселовским в 1903 г. В. И. Марковин относит его к числу ранних памятников северокавказской культуры [4, с. 33, 34, рис. 5.4,5,6]. Близкие по форме нож и тесло входили в состав инвентаря погребения майкопской культуры, открытого Н. И. Веселовским в кургане 3 у ст. Костромской [12, рис. 57.7-8].

Следует отметить, что в 10 км к востоку от места находки публикуемого комплекса в 1978 г. экспедицией В. А. Сафронова при раскопках у пос. Янтарь (в настоящее время – пос. Веселовка) в насыпи кургана 1 был обнаружен клад металлических изделий (комплекс № 7), включавший, наряду с другими предметами, 3 бронзовых листовидных ножа IV группы по классификации С. Н. Корневского и трапециевидное тесло. Орудия имели несколько

более вытянутые пропорции, по сравнению с поступившими в Анапский музей: для ножей это, скорее всего, объясняется меньшей сработанностью лезвий. Тесло же, как и в рассматриваемом случае, имеет слегка оттянутый один из концов лезвия, что привело к асимметричности (скошенности) режущей кромки орудия¹.

Заключение

Таким образом, круг аналогий предметам комплекса из Черноморского даёт основания относить его к концу раннего – началу среднего бронзового века. Связать его с какой-либо археологической культурой этого периода, оставившей следы своего пребывания на Таманском полуострове, в настоящее время не представляется возможным – в указанную эпоху Тамань представляла собой межкультурную контактную зону [14, с. 23–27], а составляющие комплекс предметы имеют надкультурный характер. Находки из пос. Черноморского (как и клад бронзовых предметов из кургана у пос. Янтарь) в равной степени могут относиться к древностям любой из археологических культур этого времени, памятники которых открыты на Тамани – ямной, майкопской, новотиторовской, северокавказской, катакомбной [13, с. 322–332; 14, с. 23–37].

Разрушенный курган у пос. Черноморского и курган у пос. Янтарь (Веселовки) входили в цепочку курганов,

¹ Сафронов В. А. Исследование курганов в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 1978 году // НА ИА РАН. Р-1, № 7500. Л. 42-43, рис. 42.

Автор раскопок (л. 43) и другие исследователи [13, с. 333] отнесли клад к эпохе поздней бронзы («сабагинскому этапу срубной культуры»). Представляется, что входившие в него предметы (4 ножа трёх типов, тесло, четырёхгранная проколка) имеют более ранний облик. Весьма вероятно, что клад так или иначе связан с основным в данном кургане раннекатакомбным погребением 6, в закладе камеры которого была использована каменная антропоморфная стела (указанный отчёт, л. 35-37). Весь комплекс кургана, исследованного в 1978 г. у пос. Янтарь (Веселовка), безусловно, заслуживает полноценного изучения и публикации.

протянувшихся вдоль древнего, сформировавшегося в эпоху ранней/средней бронзы, и использовавшего на протяжении тысячелетий пути с Кавказа в Крым: от Анапской пересыпи к Тузлинской косе, с которой осуществлялась переправа через Керченский пролив, и далее от мыса

Ак-Бурун на запад [15, с. 64, 66, 72–73]. По этому маршруту перемещались носители разных археологических культур, осуществлялись межкультурные коммуникации, происходил обмен продуктами хозяйственной деятельности, предметами, технологиями и идеями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // Советская археология. 1978. № 2. С. 33–48.
2. Корневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.
3. Гак Е. И. Переходный период в металлообработке Предкавказья и юго-востока Русской равнины на рубеже ранней и средней бронзы // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6. С. 760–769.
4. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) М.: Изд-во АН СССР, 1960. 150 с.
5. Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
6. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4. С. 53–82.
7. Резепкин А. Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.
8. Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Исследование поселения майкопской культуры у ст. Натухаевской // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: мат-лы конф. Магас, 2010. С. 374–277.
9. Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. Памятники эпохи ранней бронзы в окрестностях г. Новороссийска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 2022. С. 60–92.
10. Новичихин А. М. Случайные находки эпохи бронзы и раннего железа из окрестностей станиц Натухаевской и Раевской // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 8. Новороссийск, 2013. С. 51–58.
11. Клочко В. И., Козыменко А. В. Древний металл Украины. Киев, 2017. 366 с.
12. Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.
13. Паромов Я. М., Гей А. Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. 2005. Т. 8. С. 320–339.
14. Новичихин А. М. Древности Тамани. Тамань: Платонов И., 2022. 464 с.
15. Сударев Н. И., Поротов А. В., Гарбузов Г. П. К вопросу о древних дорогах и переправах южной части Таманского полуострова // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLIV. С. 62–85.

REFERENCES

1. Korenevsky, S. N. (1978). On metal knives of pit, Poltava and catacomb cultures. In: *Soviet archeology*, 2, 33–48 (in Russ.).
2. Korenevsky, S. N. (2011). *The oldest metal of the Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect*. Moscow: Taus Publ. (in Russ.).
3. Gak, E. I. (2016). Transition period in metalworking of the Ciscaucasia and the southeast of the Russian Plain at the turn of early and middle bronze. In: *Historical journal: scientific research*, 6, 760–769 (in Russ.).
4. Markovin, V. I. (1960). *Culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC)*. Moscow: AS USSR Publ. (in Russ.).
5. Gay, A. N. (2000). *Novotitorov culture*. Moscow: Old Garden Publ. (in Russ.).
6. Chernykh, E. N. (1978). Metallurgical provinces and periodization of the early metal era in the USSR. In: *Soviet archeology*, 4, 53–82 (in Russ.).

7. Rezepkin, A. D. (2012). *Novosvobodnenskaya culture (based on materials from the Klady burial ground)*. St. Petersburg: Nestor-History Publ. (in Russ.).
8. Shishlov, A. V., Kolpakova, A. V. & Fedorenko, N. V. (2010). Study of the settlement of Maykop culture at Art. Natukhaevskaya. In: *Problems of chronology and periodization of archaeological sites and cultures of the North Caucasus*. Magas, 374–277 (in Russ.).
9. Shishlov, A. V., Kolpakova, A. V. & Fedorenko, N. V. (2022). Monuments of the Early Bronze Age in the vicinity of Novorossiysk. In: *Issues of archeology of Adygea*. Maykop, 60–92 (in Russ.).
10. Novichikhin, A. M. (2013). Random finds of the Bronze Age and early iron from the vicinity of the villages of Natukhaevskaya and Raevskaya. In: *Historical notes. Research and materials*. Iss. 8. Novorossiysk, 51–58 (in Russ.).
11. Klochko, V. I. & Kozymenko, A. V. (2017). *Ancient metal of Ukraine*. Kyiv (in Russ.).
12. Korenevsky, S. N. (2004). *The oldest farmers and pastoralists of Ciscaucasia*. Maykop – *New Freedom community, problems of internal typology*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
13. Ferries, Y. M. & Gay, A. N. (2005). Monuments of the Stone and Bronze Age on the Taman Peninsula (short review). In: *Antiquities of the Bosphorus*, 8, 320–339 (in Russ.).
14. Novichikhin, A. M. (2022). *Antiquities of Taman*. Taman: Platonov I. Publ. (in Russ.).
15. Sudarev, N. I., Porotov, A. V. & Garbuzov, G. P. (2022). On the issue of ancient roads and crossings of the southern part of the Taman Peninsula. In: *Bosphorus studies*, XLIV, 62–85 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичихин Андрей Михайлович (г. Анапа) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Анапского археологического музея;
e-mail: yazamat03@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9878-2431

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey M. Novichikhin (Anapa) – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Archaeology, Anapa Archaeological Museum;
e-mail: yazamat03@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9878-2431

Научная статья
УДК 903.211.3
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-152-164

ТРАПЕЦИЕВИДНЫЕ ТОПОРЫ-ТЕСЛА КОНЦА ЭПОХИ БРОНЗЫ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Пелих А. Л.

*Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир, Российская Федерация
e-mail: pelich1976@mail.ru*

Поступила в редакцию 15.12.2025

После доработки 11.01.2026

Принята к публикации 20.01.2026

Аннотация

Цель. Обзор, классификация и картографирование находок с территории Северного Кавказа бронзовых трапециевидных топоров-тесел конца эпохи бронзы.

Процедура и методы. Создана выборка северокавказских бронзовых трапециевидных топоров-тесел конца эпохи бронзы – начала раннежелезного времени, представлены их морфологическая характеристика, особенности классификации, картографирование.

Результаты. По опубликованным данным, материалам музеев и архивов собрана серия северокавказских бронзовых топоров-тесел, которые датируются концом эпохи бронзы – началом раннего железа. Хронологическая и культурная характеристика, география распространения этих предметов даны в привязке к этапам развития прикубанского очага металлопроизводства, кобанской культурной общности, а также в целом к этапам развития культур эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Бронзовые трапециевидные топоры-тесла являются характерным бытовым предметом для северокавказских культур эпохи поздней бронзы. Выделенная группа тесел является маркером периода финальной бронзы (XII–X вв. до н.э.), появляясь ещё в позднесабатиновский период и завершаясь в материалах позднейшего предскифского периода. Данные, обобщённые в работе, представленные классификационные и картографические выкладки будут полезны при дальнейшем изучении северокавказского культурогенеза.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Северный Кавказ, топоры-тесла

Для цитирования:

Пелих А. Л. Трапециевидные топоры-тесла конца эпохи бронзы с территории Северного Кавказа // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 152–164.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-152-164

Original research article

TRAPEZOIDAL ADZE-AXES FROM THE END OF THE BRONZE AGE FROM THE TERRITORY OF THE NORTH CAUCASUS

A. Pelikh

Armavir State Pedagogical University

Armavir, Russian Federation

e-mail: pelich1976@mail.ru

Received 15.12.2025

Revised 11.01.2026

Accepted 20.01.2026

Abstract

Aim. Review, classification, and mapping of finds from the North Caucasus of bronze trapezoidal adze-axes from the end of the Bronze Age.

Methodology. A catalog of North Caucasian bronze trapezoidal adze-axes from the end of the Bronze Age to the beginning of the Early Iron Age has been created, and their morphological characteristics, classification features, mapping are presented.

Results. Data on North Caucasian bronze adze-axes, which date from the end of the Bronze Age to the beginning of the Early Iron Age, are taken from publications, archival data and in museums. The chronological and cultural characteristics, the geography of the distribution of these objects are given in relation to the stages of development of the Kuban center of metal production, the Koban cultural community, as well as in general to the stages of development of the Late Bronze Age cultures of southern Eastern Europe.

Research implications. Bronze trapezoidal adze-axes are a characteristic household item for the North Caucasian cultures of the Late Bronze Age. The selected group of adzes is a marker of the period of the final Bronze Age (XII-X centuries BC): it appears as early as the Late Sabatinovskaya period and ends in the materials of the later pre-Scythian period. The data summarized in the work, the presented classifications and cartographic materials will be useful in the further study of North Caucasian cultural genesis.

Keywords: Late Bronze Age, North Caucasus, adze-axes

For citation:

Pelikh, A. L. (2026). Trapezoidal adze-axes from the end of the bronze age from the territory of the North Caucasus. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 152–164.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-152-164

Введение

С территории Северного Кавказа известно 2 группы бронзовых тесел, которые можно отнести к концу эпохи бронзы: тесла трапециевидные и тесла с цапфами. Данная статья посвящена анализу первой из этих групп тесел – трапециевидным.

Трапециевидные тесла различных форм – очень распространённый элемент в культурах Евразии эпохи бронзы и начала раннего железа. Поздние типы бронзовых трапециевидных тесел были впервые выделены для Северного Кавказа А. А. Иессеном и Е. И. Крупновым. Так, А. А. Иессен при характеристике

им прикубанского очага металлургии и металлообработки позднебронзового времени (далее – ПБВ), специально рассмотрел тесла из Бекешевского и Боргустанского кладов. Трапециевидные тесла из этих комплексов он обозначил как «несколько более массивные реплики тесел среднекубанского времени», при этом аргументируя данные позднебронзовые предметы как местные изделия верхнекубанского металлургического района [1, с. 107–108]. Е. И. Крупнов, на основании обобщённых А. А. Иессеном данных, использовал плоские тесловидные топоры, в числе прочих категорий предметов, для аргументации присутствия на Северном Кавказе степняков-киммерийцев [2, с. 179, 187–188].

Особое значение для специалистов по финалу бронзы Северного Кавказа имеют обобщающие работы В. И. Козенковой, в которых она представила и классифицировала категории инвентаря, в первую очередь, трактуемые ею как принадлежащие восточному и западному вариантам кобанской культуры. Трапециевидные топоры-тесла отнесены ей к I типу предметов этой категории – обычному, по мнению автора, для Северного Кавказа, и сопоставляемому исследовательницей с изделиями КТР Т-8 по Е. Н. Черныху [3, с. 7; 4, с. 13; 5, с. 106].

Наконец, В. С. Бочкарев чётко показал, что трапециевидные тесла из комплексов прикубанского очага металлопроизводства ПБВ в абсолютном большинстве относятся к выделенной им поздней, бекешевской, хронологической группе, а некоторые – датируются более ранним, ахметовским, временем [6, с. 96–97; 7, с. 197, рис. 7].

За последние десятилетия количество находок на Северном Кавказе бронзовых трапециевидных топоров-тесел, которые можно датировать позднебронзовым – раннежелезным временем, возросло. Что позволяет вновь вернуться к работе по их обобщению и систематизации.

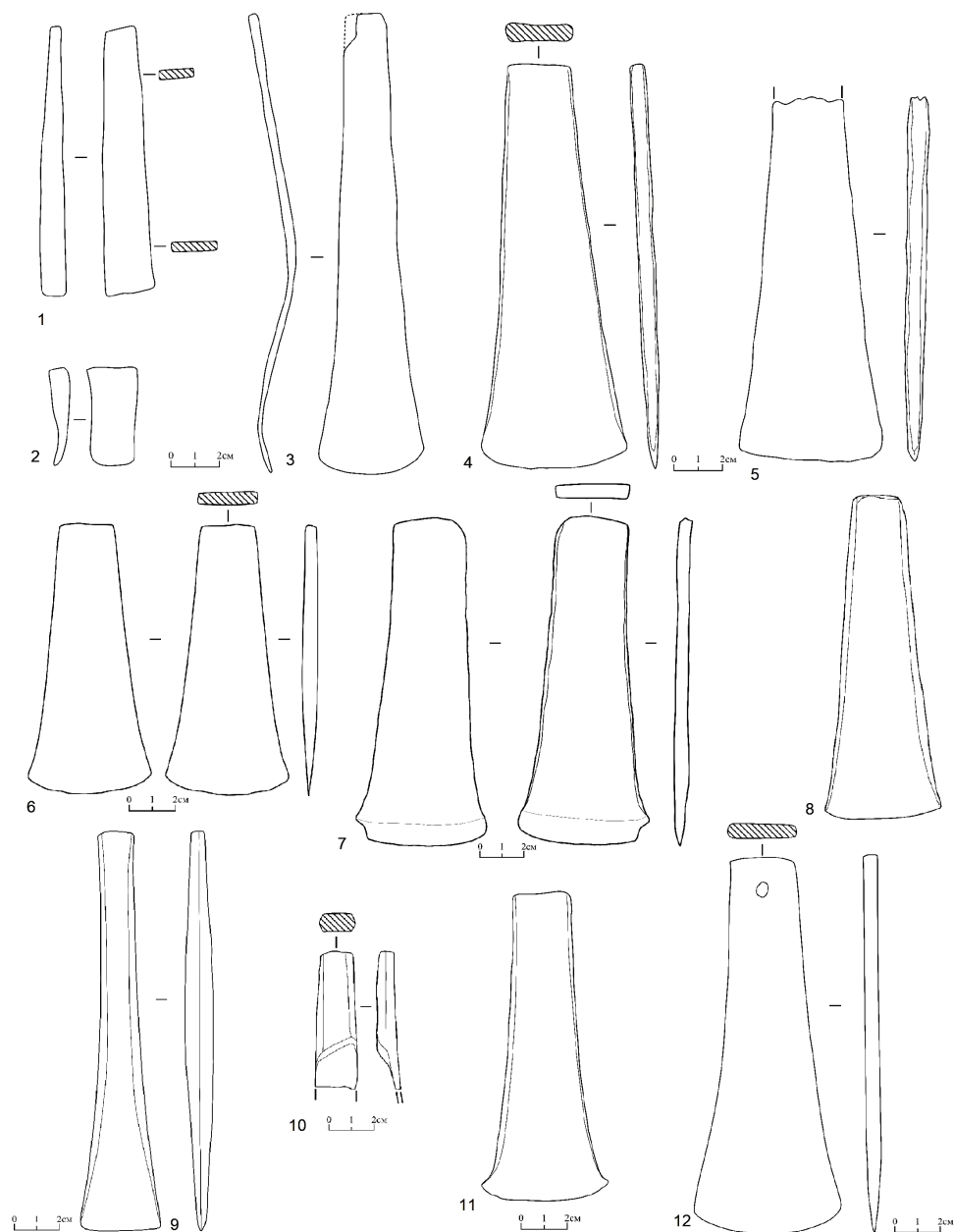
Характеристика бронзовых трапециевидных тесел конца эпохи бронзы – раннего железа и их литейных форм

Концом эпохи бронзы мы можем датировать тесла и их литейные формы, найденные на Северном Кавказе, из следующих пунктов:

1. *Батарейка, клад* (рис. 1.1–3) – 1 целое тесло и 2 обломка [8, с. 144–150, рис. 1.10, 1.13–14]. Тесло-1: обломок средней части, видимо, трапециевидной формы; длина обломка 11 см, ширина – от 1,3 до 2,1 см, толщина – до 1 см. Тесло-2: обломок, вероятно, нижней части; длина обломка 4,1 см, ширина – от 1,8 до 2,1 см, толщина – до 0,8 см. Возможно, обломки тесел 1 и 2 являются частями одного предмета [9, таб. 112.6]. Тесло-3: трапециевидной формы; пятка прямая, лезвие слегка закруглено; лезвие и верхняя часть тесла повреждены, по продольной оси орудие изогнуто; длина – 19,2 см, ширина лезвия – 4,4 см, ширина пятки – 1,8 см, толщина предмета – до 0,4 см. Клад относится к IV хронологической группе эпохи поздней бронзы по В. С. Бочкареву, синхронной раннесабатиновской культуре, условно к XV–XIV вв. до н.э.

2. *Бекешевский клад* (рис. 1.4–5) – 2 тесла [1, с. 92, рис. 21.7; 9, таб. 113.7]. Тесло-1 – трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 16,8 см, ширина лезвия – 6 см, ширина пятки – 2,6 см, толщина предмета – до 0,8 см. Тесло-2 – трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, возможно, обломано со стороны пятки, длина – 15,2 см, ширина лезвия – 5,9 см, ширина пятки – 3 см, толщина предмета – до 0,8 см.

Боргустанский клад (рис. 1.6) – 1 тесло [1, рис. 20.2; 10, с. 292–294] трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, отковано, заточено, с вмятинами, длина – 11,8 см, ширина лезвия – 5,3 см, ширина пятки – 2,4 см, толщина предмета – до 0,6 см, вес – 195,2 г. На плоских сторонах видны затертые

Условные обозначения:

1. Батарейка;	4. Бекешевская;	7. Затеречный;	10. Курчанская;
2. Батарейка;	5. Бекешевская;	8. Змейская;	11. Майртуп;
3. Батарейка;	6. Боргустанская;	9. Краснодарский музей;	12. Отрадненский музей

Рис. 1 / Fig. 1. Рисунки северокавказских бронзовых трапециевидных топоров-тесел / Drawings of North Caucasian bronze trapezoidal adze-axes

Источник: 1–5 – рисунки В. С. Бочкарева; 6–7 – рисунки автора; 8 – [11]; 9 – [1]; 10 – рисунок В. С. Бочкарева; 11 – [13]; 12 – рисунок автора

воздушные раковины. Предмет очищен от патины. Изделие, видимо, было отлито в двусторчатой форме, с заливкой металла сверху (в пятку).

Бекешевский и боргустанский клад относятся к финалу бронзы, к XII–X вв. до н.э.

3. *Затеречный* (рис. 1.7) – 1 тесло¹, случайная находка. Передано А. Л. Нечитайло в 1967 г. в Ставропольский государственный музей-заповедник, № ОФ 15064. Трапециевидной формы, пятка немного скошена, лезвие слегка закруглено, заточено; длина – 15 см, моделируемая ширина лезвия – 6,1 см, ширина пятки – 3,4 см, толщина предмета – до 0,9 см. Изделие было отлито в двусторчатой форме, с заливкой металла сверху.

4. *Змейское поселение* (рис. 1.8) – 1 тесло трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено. Рисунок тесла опубликован как предмет с поселения, без конкретизации находки, без масштаба [11, с. 35–39, рис. 15.16]. Змейское поселение в целом датируется XII–VIII вв. до н.э.

5. *Краснодарский музей* (рис. 1.9) – 1 тесло, с территории бывшей Кубанской области, по А. А. Иессену – позднебронзовое [1, с. 83–84, рис. 7.3]. Трапециевидной формы, пятка и лезвие – почти прямые; длина (по рисунку) – 18,6 см, ширина лезвия – 3,7 см, ширина пятки – 1,7 см, толщина предмета – до 1,3 см. Шестигранное, отливало в двусторонней форме.

6. *Курчанский клад* (рис. 1.10) – 1 обломок тесла [6, табл.]. Сохранился фрагмент обушковой части тесла в виде восьмигранного вытянутого бруска, сужающегося кверху. Нижняя, рабочая, часть изделия утрачена. Длина (сохранившаяся) – 8,6 см, ширина – до 2,5 см, толщина – до 1,3 см. Клад – финальной бронзы.

7. *Кяфарский клад* (рис. 2.1–7) – 7 тесел [12, с. 102–105, 110, рис. 1.4–6, 2.1–3, 6.5], все трапециевидной формы:

– тесло-1: пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 18,5 см, ширина лезвия – 5,1 см, ширина пятки – 2,6 см, толщина – до 0,9 см, вес – 380 г;

– тесло-2: пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 18,7 см, ширина лезвия – 5,4 см, ширина пятки – 2,5 см, толщина – до 1,2 см, вес – 556,2 г;

– тесло-3: пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 17,6 см, ширина лезвия – 5,1 см, ширина пятки – 2,9 см, толщина – до 1 см, вес – 404,7 г;

– тесло-4: пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 19,1 см, ширина лезвия – 4,7 см, ширина пятки – 2,7 см, толщина – до 1,1 см, вес – 450 г;

– тесло-5: пятка и лезвие прямые, длина – 19,3 см, ширина лезвия – 5,1 см, ширина пятки – 2,2 см, толщина – до 1 см, вес – 435,7 г;

– тесло-6: пятка косая, лезвие слегка закруглено, длина – 16,8 см, ширина лезвия – 5,5 см, ширина пятки – 2,2 см, толщина – до 1,1 см, вес – 367,5 г;

– тесло-7: пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 16,4 см, ширина лезвия – 5,1 см, ширина пятки – 2,6 см, толщина – до 0,6 см, вес – 254,2 *г.

Все топоры-тесла отлиты в двусторчатых формах, металл заливался со стороны пятки. Клад – финальной бронзы.

8. *Майртун* (рис. 1.11) – 1 тесло, из могильника № 2, погребение 28 [13, с. 20, табл. 4.2]; трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено и, возможно, расковано, длина – 13 см, ширина лезвия – 5,3 см, ширина пятки – 2,4 см. В погребении, кроме тесла, были обнаружены другие предметы, включая костяные трехдырчатые псалии, которые, как заметил С. Л. Дударев, находят аналогию на поселении Фонтаны в Крыму. Это поселение в целом и псалий из него в частности датируются временем поздней белозерской культуры – XI–X вв. до н.э. [14, с. 125–126].

¹ Фонды Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Паве, приношу благодарность С. Л. Кравцовой и В. О. Шпакову за помощь при ознакомлении с материалами.

9. *Тесло из Отрадненского музея* (рис. 1.12), без данных о происхождении [15, с. 47, 49, рис. 1.8]; трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, отковано, заточено, с мелкими вмятинами; длина – 16,8 см, ширина лезвия – 6,4 см, ширина пятки – 2,8 см, толщина – до 0,6 см; в верхней части тесла пробито округлое отверстие 0,6×0,5 см; вес – 312,2 г. По телу предмета есть мелкие недоливы металла. Лезвие – со следами работы (вмятинами). Изделие, видимо, было отлито в двустворчатой форме, с заливкой металла сверху (в пятку).

10. *Светловодское* (рис. 2.8) – 1 тесло, найдено вблизи селища Светловодское [16, с. 28–29, табл. V.13], трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 12,5 см, ширина лезвия – 6,4 см, ширина пятки – 3 см.

11. *Упорненский клад* (рис. 2.9) – 1 тесло [17, с. 122–123, рис. 1.4] трапециевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 11,9 см, ширина лезвия – 5 см, ширина пятки – 2,4 см, толщина – до 0,9 см. Отлито в одностворчатой литейной форме. Клад синхронен белозерской культуре.

Возможно, к анализируемой категории изделий относится и обломок лезвийной части предмета с поселения Шушук (рис. 2.10) [18, с. 16–17, рис. 7.2]. Лезвие закруглено, шириной 7,5 см.

В Центральном Предкавказье найдены литейные формы для изготовления подобных тесел.

Ессентукская (рис. 2.11) – литейная форма из слоя поселения [4, с. 22, табл. VI.15–16; 19, с. 27]. По более ранней публикации – сведения о находках взяты В. И. Козенковой из письма ей В. Г. Кухарова [16, с. 41], соответственно – происхождение литейной формы именно из слоя поселения вероятно, но не доказуемо. Две створки литейной формы из серого мелкозернистого плотного песчаника для отливки тесла и шила. Один из негативов более глубокий, на другом предметы вырезаны слабо. Рядом с нега-

тивами вещей на каждой створке сделаны по 2 углубления для шпеньков, предназначенных для фиксации половинок формы. Размеры негатива тесла: длина – 19,3 см, ширина лезвия – 4,6 см, ширина пятки – 2 см.

Замок – многослойное поселение (рис. 2.12), раскопки С. Н. Корневского (информация С. Н. Корневского В. С. Бочкареву)¹. Створка литейной формы для отливки тесла и, видимо, украшений. Негатив тесла с прямой пяткой и слегка закругленным лезвием. Размеры негатива тесла: длина – 18,6 см, ширина лезвия – 4,4 см, ширина пятки – 1,7 см.

Территориально близка Северному Кавказу ещё одна находка литейной формы – с поселения финальной бронзы Кобяково [20, с. 63, табл. XXXIII.8]. На трех сторонах формы (рис. 2.13) сохранились негативы для отливки 4 изделий: кельта, долота, стержня-заготовки для браслета и тесла. Тесло, отливавшееся в форме – трапециевидной формы, со слабо закругленным лезвием шириной 4,7 см, длиной ориентировочно – 13–15 см.

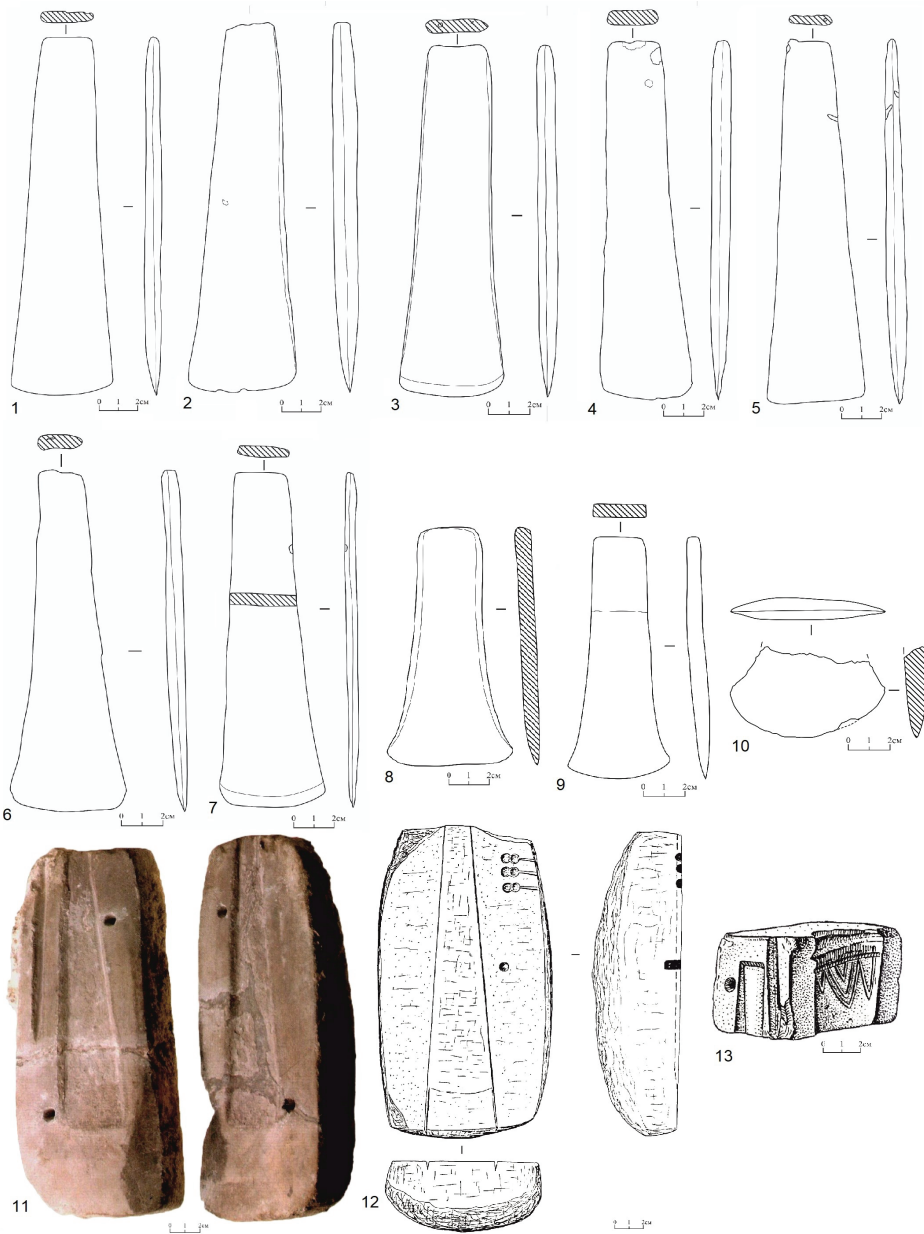
Таким образом, непосредственно с территории Северного Кавказа мы имеем минимум два десятка трапециевидных тесел (их изображения нам известны), целых и фрагментированных, которые можно относить к концу эпохи бронзы, а также 2 их литейные формы.

Еще 4 тесла происходят из клада явно северокавказского происхождения, обнаруженного в Ростове-на-Дону (рис. 3.1–4), финальная бронза [21, с. 61, 63, рис. 1.3–6]:

– тесло-1: трапециевидной формы, пятка и лезвие прямые, швы не обработаны после отливки, не заточено, длина – 15,5 см, ширина лезвия – 5 см, ширина пятки – 2,5 см, толщина – до 1,3 см;

– тесло-2: трапециевидной формы, пятка и лезвие прямые, кончик лезвия обломан, швы не обработаны после от-

¹ Данные личного архива В. С. Бочкарева. Приношу благодарность В. С. Бочкареву за любезную возможность ознакомиться с материалами его архива.

Условные обозначения:

1. Кяфар;	5. Кяфар;	8. Светловодское;	11. Эссентукская;
2. Кяфар;	6. Кяфар;	9. Упорная;	12. Замок;
3. Кяфар;	7. Кяфар;	10. Шушук;	13. Кобяково
4. Кяфар;			

Рис. 2 / Fig. 2. Рисунки северокавказских бронзовых трапециевидных топоров-тесел и их литейных форм / Drawings of North Caucasian bronze trapezoidal adze-axes and their foundries

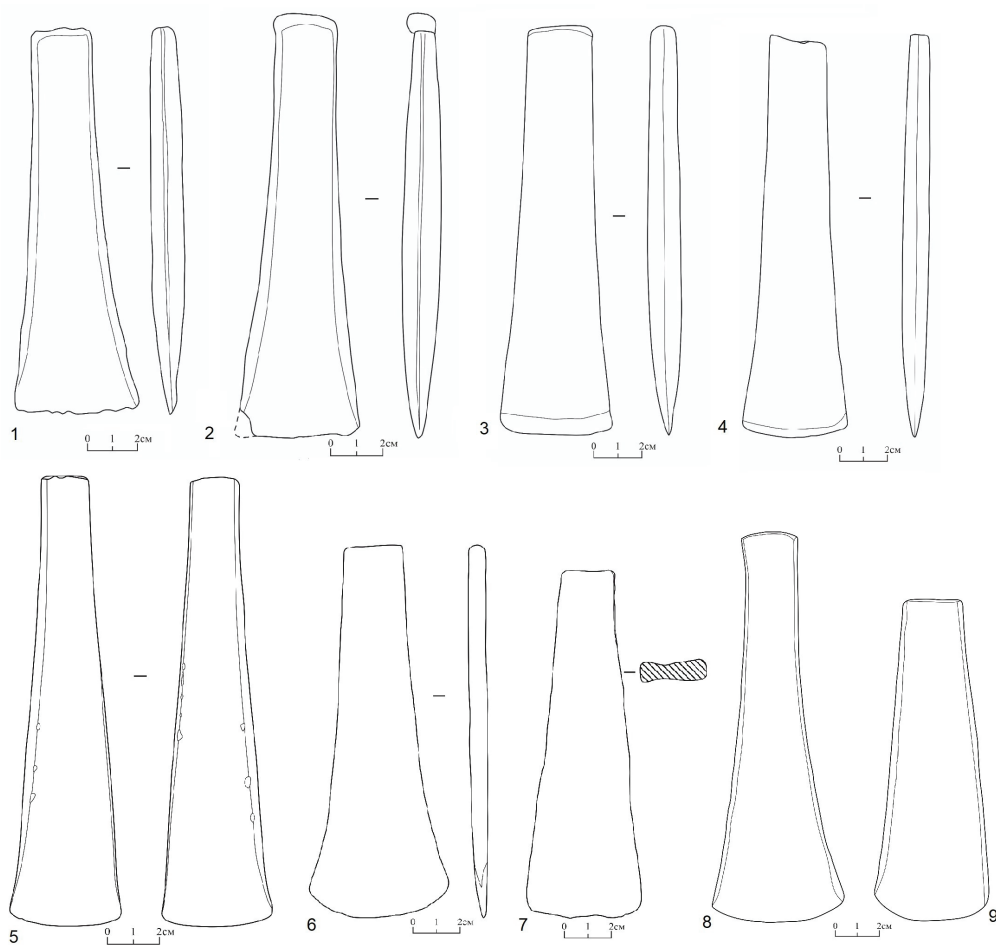
Источник: 1–7 – рисунки автора; 8 – [16]; 9 – [17]; 10 – [18]; 11 – [19];
12 – данные В. С. Бочкарева от С. Н. Корневского; 13 – [20]

ливки, не заточено, на пятке – остаток литника, длина (с литником) – 16,2 см, длина (без литника) – 15,5 см, ширина лезвия – ≈5 см, ширина пятки (без литника) – 2,5 см, толщина – до 1,4 см. Видимо, тесла № 1 и № 2 отлиты в одной литейной форме, с заливкой металла в пятку;

– тесло-3: трапецевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено,

швы обработаны после отливки, заточено, длина – 17 см, ширина лезвия – 4,7 см, ширина пятки – 2,7 см, толщина – до 1,4 см;

– тесло-4: трапецевидной формы, литник на пятке обломан, лезвие слегка закруглено, швы обработаны после отливки, заточено, длина – 17 см, ширина лезвия – 4,5 см, ширина пятки – 2,5 см, толщина – до 1,2 см.

Условные обозначения:

1. Ростов;	4. Ростов;	7. Мындрешти;
2. Ростов;	5. Цимлянское;	8. Сержень-Юрт, п. 42;
3. Ростов;	6. Кнышевка;	9. Сержень-Юрт, п. 70

Рис. 3 / Fig. 3. Рисунки северокавказских бронзовых трапецевидных топоров-тесел / Drawings of North Caucasian bronze trapezoidal adze-axes

Источник: 1–4 – рисунки автора; 5 – данные В. С. Бочкарева; 6–7 – рисунки В. С. Бочкарева; 8–9 – [3]

Три тесла обнаружены в комплексах к северо-западу от региона. При этом нужно заметить, что в целом в степной зоне в позднебронзовое время тесла – достаточно редкая находка: здесь больше распространены долота.

Цимлянский клад, берег Цимлянско-го водохранилища (рис. 3.5), – 1 тесло¹. Судя по фотографиям этого практически полностью распроданного находчиками комплекса, клад включал, в числе прочих предметов, 1 тесло трапецевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 17,1 см, ширина лезвия – 4,2 см, ширина пятки – 2 см. Клад относится В. С. Бочкаревым к V, красно-маяцкой, хронологической группе эпохи поздней бронзы.

Кнышевский клад, Харьковская область (рис. 3.6), – 1 тесло [22, с. 32, рис. 30.4] трапецевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 15,8 см, ширина лезвия – 6 см, ширина пятки – 2,5 см, толщина предмета – до 0,8 см. Финальная бронза.

Мындрешти, клад (рис. 3.7), Теленештский район Молдовы – 1 тесло² трапецевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 14,8 см, ширина лезвия – 4,9 см, ширина пятки – 2,2 см, толщина предмета – до 0,9 см. Финальная бронза.

Итак, абсолютное большинство рассматриваемых трапецевидных тесел датируется поздними этапами ПБВ.

Еще 3 подобных предмета относятся к началу раннежелезного времени – все они происходят из могильника Сержень-Юрт (рис. 3.8–9). В. И. Козенкова упоминает в своём своде бронзовые трапецевидные тесла из погребений №№ 42, 70, 75, относимых к концу IX – началу VIII вв. до н.э., при этом в одном месте свода 2 из них – из погребений 70 и 75 – обозначены под одним рисунком, а в другом – упоминаются только 2 из 3: из погребений 42 и 70

[3, с. 7, 94, 144, табл. I.20–21]. Последние, как визуализированные, можно описать:

– тесло-1 (из погребения 42) – трапецевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 18,5 см, ширина лезвия – 6 см, ширина пятки – 2,6 см;

– тесло-2 (из погребения 70) – трапецевидной формы, пятка прямая, лезвие слегка закруглено, длина – 15,3 см, ширина лезвия – 5,2 см, ширина пятки – 2,8 см.

Примечательно, что в многочисленных материалах протомеотской группы памятников мы подобных предметов не знаем, т. е. трапецевидные тесла в начале эпохи раннего железа есть только в комплексах кобанской общности.

Классификация и картографирование топор-тесел

При систематизации северокавказских топор-тесел финала бронзы и начала раннего железа обычно используют их классификацию, предложенную В. И. Козенковой. Описываемые нами предметы по этой схеме относятся к I типу – топоры-тесла с узким обухом, удлинённо-трапецевидные, с закругленным лезвием и прямоугольным поперечным сечением [3, с. 7; 4, с. 12].

Ряд исследователей показал, что самым надёжным средством классификации восточноевропейских тесел эпохи бронзы является корреляция их параметров по схеме, предложенной С. Н. Братченко. В основу этой классификации положена корреляция 2 индексов: индекс А учитывает пропорциональное соотношение длины орудия к ширине его лезвия ($A = L/S_1$); индекс В – соотношение ширины лезвия к ширине обуха ($B = S_1/S_2$). Первый индекс (А) демонстрирует общие пропорции орудий, а второй (В) – степень скоса их боковых граней [7, с. 197, рис. 7; 23, с. 48, рис. 9 и др.].

Подсчёты этих индексов для наших тесел показали, что значение индекса А у северокавказских тесел конца эпохи бронзы – начала РЖВ колеблется от 1,95 до 4,36, индекса В – от 1,74 до 2,59.

¹ Данные личного архива В. С. Бочкарева.

² Данные личного архива В. С. Бочкарева.

Самым ранним из комплексов с подобными теслами является Цимлянский клад позднего сабагиновского времени. Абсолютное большинство тесел этой группы датируется финальными, белозерскими, этапами ПБВ, ориентировочно в пределах XII–X вв. до н.э. Несколько таких тесел (Сержень-Юрт) известно в комплексах самого начала РЖВ – позднейшего предскифского периода.

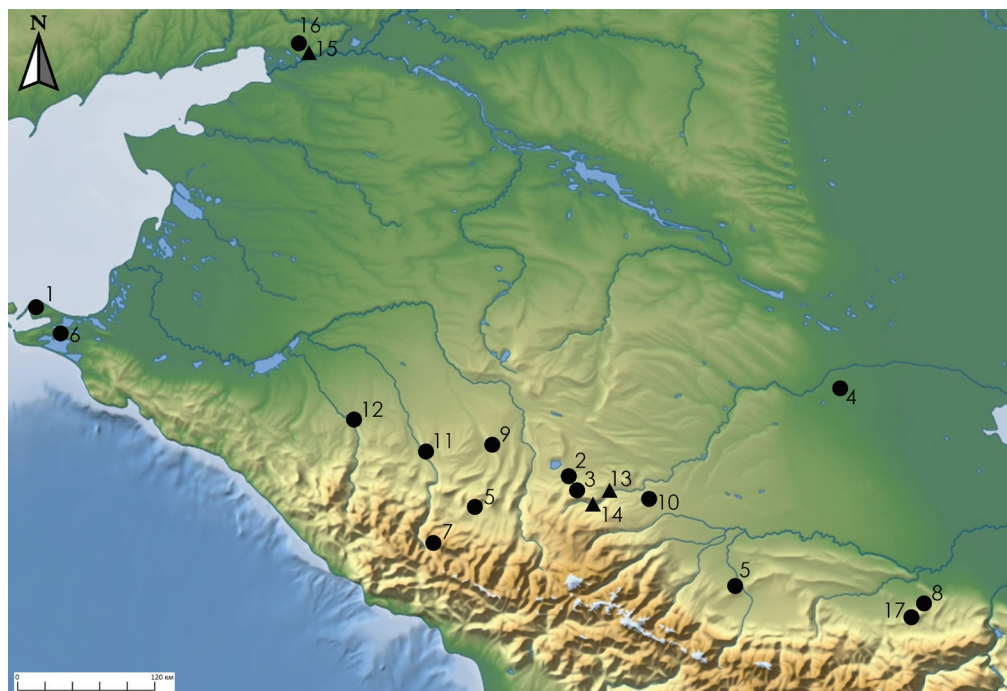
Карта распространения бронзовых трапециевидных топоров-тесел на Северном Кавказе в конце эпохи бронзы – начале раннего железа выглядит так (рис. 4).

Как видим, предметы этой категории, датирующиеся концом эпохи бронзы –

началом раннежелезного времени, концентрируются в первую очередь в центральной части предгорно-горной зоны Северного Кавказа.

Заключение

Итак, с территории Северного Кавказа и смежных областей Нижнего Подонья мы знаем минимум 26 бронзовых трапециевидных топоров-тесел и их обломков конца эпохи бронзы – начала раннежелезного времени (Батарейка, Бекешевская, Боргустанская, Затеречный, Змейская, Кяфар, Майртуп, Отрадненский музей, Ростов, Светловодское, Упорная, Цимлянское (?), Сержень-Юрт), а также 3 их литейных

Условные обозначения:

1. Батарейка – клад;	5. Змейское поселение;	9. Отрадная;	13. Эссентукская;
2. Бекешевский клад;	6. Курчанский клад;	10. Светловодское;	14. Замок;
3. Боргустанский клад;	7. Кяфарский клад;	11. Упорная – клад;	15. Кобяково;
4. Затеречный;	8. Майртуп, могильник;	12. Шушук – возможно;	16. Ростовский клад;
			17. Сержень-Юрт, могильник

Рис. 4 / Fig. 4. Карта распространения бронзовых трапециевидных тесел на Северном Кавказе в конце эпохи бронзы – раннем железном веке / Map of the distribution of bronze trapezoidal adzes in the North Caucasus in the Late Bronze Age – Early Iron Age

Источник: рисунок автора

формы (Ессентукская, Замок, Кобяково). Два подобных тесла есть в комплексах к северо-западу от обозначенного региона (Кнышевка, Мындрешти). Кроме того, мы не можем исключать датировку концом эпохи бронзы обломка тесла с поселения Шушук. В целом, это удлинённо-трапециевидные топоры-тесла с индексами А (соотношение длины орудия к ширине его лезвия) 1,9–4,3 и В (соотношение ширины лезвия к ширине обушка) 1,7–2,6.

Не исключено, что дальнейшее накопление материала приведёт к дроблению

данной группы на несколько – исходя из их метрических показателей (длины и толщины) и особенностей изготовления (одно- или двусторонние литейные формы).

В последних строках этой работы хочется с искренней печалью посвятить её памяти недавно ушедшего в иной мир одного из авторов предыдущего выпуска Циркумпонтики [24, с. 189–201], учителя многих грозненских и армавирских археологов и историков Сергея Леонидовича Дударева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 75–124.
2. Крупнов Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе (по археологическим данным) // МИА. № 68. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 176–195.
3. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 177 с.
4. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН, 1998. 200 с.
5. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.
6. Бочкарев В. С. Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб.: ГЭ, 1996. С. 96–97.
7. Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.
8. Сокольский Н. И. Таманский клад бронзовых орудий // Советская археология. 1980. № 2. С. 144–150.
9. Дергачев В. А., Бочкарев В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
10. Егоров Н. М. Боргустанский клад 1941 г. // Советская археология. 1951. № XV. С. 292–295.
11. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пушкинский науч. центр РАН, 1996. 163 с.
12. Бочкарев В. С., Городовая В. В., Пелих А. Л. Кяфарский клад бронзовых орудий // Археология Восточно-Европейской степи. 2023. Вып. 19. С. 102–118.
13. Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. 124 с.
14. Лучинский Н. Д. Кизил-кобинские памятники центральной группы Горного Крыма: хронология начальной стадии (XI–X вв. до н.э.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 119–128. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128
15. Пелих А. Л., Ложкин М. Н. Материалы позднебронзового времени из Отрадненского музея // III Минаевские чтения: мат-лы конф. Ставрополь, 1999. С. 46–50.
16. Козенкова В. И. Кобанская культура: западный вариант. М.: Наука, 1989. 196 с.
17. Аптекарев А. З., Козенкова В. И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // Советская археология. 1986. № 3. С. 121–135.
18. Археологический комплекс Шушук – эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней – поздней бронзы / В. Р. Эрлих, А. А. Клещенко, Е. И. Гак, Г. Л. Годизов // Российская археология. 2022. № 1. С. 7–23.

19. Эрлих В. Р. От ремесла – к искусству. Путеводитель по археологической экспозиции СКФ ГМВ. М.: ГМВ, 2015. 96 с.
20. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука, 1980. 128 с.
21. Ильюков Л. С. Ростовский клад бронзовых вещей // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 61–64.
22. Федоровский О. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Харків, 1927. 136 с.
23. Братченко С. Н. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи. Луганск, 1996. С. 32–57.
24. Дударев С. Л. Биметаллический чекан (клевец) из Адыгеи и его место среди древностей Евразии эпохи скифской архаики // Вестник Государственного университета просвещения Серия: История и политические науки. 2024. № 5. Циркумпонтика. Вып. VI. С. 189–201. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-189-201

REFERENCES

1. Jesse, A. A. (1951). Prikubansky hearth of metallurgy and metalworking at the end of the Copper-Bronze Age. In: *MIA. Iss. 23*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 75–124 (in Russ.).
2. Krupnov, E. I. (1958). Kimmerians in the North Caucasus (according to archaeological data). In: *MIA. Iss. 68*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 176–195 (in Russ.).
3. Kozenkova, V. I. (1982). *Typology and chronological classification of objects of Koban culture. Eastern variant*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
4. Kozenkova, V. I. (1998). *The material basis of the life of Koban tribes. Western variant*. Moscow: IA RAS Publ. (in Russ.).
5. Chernykh, E. N. (1976). Ancient metalworking in the South-West of the USSR. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
6. Bochkarev, V. S. (1996). New data on the Kuban hearth of metallurgy and metalworking of the Late Bronze Age. In: *Between Asia and Europe. Caucasus in 4th–1st millennium BC*. St. Petersburg: GE, 96–97 (in Russ.).
7. Bochkarev, V. S. (2010). *Cultural genesis and ancient metal production in Eastern Europe*. St. Petersburg: Info Ol Publ. (in Russ.).
8. Sokolsky, N. I. (1980). Tamansky treasure of bronze tools. In: *Soviet archeology*, 2, 144–150 (in Russ.).
9. Dergachev, V. A. & Bochkarev, V. S. (2002). *Metal sickles of the late bronze of Eastern Europe*. Chisinau: Higher Anthropological School Publ. (in Russ.).
10. Egorov, N. M. (1951). Borgustansky treasure 1941. In: *Soviet archeology*, XV, 292–295 (in Russ.).
11. Kozenkova, V. I. (1996). *Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (nodal problems of the origin and development of Koban culture)*. Moscow (in Russ.).
12. Bochkarev, V. S., Gorodovaya, V. V. & Pelikh, A. L. (2023). Kyafarsky treasure of bronze tools. In: *Archaeology of the East European steppe*, 19, 102–118 (in Russ.).
13. Dudarev, S. L. (1991). *From the history of relations between the population of the Caucasus and the Cimmerian-Scythian world*. Grozny (in Russ.).
14. Luchinsky, N. D. (2023). Kizil-Kobin monuments of the central group of the Mountain Crimea: chronology of the initial stage (XI–X centuries BC). In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 5, Circumpontica-V, 119–128. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-119-128 (in Russ.).
15. Pelikh, A. L. & Lozhkin, M. N. (1999). Materials of late bronze time from the Otradnensky Museum. In: *III Minaev readings*. Stavropol, 46–50 (in Russ.).
16. Kozenkova, V. I. (1989). *Koban culture: Western version*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
17. Aptekarev, A. Z. & Kozenkova, V. I. (1986). Treasure of the Late Bronze Age from the village of Upornaya. In: *Soviet Archeology*, 3, 121–135 (in Russ.).
18. Erlich, V. R., Kleshchenkoj, A. A., Gak, E. I. & Godizov, G. L. (2022). Archaeological complex Shushuk – a reference post-dolmeny monument of the foothills of the North-West Caucasus of the Middle – Late Bronze Age. In: *Russian archeology*, 1, 7–23 (in Russ.).

19. Ehrlich, V. R. (2015). *From craft to art. Guide to the archaeological exposition of SKF GMV*. Moscow: GMV Publ. (in Russ.).
  20. Sharafutdinova, E. S. (1980). *Monuments of the pre-Scythian time on the Lower Don (Kobyakov culture)*. Leningrad: Nuka Publ. (in Russ.).
  21. Пыуков, Л. С. (1999). Rostov treasure of bronze things. In: *Don archeology*, 3–4, 61–64 (in Russ.).
  22. Fedorovsky, O. (1927). *Instrukti i those programs for rozvidok i reistratsi i pamyatok archaeologists*. Kharkiv.
  23. Bratchenko, S. N. (1996). *Before the problem of early armored industry Schidnoi Europe*. Lugansk, 32–57.
  24. Dudarev, S. L. (2024). Bimetallic coinage (klevets) from Adygea and its place among the antiquities of Eurasia of the Scythian archaic era. In: *Bulletin of the State University of Education Series: History and Political Sciences*, 5, Circumpontica-VI, 189–201. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-189-201 (in Russ.).
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пелих Алексей Леонидович (г. Армавир) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Армавирского государственного педагогического университета;
e-mail: pelich1976@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0474-7235

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey L. Pelikh (Armavir) – Dr. Sci. (History), Prof., Department of National and General History, Armavir State Pedagogical University;
e-mail: pelich1976@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0474-7235

Научная статья
УДК 94/902/904
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-165-170

ОСЕТИНСКИЙ ОБЫЧАЙ И ДРЕВНИЙ ОБРЯД. ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА И РЯД ОБЫЧАЕВ КАВКАЗСКОЙ (ОСЕТИНСКОЙ) НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Чшиев В. Т.

*Владикавказский научный центр Российской академии наук
г. Владикавказ, Российская Федерация
e-mail: hacht@mail.ru*

Поступила в редакцию 20.11.2025

После доработки 08.12.2025

Принята к публикации 26.12.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть помещение в погребения кобанской археологической культуры бутафорского оружия и проанализировать данную практику на примере более поздней кавказской (осетинской) традиции.

Процедура и методы. В ходе работы были использованы комплексный и сравнительно-исторический методы, а также привлечены данные этнографии.

Результаты. Прослежены параллели в погребальной обрядности кавказских племён эпохи раннего железа и осетинской обрядовой традиции эпохи позднего средневековья и Нового времени.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье представлены новые данные о погребальной обрядности племён кобанской культуры Кавказа IX–VIII вв. до н.э. и возможной её связи, в трансформированной форме, с более поздней кавказской традицией.

Ключевые слова: кобанская культура Кавказа, эпоха раннего железа на Кавказе, погребальная обрядность, кавказская традиция эпохи позднего средневековья и Нового времени

Для цитирования:

Чшиев В. Т. Осетинский обычай и древний обряд. Элементы погребальной обрядности кобанской культуры Кавказа и ряд обычаев кавказской (осетинской) народной традиции // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 165–170.
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-165-170

Original research article

OSSETIAN CUSTOM AND ANCIENT RITE. ELEMENTS OF THE BURIAL RITES OF THE KOBAN CULTURE OF THE CAUCASUS AND A NUMBER OF CUSTOMS OF THE CAUCASIAN (OSSETIAN) FOLK TRADITION

V. Chshiev

Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Vladikavkaz, Russian Federation

e-mail: hacht@mail.ru

Received 20.11.2025

Revised 08.12.2025

Accepted 26.12.2025

Abstract

Aim. Consider and analyze the practice of placing fake weapons in the graves of the Kobani archaeological culture using the example of the later Caucasian (Ossetian) tradition.

Methodology. In the course of the work, a methodology typical of archaeological research, a comprehensive and comparative historical method was used, and ethnographic data were also used.

Results. In the course of the study, parallels were traced in the funeral rituals of the Caucasian tribes of the Early Iron Age and the Ossetian ritual tradition of the late Middle Ages and Modern Times.

Research implications. The article presents new data on the funeral rituals of the tribes of the Koban culture of the Caucasus in the 9th-8th centuries BC and its possible connection, in a transformed form, with the later Caucasian tradition.

Keywords: the Koban culture of the Caucasus, the Early Iron Age in the Caucasus, funeral rituals, the Caucasian tradition of the late Middle Ages and Modern times

For citation:

Chshiev, V. T. (2026). Ossetian custom and ancient rite. Elements of the burial rites of the Koban culture of the Caucasus and a number of customs of the Caucasian (Ossetian) folk tradition. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 165–170.

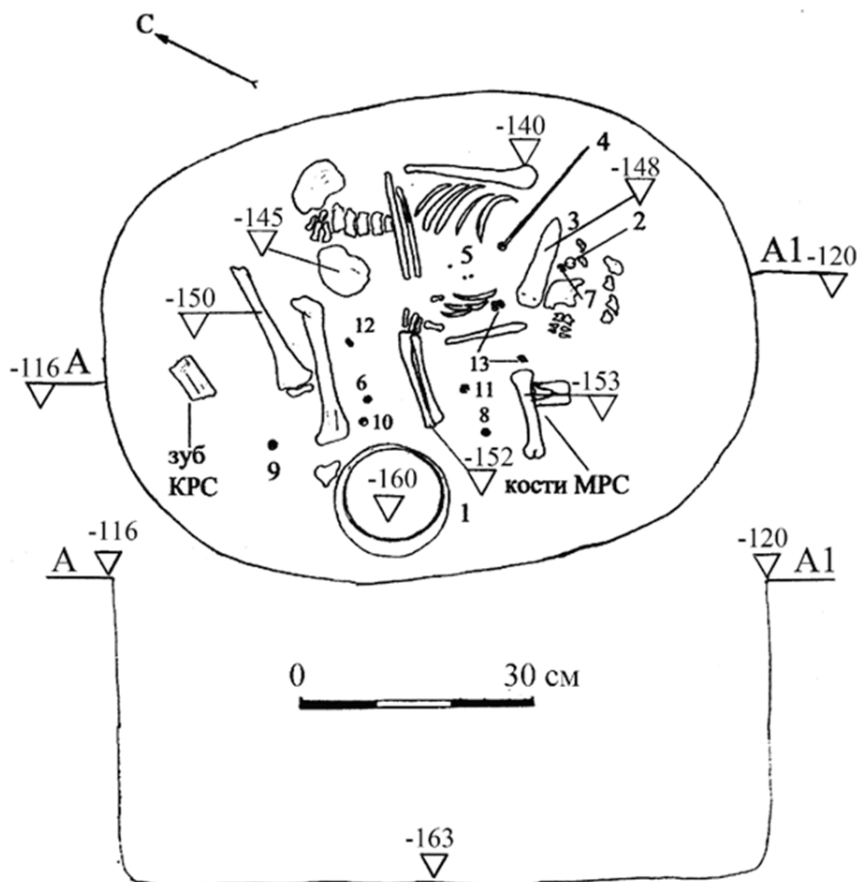
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-165-170

Введение

Во время наших археологических раскопок в 2011 г. на Николаевском могильнике кобанской культуры в предгорно-равнинной полосе Северной Осетии, среди других захоронений было исследовано погребение мальчика возраста 3–5 лет с сопутствующим погребальным инвентарём (рис. 1). Погребение датируется в диапазоне конца IX – конца VIII вв. до н.э. [1, с. 147].

Необычность комплекса заключалась в том, что обнаруженный в нём малень-

кий бронзовый кинжал являлся бугафорским. Кроме него, в погребении находились бронзовые бляшки, пуговица-застёжка от пояса, глубокая керамическая миска, бронзовая стержневидная булавка (рис. 2). Кинжал настолько миниатюрный, что рядом с ним гигантской выглядит стержневидная булавка-заколка одежды. Представляя собой точную копию одного из типов кобанских боевых кинжалов, данный клинок является именно копией, или точнее «игрушечной» копией, т. к. имеет длину 10 см,

Погребальный инвентарь:

1. Керамическая миска;	3. Бронзовый кинжал;
2, 5–12. Бронзовые бляшки и пуговица-застежка от пояса;	4. Бронзовая булавка

Рис. 1 / Fig. 1. План и разрез погребения № 3 Николаевского могильника кобанской культуры / Plan and section of burial no. 3 of the Nikolaev burial ground of Koban culture

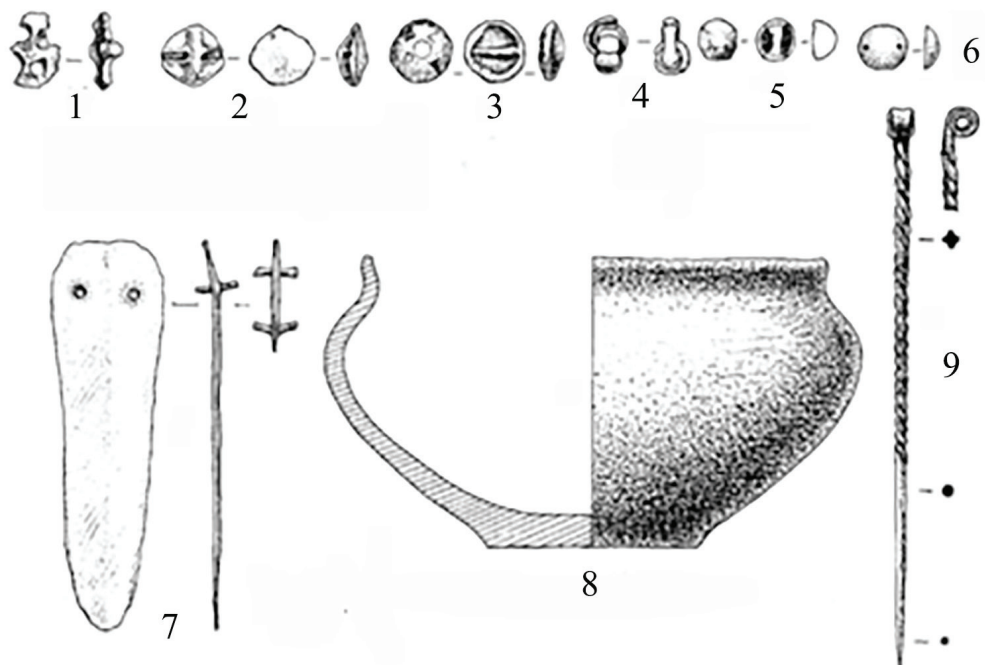
Источник: рисунок автора

а толщина в средней, наиболее толстой, части – около 2 мм.

Современный обычай и древний обряд

Как известно, погребальная обрядность является строго ритуализированной формой обычая, где нет ничего лишнего, но вместе с тем должно присутствовать всё необходимое, с т. зр. традиции, для путешествия в иной мир. Возможно поэтому захороненному в рассматриваемом погребении мальчику по-

лагалась каша в глубокой миске, и не полагалась традиционная кобанская кружка или кубок. Последние являются, как правило, обязательным атрибутом погребального инвентаря классического периода Кобани взрослых, преимущественно, мужских, воинских захоронений. В этих случаях в погребения помещаются не только крупные кувшины, корчаги и миски, но и в обязательном порядке – кружка или кубок (фото 1). При этом наличие в данном погребении стержневидной булавки и кинжала говорит о том, что

Погребальный инвентарь:

1–7, 9. Бронза;

8. Керамика

Рис. 2 / Fig. 2. Инвентарь погребения № 3 Николаевского могильника / Burial inventory no. 3 of the Nikolaev burial ground

Источник: рисунки А. Р. Дзиева

Фото 1 / Photo 1. Бронзовые кружки-кубки кобанской культуры / Bronze cups-cups of Koban culture

Источник: фото автора

мальчик прошёл определённые инициации и уже совершил переход на «первую ступень» в пути на становление в категорию мужчин-воинов. Стержневидная булава, как правило, является принадлежностью мужского кобанского костюма. В захоронениях кобанских младенцев они не встречаются, т. к. младенец, вероятно, считался ещё частью «мира женщин». Как, впрочем, и кинжалы.

Среди многочисленных народных, традиционных календарных праздников осетин существует праздник, который устраивается семьями, когда мальчики достигают возраста 3 лет. Он называется *Цæуæггаг* (от «цæуын» – идти, переходить, в данном случае – переходить из мира младенцев и женщин, в мир мужчин и воинов). Этот календарный осетинский праздник подробно исследован выдающимся осетинским этнографом, этнологом, историком В. С. Уарзиати в

его фундаментальном труде «Праздничный мир осетин». Исследователь связывает этот праздник и его обрядность с процессом социализации детей. Как отмечает этнолог, мальчикам, которым исполнилось 3 года, готовили полный комплект одежды как мужчинам: от головного убора до сапожек, а также пояс с металлическим набором и бутафорский кинжал – как правило, миниатюрную копию металлического, реже – деревянный (фото 2А). В некоторых случаях, преимущественно в семьях привилегированных сословий, ему дарили ещё и шашку (фото 2Б).

В сопровождении старших празднично одетых мальчиков малыши шли к соответствующему святилищу с деревянными стрелами в руках. У святилища старейшина произносил молитву в честь новых членов данного общества, в которой в т. ч. звучало, что посвящаемые

А

Б

Фото 2 / Photo 2. Мальчик-осетин. Фотографии конца XIX в. / Ossetian boy. Photo of the late 19th century

Источник: А – [3]; Б – из публичных источников

уже достаточно крепки и смогли самостоятельно прийти к «дзуару». В молитве содержались также пожелания младшим быть достойными своих старших.

После молитвы с мальчиков торжественно снимали шапки и подвергали их обрядовому бритью голов. Затем мальчики подносили принесённые стрелы святилищу в качестве культового дара. После этого малыши считались членами сельской общины. Им разрешалось посещать свадьбы, похороны и праздничные мероприятия [2, с. 69].

Видный осетинский этнограф, исследователь традиционной культуры осетин В. С. Газданова дополняет наши знания об описываемом обычае, отмечая в своём исследовании, что, если мальчик умирал после участия в празднике *Цæуæггаг*, то его уже хоронили на родовом кладбище [3, с. 136].

Истоки этого осетинского обряда, учитывая дату святилищ с которыми он

связан, уходят в эпоху Средневековья. А принимая во внимание выявленные параллели, изложенные выше, возможно, и в эпоху раннего железа.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, в данном захоронении мальчика в Николаевском могильнике наблюдаются обрядовые атрибуты кобанской традиции близкие осетинскому обычаю «цæуæггаг» – первая ступень перехода мальчика в мужчины, воины. Отметим, что обряды инициаций, предваряющие переход юношей в категорию мужчин-воинов и полноценных членов общества, известны во многих культурах и в разные эпохи. В таком случае перед нами иллюстрация того, как древний обряд сохранился в осетинской традиции в виде обычая. Из этого следует вывод, что иногда элементы древней истории возвращаются к нам в виде современного обычая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чшиев В. Т. Древняя культура Осетии – Алании: кобанские памятники предгорно-равнинной полосы Осетии – Алании. Владикавказ: ВНИЦ РАН, 2021. 175 с.
2. Уарзиати В. С. Избранные труды. Книга первая: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2007. 551 с.
3. Газданова В. С. Традиционная культура осетин. Владикавказ: Сем, 2006. 189 с.

REFERENCES

1. Chshiev, V. T. (2021). *Ancient culture of Ossetia-Alania: Koban monuments of the foothill-flat strip of Ossetia-Alania*. Vladikavkaz: VSC RAS Publ. (in Russ.).
2. Ouarziati, V. S. (2007). *Selected works. Book One: Ethnology. Cultural studies. Semiotics*. Vladikavkaz (in Russ.).
3. Gazdanova, V. S. (2006). *The culture of Ossetians is traditional*. Vladikavkaz: Sem Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чшиев Владимир Таймуразович (г. Владикавказ) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела скифо-аланских исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук;
e-mail: hacht@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6041-5070

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir T. Chshiev (Vladikavkaz) – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Department of Scythian-Alanian Studies, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: hacht@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6041-5070

Научная статья

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-171-188

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА МУРАВЬЕВШЕ НА МУРАВЬЕВШЕ У Р. УДЫ («СЛУЧАЙНЫЕ» НАХОДКИ У С. БЕССОНОВКИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Зуев В. Ю.¹, Словохотов А. Г.²

¹ Независимый исследователь

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Независимый исследователь

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

Поступила в редакцию 30.09.2025

После доработки 22.10.2025

Принята к публикации 05.11.2025

Аннотация

Цель. Ввести в научный оборот серию уникальных древностей скифской эпохи, найденных случайно в районе, где в древности проходили кочевнические пути в меридиональном и широтном направлении. Рассмотреть эти находки в контексте географической, исторической и культурной топографии.

Процедура и методы. В статье подробно описываются места и условия находок трёх скифских клинков, одного наконечника копья и двух бронзовых литых котлов VI–IV вв. до н. э. Проводится сравнительный, стилистический и технологический анализ публикуемых предметов и даётся их историческая и культурная атрибуция.

Результаты. На фоне анализа исторической топографии региона привязка находок к древним трассам передвижения кочевников даёт возможность авторам аргументировать положение, что рассматриваемые находки являются не случайными, а связанными с местами проведения ритуальных акций религиозного и поминального характера и оставлены были скифами далеко не случайно на высотах в лесных массивах, которые, вероятнее всего, рассматривались ими как культовые места, где в походах совершались ритуальные действия. В результате этих действий вне традиционных археологических комплексов (поселения, захоронения) кочевниками были оставлены сакрально значимые вещи, случайно найденные современными жителями с. Бессоновка и хутора Угрима Белгородской области.

Теоретическая и/или практическая значимость. Поскольку подобные находки предметов скифского вооружения, конского снаряжения, ритуальных предметов и сосудов имеют массовый характер на всём протяжении контактной зоны степей и лесов Евразии, авторы предлагают внимательнее относиться к так называемым «случайным» находкам, которые, вероятнее всего, связаны с ритуальными действиями скифов в специально выбранных для этого сакральными местами. Это позволяет более адекватно использовать археологические материалы для реконструкции культурной и духовной жизни не только кочевников, но и представителей оседлого населения Евразии скифской эпохи.

Ключевые слова: скифы, торговые пути, ритуальные места, мечи и кинжалы, копья, котлы, каменные изваяния

Для цитирования:

Зуев В. Ю., Словохотов А. Г. Культурные места скифской эпохи на Муравском шляхе у р. Уды («случайные» находки у с. Бессоновки Белгородской области) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 171–188.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-171-188

Original research article

CULT PLACES OF THE SCYTHIAN ERA ON THE MURAVSKY ROAD NEAR THE UDA RIVER («RANDOM» FINDS NEAR THE VILLAGE OF BESSONOVKA, BELGOROD REGION)

V. Zuev¹, A. Slovohotov²

¹ *An Independent researcher
St. Petersburg, Russian Federation*

² *An Independent researcher
St. Petersburg, Russian Federation*

* *Corresponding author, e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru*

Received 30.09.2025

Revised 22.10.2025

Accepted 05.11.2025

Abstract

Aim. To introduce into scientific circulation a series of unique antiquities of the Scythian era, found accidentally in the area where in ancient times nomadic routes passed in the meridional and latitudinal directions. To examine these finds in the context of geographical, historical and cultural topography.

Methodology. The article describes in detail the locations and conditions of the finds of three Scythian blades, one spearhead and two bronze cast cauldrons from the 6th–4th centuries BC. A comparative, stylistic and technological analysis of the published objects is carried out and their historical and cultural attribution is given.

Results. Against the background of the analysis of the historical topography of the region, the linking of the finds to the ancient routes of nomad movement allows the authors to argue that the finds in question are not accidental. They are associated with places where ritual actions of a religious and memorial nature were carried out and were left by the Scythians not by chance at the heights in forested areas, which, most likely, were considered by them as cult places where ritual actions were performed during campaigns. As a result of these actions, sacredly significant things were left by the nomads outside traditional archaeological complexes (settlements, burials), which were accidentally found by modern residents of the village of Bessonovka and the farmsteads of Ugrim in the Belgorod region.

Research implications. Since such finds of Scythian weapons, horse equipment, ritual objects and vessels are widespread throughout the entire contact zone of the steppes and forests of Eurasia, the authors suggest paying more attention to the so-called “random” finds, which are most likely associated with ritual actions of the Scythians in specially selected sacred places. This allows us to more adequately use archaeological materials to reconstruct the cultural and spiritual life of not only nomads, but also representatives of the sedentary population of Eurasia during the Scythian era.

Keywords: Scythians, trade routes, ritual places, swords and daggers, spears, cauldrons, stone sculptures

For citation:

Zuev, V. Yu. & Slovohotov, A. G. (2026). Cult places of the Scythian era on the Muravsky road near the Uda river («random» finds near the village of Bessonovka, Belgorod region). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 171–188.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-171–188

Введение

В 17 км к ЮЗ от Белгорода находится с. Бессоновка Белгородского района. Регион этот очень сложен географически и требует отдельного описания. По водоразделу р. Уды и восточных притоков Ворсклы пролегает Муравский шлях – старинный торговый и военный путь из степей Причерноморья в Окско-Донское междуречье. В этом регионе он совпадает с современной дорогой 14к–12 из с. Щетиновки. Маршрут шляха подтверждён межевой и отказной документацией Белгородского уезда конца XVII–XIX вв., где шлях был межевой границей¹.

Южнее с. Бессоновки в междуречье Уды и Лопани находится господствующая высота над всем регионом Предворскья между Белгородом и Харьковом (высота 246). На неё есть лишь 2 сухопутных прохода между притоками рек Уды и Лопань. Эти проходы на высоту были обозначены в древности 2 каменными изваяниями (рис. 1.1), замеченными на полдороге из Белгорода в с. Борисовку – имение графов Шереметевых (рис. 1.2) ещё П. И. Кёппеном (1793–1864) [1, с. 39, прим. 53] и графом А. С. Уваровым (1824–1884) [2, с. 510] и подробно описанными курским краеведом Н. И. Златоверховниковым (1865–1921) в 1902 г. [3, с. 42–44]. Одна каменная баба была перенесена в середине 20-х годов XIX в. в с. Кобелевку и стояла у окраины села до 1960-х гг: её ещё хорошо помнят и сегодня [4], а другая была перенесена в Бессоновку в сад мирового судьи А. И. Йоста (управляющего с 1884 по 1902 г.) имением А. А. Фета

(1820–1892)) и её следы теряются в годы революции.

Высота 246 хорошо известна с XVI в. как место, с которого сторожевая служба Московского государства наблюдала за Муравским шляхом. Она упомянута в Книге Большого Чертежу (термин «Угрим да Лопин») и в «Сторожевой книге, содержащей росписи сторож на крымских и ногайских сакмах... 1571–1592 гг». Затем с основанием Белгорода здесь стояла 1-я Белгородская сторожа. На высоту ведёт по водораздельному гребню курганная аллея (рис. 1.1), а на самой высоте находится группа больших курганов, по своим размерам не имеющая аналогов в Курско-Белгородском краю. Они сопоставимы с такими ключевыми курганами региона, как Думчей (на водоразделе рек Псёл и Сейм) и Благой (на водоразделе рек Ворсклы и Псёл). Благой курган упоминается в документах 1522 г. как место стояния на Бакаевом шляхе в верховьях Ворсклы сторожевого поста – «ухожая» – путивльских казаков [5, с. 74].

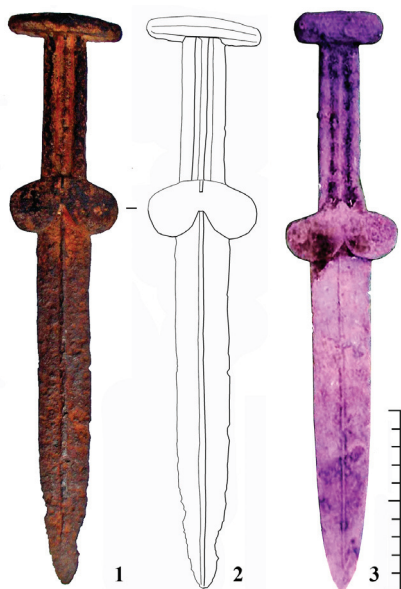
Находки в лесу у хутора Угрим

Севернее гряды холма с высотой 246 и восточнее с. Бессоновки находится Угримский лесной заказник, массив которого скрывает валы древнего городища. Его существование фиксируется на дореволюционных планах межевания земель и известно у крестьян хутора Угрим, как «Угримское городище» (рис. 1.1, точка 8). Восточнее этого городища и юго-восточнее хут. Угрим в лесном массиве в 2010–2012 гг. были сделаны 2 случайные находки, не связанные с погребальными комплексами: 1) скифского железного

¹ РГИА. Ф. 1088 о. 6 д. 1105. лист 77.

кинжала келермесского типа и 2) железного наконечника копья.

Условные обозначения:

1. Железный кинжал из Угримского леса;
2. Прорисовка кинжала из Угримского леса;
3. Железный кинжал 2020 г. Находка из Шебекинского леса

Рис. 2 / Fig. 2: Железные кинжалы / Iron daggers

Источник: фото и прорисовки авторов статьи

Железный кинжал хорошей сохранности (рис. 2.1-2) имеет плоское брусковидное навершие, насаженное на штырь рукояти слегка на бок. Рукоять и лезвие кинжала откованы из одной заготовки. Ствол рукояти разделён на три вертикальные колонки. Две боковые в одном рельефе, а между ними углублённый дол, посередине которого идёт проковочный шов. На плечиках клинка надето бабочковидное перекрестье, собранное из двух пластин, раскованных для закрепления на клинке. В верхнем углу перекрестья с лицевой стороны прокован в рельефе небольшой вертикальный шпенёк. Клинок кинжала имеет ровные лезвия, сходящиеся к острию в его нижней трети. Клинок в сечении линзовидный, но вдоль его

проковано посередине хорошо заметное ребро жёсткости. По следам на лезвиях, особенно в нижней трети клинка, хорошо заметно, что кинжал был в употреблении и на нём остались зазубрины.

Размеры кинжала: общая длина – 318 мм; общая длина рукояти (с навершием и перекрестьем) – 123 мм; высота навершия – 15 мм; ширина навершия – 62 мм; ширина трёхчастной рукояти (6+11+8) – 25 мм; высота перекрестья – 30 мм; ширина перекрестья – 60 мм; длина клинка (от перекрестья посередине) – 280 мм; ширина клинка (у основания перекрестья) – 30 мм; ширина клинка (в 100 мм от острия) – 29 мм.

Аналогии угримскому кинжалу широко известны по всему Северному Причерноморью среди клинков, которые Д. А. Топал относит к келермесскому типу его классификации скифского оружия [6, с. 101–121]. На территории Молдавии такие клинки найдены у с. Липник, Окницкого района [7, рис. 2.2] и у с. Суслень Оргеевского р-на [7, рис. 2.6]. В Крыму в 2014 г. кинжал келермесского типа, похожий на угримский, был найден в горном массиве Кубалач [8, с. 20]. В Подонье был найден аналогичный кинжал у с. Монастырщеники Богучаровского р-на Воронежской обл. [9, с. 202–203].

К перечню аналогий хочу добавить находку, сделанную в 2023 г. на опушке Шебекинского леса юго-восточнее Белгорода между с. Зимовенька и Больше-троицким в 60 км к востоку по прямой от места находки угримского кинжала. Железный клинок из Шебекинского леса (рис. 2.3) имеет брусковидное прямое навершие, насаженное посередине на штырь рукояти. Рукоять и клинок кинжала выкован из единой заготовки. Ствол рукояти оформлен в виде 3 вертикальных колонок. На плечики клинка одето бабочковидное перекрестье из 2 пластин, наложенных на плечики и хорошо прокованных дополнительно. Чуть выпуклые лезвия клинка сходятся к острию только в нижней его трети. Форма клинка в се-

чении линзовидная, с хорошо проработанной нервюрой посередине. Кинжал отличной сохранности, находится в частной коллекции в Белгороде¹.

Размеры шебекинского кинжала: общая длина – 314 мм; длина рукояти (с навершием и перекрестьем) – 135 мм; высота навершия – 17 мм; ширина навершия – 50 мм; ширина рукояти (7+7+7) – 21 мм; высота перекрестья – 34 мм; ширина перекрестья – 60 мм; длина клинка (от перекрестья посередине) – 189 мм; ширина клинка (у основания перекрестья) – 32 мм; ширина клинка (в 100 мм от острия) – 31 мм.

Следует обратить внимание, что все привлечённые аналогии являются случайными находками. Все они датированы Д. А. Топалом по принадлежности к келермесскому типу, который бытовал в период с середины VII в. до н.э. до первых десятилетий VI в. до н.э. На эту датировку Д. А. Топалом мечей и кинжалов келермесского типа повлияла в известной степени дискуссия о датировке комплекса Репяховатой могилы [6, с. 117; 10, с. 186].

У нас нет оснований сейчас вступать в дискуссию: почему клинки, подобные угримскому кинжалу, не могут быть датированы второй половиной VI в. до н.э. Считаем необходимым лишь отметить, что эпонимный принцип выделения типов, которого придерживается Д. А. Топал, чреват сильным обобщением разнородного материала. Для Д. А. Топала основными признаками его келермесского типа второй половины VII в. до н.э. являются брусковидное навершие, разделённая на вертикальные колонки рукоять и бабочковидное перекрестье, а также лезвие либо ромбическое в сечении, либо имеющее нервюру. Но эти признаки позволяют объединить в единый тип очень разные предметы холодного оружия. Так, обращаем внимание, что все упомянутые

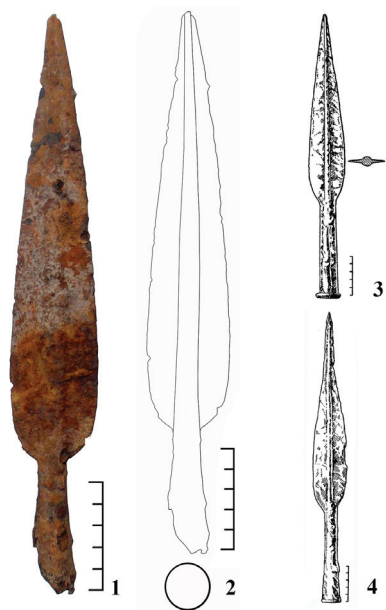
здесь случайные находки, аналогичные угримскому и шебекинскому кинжалам, очень плоские. Их лезвия – это тонкие, линзовидные в сечении полосы металла, очень отличающиеся от массивных ромбических в сечении клинков в основном мечей келермесского типа, хорошо известных в надёжно датированных комплексах. Клинки келермесского типа – это слишком широкое объединение разнородных мечей и кинжалов, которое в реальностях времени могло иметь и иные типологические членения, и более позднюю датировку. Поскольку круг аналогий угримскому и шебекинскому кинжалам – это найденные вне комплексов древности (вопрос – почему это так закономерно, требует отдельного рассмотрения), мы предлагаем не настаивать только на ранней дате клинков келермесского типа и датировать эти находки в интервале от второй половины VII в. до н.э. – до конца VI в. до н.э.

Железный наконечник копья из Угримского леса сохранился не целиком: сильно проржавело и утрачено основание втулки для насада на древко. Оно, вероятнее всего, было оформлено в виде узкого горизонтального валика в основании наконечника. Подобные наконечники иногда в литературе называют боевой частью дротиков – короткого метательного оружия. Чётких критериев для этого определения нет, и потому мы описываем эту находку как железный наконечник копья.

Рассматриваемый экземпляр (рис. 3.1–3.2) имеет длинную, постепенно сужающуюся к острию втулку и широкие плоские лопасти лавролистной формы. Размеры наконечника: общая длина ≈ 280 мм; предположительный диаметр втулки (восстанавливается по её форме) – 22 мм; длина выступающей втулки копья ≈ 75 мм; длина лопастей – 205 мм; ширина лопастей – 40 мм.

Наконечник копья из Угримского леса имеет близкие аналогии из погребальных комплексов скифской эпохи Сред-

¹ Авторы выражают благодарность Белгородскому краеведу С. В. Петрову за ценные консультации по поводу находок древностей.

Условные обозначения:

1. Железный наконечник копья из Угримского леса;
2. Прорисовка железного наконечника копья из Угримского леса
3. Железный наконечник копья из погребения в кургане 416 у с. Журовка
4. Железный наконечник копья из погребения в кургане 487 у с. Макеевки

Рис. 3 / Fig. 3. Железные наконечники копья / Iron spearhead

Источник: 1, 2 – фото и рисунок авторов; 3 – [12, рис. 5]; 4 – [11]

него Поднепровья. Такой наконечник копья (рис. 3.3) был найден генералом Н. Е. Бранденбургом (1839–1903) при раскопках кургана № 487 у с. Макеевка [11, с. 130–133]. В 1904 г. граф А. А. Бобринской (1852–1927) такой же наконечник копья (рис. 3.4) нашёл при раскопках погребения в кургане 416 у с. Журовка Чигиринского уезда Киевской губернии. Причём А. А. Бобринскому удалось заметить *in situ* длину следа всего копья, которое по длине составило 1,85 м [12, с. 80, рис. 5].

Указанные аналогии из погребальных комплексов уверенно датируются IV в. до

н.э. [13, с. 27, 40]. Полагаем, что и находка в Угримском лесу должна датироваться этим же столетием.

Находки у края Орловского леса

Ещё одна находка древностей была сделана на склоне надпойменной террасы правого берега р. Гостенка (приток Ворсклы) в лесном массиве, примыкающем к с. Орловка, западнее с. Бессоновка. По берегу склона издревле проходила трасса Муравского шляха. Севернее Орловского леса склон берега Уды переходит в низину, которая хорошо известна в XVII в., как место засад белгородских и хотмыжских служивых людей на отступающих из северных земель по Муравскому шляху татар [14, с. 319].

Орловский перекрёсток путей и господствующая высота имеют плохую славу у местного населения. По просьбе жителей на перекрёстке современных дорог с севера на юг, вдоль бывшей трассы Муравского шляха и из с. Бессоновки в с. Орловку местным священником воздвигнут православный крест. Второй православный крест поставлен восточнее с. Бессоновки у массива Угримского леса, где случаются автоаварии, а жители с. Кобелевки запрещают ходить через господствующую высоту 246 своим детям в Угримский лес. Этот обычай фиксируется по крайней мере с 1930-х гг.

Интересны и традиции хут. Угрим. Община крестьян хутора – украинские переселенцы середины XVIII в. Так как они принадлежали сначала белгородским архиереям, а с 1833 г. Курскому Знаменскому монастырю, они жили замкнуто и хорошо сохранили предания XVIII в. В частности, они используют общеукраинскую легенду о каменных бабах, что это крестьянки, плюнувшие на солнце. Но гораздо интереснее, что в угримском диалекте каменные изваяния – это своеобразный край мира. Пойти к каменной бабе («піти до кам'яної баби») – это устойчивое выражение означающие потратить целый день на дорогу, покинуть

привычные места и употреблялось оно в широком смысле, а не только по отношению к высоте 246. Орловский перекрёсток на правом берегу Уды находится прямо напротив господствующей высоты Угрим да Лопин.

В боях августа 1943 г. на крутине Орловского перекрёстка была оборудована позиция немецкой скорострельной пушки 2 см FlaK 30, которая прикрывала место сосредоточения немецких танков перед их броском на Прохоровку во время Курской битвы. Активно эта пушка действовала, когда танки 5-й Гвардейской танковой армии Ротмистрова освобождали Бессоновку в боях 4–6 августа 1943 г. Боекомплект скорострельной немецкой пушки составляли снаряды, гильзы которых делались уже из железа, а не из цветных металлов и ржавый «настрел» уничтоженной пушки на краю Орловского леса долгое время никого не интересовал.

В 2009 г. местные жители Бессоновки искали следы боёв Великой Отечественной войны, и их внимание привлекло это место. Под слоем ржавых гильз времён войны следопытами были сделаны на небольшой площади в лесу находки 2 бронзовых котлов и 2 железных скифских мечей. Находки эти были в 2010 г. были показаны белгородскому археологу А. Г. Дьяченко (1949–2024), а информация о находках сообщена в территориальное управление по охране культурного наследия при ФСБ России по Белгородской области. Как вспоминает краевед С. В. Орлов, присутствующий при осмотре древностей, удивлённый находками А. Г. Дьяченко (рис. 4.1) сказал тогда: «Как же так? Я занимаюсь этим всю жизнь, а не нашёл ни одного котла... А здесь целых два».

Литой бронзовый котёл 1 (рис. 4.2). Сферической формы с широким валиком по устью тулова. Котёл имеет 2 вертикальные ручки, увенчанные каждая 3 шишечками. Сосуд отливался по методу литья по утрачиваемой восковой модели. Ручки и ножка котла отливались отдель-

но. Коническая ножка, имеющая сверху специфичный «воротничок», прикреплена к днищу котла методом сварки. Ножка чуть повреждена. Ручки изготовлялись в двустворчатой форме и после отливки утапливались в форме отливаемого котла с внешней стороны так, что с внешней стороны хорошо заметна их инородность по вдавленному рельефу. Ручки подковообразно согнуты из массивного дрота, но на концах изящно свёрнуты в тугий спиральный завиток. Мотив «усов», или завитков, широко применялся в декоре литых котлов скифской эпохи степной Евразии.

Мы можем видеть его на боках котлов в Аевском кладе на р. Уйбат (рис. 5.1) в 50 км к северу от Аскиза и западнее Минусинска [16, с. 125, рис. 2.1]. В Пригорском кладе (рис. 5.4) северо-западнее Абакана. Оба котла датируются V–IV вв. до н.э. [15, с. 126, рис. 36–33]. В Среднем Подонье этот декоративный элемент имеется на туловах котлов из кургана 4 (рис. 5.2) и кургана 20 (рис. 5.3) скифского курганного могильника у с. Дуровка южнее Воронежа [16, с. 107, рис. 12.2, с. 108, рис. 13.1]. Котлы, под вертикальными ручками которых имеются декоративные завитки, известны из курганов 3 (рис. 5.5) и 11 (рис. 5.6) знаменитого скифского могильника «Частые курганы» [17, с. 19, рис. 8; 15, с. 10, рис. 13.4]. Но во всех перечисленных случаях это только элемент декора под ручками котлов. И «усы» на них завёрнуты в свободное кольцо. В случае же 1 котла из Бессоновки мы имеем на концах отлитых отдельно ручек тугий завиток настоящей волюты (рис. 4.2), аналогий которым нам неизвестно. И в этом заключается уникальность бессоновской находки, которую, по нашему мнению, следует датировать более ранним временем, чем приведённые аналогии – т. е. V в. до н.э.

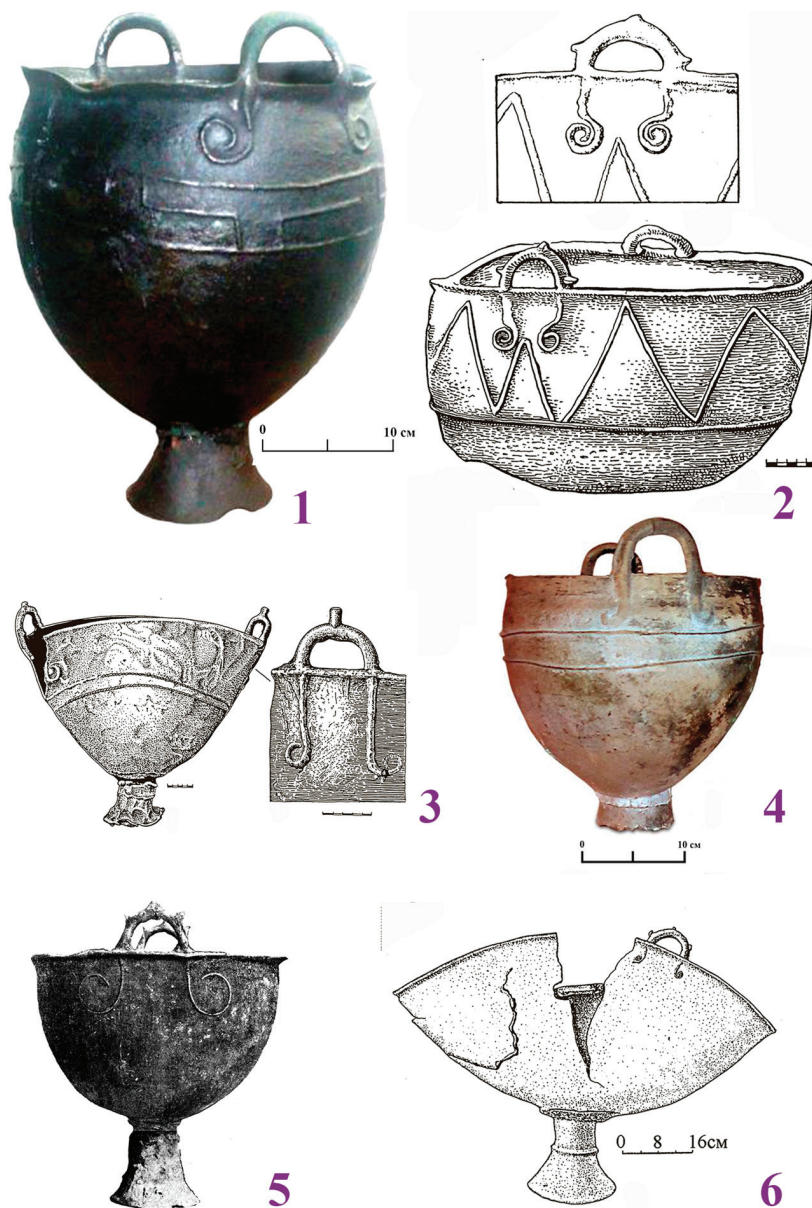
Размеры котла: общая высота – 400 мм; диаметр – 400 мм; высота ручек над устьем котла – 80 мм; общая высота ручек – 130 мм; ширина ручек – 140 мм;

Условные обозначения:

1. А. Г. Дьяченко с котлом 1 из Орловского леса;
2. Бронзовый котёл 1 из Орловского леса

Рис. 4 / Fig. 4. Бронзовый котёл из Орловского леса / Bronze cauldron from Orlovsky forest

Источник: фото авторов

Условные обозначения:

1. Бронзовый котёл из Аевского клада на р. Уйбат под Минусинском;
2. Бронзовый котёл из кургана 4 курганного могильника Дуровка, южнее Воронежа;
3. Бронзовый котёл из кургана 20 курганного могильника у Дуровка, южнее Воронежа;
4. Бронзовый котёл из Пригорского клада северо-западнее Абакана;
5. Бронзовый котёл из кургана 3 курганного могильника «Частые курганы» под Воронежем;
6. Бронзовый котёл из кургана 11 курганного могильника «Частые курганы» под Воронежем

Рис. 5 / Fig. 5. Бронзовые котлы / Bronze cauldrons

Источник: 1 – [15, рис. 2.1]; 2 – [16, рис. 12.2]; 3 – [16, рис. 13.1];
4 – [15, рис. 3.33]; 5 – [17, рис. 8]; 6 – [16, рис. 13.4]

толщина ручек – 20 мм; толщина валика по устью котла – 12 мм; высота тулова котла – 290 мм; толщина валика по устью – 18 мм; высота ножки – 110 мм; диаметр ножки в месте припая ко дну котла – 60 мм; диаметр основания ножки – 120 мм.

Литой бронзовый котёл 2. Он также имеет полусферическую форму тулова, но большего, чем котёл 1, размера (рис. 6). Его ручки отлиты по другой технологической схеме: они формовались вместе с восковой моделью в виде больших вертикальных дуг с тремя отростками вверх, прикрепленными непосредственно к краю котла. Но под вертикальными руч-

ками имеется пара горизонтально расположенных ручек малого радиуса, отходящие в стороны от внешних стенок котла. По устью тулова также имеется широкий валик, выступающий над внешней поверхностью котла. Тулово котла украшено восьмью виньетками в форме восьмёрок. По две 8 находятся непосредственно под ручками котла, а ещё четыре одиночных 8 расположены диаметрально друг к другу на тулове на одной высоте этих декоративных налёпов. Конусовидный поддон котла также приварен к тулову, как и у котла 1. От частого использования низ поддона сильно пострадал и имеет неровный край, на котором весь сосуд са-

Рис. 6 / Fig. 6. Бронзовый котёл 2 из Орловского леса / Bronze cauldron 2 from Orlovsky forest

Источник: фото авторов

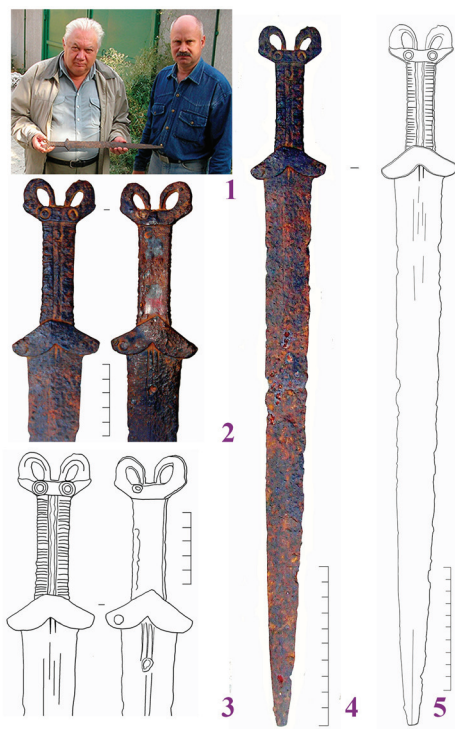
мостоятельно стоять не может: он явно под давлением вворачивался в землю для устойчивости.

Размеры котла: общая высота – 530 мм; диаметр – 590 мм; высота вертикальных ручек – 100 мм; ширина вертикальных ручек – 180 мм; толщина вертикальных ручек – 30 мм; толщина валика по устью котла – 20 мм; ширина горизонтальных ручек – 130 мм; радиус горизонтальных ручек – 65 мм; толщина горизонтальных ручек – 30 мм; высота тулова котла – 370 мм; уровень фриза 8-образных налёпов от устья котла – 40 мм; высота 8-образного налёпа – 80 мм; ширина 8-образного налёпа – 50 мм; высота ножки котла – 160 мм; диаметр ножки в месте припая ко дну котла – 150 мм; реконструированный диаметр основания ножки – 180 мм.

Большой котёл № 2 по своим формам, пропорциям и декору может быть уверенно датирован V в. до н.э. Он имеет многочисленные аналогии по технике отливки и пропорциям среди скифских котлов этого столетия [18, с. 171; 19, с. 16].

Железный меч 1. Железные мечи, по словам находчиков, были обнаружены в непосредственной близости от места находок бронзовых котлов. Длинный железный меч имеет навершие рукояти в виде двух голов хищных птиц, круто загнутые клювы которых устремлены вверх. На лицевой стороне меча навершие отделено от рукояти чуть заметным уступом, над которым чётко прочеканены глаза птиц (рис. 7.1–7.5). На оборотной стороне имеется только уступ, декоративно отделяющий навершие от ствола рукояти. Навершие отковано и проработано чеканом в одном рельефе полосы рукояти и клинка с накладным перекрестьем. Интересна декорировка лицевой стороны рукояти меча. Ствол рукояти разделён на 3 вертикальные колонки примерно равной ширины. Крайние разделены горизонтальными рубчатými полосками, создавая декор и усиливая эффект трения в руке. Обратная сторо-

на рукояти гладкая, без какой-либо декорировки. Бабочковидное перекрестье отковано в виде 2 пластин, скреплённых на плечиках клинка и дополнительно прокованных. На лицевой стороне верх перекрестья трактован плавной линией изгиба. На оборотной – он имеет чёткий угол в вершине перекрестья. На оборотной же стороне перекрестья в его левом крыле у края имеется прочеканенная не до конца окружность, диаметром равная изображению глаза птицы. Оно очень похоже на пробу чекана мастером, который оставил обратную сторону меча без декорировки. Клинок имеет линзовидную

Условные обозначения:

1. А. Г. Дьяченко и С. В. Петров с мечом из Орловского леса;
2. Рукоять меча;
3. Прорисовка рукояти меча;
4. Общий вид меча;
5. Прорисовка меча

Рис. 7 / Fig. 7. Меч из Орловского леса, 2010 г. / The sword from the Orlovsky forest, 2010

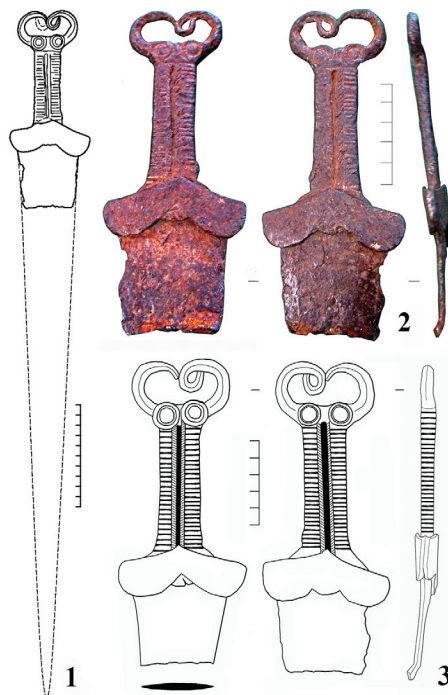
Источник: фото и рисунки авторов

сечении форму. Его лезвия плавно сужаются к острию клинка. На лицевой и оборотной сторонах клинка имеются 5 декоративных линий вдоль клинка, имеющих декоративную функцию. Меч неплохой сохранности. Покрыт запёкшейся коррозией. Лезвия клинка имеют следы повреждений зазубринами и выщерблинами явно в результате функционирования как рубящее оружие.

Размеры меча: общая длина – 440 мм; длина рукояти с навершием и перекрестьем – 98 мм; высота навершия – 24 мм; ширина навершия – 40 мм; ширина рукояти (6+6+6) – 18 мм; высота перекрестья – 12 мм; ширина перекрестья – 50 мм; толщина перекрестья – 12 мм; длина клинка от перекрестья посередине – 350 мм; ширина клинка под перекрестьем – 30 мм; ширина клинка в 100 мм от острия – 20 мм.

Оба клинка с окраины Орловского леса у с. Бессоновки относятся к типу скифского оружия, которое Д. А. Топал в своей классификации называет мечами и кинжалами типа Грищенцы. Это оружие наиболее характерно для периода 2–3 четверти V в. до н.э. [6, с. 256–276]. Интересно отметить, что идея декорирования лицевой стороны рукояти первого меча из Бессоновки (хищные клювы вверх в навершии; рубчатая декорировка ствола рукояти) хорошо перекликается с декорировкой знаменитого меча этого типа находки 1869 г. из Доболий-де-Жос (Альдобой) [6, с. 513, № 736 рис. 121.4]. Близкие аналогии этому мечу известны и в Причерноморье; в Восточном Крыму – в могильнике Ак-Таш, кург. 48, погр. 3 [20, с. 161–162, рис. 4.1] и северо-восточнее, на Северском Донце – клинок 2017 г. находки из Славянска [21, рис. 1].

Наиболее близкой аналогией и самой северо-восточной находкой мечей этого типа с подобным декором является находка у истока р. Хопёр (приток р. Дон) в 2004 г. у с. Кучки Пензенской области обломка железного скифского меча (рис. 8.1–8.3), который ныне хра-

Условные обозначения:

1. Графическая реконструкция меча;
2. Фото сохранившегося фрагмента;
3. Прорисовка рукояти меча

Рис. 8 / Fig. 8. Железный меч, найденный у с. Кучки на р. Хопёр, 2004 г. / Iron sword found near the village of Kuchki on the Khooper River, 2004

Источник: 1 – [7, рис. 126.1]; 2–3 – фото и рисунок авторов

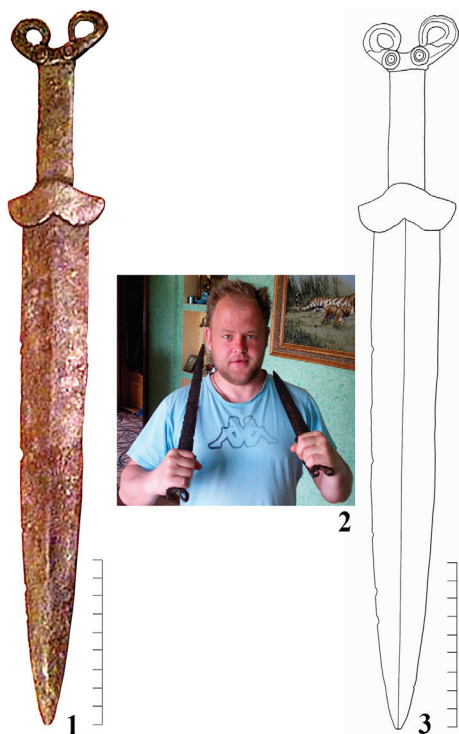
дится на Кафедре археологии Санкт-Петербургского государственного университета. Он подробно описан и издан в том же году [22, с. 133–137]¹. Его попадание в столь северные лесные места вполне возможно связано с функционированием Муравского шляха, как древней путеводной артерии из степей Восточного Причерноморья в мир лесных культур скифской эпохи.

Размеры фрагмента меча у с. Кучки (рис. 8): общая сохранившаяся длина – 165 мм; реконструированная общая

¹ Авторы выражают благодарность Заведующему кафедрой археологии СПбГУ В. Н. Седых за возможность познакомиться с находкой из с. Кучки *de visu*.

длина – 670 мм; длина рукояти с навершием и перекрестьем – 120 мм; высота навершия – 30 мм; ширина навершия – 50 мм; ширина рукояти (7+8+7) – 22 мм; высота перекрестья – 22 мм; ширина перекрестья – 73 мм; толщина перекрестья – 12 мм; длина сохранившейся части клинка от перекрестья посередине – 50 мм; ширина клинка у основания перекрестья – 56 мм.

Очень близок типологически по декору находке у с. Бессоновки и железный меч, найденный у с. Афанасьевка (Курская обл. Краеведч. музей. Инв. № 21517) в Советском районе Курской области [23, с. 132–133, рис. 1.8].

Условные обозначения:

1. Общий вид кинжала;
2. А. Г. Словохотов с мечом и кинжалом из Орловского леса. 2009 г.
3. Прорисовка кинжала

Рис. 9 / Fig. 9. Железный кинжал из Орловского леса / Iron dagger from the Orlov forest

Источник: фото и рисунок авторов

Железный кинжал 2, найденный на окраине Орловского леса, значительно меньше по размеру меча, но также относится классификационно к типу Грищенцы середины V в. до н.э. [6, с. 256–276].

Кинжал имеет навершие в виде противоположенных клювов хищных птиц, исходящих из наконсниц, соединённых с парой гипертрофированно больших круглых глаз (рис. 9). От ствола рукояти стилизовано трактованные головы птиц навершия отделены небольшим декоративным уступчиком. Навершие, рукоять и клинок кинжала откованы из одной полосы, на которую наложены пластины откованного отдельно перекрестья. Интересна трактовка изображения глаз птицы. Они имеют вокруг круглого зрачка специальный ободок, делающим глаза хорошо выделенными декоративными элементами декора кинжала, очень напоминающими глаза на навершии меча из с. Кучки (рис. 8). Ствол рукояти кинжала плоский без декорировки, имеет прямоугольное сечение. Перекрестье кинжала бабочковидное с плавным изгибом верхней дуги. Клинок имеет ромбическое сечение, но без выделения нервюры. Лезвие кинжала чуть расширяется в средней части, но плавно сходится к острию. На лезвиях заметны выщерблены – т. е. кинжалом активно пользовались в древности.

Размеры кинжала: общая длина – 432 мм; длина рукояти с навершием и перекрестьем – 130 мм; высота навершия – 30 мм; ширина навершия – 55 мм; ширина рукояти – 20 мм; высота перекрестья – 20 мм; ширина перекрестья – 57 мм; толщина перекрестья – 14 мм; длина клинка от перекрестья посередине – 312 мм; ширина клинка под перекрестьем – 38 мм; ширина клинка в 100 мм от острия – 32 мм.

Таков перечень известных к настоящему времени так называемых «случайных» находок, сделанных на высотах в лесных массивах окрестностей с. Бессоновка Белгородского района Белгородской области.

Заключение

В заключении кратко и тезисно выразим своё видение исторической природы описанных выше находок. По нашему мнению, это не какие-то случайно потерянные или брошенные вещи скифской эпохи, волею случая найденные жителями с. Бессоновки и хут. Угрим. Топография микрорегиона, где сделаны находки, говорит сама о многом. Прежде всего, это пересечение кочевнических шляхов – Муравского и Старо-Борисовского, которые действовали как наезженные пути движения кочевников в этом регионе, в т. ч. и в скифскую эпоху. Неслучайно в этих местах в скифское время был укрепленный пункт и хорошо развитый производственный металлургический центр – Борисовское городище на р. Ворксла (рис. 1.1, № 9), известный культурный центр ещё эпохи архаики [24, с. 186–218]. Ещё ждут своих исследователей фортификационные укрепления поселения Угрим в лесном массиве к северу-востоку от с. Бессоновки. Неслучайными являются курганная аллея, каменные изваяния и большие курганы на высоте 246 над перекрёстком 2 кочевнических шляхов. Взаимосвязь всех упомянутых объектов хорошо видна на прилагаемой карте (рис. 1.1, № 1–9).

Очень симптоматичны и «случайные» находки мечей и кинжалов, а также наконечника копья в лесах на вершинах увалов в стороне от цепочек курганных групп в окрестностях с. Бессоновки. Одному из авторов статьи хорошо известны буквально серии т. н. «случайных» находок скифских и сарматских мечей и кинжалов на пограничье степи и лесной зоны в Южном Приуралье [25, с. 359]. Многолетние исследования таких находок Р. Б. Исмаиловым, З. Аминовым [26, с. 34–37], Н. С. Савельевым и С. Ю. Николаевым ярко свидетельствуют о неслу-

чайности подобных «случайных» находок [29, с. 162–163]. Они хорошо увязываются не только с торными путями кочевников в мир лесных культур и его осёдлости. Эти находки согласуются со следами культовых религиозных практик, связанных с поминовением героев и поклонением разным божествам кочевников.

Широко известные слова Геродота о культе божества войны Ареса, который воплощался в поклонении мечам и кинжалам. Для чего кочевниками сооружались специальные конструкции из хвоста (а это прямое указание на то, что делались подобные сооружения поблизости от лесов, священных рощ, которые как места культов были хорошо понятны и древним грекам, у которых все их религиозные обряды также проходили в лесах и специальных рощах. Ведь греческие храмы (колоннады которых символизировали священные заросли) были лишь местом хранения кумиров богов. А все ритуалы и жертвы греки отправляли у алтарей под открытым небом, желательно реально в священных рощах и заповедных лесах.

С такими священными местами, как знаменитая Гилея у скифов, были связаны и все ритуальные трапезы, для которых и существовали их большие и малые литые бронзовые котлы. О культовом назначении этих больших сосудов существует обширная литература [18, с. 166–174; 19; 27, с. 114–117; 28, с. 104–122].

Всё это говорит о важности внимательного отношения археологов и историков к так называемым «случайным» находкам. Рассмотренные системно в контексте географии и культурной топографии такие древности могут пролить свет на важные аспекты культовых практик и действий кочевников скифской эпохи на просторах пограничьи степей и лесных миров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кёппен П. И. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., ИАН, 1837. 409 с.
2. Уваров А. С. Сведения о каменных бабах // Труды Первого Археологического съезда в Москве. Т. II. М., 1871. С. 501–520.
3. Златоверховников Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, Губернская типография, 1902. 98 с.
4. Тилинский А. И. Новь села Бессоновки. Очерк. Белгород, 1965. 130 с.
5. Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI в. М.: Наука, 1974. 183 с.
6. Топал Д. А. Акинак на западе скифского мира. Кишинеу, 2021. 648 с.
7. Топал Д. А. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyragetia*. 2014. Т. VIII (XXIII). С. 7–43.
8. Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. 150 с.
9. Демидова А. С. Кинжал у с. Монастырщеники Воронежской области // Советская археология. 1964. № 2. С. 202–203.
10. Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения 2 Репяховатой могилы // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 175–202.
11. Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок (1888–1902). СПб., 1908. 223 с.
12. Кобринской А. А. Отчёт о раскопках близ сёл Журовки и Капитоновки (Чигиринского уезда Киевской губернии) // Известия ИАК. 1905. Вып. 17. С. 77–98.
13. Мелькова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с.
14. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л., 1948. 452 с.
15. Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Котлы и клады Среднего Енисея эпохи раннего железа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 7: Археология и этнография. С. 121–134.
16. Пузикова А. И. Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья. М., ИА РАН, 2017. 160 с.
17. Городцов В. А. Раскопки «Частых курганов» под Воронежем в 1927 г. // Советская археология. 1947. Т. IX. С. 13–28.
18. Боковенко Н. А. Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 166–174, 233–235.
19. Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.
20. Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // Советская археология. 1986. № 4. С. 158–169.
21. Шелахань О. В., Киркич В. А. Скифський меч зі Слов'янська // Археологічні дослідження на Україні. 2019. Т. 2. С. 375–384.
22. Седых В. Н. Новая находка скифского меча в Пензенской области // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб, Ист. фак. СПбГУ, 2004. С. 133–137.
23. Воронина Р. Ф. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // МИА № 113. Лесостепные культуры скифского времени. М., Л., Наука, 1962. С. 130–133.
24. Сарапулкина Т. В., Кудряшов А. Г. Исследования Борисовского городища скифского времени на р. Ворскла в 2014–2015 гг. // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. конф. Белгород, 2017. С. 186–218.
25. Зуев В. Ю. Кинжал скифского времени из деревни Пилюгино (Южное Приуралье) // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 348–361.
26. Исмагил Р., Амин З. Культ скифского Ареса и Южноуральские реалии // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003. С. 34–37.
27. Джумабекова Г. С., Баразбаева Г. А. О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2. С. 114–117.
28. Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариининской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1. С. 104–122.

29. Зуев В. Ю. Железный кинжал с зооморфным навершием, найденный у с. Ильинского в Оренбуржье // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 151–167. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167

REFERENCES

1. Köppen, P. I. (1837). *On the antiquities of the southern coast of Crimea and the Tauride mountains*. St. Petersburg, IAN Publ. (in Russ.).
2. Uvarov, A. S. (1871). Information about stone women. In: *Proceedings of the First Archaeological Congress in Moscow. Vol. II*. Moscow, 501–520 (in Russ.).
3. Goldtops, N. I. (1902). *Monuments of antiquity and modern times and other sights of the Kursk province*. Kursk, Provincial Printing House (in Russ.).
4. Tilinsky, A. I. (1965). *Nov of the village of Bessonovka. Essay*. Belgorod (in Russ.).
5. Kargalov, V. V. (1974). *On the steppe border. Defense of the "Crimean Ukraine" of the Russian state in the first half of the 16th century*. Moscow: Nauka (in Russ.).
6. Topal, D. A. (2021). *Akinak in the west of the Scythian world*. Chisinau (in Russ.).
7. Topal, D. A. (2014). Akinaki on the western borders of Scythia. Finds of Scythian swords and daggers on the territory of the Republic of Moldova. In: *Tyragetia*, VIII, 7–43 (in Russ.).
8. Skory, S. A. & Zimovets, R. V. (2014). *Scythian antiquities of Crimea. Materials of one collection*. Kyiv (in Russ.).
9. Demidova, A. S. (1964). Dagger at s. Monastic puppies of the Voronezh region. In: *Soviet archeology*, 2, 202–203 (in Russ.).
10. Daragan, M. N. (2010). On the dating of amphora from the burial of 2 Repyakhovaty grave. In: *Ancient world and archeology*, 14, 175–202 (in Russ.).
11. Brandenburg, N. E. (1908). *Journal of excavations (1888–1902)*. St. Petersburg (in Russ.).
12. Bobrinskaya, A. A. (1905). Report on excavations near the villages of Zhurovka and Kapitonovka (Chigirinsky district of Kyiv province). In: *Izvestia IAK*, 17, 77–98 (in Russ.).
13. Melyukova, A. I. (1964). *Armament of the Scythians*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
14. Novoselsky, A. A. (1948). *The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century*. Moscow, Leningrad (in Russ.).
15. Borodovsky, A. P. & Oborin, Yu. V. (2021). Boilers and treasures of the Middle Yenisei of the early iron era. In: *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 20-7: Archeology and Ethnography, 121–134 (in Russ.).
16. Puzikova, A. I. (2017). *Funeral inventory of burial mounds of the Scythian time of the Middle Podonye*. Moscow: IA RAS Publ. (in Russ.).
17. Gorodtsov, V. A. (1947). Excavations of "Frequent Mounds" near Voronezh in 1927. In: *Soviet archeology*, IX, 13–28 (in Russ.).
18. Bokovenko, N. A. (1990). Scythian bronze boilers of the Northern Black Sea region (to the problem of distinguishing cultural types). In: *Ancient monuments of the Kuban*. Krasnodar, 166–174, 233–235 (in Russ.).
19. Demidenko, S. V. (2008). *Bronze cauldrons of the ancient tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th century BC – 3rd century AD)*. Moscow: LCI Publ. (in Russ.).
20. Bessonova, S. S. & Skory, S. A. (1986). Burial of a Scythian warrior from the Aktash burial ground in Eastern Crimea. In: *Soviet archeology*, 4, 158–169 (in Russ.).
21. Shelakhan, O. V. & Kirkich, V. A. (2019). Skifsky sword zi Slov'yanska. In: *Archaeology is well known in Ukraine*, 2, 375–384.
22. Sedykh, V. N. (2004). New find of the Scythian sword in the Penza region. In: *Fine monuments: style, era, compositions*. St. Petersburg, East. Fak. SPbSU, 133–137 (in Russ.).
23. Voronina, R. F. (1962). On some daggers and akinaks of the Kursk region. In: *MIA No. 113. Forest-steppe cultures of Scythian time*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 130–133 (in Russ.).
24. Sarapulkina, T. V. & Kudryashov, A. G. (2017). Studies of the Borisov settlement of Scythian time on the river. Vorskla in 2014–2015. In: *Archeology of the East European forest-steppe*. Belgorod, 186–218 (in Russ.).
25. Zuev, V. Yu. (2024). Scythian dagger from the village of Pilyugino (Southern Urals). In: *Ufa Archaeological Bulletin*, 24-2, 348–361 (in Russ.).

26. Ismagil, R. & Amin, Z. (2003). The cult of Scythian Ares and South Ural realities. In: *Man in the space of ancient cultures*. Chelyabinsk, 34–37 (in Russ.).
27. Dzhumabekova, G. S. & Barazbaeva, G. A. (2017). On the symbolism of metal boilers in the culture of nomads. In: *Samara Scientific Bulletin*, 6-2, 114–117 (in Russ.).
28. Bobrov, V. V., Bobrova, L. Yu. & Savelyeva, A. S. (2017). Copper-bronze boilers of the Scythian time from the Kuznetsk basin and the Mariinsky forest-steppe. In: *Theory and practice of archaeological research*, 1, 104–122 (in Russ.).
29. Zuev, V. Yu. (2023). Iron dagger with a zoomorphic pommel, found at s. Ilyinsky in the Orenburg region. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 5. Circum-pontics - V, 151–167. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-151-167 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вадим Юрьевич Зувев (г. Санкт-Петербург) – независимый исследователь, кандидат исторических наук, лауреат Государственной Премии Российской Федерации в области науки;
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1852-8164

Андрей Геннадьевич Словохотов (г. Санкт-Петербург) – независимый исследователь, историк, архивист;
e-mail: slovohotov999@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vadim Yu. Zuev (St. Petersburg) – Cand. Sci (History), an Independent researcher, Laureate of the State Prize of the Russian Federation in the Field of Science;
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1852-8164

Andrey G. Slovohotov (St. Petersburg) – Independent researcher, historian, archivist;
e-mail: slovohotov999@gmail.com

Научная статья
УДК 903.532(477)
DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-189-199

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ХОРЫ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА VI–III ВВ. ДО Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ)*

Снытко И. А.

*Николаевский областной краеведческий музей
г. Николаев, Украина
e-mail: maharadze_v@mail.ru*

* перевод с украинского В. Зуева

Поступила в редакцию 04.10.2025

После доработки 24.10.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Аннотация

Цель. На базе многолетних исследований некрополей сельской округи Ольвии рассматриваются вопросы, связанные с этническим составом населения аграрной территории Ольвийского государства.

Процедура и методы. Имеющиеся на нынешнее время археологические материалы свидетельствуют о том, что титульным этносом среди жителей полиса, начиная со времён колонизации Нижнего Побужья и в дальнейшем, был греческий. Методами анализа археологического материала проведено исследование характерных признаков этнического состава населения.

Результаты. В процессе исследования отмечается изначальная гетерогенность самого ионийского населения, принимавшего участие в колонизационном процессе. Учитывалось и присутствие среди жителей хоры и местного населения Северного Причерноморья (скифы, фракийцы). Однако, на фоне безусловного восприятия выходцами из местных причерноморских племён, которые могли проживать на хоре, греческой идеологии, культуры и быта, а также невозможности выделения чётких, именно варварских особенностей ритуала, какие-либо определённые черты варварских традиций в погребальной практике, присущей сельским некрополям Ольвийского полиса, не прослеживаются.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённый анализ проблемы этнического состава населения хоры Ольвийского полиса в указанный период позволил конкретнее представить проблему в её многоаспектном ракурсе.

Ключевые слова: Ольвия, полис, хора, греческая колонизация, этнос, греки, скифы

Для цитирования:

Снытко И. А. Этнический состав населения хоры Ольвийского полиса VI–III вв. до н.э. (по материалам исследований сельских некрополей) / пер. с укр. В. Зуева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. V. С. 189–199.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-189-199

Original research article

ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE CHORA OF THE OLBIAN POLIS OF THE VI–III CENTURIES BC (BASED ON STUDIES OF RURAL NECROPOLISES)*

I. Snytko

Nikolaev region museum of Lokal History

Nikolayev, Ukraine

e-mail: maharadze_v@mail.ru

* translation from Ukrainian by V. Zuev

Received 04.10.2025

Revised 24.10.2025

Accepted 07.11.2025

Abstract

Aim. The proposed article, based on long-term studies of necropolises in the rural area of Olbia, examines issues related to the ethnic composition of the population of the agrarian territory of the Olbian state.

Methodology. The archaeological materials available at present indicate that the titular ethnic group among the inhabitants of the polis, beginning with the colonization of the Lower Bug region and later, was Greek. The methods of analysis of archaeological material were used to study the characteristic features of the ethnic composition of the population.

Results. The study notes the initial heterogeneity of the Ionian population itself, which took part in the colonization process. The presence of the local population of the Northern Black Sea region (Scythians, Thracians) among the inhabitants of the chora was also taken into account. However, against the background of the unconditional perception by the natives of the local Black Sea tribes, who could live in the chora, of Greek ideology, culture and life, as well as the impossibility of identifying clear, specifically barbaric features of the ritual. No specific features of barbarian traditions can be traced in the burial practices inherent in the rural necropolises of the Olbian polis.

Research implications. The conducted analysis of the problem of the ethnic composition of the population of the chora of the Olbian polis in the specified period allowed us to more specifically present the problem in its multifaceted perspective.

Keywords: Olbia, polis, chora, Greek colonization, ethnos, Greeks, Scythians

For citation:

Snytko, I. A. (2026). Ethnic composition of the population of the chora of the Olbian polis of the VI–III centuries BC (based on studies of rural necropolises). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2026, no. 2, Circumpontica, iss. V, pp. 189–199. DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-189-199

Введение

Принципиальные вопросы, связанные с определением этнической составляющей населения Ольвийского полиса от самого начала древнегреческой колонизации Нижнего Побужья и на протяжении его почти тысячелетнего существования, продолжают оставаться ак-

туальными. Особенно это касается ранней ольвийской истории. В современной науке имеются 2 основных противоположных подхода относительно решения этой проблемы, а как следствие, в античной археологии существуют и 2 основные исследовательские школы – санкт-петербургская и киевская [1], которые

по-разному трактуют характер и взаимобаланс греко-варварских отношений на территории Северного Причерноморья и, непосредственно, в регионе Нижнего Побужья.

Представители так называемой «варварской» школы (Санкт-Петербург) продолжают базировать свои исследования на традиционных взглядах, сформированных ещё в конце XIX – начале XX столетия и окончательно утвердившихся в 1940–1950-х гг., когда ещё не было чётко сформулировано само понятие **хора Ольвийского полиса**. Отметим, что в Российской империи, как и далее, уже в советские времена, при решении этнических вопросов, при всесторонней поддержке общегосударственной политики, верховенствовала тенденция, способствовавшая приданию в вопросах этноса «абсолютной прерогативы» и «решающей роли» местным, «автохтонным» племенам и, порой, искусственного определения их лидирующих позиций в культурно-исторических процессах. Это на фоне заидеологизированности исторической науки в те времена вынуждало исследователей Ольвии и её хоры иногда делать неоправданные, а порой и просто надуманные, исторические и этнокультурные реконструкции [2, с. 67].

Определённые отголоски этой тенденции прослеживаются и во взглядах представителей современной «варварской школы». Так, используя античные литературные источники, в основном, «скифский логос» Геродота, исследователями совершаются попытки внести коррективы в традиционные основы древнегреческого колониального общества, ссылаясь на особенности его развития в условиях Северного Причерноморья. При этом данным особенностям уделяется чрезмерно завышенное внимание, а иногда даже упускается из поля зрения тот факт, что объектом исследования всё же является греческое колониальное сообщество со своей спецификой и изначальной социально-демографической и обществен-

но-политической организацией. Также, что касается археологического контекста, в качестве «традиционно варварских» подаются отдельные компоненты, как то земляночная жилищная архитектура первых колонистов и лепная керамика, якобы не характерная для древних греков, и на этой базе строятся этнические и социально-политические модели Ольвийского государства, согласно которым преобладающее большинство населения полиса составляли варвары – скифы, фракийцы, эллины, смешанные с варварами путём совместных браков и вообще эллинизированное местное население с до конца неясной этнической и социальной составляющей [3; 4].

Более современными, базирующимися на интенсивном археологическом изучении Ольвии и масштабных исследованиях памятников её хоры в 1970–1990-е гг. и в начале нового тысячелетия, являются научные взгляды на эту проблему представителей киевской школы. Они сформированы на комплексном подходе в решении этно-социальных вопросов и анализе археологического материала, эпиграфических и нарративных источников. Согласно разработкам киевских учёных, подавляющее большинство жителей Ольвийского государства с начала колонизации Нижнего Побужья составляли греки ионийцы [5; 6; 7]. В то же время отмечается изначальная гетерогенность самого ионийского колониального населения и не отрицается предположение о возможности присутствия на территории полиса определённых прослоек выходцев из местных причерноморских племён (скифы, фракийцы), которые по разным обстоятельствам были привлечены к сфере древнегреческого жизненного уклада [5, с. 90 сл.; 8, с. 120–121]. Таким образом, киевским учёным присущ поиск консенсуса относительно решения этой проблемы так же, как и многолетнему Санкт-Петербургскому исследователю греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье Я. В. До-

манскому, который считал одинаково далекими от науки установки на провозглашение решающей роли варваров в жизнедеятельности северопрichernоморских античных центров, или, наоборот, недопустимость любого присутствия варваров на их территории [9, с. 158].

Так или иначе, но почти все наиболее важные показатели материальной и духовной культуры указывают на то, что титульным этносом на хоре Ольвийского полиса, как и в самом городе, был греческий [7, с. 236]. Местный варварский контингент, если таковой и присутствовал в той или иной численной степени на разных исторических этапах функционирования Ольвийского государства, был, несомненно, вовлечённым в сферу греческой экономики, культуры и быта, но существенно не влиял на развитие античной цивилизации в Нижнем Побужье. С самого начала колонизации региона Ольвийский полис был автономным и автаркичным – экономически самодостаточным. Особенности жизнедеятельности города были обусловлены спецификой его эволюции в условиях отдалённости от основного ареала концентрации античных государств. Эти особенности нашли наибольшее отображение в сфере культуры. Они в подавляющем большинстве стали продуктом собственной эволюции античных традиций, а не следствием варварского влияния [10, с. 18–19].

Анализ археологического материала

Подкреплением этому является и анализ материалов из раскопок сельских некрополей¹. Отметим, что и в этом вопросе даже до нынешнего времени присутствовали определённые научные

¹ На нынешнее время зафиксировано и частично исследовано 14 некрополей позднеархаического и раннеклассического периодов и 12 некрополей классико-эллинистической эпохи в разных частях Ольвийского государства (побережья Бугского, Днепро-Бугского и Березанского лиманов) на которых в общем раскопано более 500 погребений [11, с. 16].

споры, связанные с различной локализацией частично исследованного ещё в 1911 г. М. Эбертом так называемого Марицинского могильника (Аджигольський и Петуховский некрополи) и, вообще, подкурганых погребений позднеархаической – раннеклассической эпох на античных некрополях Ольвийской хоры (Матросовский, Северный и Южный некрополи у с. Прибутское, Дидова Хата, Лупарево). На это мы уже неоднократно обращали внимание [11, с. 72 сл.; 12; 13, с. 91–104].

Также подчеркнём, что целиком логичными, на определённом этапе исследований, можно считать взгляды учёных относительно подкурганых погребений Аджигола, которые действительно несколько напоминают лесостепные и степные, и выделение их в так называемый локальный вариант скифской культуры [13, с. 43; 14, с. 17], или в приольвийскую группу скифских памятников [15, с. 198 сл.]. Такое мнение было сформировано ещё на базе устаревших взглядов на хору Ольвийского полиса, до выхода в свет итоговых результатов новых массовых исследований ольвийской сельской округи 1970–80-х гг. [5; 6] и начала систематического изучения древнегреческих некрополей хоры [11].

Новые исследования позднеархаических и раннеклассических сельских некрополей дали повод пересмотреть выводы учёных-скифологов относительно подкурганых погребений Аджигола и присоединиться к гипотезе, выдвинутой ещё В. В. Лапиным [16, с. 174] и подкреплённой палеоантропологическими исследованиями А. Шлица [17, р. 140 ff.], что эти могилы были оставлены ионийскими греками – жителями ольвийской хоры. Следует вообще поставить под сомнение тезис о существовании так называемого локального варианта скифской культуры в пределах сельскохозяйственной территории Ольвийского государства [11; 18, с. 23–24]. Вместо этого предложено рассматривать наличие

подкурганных погребений на ольвийских сельских некрополях не в этнической, а в социальной плоскости, как свидетельство определённой имущественной и социальной стратификации населения полиса, начиная с позднеархаического времени [11, с. 139–142; 19, с. 434–438]. Такая мысль является наиболее логичной, учитывая и комплексный анализ материалов сельских некрополей VI–III вв. до н. э., которые имеют прямые аналогии в некрополе Ольвии, других античных центров греческой Ойкумены и целиком соответствуют древнегреческой ритуальной практике.

Тем не менее, несмотря на новейшие исследования, варварская концепция интерпретации Аджигольского некрополя продолжает существовать и имеет своих сторонников среди ряда учёных-скифологов [20; 21, с. 459–463]. К сожалению, исследователями практически не уделяется внимание современным историческим и социально-политическим разработкам в сфере изучения особенностей развития Ольвийского полиса V в. до н. э. и отдаётся предпочтение тем самым технологическим нюансам. Так, исследования продолжают базироваться на ошибочном утверждении Г. Ф. Дебеца, что сооружение курганов якобы не присуще древнегреческому погребальному ритуалу [22, с. 160], на особенностях сооружения ям с деревянными конструкциями, которые имеют аналогии в степи и лесостепи и характерны только скифским племенам. К тому же, используя аналогии как с варварского ареала, так и с некрополей греческих городов, делаются попытки безосновательного варьирования особенностей погребального ритуала (ингумация, кремация), состава сопроводительного реквизита и придания им произвольной этнической идентификации [23, с. 116–135]. При этом не учитывается, что в исторических условиях античной эпохи и тесного греко-варварского взаимодействия методы интерпретации отдельного артефакта, либо

группы артефактов, которые используются исследователями для более ранних стадий развития общества, для античной эпохи являются малопригодными [1, с. 18].

О греческом курганном обряде с эпохи бронзы литературно свидетельствует ещё Гомеровский эпос. Многочисленные и археологические подтверждения [16, с. 17; 24, р. 79–84, fig. 9, 10, р. 105–108, 176–177, fig. 32; 25, с. 169–170]. Исходя из результатов последних исследований, считается, что курганный тип погребений был широко распространён в античном мире и был наиболее популярен в Анатолии, Лидии, Восточной Греции, Западном и Северном Понте [26, р. 52–53]. Не исключено, что на просторах Северного Причерноморья традиция возведения курганов получила дополнительный стимул на ниве новых мифологических представлений, сформированных в процессе ознакомления греков с культурой, идеологией местных племён и особенностями их погребального курганного обряда [27, с. 75].

Что касается ямных погребальных сооружений с использованием дерева, то они, вероятнее всего, по традиции, которая была присуща с древности не только грекам, но и многим европейским народам, имитировали обыкновенные земляночные и полуземляночные жилища первых колонистов [11, с. 75–77]. Это же касается и скифских ямных подкурганных погребений лесостепи. Тем не менее данное предположение, подкреплённое культурно-историческими реалиями, даже не учитывается современными приверженцами варварской локализации подкурганных погребений не только в античных некрополях Нижнего Побужья, но и для похожих погребальных сооружений лесостепи.

Сооружение тех или иных типов захоронений следует считать явлением региональным, рассмотрение которого в этнокультурной плоскости необходимо проводить в контексте наличия в том или

ином районе синхронной архитектуры жилых комплексов, природных ресурсов и экономического уровня развития общества [27, с. 75–77, 166–172, 203–208].

Современными скифологами совсем не берутся во внимание топографические особенности расположения античных некрополей Нижнего Побужья с архаического времени, системный, заранее продуманный, цивилизованный характер их размещения относительно синхронных селитебных зон, дорог и аграрных территорий, что практиковали греки и в других регионах Ойкумены [19, с. 434–438; 28, с. 165–168]. Хотя уже сами принципы участкового территориального размещения некрополей (курганные и бескурганые участки, синхронные участки с различными типами погребальных сооружений) и создание курганных мемориальных аллей вдоль дорог между отдельными поселениями, организация больших общих некрополей для населённых пунктов отдельных микрорегионов, в общем, свидетельствуют о эллинской ритуальной культуре населения хоры Ольвийского полиса.

Необходимо отметить и некоторые особенности в погребальном обряде, которые характерны для отдельных районов хоры. Так, в некрополе у Лагерной косы, погребённые, в отличие от иных территорий полиса, ориентированы преимущественно головой к западу. Заметим, что в разных городах Греции доминировала разная ориентация – западная, как, скажем, в Афинах, либо восточная, как в Мегарах. В Халкиде в VI в. до н.э. женщин хоронили головой к востоку, а мужчин к западу [29, с. 175]. Так что, традиционной, или присущей грекам можно считать широтную – как восточную, так и западную ориентацию.

Что же касается ионийских колониальных полисов Северо-Западного Причерноморья и непосредственно Ольвии, то здесь восточная ориентация с архаического времени составляет 87% всех погребений. Доминирует она и в классиче-

ский период и далее [29, с. 174]. Такая же тенденция характерна и для некрополей периферии [11]. Прерогативная западная ориентация умерших в микрорегионе Лагерной косы, в непосредственной близости от святилища Ахилла на Бейкуше (поселение Малая Черноморка-II – Бейкуш), возможно, является подтверждением гипотезы А. С. Русяевой о том, что район устья Березанского лимана со времён колонизации заселялся контингентом, который происходил из определённой области Ионии, где культ Ахилла был в особом почёте [30, с. 180–181] и в котором, на наш взгляд, была прерогативной именно западная ориентация погребённых (головой к Эребу), вероятнее всего, в контексте культа героя, как «Царя в царстве мёртвых» [11, с. 32; 20; 21].

Также наиболее вероятно, что такая ориентация погребённых является дополнительным свидетельством изначальной гетерогенности греческих колонистов, которые заселяли Нижнее Побужье на разных этапах колонизации региона. О гетерогенности греческого ионийского населения хоры Ольвии и ближайшего ольвийского приграничья свидетельствуют и антропологические исследования на некрополе Кашарского поселения, где кроме основного средиземноморского (греки), нордического (варварского), антропологи выделяют даже незначительный, хотя и достаточно выразительный арменоидальный тип, который связывают со смешанным составом греческих колонистов [31, р. 61].

Не секрет, что милетяне, по свидетельству древних источников, брали себе в жёны карийских женщин. В ионийских городах проживали фракийцы, карийцы, ликийцы, кавконы, абанты и представители многих других этносов, которые практически ассимилировались с ионийским сообществом [5, с. 91–92], проводившим колонизацию северопричерноморских земель. К тому же отдельные микрорегионы Нижнего Побужья в период колонизации могли заселяться вы-

ходцами из разных ионийских городов, население которых имело именно свои особенности погребального ритуала, как это археологически засвидетельствовано в некрополе Кеп на Боспоре, где первое поселение милетян в дальнейшем было, вероятно, дополнительно заселено колонистами с Теоса [32, с. 45–48].

Определённой проблемой для исследователей является и наличие в некрополях античных городов скорченных костяков, преимущественно безинвентарных. В общем они составляют незначительный процент. В Ольвии и сельских некрополях эти погребения практически единичны [11; 33, с. 20–23; 34, с. 88–93]. Тем не менее наличие скорченного типа погребений не следует объяснять этническими особенностями умерших, т. к. этот обряд был присущим грекам и местным племенам Причерноморья только в эпоху бронзы. В античный период как для греков, так и для варварских народов Северного Причерноморья было характерным вытянутое на спине труположение. Также не до конца исчерпывающим выглядит утверждение касательно низкого социального статуса умерших, похороненных в скорченном положении [35, с. 74–75]. Разрешение проблемы скорченных погребений, на наш взгляд, не требует чрезмерных дискуссий и кроется, прежде всего, в пережитках родового строя у древних греков, на что и указывают сторонники этой идеи [11; 16, с. 212–229; 33, с. 23; 36, с. 110–116; 37, с. 99–100; 38, с. 153]. Древние традиции в виде реликтовых явлений продолжали сохраняться в некоторых «консервативных» слоях населения (возможно, жрецов старых забы-

тых божеств, «вещунов» и «колдунов»), где столетиями могло почитаться идеологическое наследие предков. Именно выходцы из этой среды, вероятнее всего, могли хоронить своих умерших в «утробном» положении по древнему ритуалу, по примеру предков [11].

Заключение

Таким образом, учитывая все основные компоненты, присущие погребальному ритуалу, можно считать, что преобладающее большинство населения хоры Ольвии VI–III вв. до н.э. составляли ионийские греки. Не исключается и присутствие среди жителей древнегреческих поселений Нижнего Побужья и определённой варварской прослойки. Однако на фоне безусловного восприятия выходцами из местных причерноморских племён, которые могли проживать на хоре, греческой идеологии, культуры и быта, а также, невозможности выделения чётких, именно варварских особенностей ритуала, какие-либо определённые черты варварских традиций в погребальной практике, присущей сельским некрополям Ольвийского полиса, не прослеживаются.

Также необходимо отметить, что местный варварский элемент в составе населения античных поселений Нижнего Побужья, скорее всего, появляется не с самого начала колонизации, а на протяжении определённого продолжительного времени в процессе греко-варварских этнокультурных взаимоотношений в регионе, вследствие которых и была сформирована этнографическая группа эллинской народности – ольвиополитов [5, с. 221].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крыжицкий С. Д. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. М., Киев, Запорожье, «Дикое поле», 2007. С. 18–25.*
2. Буйських С. Б. Хора Ольвійського поліса (до історії наукової розробки проблеми) // *Археологія. 2007. № 1. С. 66–77.*
3. Марченко К. К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья в скифскую эпоху // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 42–136.*

4. Соловьёв С. Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // *Античное Причерноморье*. СПб., 2000. С. 94–111.
5. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. *Сельская округа Ольвии*. К.: Наукова думка, 1989. 240 с.
6. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. *Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта)*. К.: Наукова думка, 1990. 136 с.
7. Буйских С. Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // *ССПК*. 2009. Вып. XV. С. 225–247.
8. Буйских С. Б. К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье // *ССПК*. 2007. Вып. XIV. С. 110–125.
9. Доманский Я. В. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // *Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации* // Цхалтубо П. Тбилиси, Мецниереба, 1981. С. 157–163.
10. Крыжицкий С. Д. Ольвия и варвары (проблема влияний) // *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: тез. докл. Ростов-на-Дону, 1994*. С. 18–19.
11. Снитко І. О. Давньогрецькі некрополі хори Ольвії VI–III ст. до н.е. К.: Видавець Олег Філюк, 2015. 239 с.
12. Снитко І. О. Підкурғанні поховання некрополів хори Ольвії VI–V ст. до н.е. // *Археологія*. 2011. № 1. С. 11–22.
13. Мурзин В. Ю. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. К.: Наукова думка, 1984. 133 с.
14. *Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья* / Е. В. Черненко, С. С. Бессонова, Ю. В. Болтрик, С. П. Полин, С. А. Скорый, Н. М. Бокий, Ю. С. Гребенников. К.: Наукова думка, 1986. 368 с.
15. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. *Скифия VII–IV вв. до н.э.* К.: Наукова думка, 1983. 379 с.
16. Лапин В. В. *Греческая колонизация Северного Причерноморья*. К.: Наукова думка, 1966. 240 с.
17. Schliz A. Beitrage zur prähistorischen Ethnologie. II. Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn // *PZ*. 1913. Bd. V. Heft 1–2. P. 114–148.
18. Крижицкий С. Д. Ольвия і скифи у V ст. до н.е. До питання про «скифський протекторат» // *Археологія*. 2001. № 2. С. 21–36.
19. Снытко И. А. О древнегреческой традиции возведения мемориальных аллей в Нижнем Побужье в античную эпоху // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности. Археологический объект в контексте истории*. БЧ. Вып. XIV. Керчь: Керченська міська друкарня, 2013. С. 434–438.
20. Гребенников Ю. С. *Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.)*. Николаев: ООО «Илион», 2008. 192 с.
21. Гречко Д. С. К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V вв. до н.э. // *БФ. Население, языки, контакты*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 459–463.
22. Дебец Г. Ф. *Палеоантропология СССР*. М., Л., 1948. 391 с.
23. Гречко Д. С. Курганы конца VI – середины V в. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // *Древности*. 2010. Вып. 9. С. 116–135.
24. Kurtz D. C., Boardman J. *Greek burial customs*. London and Southampton, Thames and Hudson, 1971. 384 p.
25. Чмыхов Н. А. Об истоках курганного погребального обряда греков Северного Причерноморья // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, 1989. С. 169–171.
26. Lungu V. *Greek – Ionien Necropoleis in the Black Sea area: Cremation and Colonisation* // *Archaic Greek Culture: History, Archeology, Art and Museology*. Oxford, 2010. P. 51–58.
27. Крыжицкий С. Д. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. К.: Наукова думка, 1993. 245 с.
28. Снытко И. А. Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV–III вв. до н.э.: особенности исторической топографии, характер и структура // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь, Приднестр. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 165–168.
29. Папанова В. А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. К.: Знання України, 2006. 278 с.

30. Русяева А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. К., Наукова думка, 1975. С. 174–185.
31. Kaszanowski K., Kosydarski A., Niedzwiecka E. Results of 1998–2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine) // ПОНТИКА-2006. Krakow, Uniwersytet Jagiellonski, 2008. P. 53–61.
32. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н.э. // ТС. Вып. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): тез. докл. СПб.: Изд. ГЭ, 2000. С. 45–48.
33. Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V–IV ст. до н.э. К.: Наукова думка, 1974. 181 с.
34. Снытко И. А., Лобко А. Г. Скорченные погребения некрополей хоры Ольвии VI–III вв. до н.э. // Історія. Етнографія. Культурга. Нові дослідження. Миколаїв: Можливості Киммерії, 2008. С. 88–93.
35. Зубарь В. М. Ещё раз по поводу интерпретации захоронений в скорченном положении из некрополя Херсонеса V в. до н.э. // Надгробите могили в югоизточна Европа. Казанлык, 1993. С. 74–75.
36. Кадеев В. И. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя // ВДИ. 1973. № 4. С. 110–116.
37. Липавский С. А. Скорченные погребения античных некрополей Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. К.: Наукова думка, 1987. С. 99–100.
38. Панайотова К. Хокерите от античния некропол Апология Понтика // Марица – Изток. Археологически проучвания. София, 1994. Т. II. С. 151–155.

REFERENCES

1. Kryzhitsky, S. D. (2007). On two trends in the study of the problems of Greco-barbarian interaction in the Lower Pobuzhye of the 6th–5th centuries BC. In: *Ancient world and barbarians in southern Russia and Ukraine: Olbia. Scythia. Bosphorus*. Moscow, Kyiv, Zaporozhye, Wild Field Publ., 18–25 (in Russ.).
2. Buyskikh, S. (2007). The choir of Olbia polis (up to istoras ii scientific i rosary problems). In: *Archeology*, 1, 66–77.
3. Marchenko, K. K. (2005). Greeks and barbarians of the North-West Black Sea region in the Scythian era. In: *Greeks and barbarians of the Northern Black Sea region in the Scythian era*. St. Petersburg, 42–136 (in Russ.).
4. Solovyov, S. L. (2000). From the history of the policies of the Lower Pobuzhye: Borisfen and Olbia. In: *Antique Black Sea region*. St. Petersburg, 94–111 (in Russ.).
5. Kryzhitsky, S. D., Buiskikh, S. B., Burakov, A. V. & Otreshko, V. M. (1989). *Rural district of Olbia*. Kyiv: Naukova Dumka (in Russ.).
6. Kryzhitsky, S. D., Buiskikh, S. B. & Otreshko, V. M. (1990). *Antique settlements of the Lower Pobuzhye (archaeological map)*. Kyiv: Naukova Dumka (in Russ.).
7. Buisky, S. B. (2009). Choir of the colonial policy in the Lower Pobuzh region: from archaic to Hellenism. In: *SSPK*, XV, 225–247 (in Russ.).
8. Buiskikh, S. B. (2007). On the problem of Greco-barbarian contacts in the Lower Pobuzhye. In: *SSPK*, XIV, 110–125 (in Russ.).
9. Domansky, Y. V. (1981). Olbia and barbarians in the V century. BC. In: *Demographic situation in the Black Sea region during the Great Greek colonization*. Tbilisi: Metsniereba Publ., 157–163 (in Russ.).
10. Kryzhitsky, S. D. (1994). Olbia and barbarians (the problem of influences). In: *International relations in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages*. Rostov-on-Don, 18–19 (in Russ.).
11. Snitko, I. O. (2015). *Davnogreck i Necropolis i Choir Olbia 6th–3^d centuries BC* Kyiv: Vidavets Oleg Filyuk.
12. Snitko, I. O. (2011). Pidkurgan i the chant of the necropolis in the choir of Olbia 6th–5th centuries BC. In: *Archaeology*, 1, 11–22.
13. Murzin, V. Yu. (1984). *Scythian archaic of the Northern Black Sea region*. Kyiv: Naukova dumka (in Russ.).
14. Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. P., Skory, S. A., Boky, N. M. & Grebennikov, Yu. S. (1986). *Scythian funerary monuments of the steppes of the Northern Black Sea region*. Kyiv, Naukova dumka (in Russ.).

15. Ilyinskaya, V. A. & Terenozhkin, A. I. (1983). Scythia 7th–4th centuries BC. Kyiv: Naukova dumka (in Russ).
16. Lapin, V. V. (1966). *Greek colonization of the Northern Black Sea region*. Kyiv: Naukova dumka (in Russ).
17. Schliz, A. (1913). Beitrage zur prähistorischen Ethnologie. II. Die Grabhügel auf dem Gute Maritzyn. In: *PZ*, V (1–2), 114–148.
18. Krizhitsky, S. D. (2001). Olbia and skifi at 5th century BC Before nutrition about the "Skifsky protectorate". In: *Archeology*, 2, 21–36.
19. Snytko, I. A. (2013). On the ancient Greek tradition of erecting memorial alleys in the Lower Pobuzh region in the ancient era. In: *Bosporus of the Cimmerian and barbarian world during antiquity. Archaeological site in the context of history. No. XIV*. Kerch: Kerchenska miska drukarnya, 434–438 (in Russ).
20. Grebennikov, Yu. S. (2008). *Cimmerians and Scythians of the Steppe Pobuzhye (IX-III centuries BC)*. Nikolaev, Ilion LLC (in Russ).
21. Grechko, D. S. (2011). On the question of the demographic potential of Olbia in the VI-V centuries BC. In: *BF Population, languages, contacts*. St. Petersburg: Nestor-History, 459–463 (in Russ).
22. Debets, G. F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*. Moscow, Leningrad (in Russ).
23. Grechko, D. S. (2010). Mounds of the late 6th – mid 5th century BC Lower Pobuzhye: Greeks or Scythians? In: *Antiquities*, 9, 116–135 (in Russ).
24. Kurtz, D. C. & Boardman, J. (1971). *Greek burial customs*. London and Southampton, Thames and Hudson.
25. Chmykhov, N. A. (1989). On the origins of the burial rite of the Greeks of the Northern Black Sea region. In: *Problems of Scythian-Sarmatian archeology of the Northern Black Sea region*. Zaporozhye, 169–171 (in Russ).
26. Lungu, V. (2010). Greek – Ionien Necropoleis in the Black Sea area: Cremation and Colonisation. In: *Archaic Greek Culture: History, Archeology, Art and Museology*. Oxford, 51–58.
27. Kryzhitsky, S. D. (1993). *Architecture of the ancient states of the Northern Black Sea region*. Kyiv: Naukova dumka (in Russ).
28. Snytko, I. A. (2012). Ancient Greek necropolises of the Lower Pobuzhye IV-III centuries BC: features of historical topography, character and structure. In: *Antiquities of the Northern Black Sea region of the 3^d–2^d centuries BC*. Tiraspol, Dnestr. state. un-t them. T. G. Shevchenko, 165–168 (in Russ).
29. Papanova, V. A. (2006). *Tract One hundred graves – necropolis of Olbia Pontiysky*. Kyiv: Knowledge of Ukraine (in Russ).
30. Rusyaeva, A. S. (1975). Issues of the development of the cult of Achilles in the Northern Black Sea region. In: *Scythian world*. Kyiv: Naukova Dumka, 174–185 (in Russ.).
31. Kaczanowski, K., Kosydarski, A. & Niedzwiecka, E. (2008). Results of 1998–2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine). In: *PIONTIKA-2006*. Krakow, Uniwersytet Jagiellonski, 53–61.
32. Sorokina, N. P. & Sudarev, N. I. (2000). Some features of the Kep necropolis in 6th–5th BC. In: *TS. No. 3. Greeks and barbarians on the Bosporus of Cimmeria (7th–1st centuries BC)*. St. Petersburg, 45–48 (in Russ.).
33. Kozub, Yu. I. (1974). Necropolis Olbia 5th–4th centuries BC. Kyiv: Naukova Dumka.
34. Snytko, I. A. & Lobko, A. G. (2008). The scorched burials of the necropolises of the choir of Olbia VI-III centuries BC. In: *Istories. Ethnography. Culture. New i before the day*. Mikolav: Mozhlivost i Kmmerr ii, 88–93.
35. Zubar, V. M. (1993). Once again about the interpretation of burials in a crouched position from the necropolis of Chersonesos 5th century BC. In: *Tombstones were buried in south-thin Europe*. Kazanlak, 74–75 (in Russ.).
36. Kadeev, V. I. (1973). On the ethnicity of the crouched burials of the Kherson necropolis. In: *VDI*, 4, 110–116 (in Russ.).
37. Lipavsky, S. A. (1987). Scorched burials of ancient necropolises of the Northern Black Sea region of the 6th–1st centuries BC. In: *Actual problems of historical and archaeological research*. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 99–100 (in Russ.).
38. Panayotova, K. (1994). Hokerite from the antique necropolis of Apolonius Pontic. In: *Maritsa – Iztok. Archaeologically, the teachings. Vol. II*. Sofia, 151–155

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Снытко Иван Алексеевич (г. Николаев, Украина) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея;
e-mail: maharadze_v@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Snytko (Nikolaev, Ukrain) – PhD (History), Senior Researcher, Nikolaev Region Museum of Lokal History;
e-mail: maharadze_v@mail.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-200-211

ЦАРИ И БОГИ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО БОСПОРА: ОБ АТРИБУЦИИ ДАВНИХ И НОВЫХ НАХОДОК СКУЛЬПТУРЫ В ПАНТИКАПЕЕ И ОКРЕСТНОСТЯХ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI В.)

Савостина Е. А.

Московский государственный академический художественный институт

им. В. И. Сурикова при Российской академии художеств

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: esav@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.10.2025

После доработки 02.11.2025

Принята к публикации 17.11.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать группу археологических памятников монументальной скульптуры, найденной на Боспоре, и на её примере показать особенности развития истории и культуры античных центров Северного Причерноморья.

Процедура и методы. Используется метод формально-стилистического, сравнительного анализа, а также данные нарративных источников.

Результаты. Доказана принадлежность группы статуй одному хронологическому периоду, связь с историческими личностями и изготовление статуй в малоазийских мастерских (причём 2 изготовлены одним мастером).

Теоретическая и/или практическая значимость. Установлены хронология и характер статуй, уточнены места изготовления, теоретически обоснована эволюция стиля и его определения.

Ключевые слова: античная скульптура, городище Артезиан, Боспор Киммерийский, малоазийский классицизм, Митридат Евпатор, Пантикапей, статуя Зевса, Фарнак

Благодарности. Большое спасибо Н. И. Винокурову и Н. Л. Кучеревской за увлекательную совместную работу по изучению фрагментов статуи Зевса, найденных в Артезианской экспедиции. Особенно благодарю Н. И. Винокурова, руководителя экспедиции, за предложение заняться этим исследованием. Всегда также буду признательна моим эрмитажным товарищам – А. А. Трофимовой и Н. К. Жижиной, включившим в один выставочный проект анализируемые пантикапейские статуи, что дало новый импульс в их исследовании.

Для цитирования:

Савостина Е. А. Цари и боги позднеэллинистического Боспора: об атрибуции давних и новых находок скульптуры в Пантикапее и окрестностях (первая четверть XXI в.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 200–211.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-200-211

Original research article

KINGS AND GODS OF THE LATE HELLENISTIC BOSPORUS: ATTRIBUTION OF THE OLD ONE AND NEW SCULPTURE FINDS IN PANTICAPAEUM AND SURROUNDINGS (FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY)

E. Savostina

*Surikov Moscow State Academic Art Institute at the Russian Academy of Arts
Moscow, Russian Federation
e-mail: esav@yandex.ru*

Received 16.10.2025

Revised 02.11.2025

Accepted 17.11.2025

Abstract

Aim. To analyze a group of archaeological monuments – monumental sculptures found on the Bosphorus, using its example to show the peculiarities of the development of the history and culture of the ancient centers of the Northern Black Sea region.

Methodology. The method of formal stylistic, comparative analysis, as well as data from narrative sources is used. Results. The group of statues belongs to the same chronological period, the connection with historical figures and the manufacture of statues in workshops in Asia Minor (moreover, two were made by the same master) are proved.

Research implications. lies in establishing the chronology and nature of the statues, clarifying the place of manufacture, and theoretically substantiating the evolution of the style and its definition.

Keywords: ancient sculpture, Artesian hillfort, Cimmerian Bosphorus, classicism of Asia Minor, Mithridates Eupator, Panticapaeus, statue of Zeus, Pharnaces

Acknowledgements. Many thanks to N. I. Vinokurov and N. L. Kucherevskaya for the fascinating joint work on the study of fragments of the statue of Zeus. Especially thanks to N. I. Vinokurov for the offer to do this research. And I will always be grateful to my Hermitage comrades, A. A. Trofimova and N. K. Zhizhina, who included the analyzed Panticapaeum statues in one exhibition project.

For citation:

Savostina, E. A. (2026). Kings and gods of the late hellenistic Bosphorus: attribution of the old one and new sculpture finds in Panticapaeum and surroundings (first quarter of the 21st century). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica-VII, 200–211.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-200-211

Введение

Некоторое время назад в обзоре новостей изучения греческой скульптуры известный антиковед Ш. Диллон написала о свершениях в этой сфере науки, состоявшихся уже в XXI в. [1, р. 223–234]. Обозначив актуальные направления, она отметила замечательные находки,

открытия в исследовании материалов и технологий – полихромии мраморной скульптуры, определении месторождения мраморов (не всегда, как оказалось, связанных с родиной мастера), техники обработки – весьма существенные итоги по сравнению даже с началом века, о чём писала такой корифей, как Бруниль-

да С. Риджвей [2, р. 63–71]. Коснулась Ш. Диллон и осуществлённых выставок. Справедливости ради надо сказать, что и у нас, при известной скромности боспорского скульптурного потенциала, в скульптурной теме первой четверти XXI в. также случались свои радости. Некоторые из них напрямую были связаны с выставочными проектами (2017, 2022 гг.), а совсем недавно (2023) была сделана еще одна удивительная находка. Связанная с нарративной летописью Боспора, его богами и правителями I в. до н.э. [3, с. 231–271], она оживляет эту историю и добавляет выразительности боспорской художественной среде, отличающейся особой оригинальностью даже в античном Северном Причерноморье. Но начнём с исследования прежних находок.

Случайные находки XIX века

В данном разделе речь пойдёт о фрагментах – головах 3 крупных акролитных

статуй. Они представляют собой случайные находки, сделанные в XIX и начале XX в. на территории античного Пантикапея (Керчь) и ныне хранящиеся в Эрмитаже (рис. 1).

А. А. Трофимова в своей недавней работе привела пример перспективной попытки картографирования мест обнаружения находок подобного рода, но наших, к сожалению, среди них не зафиксировано [4, рис. 9]. Ещё несколько лет назад эта скульптура не воспринималась как родственная группа, и каждая из голов рассматривалась вне связи с другими – в контексте того времени и стиля, что на то время были установлены для неё исследователями. Как относящийся к эллинистической эпохе был определён только портретный бюст Митридата¹, по обширной базе аналогий названный авторами исследования «Пергамским» [5, с. 235]. Он действительно воплотил все характерные черты малоазийского стиля

Рис. 1 / Fig. 1. Головы мраморных статуй, найденных в Керчи в XIX в. Справа налево: Митридат Пергамский, Боспорский царь, Голова женской статуи. Экспозиция выставки «В поисках античного Боспора», Государственный Эрмитаж, 2022 г. / Heads of marble statues found in Kerch in the XIX century. From right to left: Mithridates of Pergamon, Bosphorus king, Head of a female statue. Exposition of the exhibition "In Search of the Ancient Bosphorus," State Hermitage Museum, 2022

Источник: фото автора

¹ ГЭ. П.1909-144, высота 38 см.

первых веков до н.э., полного экспрессии, драматизма, героического пафоса. Как и многие произведения того направления, портрет основан на иконографии знаменитых лисипповских изображений Александра Македонского, ставшей эталоном не только для портрета эллинистического правителя – новой темы монументальной скульптуры эллинизма, но и для других персонажей: от родосского образа бога Гелиоса III в. до н.э. и страдающих гигантов фриза Пергамского алтаря II в. до н.э. до изображений друидов и гениев рек. Мир после Александра не просто «стал более игровым», как писал Дж. Поллитт [6, р. 164], он перевернулся основательно, и не только в географическом плане: образ Александра в искусстве, лик человека, вошёл как часть иконографии и правителей, и божеств, и героев.

Персонаж пантикапейского портрета, Митридат VI Евпатор – великий царь Понта, потомок Ахеменидов и македонской династии, борец с Римом за свободу Греции – отождествлял себя с Александром, победителем персов, а также с Гераклом, освободителем Прометея. Наиболее вероятно, что в этом портрете Митридат был представлен именно как Геракл, и затылочная часть его скульптуры дополнялась изображённой в камне львиной шкурой (маской), которую носил мифологический герой [7, с. 204].

История атрибуции двух других голов статуй не настолько очевидна и прямолинейна. Первоначально голова боспорского царя¹ была вообще определена как женская, и только М. И. Ростовцев [8, с. 20, табл. III.1-2] предложил видеть в ней изображение длинноволосого мужчины. По его мнению, такая причёска была свойственна царям на боспорских монетах, начиная от Рескупорида до Савромата I, т. е. уже римского времени – I–II вв. [8, с. 21].

В своё время в исследовании, посвященном этому бюсту, мы предложили

его более раннюю дату – I в. до н.э., и иную атрибуцию: это также царь Митридат VI Евпатор, как и «Пергамский», однако представленный в ином образе [7, с. 189]. Несмотря на различные концепции типа статуи и акценты в построении облика правителя, в этих изваяниях отмечены близкие художественные приёмы и общие эстетические предпочтения [9, с. 178]. Особенности иконографии и художественного решения скульптуры (а здесь есть и черты Александра, и стилистические признаки строгого стиля ранней классики, что наблюдается и в пантикапейском Митридате Пергамском) позволяют думать о варианте классицистической тенденции – не безусловно «пергамском» или «родосском» [10, р. 156], но некоем «малоазийском классицизме» ещё не встречавшейся (или не зафиксированной) разновидности. Судя по подготовке оборотной части головы под металлический головной убор типа восточного колпака, ахеменидской шапки-кирбасии, царь был представлен здесь как Митридат Евпатор Дионис (на Боспоре найден постамент с таким посвящением) в уникальной восточной ипостаси, до сих пор в иконографии царя не отмеченной.

Статуи правителей в античное время, как известно, возводились по многочисленным поводам. История почётных статуй восходит к архаической эпохе, что хорошо засвидетельствовано многочисленными письменными и эпиграфическими источниками. В Малой Азии почётные статуи греческих и эллинизованных сообществ стояли рядом со скульптурами Ахеменидов, члены персидской этнической элиты возводили статуи сами себе – как мавзолеи сатрапа Мавзола в Галикарнассе, а также в Ликии, Лимире со статуей местного династа [11, р. 169]. Без сомнения, существовал и другой контекст: греческие города Малой Азии почитали статуями эллинских полководцев в монументах победы и других случаях. Безусловно, Митридат был взращён в этой традиции, огромное число его

¹ ГЭ. П.1860-20.

изваяний, в т. ч. золотых и серебряных, отмечено в триумфах Лукулла и Помпея¹. В классификации Смита выделены две группы портретов Митридата [12, р. 99, 122], но нужно думать, что фантазия скульпторов на этом не останавливалась и существование ещё одного «восточного» типа, где он мог быть изображен в шапке-кирбасии царственных предков, как бы в уборе бога Митры-Мена, не должно вызывать особых противоречий.

Проблема атрибуции статуи всё ещё находится в дискуссионном поле, она обсуждается и другими коллегами: С. Ю. Сапрыкин предполагает, что это все же Аспург [13, с. 322], т. е. правитель более позднего времени. А. А. Трофимова, соглашаясь с отождествлением скульптуры с Митридатом и общей датой I в. до н.э., считает её портретом царя в образе Митридата-Александра и датирует ок. 30 г. до н.э. [14, с. 71].

Однако наиболее интересно стала выстраиваться вся группа в связи с изучением головы от большой женской статуи, также случайной находки из Пантикапея². Впервые она была опубликована ещё А. Б. Ашиком [15, рис. CVI] и с тех пор не привлекала специального внимания исследователей. В документации музея скульптура значится как произведение строгого стиля, а в каталоге недавней выставки³, напротив, обозначена как римская копия греческого оригинала конца V – первой половины IV вв. до н.э. [16, с. 276, кат. 142]. Однако её своеобразные стилистические черты и многочисленные совпадения с иными произведениями греческой пластики, обнаруженными в Пантикапее, позволили усомниться в окончательности такого определения.

После выставки в ГМИИ 2017 г. на неё было обращено особое внимание из-за явного сходства художественных особенностей и отдельных элементов с изображением Митридата Восточного (рис. 2).

Рис. 2 / Fig. 2. Голова царя Боспора и голова женской статуи/богини из собрания Государственного Эрмитажа / The head of King Bosphorus and the head of a female statue/goddess from the collection of the State Hermitage Museum

Источник: фото ГЭ

Результат исследования превзошёл все ожидания: сейчас уже можно говорить о том, что эти памятники не только принадлежат одному кругу, но 2 из них – сделаны одним мастером. Так в XXI в. разрозненные находки XIX в. объединились...

Голова статуи (высота 44 см) с высоким широким лицом опирается на прямую монументальную шею. Судя по правой стороне изваяния, обрамлявшие лицо волосы, не зачёсываясь наверх, собирались низко на затылке (рис. 3). В их широких волнистых прядях, частично сохранившихся на левой стороне, просверлены цилиндрические углубления для металлических вставок, как в декоре мраморных голов статуй богини, в т. ч. Афины⁴ и боспорского царя, найденных в Пантикапее⁵ [16, с. 277].

Совершенно очевидно, что и другие характерные элементы этого женского изваяния уже встречались в портрете боспорского царя [7, с. 189]. Поверхность глазных яблок, обрамлённых верхним и нижним веками, слегка выпуклая и име-

¹ Plut. *Luc.*, 37; App. *Mithr.*, 116; Plin. *NH*, 33, 151

² ГЭ. ПАН.740.

³ ГМИИ 2017.

⁴ ГМИИ. М-1526, высота – 44,5 см.

⁵ ГЭ. П.1860-20, высота – 42 см.

Рис. 3 / Fig. 3. Голова женской статуи из собрания Государственного Эрмитажа / The head of a female statue from the collection of the State Hermitage Museum

Источник: фото ГЭ

ет наклон, обусловленный точкой обзора скульптуры. В статуе женщины сохранились следы росписи глаза [17, р. 177, Abb. 6]. Несомненна общность схемы построения голов статуй, их монументальность, техника обработки мрамора наряду с характером декоративных элементов. Однородность системного подхода к созданию скульптурного образа и трактовке деталей была понятна уже при первом впечатлении. Однако более подробно удалось рассмотреть эти памятники, зрительно сопоставить и сделать уточняющие заключения только в следующем выставочном проекте – «В поисках античного Боспора»¹, где эти 3 головы были показаны вместе (рис. 1). Обратные стороны голов статуй царя и женщины также построены по единому прин-

ципу: они не завершены пластически и подготовлены под накладку (рис. 4).

Несмотря на сильные утраты, сколы и следы воздействия огня [16, с. 276], оборот головы женской статуи сохранил признаки первоначальной обработки, по которым определяется орудие типа зубила [18, р. 251]. Особенно хорошо они заметны на макушке и шее. По границе волос отмечены редкие углубления, сделанные буровом (вероятно, для крепления головного убора). Более частые углубления просверлены на полоске волос – нередко это делалось для крепления металлических, обычно бронзовых, но иногда свинцовых прядей. Как считается, благодаря пластичности металла так было легче изобразить что-то в более реалистичной манере, включая волосы, украшения, детали вооружения [19, р. 679]. По оставшемуся фрагменту можно понять, что в целом схема расположения углублений похожа на ту, что мы видим на голове статуи боспорского царя. Так же, как у него, поверхность головы женской статуи подготовлена под накладку, но, судя по усечённой форме затылка, она имела иной характер, о котором трудно сейчас судить.

Подчеркнём ещё раз: впечатляющее сходство 2 рассмотренных статуй, как общей структуры построения, так материала и характерных элементов, не оставляет сомнения в их родстве и принадлежности одному мастеру.

В ходе исследования были рассмотрены различные варианты предназначения статуй и их сочетаемости в группе – типа диптиха, в котором эллинистический правитель и его супруга были представлены в образах различных божеств, не обязательно парных [20, р. 207–209]. Однако визуальное сопоставление памятников показало разновеликость их масштабов: голова женской статуи оказалась крупнее. Более выраженная моделировка оживляет и одухотворяет её лицо, что особенно заметно по контрасту с изваянием царя. В случае, если эти

¹ ГЭ, 2022.

Рис. 4 / Fig. 4. Обратная сторона головы статуи царя и головы женской статуи / The reverse side of the head of the statue of the king and the head of the female statue

Источник: фото автора

статуи стояли рядом, статуя женщины, в соответствии с её масштабом, бесспорно, представляла богиню. Но и без обстоятельства места ничто не препятствует такому предположению. Кто она, эта богиня, остаётся вопросом.

Ещё одну идеологически значимую скульптурную пару богини и Митридата Пергамского могла составлять статуя Афины, голова которой найдена в 1989 г., она была переработана примерно в то же время и такими же штрихами, как и статуя Митридата в образе Геракла [9, с. 185].

Завершая обзор обретающих новую контекстуальную жизнь давних пантикапейских находок, можно предполагать, что эти произведения позднеэллинистического искусства связаны со временем и личностью Митридата VI Евпатора. В то же время их иконография, стиль и декор есть не правило, существовавшее в искусстве того времени, а выбор, обусловленный не только художественными и эстетическими предпочтениями, но определившийся историческими условиями.

Напомним, что Митридат VI Евпатор, из династии Ахеменидов, перс и эллин

по происхождению¹, родился ок. 136 г. до н.э., вёл 3 войны с Римом за свободу эллинского мира с такими великими полководцами, как Сулла и Помпей. Царь Понта (120–63 гг. до н.э.) он стал и правителем Боспора (108 г. до н.э.) и дважды был здесь. Последний раз он вернулся сюда в 66 г., но в 63 г. до н.э. его сын Фарнак вместе с римскими войсками составил заговор, восстали Херсонес, Феодосия и Нимфей. Римские перебежчики и матросы провозгласили Фарнака царём. На глазах Митридата солдаты вынесли из храма стель и увенчали им Фарнака вместо диадемы. Митридат, увидев это, покончил с собой.

О новой скульптурной находке

В 2023 г. недалеко от Керчи (античное городище Артезиан) были найдены остатки дорического храма с надписью-посвящением сына Митридата Фарнака Зевсу Генарху и Сотеру, поставленного в знак одержанной им большой победы [3, с. 231–271]. Со временем комплекс

¹ App. *Mithr.*, 112–118.

перестал существовать, и многие его фрагменты стали забутовкой многочисленных глубоких ям на том же участке территории. В одной из них в 2023 г. была найдена мраморная голова крупной статуи бородатого мужчины (рис. 5) – довольно сильно оббитая, но все же весьма выразительная [21, с. 206]. В другой – мраморные детали с изображением складок одеяния; наконец, в 2024 г. – часть торса, фрагмент левой руки (плечо), многочисленные неясные пока осколки и палец левой кисти руки, определяемые нами как фрагменты посвятившей статуи Зевса. Ныне все фрагменты хранятся в Лапидарии Керченского историко-археологического музея¹.

Рис. 5 / Fig. 5. Голова статуи Зевса, вероятно, из храма Зевса Генарха и Сотера, I в. до н.э. / The head of the statue of Zeus is probably from the temple of Zeus Genarch and Soter, 1st century BC

Источник: фото Артезианской экспедиции Н. И. Винокурова

Голова статуи, выполненная из белого мелкозернистого мрамора с тонкими серыми прожилками, представляет мужчину средних лет, с пышной причёской и бородой. Верхняя поверхность головы срезана с понижающимся к затылку наклоном, имеет плоскую, слегка рифленую поверхность и подготовлена для

крепления завершающего конструктивного элемента (систематично расположены углубления, вероятно, контактные направляющие насадки). Пластически показанные волнистые волосы, обрамляющие лицо, у корней надо лбом удерживаются широкой повязкой, её продолжение скрыто под локонами и дальше не прослеживается. Скульптурно исполнена лишь передняя часть причёски, причем правая сторона её, как и бороды, более пышная, объёмная и проработана тщательнее, чем левая, на которой выявлены следы пигмента.оборот трактован суммарно, сохраняя общую форму головы и нижнюю границу полудлинных волос. Возможно, он подготовлен под покрытие стуком (формованная из глины наклад-ка), следов крепления головного убора не установлено. Борода и пряди волос высечены с помощью различных инструментов, но большую роль здесь играет бурав.

Лицо статуи с крупными чертами имеет гладкую поверхность (со следами пигмента на лбу, в прядях волос и бороде)² и моделировано весьма своеобразно: объёмные щёки и особенно мышцы лба подчеркнута напряжены, мастер сосредоточился на лобных буграх («мышца внимания»). Выпуклости лба контрастируют с острыми и линейными краями надбровных дуг. Поверхность от бровей к верхнему веку (надглазье) довольно плоская и служит фоном изображения глаз с рельефным выпуклым зрачком. Немаловажно, что в чертах лица наблюдается явная асимметрия, наиболее понятная по наклону линии бровей, что говорит об ориентации изображения на определенную точку обзора. Наряду с упомянутыми отличиями в трактовке левой и правой сторон это позволяет судить о лёгком повороте и наклоне головы статуи влево.

Исследование получило новый импульс благодаря находке в 2024 г. фрагмен-

² Жёлтая темная охра в углублении локонов. Красный пигмент в пряди бороды. Лицо – охра жёлтая, более светлая. Лабораторные исследования выполнены Н. Л. Кучеревской [21, с. 211].

¹ Инв. КЛ-3161, выс. фрагмента 29, 1 см.

та мраморного торса. На верхней части фрагмента статуи сохранилась рабочая поверхность, срезанная под сильным наклоном от лицевой плоскости к спине. Посреди неё вырезан прямоугольный паз для соединения с верхней частью фигуры.

Верхняя часть торса была обнажена – сохранился только живот, нижняя задрапирована плащом. Скрученная часть ткани плаща проходит на бедрах справа налево, под пупком, свободный конец с грузиком-утяжелителем спускается слева волнистой фалдой на фоне плоскостной ткани плаща, показанной складками более схематичными и упрощенными. Путем подбора нескольких фрагментов таких «складок» на одном участке изваяния удалось как бы продолжить длину плаща и восстановить сохранившуюся высоту всего фрагмента до 70 см.

Уточнению реконструируемого облика статуи стоящего мужчины поспособствовали ещё 2 значимых фрагмента: часть обнажённой левой руки (плечо) с рельефной проработкой сосудов¹ и кисть левой руки с большим пальцем, лежащим поверх собранной ткани. Таким образом, можно полагать, что найденные фрагменты принадлежат крупной (ростовой) статуе стоящего бородатого мужчины. Голова его слегка наклонена и повернута влево. Торс обнажён, нижняя часть фигуры задрапирована плащом, конец которого спускается у левого бедра. Кисть левой руки мужчины лежала на скрученном плаще (большой палец на «скатке»), соответственно, рука была согнута в локте и от плеча до локтя обнажена. Статуя устанавливалась близко к фону (стене?) и была составлена из нескольких частей, включая конструкцию головы. Её общий вид дополнялся полихромной росписью.

Стиль скульптуры, материал и археологический контекст позволяют отнести её к работе малоазийских мастерских I в. до н. э., ко времени Митридата и Фарнака, не вполне прояснённого не только в

историческом, но и в художественном плане. Уникальность и значимость находки, помимо непосредственной связи с храмовым комплексом, усиливается необычными приемами, которые использовал мастер в своей работе. В этом смысле новая статуя близка серии скульптур, выявленных среди разрозненных антикапейских находок XIX в., о которых мы говорили выше. Связанные не только со временем, но и с именем Митридата Евпатора, они не принадлежат к известным центрам типа пергамского или родосского, хотя их приверженность художественным принципам эллинистического классицизма и происхождение из Малой Азии несомненны.

С третьей четверти II в. до н. э. начинается интенсивное знакомство с классической скульптурой, появляется теоретическая концепция смешения старых «образцовых» и новых форм. Этот феномен трактуют не только как «возвращение к прошлому», но и как его продолжение [22, р. 327]. Пергам стал безусловным первопроходцем в этом процессе, но были и другие центры и мастерские, и с некоторыми из них – вероятно, связанными с происхождением понтийских царей Боспора – Митридата и Фарнака, было связано и происхождение наших скульптур.

Заключение

Исследования развития античной цивилизации на периферии эллинского мира, такой, каким были Северное Причерноморье и Боспор с его непростым составом населения и удаленностью от мировых центров культуры, нередко даёт ответы на те вопросы, которые возникают по поводу деятельности самих этих центров. Подводя итоги данного исследования, можно еще раз в этом убедиться.

Мы рассмотрели фрагменты нескольких статуй – головы акролитных скульптур, и установили их связь с культовыми практиками. В эллинизме статуи богам и правителям ставили и правители для на-

¹ Сохр. длина руки – 13 см.

рода, и народ, почитающий правителей. Это была норма и более раннего времени, но в эллинизме тенденция усилилась. Короткий исторический период между возвышением Пергама (281 г. до н.э.) и завоеванием Римом всего Средиземноморья был отмечен особым поворотом в искусстве, направленным на пропаганду династического права монархии [10, р. 156]. На эллинистическом этапе были возможны разнообразные стили, наполнявшие художественное пространство городов, но со II в. до н.э. и на Родосе, и в Пергаме доминировали классицистические тенденции [10, р. 162].

В последнее время исследователи обсуждают положение о том, что модель

развития скульптуры, предполагавшая линии непрерывного развития, оказалась недостаточной для объяснения сложностей греческого скульптурного производства [1, р. 232]. Со всей очевидностью данный тезис могут не только подтвердить, но и дополнить как пантикапейские произведения «малоазиатского классицизма», так и новый памятник из Артезиана. Более того, они демонстрируют определенную совокупность, связанную с историческими условиями – с правлением на Боспоре понтийских царей, а также выявляют культурные и эстетические предпочтения последних, повлекшие выбор малоазиатских мастерских для исполнения заказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dillon S. Approaches to the Study of Greek Sculpture // *The Diversity of Classical Archaeology*. 2017. Vol. 1. P. 223–234.
2. Ridgway B. S. The Study of Greek Sculpture in the Twenty-First Century // *Proceeding of the American Philosophical Society*. 2005. Iss. 149. P. 63–71.
3. Винокуров Н. И., Яйленко В. П. Храм Зевса Генарха с посвянительной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2024. Вып. 4. С. 231–271.
4. Трофимова А. А. Боспорский портрет – феномен, функция, контекст // В поисках античного Боспора. К 150-летию М. И. Ростовцева: каталог выставки. СПб., 2024. С. 168–187.
5. Неверов О. Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // *Советская археология*. 1968. № 1. С. 235–238.
6. Pollitt J. J. *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 329 p.
7. Савостина Е. А. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь – Керчь: АДФ-Украина, 2012. 392 с.
8. Ростовцев М. И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // *ИАК*. 1913. № 49. С. 14–15.
9. Савостина Е. А. Голова женской статуи из собрания Эрмитажа: мастера и традиции эллинистического классицизма в Пантикапее // *Памятники культуры. Новые открытия*. М.: РАН, 2024. С. 174–186.
10. Bairami K. Rhodes and Pergamon: Affinities in large-scale sculpture // *Pergamon als zentrum der hellenistischen kunst. Bedeutung, eigenheiten & ausstrahlung*. Berlin: Michael Imhof verlag, 2015. P. 156–164.
11. Ma J. The History of Hellenistic Honorific Statues // *Epigraphical Approaches to the Post-Classical Polis*. 2012. P. 165–180.
12. Smith R. R. *Hellenistic Sculpture*. London: Thames&Hudson, 1991. 287 p.
13. Сапрыкин С. Ю. Митридат Евпатор или Аспург? К идентификации портрета царя из Пантикапея // *Древности Боспора*. Т. 18. М., 2014. С. 308–324.
14. Трофимова А. А. Царский портрет на Боспоре: хронология, типология, специфика // *Элита Боспора и боспорская элитарная культура: мат-лы конф.* СПб., 2016. С. 68–74.
15. Ашик А. Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1–3. Одесса: тип. Т. Неймана и К°, 1848–1849.
16. Жижина Н., Захляпин Б. Фрагментированная голова от большой женской статуи. Кат. 142 // *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М., 2017. С. 276–277.

17. Blume C. Zur Polychromie pergamenischer Plastik. Vom Attalos-Porträt zur "Athena mit der Kreuzbandägis" // *Pergamon als zentrum der hellenistischen kunst. Bedeutung, eigenheiten & ausstrahlung*. Berlin: Michael Imhof verlag, 2015. P. 135–143.
18. Palagia O. *Marble Carving Techniques // Greek Sculpture: Function, Materials and Techniques in the Archaic and Classical Periods* / ed. by O. Palagia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 243–279.
19. Jacob R. *Piecing, Attachments, Repairs // Handbook of Greek Sculpture.* / ed. by O. Palagia. Vol. 1. Berlin-Boston, 2019. P. 657–689.
20. Queyrel F. *The Portraits of the Ptolemies // Handbook of Greek Sculpture* / ed. by O. Palagia. Vol. 1. Berlin-Boston, 2019. P. 194–224.
21. Савостина Е. А., Винокуров Н. И., Кучеревская Н. Л. Статуя храма крепости Артезиан: реконструкция облика, техника и идентификация // XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: мат-лы конф. М.: Индрик, 2025. С. 206–213.
22. Niemeier J.-P. *Pergamon und der hellenistische Klassizismus // Pergamon: Panorama der antiken Metropole: Begleitbuch zur Ausstellung* / hg. von R. Grüßinger, V. Kästner und A. Scholl, Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin. (Ausstellung der Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin im Pergamonmuseum, Museumsinsel Berlin 30.9.2011–30.9.2012). Berlin: Michael Imhof Verlag, 2011. S. 327–333.

REFERENCES

1. Dillon, S. (2017). Approaches to the Study of Greek Sculpture. In: *The Diversity of Classical Archaeology*, 1, 223–234.
2. Ridgway, B. S. (2005). The Study of Greek Sculpture in the Twenty-First Century. In: *Proceeding of the American Philosophical Society*, 149, 63–71.
3. Vinokurov, N. I. & Yaylenko, V. P. (2024). Temple of Zeus the Genarch with a dedicatory inscription of Tsar Farnak on the settlement of Artezian in the Crimean Sea of Azov. In: *Problems of history, philology, culture*, 4, 231–271 (in Russ.).
4. Trofimova, A. A. (2024). Bosphorus portrait – phenomenon, function, context. In: *In search of the ancient Bosphorus. To the 150th anniversary of M. I. Rostovtsev: exhibition catalog*. St. Petersburg, 168–187 (in Russ.).
5. Neverov, O. Ya. (1968). Mithridates Eupator and signet seals from Panticapaeum. In: *Soviet archeology*, 1, 235–238 (in Russ.).
6. Pollitt, J. J. J. (1986). *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Savostina, E. A. (2012). *Hellas and Bosphorus. Greek sculpture on North Pontus*. Simferopol – Kerch: ADEF-Ukraine (in Russ.).
8. Rostovtsev, M. I. (1913). Ideas about monarchical power in Scythia and the Bosphorus. In: *IAC*, 49, 14–15 (in Russ.).
9. Savostina, E. A. (2024). Head of a female statue from the Hermitage collection: masters and traditions of Hellenistic classicism in Panticapaeum. In: *Cultural monuments. New discoveries*. Moscow: RAS Publ., 174–186 (in Russ.).
10. Bairami, K. (2015). Rhodes and Pergamon: Affinities in large-scale sculpture. In: *Pergamon als zentrum der hellenistischen kunst. Bedeutung, eigenheiten & ausstrahlung*. Berlin: Michael Imhof verlag, 156–164.
11. Ma, J. (2012). The History of Hellenistic Honorific Statues. In: *Epigraphical Approaches to the Post-Classical Polis*, 165–180.
12. Smith, R. R. R. (1991). *Hellenistic Sculpture*. London: Thames&Hudson.
13. Saprykin, S. Yu. (2014). Mithridates Eupator or Aspurg? To the identification of the portrait of the king from Panticapaeum. In: *Antiquities of the Bosphorus. Vol. 18*. Moscow, 308–324 (in Russ.).
14. Trofimova, A. A. (2016). Tsarsky portrait on the Bosphorus: chronology, typology, specificity. In: *Bosphorus elite and Bosphorus elite culture*. St. Petersburg, 68–74 (in Russ.).
15. Ashik, A. B. (1848–1849). *Vosporsky kingdom with its paleographic and tombstone monuments, painted vases, plans, maps and views. Part 1-3*. Odessa: type T. Neumann & Co. (in Russ.).
16. Zhizhina, N. & Zashlyapin, B. (2017). Fragmented head from a large female statue. Cat. 142. In: *Panticapaeum and Fanagoria. Two capitals of the Bosphorus kingdom*. Moscow, 276–277 (in Russ.).

17. Blume C. (2015). Zur Polychromie pergamenischer Plastik. Vom Attalos-Porträt zur "Athena mit der Kreuzbandägis". In: *Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten & Ausstrahlung*. Berlin: Michael Imhof Verlag, 135–143.
18. Palagia O. Marble Carving Techniques. In: Palagia, O., ed. *Greek Sculpture: Function, Materials and Techniques in the Archaic and Classical Periods*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 243–279.
19. Jacob R. (2019). Piecing, Attachments, Repairs. In: Palagia, O., ed. *Handbook of Greek Sculpture. Vol. 1*. Berlin-Boston, 657–689.
20. Queyrel F. (2019). The Portraits of the Ptolemies. In: Palagia, O., ed. *Handbook of Greek Sculpture. Vol. 1*. Berlin-Boston, 194–224.
21. Savostina, E. A., Vinokurov, N. I. & Kucherevskaya, N. L. (2025). Statue of the temple of the fortress Artesian: reconstruction of the appearance, technique and identification. In: *XXVI Bosporus readings. Northern Black Sea region in the era of antiquity and the Middle Ages. Archaeology. History. Art. Greeks are barbarians: contacts and conflicts*. Moscow: Indrik Publ., 206–213 (in Russ.).
22. Niemeier J.-P. (2011). Pergamon und der hellenistische Klassizismus. In: Grüfing, R., Kästner, V. & Scholl, A. *Pergamon: Panorama der antiken Metropole: Begleitbuch zur Ausstellung. Antikensammlung der Staatlichen Museen zu Berlin*. Berlin: Michael Imhof Verlag, 327–333.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савостина Елена Анатольевна (г. Москва) – доктор искусствоведения, профессор, кафедра теории и истории искусств факультета теории и истории искусств Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова при Российской академии художеств; e-mail: esav@yandex.ru; ORCID: 0009-0000

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savostina Elena Anatolyevna (Moscow) – Dr. Sci. (Art History), Prof., Department of Theory and History of Art, Faculty of Theory and History of Art, Surikov Moscow State Academic Art Institute at the Russian Academy of Arts; e-mail: esav@yandex.ru; ORCID: 0009-0000

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Научная статья

УДК 930.1

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-212-219

ПАМЯТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА Г. А. СТРАТАНОВСКОГО (1901–1986)

Нефёдкин А. К.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Российская Федерация

e-mail: centmilhist@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2025

После доработки 27.12.2025

Принята к публикации 14.01.2025

Аннотация

Цель. Представить биографию и научное творчество Г. А. Стратановского.

Процедура и методы. Биографический анализ.

Результаты. Показан жизненный путь и представлены основные научные работы Г. А. Стратановского.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введена в научный оборот информации о жизни и научной деятельности филолога-классика Г. А. Стратановского.

Ключевые слова: биография, классические языки, перевод, Г. А. Стратановский

Для цитирования:

Нефёдкин А. К. Памяти ленинградского переводчика Г. А. Стратановского (1901-1986) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 212–219.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-212-219

Original research article

IN MEMORY OF THE LENINGRAD TRANSLATOR G. A. STRATANOVSKY (1901–1986)

A. Nefedkin

*Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russian Federation
e-mail: centmilhist@yandex.ru*

Received 02.12.2025

Revised 27.12.2025

Accepted 14.01.2025

Abstract

Aim. To present the biography and academic works of Georgy A. Stratanovsky.

Methodology. Biographical analysis.

Results. The life of G. A. Stratanovsky is shown and his main academic works are presented in this article.

Research Implications. Information about the life and academic activity of the classical philologist G. A. Stratanovsky has been introduced into academic circulation.

Keywords: biography, classical languages, translation, G. A. Stratanovsky

For citation:

Nefedkin, A. K. (2026). In memory of the Leningrad translator G. A. Stratanovsky (1901-1986). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 212–219.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-212-219

Введение

Имя Георгия Андреевича Стратановского¹ (далее – Г. А.) хорошо известно не только специалистам, но и любителям древней литературы и античной культуры. В советское время его трудами на русский язык был переведён ряд основных греческих литературных источников, а также латинских авторов более позднего времени. При этом весьма странным выглядит тот факт, что этому антиковеду посвящена лишь пара небольших заме-

ток [1; 2]. В 2026 г. исполняется 125 лет со дня рождения Г. А. и 40 лет со дня его кончины, это повод вспомнить ещё раз этого переводчика, внёсшего значимый вклад в отечественную науку об античности.

Биография

Георгий Стратановский родился 8 (21) мая 1901 г. в Санкт-Петербурге в семье личного почётного гражданина, выходца из духовного сословия (псаломщика) с. Долотского Устюжского уезда Новгородской губернии Андрея Васильевича Стратановского (1838–1922) и его супруги Натальи Стефановны (Степановны) урожденной Смирновой (ум. 1910). Андрей Васильевич работал конторщиком на фабрике экипажей братьев Яковлевых, а позднее был управляющим их

¹ Биографические данные взяты из личных дел Г. А. Стратановского в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга [ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 42. Д. 694 (ассистент Педагогического института им. А. И. Герцена, 1944 г.); Ф. 7240. Оп. 4. Д. 1512. 37 (дело студента, 1920-1925 гг.); Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1634 (защита кандидатской диссертации в ЛГУ, 1941 г.)] и из устных воспоминаний его сына С. Г. Стратановского (1944 г. р.).

Фото 1 / Photo 1. Г. А. Стратановский (1917 г.) / G. A. Stratanovsky (1917).

Источник: личный архив С. Г. Стратановского

домами в Санкт-Петербурге. В 1919 г. он переехал к брату в Новгородскую губернию, где и скончался в возрасте 84 лет.

Георгий Андреевич пошёл учиться в 12-ю петербургскую гимназию, где проходил курс обучения с августа 1911 г. по июнь 1918 г. Будучи гимназистом, он играл в модный тогда футбол, стоял на воротах, позднее также увлекался классической русской литературой и немного – живописью. Во взрослом возрасте любил греблю на лодке, хотя и боялся воды, после того, как в детстве чуть не утонул. Очевидно, в то время Г. А. ещё серьёзно не увлекался изучением языков: в аттестате гимназии по латинскому и немецкому языкам стояла оценка «3», правда по французскому – «5». Также «на отлично» Г. А. сдал философский пропедевтик, географию и законоведение. Однако уже вскоре проявилась склонность Г. А. к классическим языкам. Так, древнегрече-

ский язык, который не стоял в учебной программе гимназии, Г. А. выучил самостоятельно.

Несмотря на явную склонность к гуманитарным наукам, Г. А., видимо, по настоянию родителей, поступил в Технологический институт и через год бросил. В сентябре 1920 г. после письменной проверки его филологических знаний известным антиковедом С. А. Жебелёвым (1867–1941), он поступил на историческое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, без командировки (направления) от организации, с которой обычно поступали учиться. Г. А. сдал в приёмную комиссию лишь копии с метрического свидетельства о рождении, личной карточки о военном учёте, выписку из домового книги и 2 фотокарточки. Именно академика С. А. Жебелева Г. А. всю жизнь считал своим основным научным учителем. От существовавшей тогда оплаты за обучение в 50 руб. Г. А. был освобождён как находящийся на иждивении своей тётки, служившей курьером военкомата, Любови Васильевны Стратановской, у которой он проживал с сестрой на квартире, по адресу проспект 25 Октября (Невский), д. 112.

Судя по студенческому матрикулу (зачётке), студент Г. А. Стратановский прошёл 22 дисциплины, включая 4 обществоведческие, 3 педагогические, 3 исторические и 2 лингвистические, остальные – филологические антиковедческие. Он также получил зачёты по 4 специальным семинарам: по чтению греческих текстов Антифона и Еврипида (преподаватель И. И. Толстой), латинского автора Колумелла (А. И. Малейн) и греческой эпиграфике (С. Я. Лурье). Из необязательных дисциплин им была выбрана физика¹. В общем-то, ясно, что подобное образование было фактически продолжением дореволюционного филологического.

¹ [ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 4. Д. 1512. Л. 2-2об.; Оп. 12. Д. 1634. Л. 4-4об.].

В сентябре 1925 г. Г. А. окончил секцию культур и языков древнего мира отделения языкознания и литературы факультета общественных наук ЛГУ, написав выпускную работу под руководством И. И. Толстого «Орфические золотые таблички VI века из Южной Италии» и получив квалификацию преподавателя древних языков и истории древнего мира. За успешную учёбу Г. А. был рекомендован для подготовки к научной работе в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при университете, где состоял аспирантом (1926). Ведь Г. А., кроме классических языков, тогда уже читал и на 3 основных европейских языках: немецком, французском и английском.

Параллельно с учёбой в университете Г. А. начал и свою трудовую деятельность: в 1918–1921 и в 1922–1925 гг. он работал контролёром и инспектором Рабоче-крестьянской инспекции по ревизии Петроградской коммуны. В 1920–1921 гг. служил канцеляристом в Институте живых восточных языков. В те же 1920–1921 гг. работал по ликвидации неграмотности и организации библиотеки в селе (Долотском?) Устюжского уезда Новгородской губернии. Тогда же он собирал пожертвования для голодающих в Поволжье.

В декабре 1920 г. Г. А. был признан непригодным к военной службе по состоянию здоровья и отправлен в запас с зачислением переводчиком в Куйбышевский военкомат. Вплоть до августа 1922 г. Г. А. лечился от туберкулёза. Осенью 1921 г. он был в первый раз арестован, поскольку жил в квартире с задержанным тогда эсером и подозревался в участии в контрреволюционной организации. В заключении он находился в Доме предварительного заключения на Шпалерной улице, но вскоре был отпущен как непричастный к делу. По его словам, он видел на стене камеры предсмертную надпись поэта Н. С. Гумилёва.

После окончания ЛГУ в 1925–1935 гг. Г. А. трудился корректором, а затем ре-

дактором в издательстве Академии наук СССР. Затем, с 1 сентября 1935 г., перешёл учиться в аспирантуру недавно открывшегося исторического факультета ЛГУ, где в ноябре того же года был зачислен заведующим кабинетом древнего мира с небольшой зарплатой 200 руб. в месяц. В круг его должностных обязанностей входило проведение консультаций для студентов, выдача наглядных пособий, заказ необходимой литературы, устройство выставок, запись на семинары, регистрация курсовых работ. Как и другие универсанты, Г. А. должен был вести общественную работу: с 1936 г. он являлся профоргом кафедры и читал лекции по поручению общественных организаций ЛГУ.

Учёбу и работу в университете прервал его второй арест 15 января 1938 г. по так называемому «Делу молодёжной меньшевистской организации» или, как его стали именовать, «Делу античного кружка». По нему были арестованы студенты и аспиранты ЛГУ, посещавшие кружок при кафедре истории древнего мира истфака. Во время следствия Г. А. находился в одной камере с поэтом Н. А. Заболоцким и филологом-классиком А. И. Пиотровским, а потом отправлен в Уссольлаг в Соликамск.

Во время так называемой «Бериевской оттепели» из-за жалоб самих обвиняемых и их родственников приговор (5 лет исправительно-трудовых лагерей) был отменён, и Г. А. был восстановлен на 3-м курсе аспирантуры. С 1 декабря 1939 г. его научным руководителем был И. М. Тронский (С. А. Жебелев уже не работал в ЛГУ), но уже в январе 1940 г. по личному заявлению Г. А. был отчислен из аспирантуры с того же 1 декабря.

Тем не менее Г. А. продолжал трудиться над своей кандидатской диссертацией по истории «Подвиги Августа (*Res gestae divi Augusti*): Официальное обоснование принципата». Эту работу он писал под руководством С. И. Жебелева. За 4 дня до начала войны, 18 июня 1941 г., выполнив все формальности и сдав кандидатский

минимум, Г. А. защитил диссертацию в учёном совете историческом факультете ЛГУ. Диссертация состояла из введения, трёх глав и заключения. Через 2 дня, 20 июня, учёный совет ЛГУ утвердил решение факультетского совета. Во «Введении» диссертации Г. А. описывал данный эпиграфический памятник, рассматривал историографию и отмечал, что образ Августа в надписи восходит к эллинистическим образцам. В первой главе разбирался идеал государственного деятеля в Риме, образ идеального гражданина. В следующей главе Г. А. обсуждает литературный характер текста, восходящий к эллинистическим образцам, прославлявшим «царя-героя». В последней главе исследуется отражения официальной идеологии принципата и его обоснование как продолжение республиканских традиций.

Оппоненты диссертации – историк С. Я. Лурье и филолог И. М. Тронский – дали положительные отзывы на работу. 11 июня 1941 г. И. М. Тронский писал: диссертация «представляет собою исследование историко-филологического типа; автору удалось значительно продвинуть вперёд выбранную им проблему; благодаря широкому привлечению вне-эпиграфического материала, несколько оставленного в тени предшествующими исследователями. Опираясь на многочисленные тексты – исторические, философские, литературные, – тов. Стратановский приходит к прочно обоснованным выводам о характере памятника... В целом, диссертация могла быть составлена только исследователем, в полной мере владеющим обширным и разветвлённым материалом обеих античных литератур и методами исследования античных текстов... Тов. Стратановский показал себя вполне самостоятельным исследователем, умеющим отыскивать новые моменты в казалось бы много раз исследованных памятниках и делать научно-ценные выводы из своих наблюдений»¹.

Наряду с работой над диссертацией Г. А. продолжал трудиться: в 1940–1941 гг. он был ассистентом на кафедре истории Греции и Рима истфака ЛГУ, проводя занятия по древним языкам; с сентября 1940 г. стал ассистентом кафедры классической филологии ЛГУ на полуторном окладе в 750 руб.; в октябре 1940 – августе 1941 г. и с 1944 г. также работал ассистентом кафедры древних языков Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (ЛГПИ).

С началом Великой Отечественной войны Г. А. не эвакуировался с Ленинградским университетом в Саратов в феврале-марте 1942 г., видимо, из-за того, что ухаживал за своей болевшей женой Марией Петровной Стратановской (1897–1942), которая скончалась в апреле. Он уехал из Ленинграда лишь в июне 1942 г. и с началом 1942/1943 учебного года приступил к работе в Саратове как доцент филфака ЛГУ, преподавая древние языки и античную историю на истфаке.

В декабре 1942 г. в дом, где проживал в Ленинграде Г. А., по адресу пр. 25 Октября (Невский), д. 112, попала бомба и снесла крышу. Обширной библиотеке, состоявшей из 2000 томов, грозила гибель от сырости. Сам ректор ЛГУ А. А. Вознесенский озаботился данной проблемой. В результате в квартиру был поселён жилец, который должен был протапливать помещение².

В 1942–1953 гг. Г. А. работал на кафедре классической филологии филологического факультета ЛГУ. В 1945–1946 гг. учился в докторантуре в Институте литературы, откуда был отчислен в связи с поездкой в Германию, где отбирал трофейную литературу. В 1953 г. он вынужден был уволиться с филфака ЛГУ. Позднее Г. А. преподавал латынь в Медицинском техникуме (сейчас Санкт-Петербургский медико-технический колледж), а в 1970-х гг. – на филологическом факультете ЛГПИ, числясь за отсутстви-

¹ [ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1634. Л. 16-17].

² [ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 717. Л. 146, 178].

ем штатной единицы по инженерно-хозяйственной части. Также он репетиторствовал школьникам и студентам, обучая их древним языкам.

Работы переводчика

Основная и практически единственная область научной деятельности Г. А. – это переводы с классических языков. Ещё на рубеже 1930-х-1940-х гг. он участвовал в коллективной работе кафедры истории Греции и Рима ЛГУ по переводу избранных биографий Плутарха¹, предназначенной для семинарских занятий студентов. Г. А., в частности, перевел биографию Цезаря (совместно с аспирантом К. П. Лампсаковым)², позднее (в 1963 г.) был издан и его перевод биография Помпея³. Также ещё до войны Г. А. перевел трактат «отца ботаники» Феофраста «О причине растений», рукопись которого была потеряна. Кроме того, не найден текст, написанного в то же время «Очерка греческого земледелия по Феофрасту и “Геопоникам”».

С уходом на пенсию в 1960-е гг. Г. А. полностью посвятил себя переводам с классических языков, активно сотрудничая, в первую очередь, с издательством «Наука», где он до войны работал. С древнегреческого языка он перевел «Географию»⁴ Страбона (1964), «Историю»⁵ Геродота (1972) и Фукидида⁶ (1981), «Характеры» Феофраста⁷ (1974);

первые 4 книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского⁸, переведенные в начале 1980-х гг., были изданы лишь в 2021 г. Пока остаётся неизданной «Иудейская война» Иосифа Флавия, принятая к публикации в издательстве «Наука», но не опубликованная по политическим причинам, из-за войны 1967 г. на Ближнем Востоке. Это сочинение Г. А. перевёл в первой половине 1960-х гг. и лишь в июне 2025 г. оно было поставлено в план петербургского издательства «Евразия».

Занимался Г. А. и переводами с латыни средневековых и новолатинских авторов. Так, он перевёл трактат «О твердом»⁹ датского геолога XVII в. Николая Стенона (1957), «Грюнвальдскую битву»¹⁰ польского хрониста XV в. Яна Длугоша (1962), «Песни о предательстве Гвенона»¹¹ из цикла поэзии о Роланде (1964), «Об искусстве риторическом»¹² Феофана Прокоповича (2020). Обычно свои переводы он снабжал необходимыми для пояснения текста краткими примечаниями. После публикации труда Геродота Г. А. попытался вступить в Союз писателей СССР, но его не приняли по формальной причине: сочинения «Отца истории» не посчитали художественным произведением. Однако Г. А. приняли в писательский профсоюз, где также были некоторые льготы для его членов.

Кроме того, Г. А. участвовал и в написании детских книг, за которые в совет-

¹ Плутарх Избранные биографии / пер. с древнегреч. под ред. С. Я. Лурье. Л.; М.: ОГИЗ; СОЦЭКГИЗ, 1941. 490 с.

² О К. П. Лампсакове см. специальную статью: [4].

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II / изд. подг. М. Е. Грабарь-Пассек, С. П. Маркиш. М.: Издательство АН СССР, 1963. 548 с.

⁴ Страбон. География в 17 книгах / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1964. 943 с.

⁵ Геродот. История в девяти книгах / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. 600 с.

⁶ Фукидид. История / изд. подг. Г. А. Стратановский. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 543 с.

⁷ Феофраст. Характеры / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 123 с.

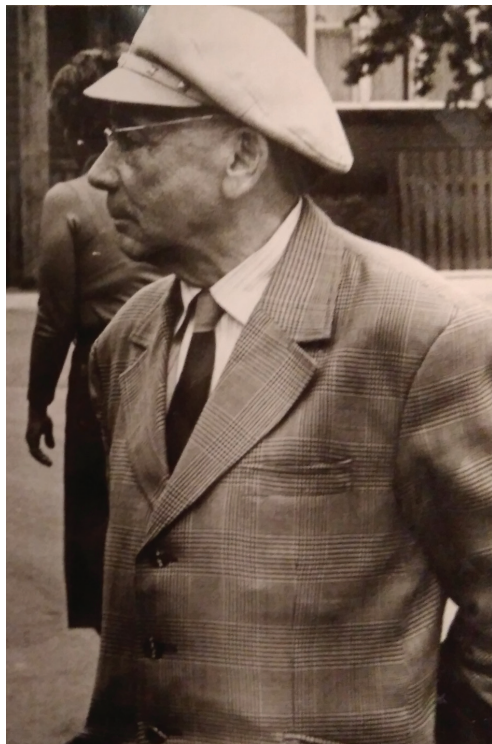
⁸ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека в трёх томах / пер. с древнегреч. под ред. Э. Д. Фролова. Т. I. М.: Рубежи XXI, 2021. 458 с.

⁹ Стенон Н. О твердом, естественно содержащемся в твердом / пер. с лат. Г. А. Стратановского. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 151 с.

¹⁰ Длугош Я. Грюнвальдская битва / изд. подг. Г. А. Стратановский. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. 214 с.

¹¹ Песнь о предательстве Гвенона / пер. с лат. Ю. Б. Корнеева и Г. А. Стратановского // Песнь о Роланде / пер. со старофранц. Ю. Б. Корнеева. М.-Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1964. С. 125-136.

¹² Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. с лат. Г. А. Стратановского. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. 488 с.

Фото 2 / Photo 2. Г. А. Стратановский на даче (1980 г.) / G. A. Stratanovsky in the country (1980)

Источник: личный архив С. Г. Стратановского

ское время платили немалые гонорары. Так, совместно со своим коллегой М. Н. Ботвинником он издал книгу «Знаменитые греки: Жизнеописания Плутарха»¹ (1961), а в соавторстве с шестью другими антиковедами – «Знаменитые римляне: Жизнеописания выдающихся деятелей древнего Рима, составленные по Плутарху»² (1964).

Г. А. трудился и как научный редактор. Так, под его редакцией был издан первый советский мифологический словарь, рассчитанный на распространение знаний о древней мифологии среди советской общности. Показательно, что с 1959 по 1994 г. словарь выдержал 5 изданий³.

Г. А. скончался 3 ноября 1986 г.

Заключение

В целом, несмотря на диссертацию по истории, Г. А. Стратановский был, в первую очередь, филологом-переводчиком, поскольку научных работ он не писал. Значение Г. А. для изучения и распространения античной культуры в СССР велико. Он делал новые переводы основных античных авторов на хорошем литературном языке. Книги с его переводами издавались в СССР многотысячными тиражами, но тут же становились библиографической редкостью. Их можно было купить лишь по случаю в магазинах старой книги, да и то по чрезвычайно высокой цене. Работы Г. А. ещё долго будут служить специалистам, изучающим историю и культуру древнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев А. И., Верлинский А. Л., Гаврилов А. К. Памяти Г. А. Стратановского // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 254.
2. Маркасова Е. В., Николаев С. И. Введение // Феофан Прокопович. Об искусстве риторическом десять книг / пер. с лат. Г. А. Стратановского. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 8-10.
3. Стратановский Г. А. Подвиги Августа (Res gestae divi Augusti) (Официальное обоснование принципата): тезисы к дис. канд. ист. наук. Л., 1941. 4 с.
4. Нефёдкин А. К. Памяти ленинградского антиковеда Константина Павловича Лампсакова (1914-1941) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 4 (86). С. 309-322. DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-309-322.

¹ Знаменитые греки: жизнеописания Плутарха / обработка М. Н. Ботвинника, Г. А. Стратановского. Л.: Учпедгиз, 1961. 264 с.;

² Знаменитые римляне: жизнеописания выдающихся деятелей древнего Рима, составленные по Плутарху. М.: Учпедгиз, 1964. 247 с. (Г. А. пересказал биографии Помпея, Цицерона и М. Антония).

³ Мифологический словарь / авт.-сост. М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. Л.: Учпедгиз, 1959. 227 с.

REFERENCES

1. Zaitsev, A. I., Verlinsky, A. L. & Gavrilov, A. K. (1988). In memory of G.A. Stratanovsky. In: *Bulletin of Ancient History*, 2, 254 (in Russ.).
2. Markasova, E. V. & Nikolaev, S. I. (2020). Introduction. In: *Feofan Prokopovich. About rhetorical art ten books*. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Archaeo Publ., 8–10 (in Russ.).
3. Stratanovsky, G. A. (1941). *Feats of Augustus (Res gestae divi Augusti) (Official justification of the principle): theses to dis. Candidate of Historical Sciences*. Leningrad (in Russ.).
4. Nefyodkin, A. K. (2024). In memory of the Leningrad antiquologist Konstantin Pavlovich Lampsakov (1914–1941). In: *Problems of history, philology, culture*, 4, 309–322. DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-309–322 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нефёдкин Александр Константинович (г. Белгород) – доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической антропологии Белгородского государственного национального исследовательского университета; главный редактор военно-исторического журнала «Parabellum novum»; e-mail: centmilhist@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9033-6864

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander K. Nefedkin (Belgorod) – Dr. Sci. (History), Laboratory Head, Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod State National Research University; editor-in-chief, Military History Journal “Parabellum novum”; e-mail: centmilhist@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9033-6864

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИЯ «XXVI БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ИСКУССТВО. ГРЕКИ – ВАРВАРЫ: КОНТАКТЫ И КОНФЛИКТЫ»

CONFERENCE: 'XXVI BOSPORAN READINGS. THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES. ARCHAEOLOGY. HISTORY. ART. GREEKS – BARBARIANS: CONTACTS AND CONFLICTS'

Конференция «XXVI Боспорские чтения» состоялась в г. Керчь, Республика Крым, 19–21 мая 2025 г. (фото 1). Научный форум с давней историей всегда проводится на территории античного Боспора, в его столице Пантикапей (совр. Керчь), начало систематического исследования, которого было положено выдающимся антиковедом В. Д. Блаватским 80 лет назад.

Фото 1 / Photo 1. Участники конференции перед зданием Лапидария, где проходили заседания / Conference participants in front of the Lapidarium building, where the meetings were held

Источник: фото Е. А. Савостиной

Конференция была инициирована и традиционно поддержана БФ «Деметра», осуществлена совместно с её соорганизаторами: Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником, предоставившим площадку для проведения заседаний, МГАХИ им. В. И. Сурикова, ИА РАН, участвовавшими в разработке эмблемы и стиля конференции, в отборе докладов и подготовке материалов к изданию, а также ИА Крыма РАН. Материалы конференции опубликованы в специальном сборнике.

Состав участников и проблематика конференции

История «Боспорских чтений» перешла 25-летний рубеж, и в 2025 г. произошли некоторые изменения. Проблематика «Чтений» традиционно заострена на вопросах взаимодействия античного Боспора и варварского мира, с которым он непосредственно соприкасался, поэтому конференция проходила под общим названием: «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья». Безусловно, эту тему никак нельзя считать исчерпанной. Она актуальна и сегодня, однако со временем все больше «херсонеситов», а также исследователей других государств и поселений Северного Причерноморья присоединялось к обсуждению насущных и общих проблем.

На нынешнем витке существования концепция форума потребовала обновления и 26-ой сборник конференции вышел под новым заголовком, в котором в географическом и историческом отношении был учтён весь северочерноморский регион, а в содержательном плане акцентированы те сферы науки, которым придаётся ведущее значение в исследовательском процессе: «Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты».

В конференции приняли участие около 70 специалистов, представителей раз-

личных организаций и разных городов России: Керчи, Симферополя, Севастополя, Ялты, Тамани, Анапы, Азова, Белгорода, Донецка, Ростова-на-Дону, Саратова, Нижнего Новгорода, Тулы, Щёкино, Санкт-Петербурга и Москвы. Был прочитан 41 доклад (7 из них онлайн), опубликовано 43 статьи. В выступлениях представлены новые материалы, полученные в ходе полевых, лабораторных и архивных исследований последних лет, предложены варианты их интерпретации, обсуждены перспективы дальнейших исследований (фото 2).

Доклады, прочитанные на заседаниях, группировались по нескольким направлениям, в зависимости от хронологических, территориальных и тематических рамок исследования.

Фото 2 / Photo 2. Открытие конференции. В первом ряду генеральный директор Керченского музея Т. В. Умрихина и руководитель Артезианской экспедиции Н. И. Винокуров / Opening conference. On the front row are the general director of the Kerch Museum T. V. Umrikhina and the head of the Artesian expedition N. I. Vinokurov

Источник: фото Е. А. Савостиной

Один из векторов исследовательской мысли ожидаемо касался греко-варварских взаимоотношений. Авторы рассматривали их и как отличающиеся друг от друга стратегии существования эллинов в варварском окружении Ольвии, Херсонеса и Боспора (А. М. Бутягин), и в сопоставлении с ситуацией в районах Средиземноморья (А. А. Супренков), а также как проблему «иранства» на Боспоре, связанную с Ахеменидами (В. П. Яйленко). И снова всплывал вопрос о том, кто же такие «боспорцы» и как воспринимались жители не только городских, но и сельских поселений (и как нам их воспринимать) (фото 3).

Следующий блок докладов касался новейших открытий и их интерпретации. Комплекс проблем греко-варварских взаимоотношений сопряжён с раскопками царской крепости на городище Артезиан (Н. И. Винокуров). Не так давно там были сделаны сенсационные находки, относящиеся к эпохе Митридата Евпатора и Фарнака (середина I в. до н.э.), свя-

занные с остатками храма Зевса Генарха и Сотера. На конференции было представлено атрибуционное и лабораторное исследование фрагментов крупной полихромной статуи¹ этого храма (статуи Зевса) (Е. А. Савостина, Н. И. Винокуров, Н. Л. Кучеревская). Из открытий в области скифской археологии наибольшее впечатление произвели результаты исследования позднескифской крепости Мелек в I–IV вв. (Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк) с совершенно неожиданными для этого района Крыма архитектурно-пространственными комплексами.

Ещё один блок докладов был посвящён раскопкам античных некрополей на территории от Крыма до Тамани и далее до Новороссийска (А. О. Иванник, С. А. Ко-

¹ Савостина Е. А. Цари и боги позднеллинистического Боспора: об атрибуции давних и новых находок скульптуры в Пантикапее и окрестностях (первая четверть XXI в.) // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 220–211.

Фото 3 / Photo 3. Выступает А. А. Масленников (справа налево: Н. Л. Кучеревская и Е. А. Савостина) / A. A. Maslennikov performs (from right to left: N. L. Kucherevskaya and E. A. Savostina)

Источник: фото Е. А. Савостиной

нонова, В. Ю. Кононов, Н. И. Сударев, С. В. Кашаев, А. В. Иванов, И. В. Руквишников, Д. В. Бейлин, З. В. Ханутина, В. А. Хршановский; А. В. Бонин).

Помимо этого были и доклады, посвящённые исследованию отдельных предметов и групп из музейных собраний: римских светильников из собрания Керченского музея, граффито с катафрактарием из Илурата, Гермы Геракла из Керченского музея, меча-гладуса из Анапского музея (Д. В. Журавлёв, Н. В. Быковская, В. А. Горончаровский, Н. В. Молева, Е. В. Фокеева, О. Ю. Соколова, А. М. Новичихин).

Как всегда, активно обсуждались вопросы исследования амфорной тары, её клеймения и торговых связей Северного Причерноморья с другими центрами (Н. Б. Чурекова, С. Ю. Монахов, Н. В. Ефремов, А. Б. Колесников, Е. В. Болонкина). Нельзя не сказать об исследовании архивных материалов, касающихся как личностей предыдущих исследователей, так и археологических материалов (М. Ю. Вахтина, В. Ю. Юрочкин, В. В. Майко).

Активное участие специалистов разных направлений, обмен информацией и оживлённая содержательная дискуссия показали актуальность поставленных тем.

Семинар для студентов

Особо нужно отметить проведение во время конференции одного эксперимента: в качестве слушателей были приглашены студенты и магистранты – как из археологов (ГАУГН), так и творческих факультетов – живописи и скульптуры (МГАХИ), прослушавших в своих учебных заведениях курс по истории античного классического искусства, а также искусства и культуры Северного Причерноморья. С ними были проведено несколько семинарских занятий в Лапидарии Керченского музея, занятия в экспозиции Керченского музея древностей, библиотеке фонда «Деметра», организована экскурсия на Царский курган (фото 4) и поездка на мыс Зюк. Этот

Фото 4 / Photo 4. Экскурсия в Царский курган / Excursion to the Royal Mound

Источник: фото Е. А. Савостиной

опыт был осуществлён при поддержке БФ «Деметра».

Можно констатировать, что форум «XXVI Боспорские чтения»¹ прошёл плодотворно и с убедительными результатами. Постановка темы конференции дала возможность предложить более многосторонние и углублённые интерпретации археологических находок и комплексов, из которых они происходят.

Значение встречи видится не только в активном обмене новой информацией, мнениями, идеями и интерпретациями, но и в том, что она подводит специалистов по археологии эпохи античности и средневековья к необходимости переосмысления или перепроверки многих ранее выработанных взглядов и оценок, определяет поле для дальнейшего исследовательского поиска.

¹ XXVI Боспорские чтения. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Археология. История. Искусство. Греки – варвары: контакты и конфликты: мат.-лы науч.конф. / ред.-сост. Е. А. Савостина, Е. В. Фокеева. М.: Индрик, 2025. 328 с.

Благодарности. Оргкомитет «XXVI Боспорских чтений» благодарит всех организаторов научной конференции: Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова, Институт археологии РАН, Институт археологии Крыма РАН, ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», а также Благотворительный Фонд «Деметра», обеспечивший его финансовую поддержку.

Искренне благодарим всех коллег, по-

желавших принять участие в конференции и сборнике материалов, за поддержку и прекрасную дружескую атмосферу, в которой проходили все наши доклады и дискуссии. Персонально: поклон от всех участников и пожелания здоровья Вячеславу Дмитриевичу Письменному, основателю в его родном городе Керчь БФ «Деметра», конференцию «Боспорские чтения» и обеспечивавшего поддержку в исполнении многих научных и социальных проектов более четверти века.

Е. А. Савостина,

доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории искусств факультета теории и истории искусств Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова при Российской академии художеств;
e-mail: esav@yandex.ru; ORCID: 0009-0000

ХРАНИТЕЛЬ ГИЛЕИ (К 65-ЛЕТИЮ ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА СНЫТКО)

KEEPER OF THE HYLEA (ON THE 65TH ANNIVERSARY OF IVAN ALEXEEVICH SNYTKO)

Иван Алексеевич Снытко / Ivan A. Snytko

Этот год юбилейный в жизни замечательного археолога из г. Николаева на Украине – Ивана Алексеевича Снытко. Опытный археолог, руководитель многих археологических экспедиций в Нижнем Побужье, сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук Иван Алексеевич широко известен как один из наиболее авторитетных археологов-античников Украины. Его имя хорошо знакомо специалистам по изучению истории древнего мира, как в Европейских странах, так и в России.

Иван Алексеевич Снытко родился в г. Николаев 5 июля 1960 г. В 1977 г. он закончил Николаевскую среднюю школу № 15 и 2 года отслужил срочную службу в армии. В 1981 г. поступил, а в 1987 г. за-

кончил заочное обучение на историческом факультете Одесского Государственного университета им. И. И. Мечникова. Его университетскими преподавателями и учителями по древней истории и археологии были известные украинские исследователи П. О. Карышковский (1921–1988), Р. Д. Бондарь (1937–2011) и А. Г. Загинало (1935–1996).

Археологией И. А. Снытко увлёкся с детских лет. Начал работу в составе различных археологических экспедиций. Так, в 1975 г., ещё будучи школьником, работал в составе экспедиций (1975–1977 гг.) Николаевского краеведческого музея, Киевского Госуниверситета им. Т. Г. Шевченко и Николаевской (Ингульской) экспедиции ИА АН УССР.

Своими учителями в античной истории и археологии И. А. Снытко считает П. О. Карышковского, В. В. Лапина, С. Д. Крыжицкого (1932–2018), А. В. Буракова (1919–2001), В. В. Рубана и С. Б. Буйских (1949–2020).

Поступив в университет, И. А. Снытко был зачислен в сектор археологии Отдела охраны памятников Николаевского краеведческого музея на должность младшего, а с 1983 г. – старшего научного сотрудника. Здесь он проработал 18 лет. В связи с реорганизацией музейного Отдела охраны памятников в отдельную организацию с 1999 по 2021 г. он работал в Государственной инспекции по охране памятников культуры в Николаевской области в должности научного, а с 2003 г. – старшего научного сотрудника. С мая 2021 г., после расформирования инспекции, по нынешнее время И. А. Снытко работает старшим научным сотрудником

научно-методического отдела по охране культурного наследия Николаевского областного краеведческого музея. Одновременно он является председателем научной секции по изучению памятников археологии Николаевской областной организации Украинского Общества охраны памятников истории и культуры.

С 1983 г. И. А. Снытко руководил самостоятельными археологическими разведками и раскопками курганов, могильников, городищ, поселений и стоянок Николаевщины от эпохи энеолита-бронзы до позднего средневековья. Но главной его археологической специализацией всегда было изучение памятников Ольвийской сельской округи античного периода. Наиболее значительные комплексные (поселение и некрополь) исследования проводились им в урочищах Дидова Хата (г. Николаев), Чертоватое (с. Прибутское и Кателино) и Сиверсов Маяк (г. Николаев).

В 2015 г. И. А. Снытко под руководством С. Д. Крыжицкого успешно защитил в ИА Национальной академии наук Украины кандидатскую диссертацию по теме «Древнегреческие некрополи хоры Ольвии VI–III вв. до н. э.». Его диссертация как монография была опубликована в том же году [14].

В настоящее время И. А. Снытко является автором более 200 научных работ (монографии, статьи, публикации, заметки, тезисы конференций), преимущественно по античной тематике, опубликованных в различных научных изданиях Украины, России, Молдовы, Румынии, Болгарии, Германии. Среди них такие авторитетные издания, как «Вестник древней истории», «Археологические вести», «Боспорский феномен» (Санкт-Петербург), «Археологія», «Археологія і давня історія України» (Киев), «Материалы по археологии Северного

Причерноморья», «Краткие сообщения Одесского археологического общества» (Одесса), «Старожитності Степового Причорномор'я і Криму» (Запорожье) и др. И. А. Снытко являлся участником более 60 международных, всесоюзных, республиканских, региональных научных конференций и семинаров.

Большое участие Иван Алексеевич принимал в проведении инвентаризации памятников археологии в Николаевской области в 2009–2020 гг. В археологических разведках и инвентаризациях археологического культурного наследия им вместе с коллегами открыто и поставлено на государственный учёт более 5000 памятников археологии (курганы, бескурганые могильники, стоянки, поселения и городища).

Большой вклад в дело написания истории археологического изучения Нижнего Побужья вносит И. А. Снытко, сотрудничая с В. Б. Гребенниковым. С 2015 по 2025 г. они составили и опубликовали 3 тома биографических очерков [23; 24; 25] и более 15 отдельных брошюр об археологах и специалистах по древней истории Побужья. Составители этих историко-научных работ исходят из принципа гуманизма и международного значения науки как культурного явления, что заслуживает признания и поддержки в условиях современной действительности.

Сегодня И. А. Снытко продолжает свою разноплановую научную деятельность. В его творческих планах написание статей и книг по истории Ольвии и её округи. Тема древнегреческой социально-политической, экономической и культурной истории античных колониальных полисов Северо-Западного Причерноморья остаётся главным приоритетом в трудах юбиляра. От души хочется пожелать ему в этом новых успехов и научных достижений!

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ И. А. СНЫТКО

1. Поховальний обряд населення хори Ольвії IV–III ст. до н.е. // Археологія. 2009. № 3. С. 25–34.
2. О культе Ахилла в Нижнем Побужье в античную эпоху // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., Нестор-История, 2009. С. 365–371.

3. Культ Аполлона на древнегреческих поселениях Нижнего Побужья и некоторые аспекты культурно-исторического развития региона в античную эпоху // Старожности степового Причорномор'я і Криму. Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова). Матеріали міжнародної археологічної конференції. Запоріжжя, 2009. Т. XV. С. 183–188.
4. Новая древнегреческая надпись с левого бережья Бугского лимана // ВЭ. 2011. Вып. V. С. 180–191.
5. Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI–V ст. до н.е. // Археологія. 2011. № 1. С. 11–22.
6. Мікселліни ольвійського декрету на честь Протогена (історико-археологічний аспект) // Археологія. 2011. № 3. С. 22–30.
7. Ольвийская тирания, «скифский протекторат» и некоторые вопросы социально-политической и экономической истории Ольвийского полиса позднеархаического и раннеклассического времени // МАСП. Одесса, Фаворит, 2011. С. 125–149.
8. Ще раз про межі Ольвійського поліса // Археологія. 2012. № 4. С. 31–42.
9. Богоявленск и его окрестности: Историко-краеведческие очерки. Симферополь, Таврида, 2012. 184 с.: илл. (соавтор: В. А. Касьяновский).
10. Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійського поліса // Археологія. 2013. № 2. С. 3–14.
11. Погребальные сооружения сельских некрополей Ольвии в контексте древнегреческой ритуальной практики населения Нижнего Побужья позднеархаической, классической и эллинистической эпох (VI–III вв. до н.э.). // АВ. 2013. Вып. 19. С. 91–104.
12. Надпись в честь Спартокидов в контексте истории Ольвийского полиса классической эпохи // ВЭ. 2015. Вып. 8. С. 69–93.
13. Ольвийский полис в V – начале IV вв. до н.э.: некоторые социально-политические, экономические, демографические и территориальные аспекты // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2014. № 1. С. 217–239.
14. Давньогрецькі некрополі хори Ольвії VI–III ст. до н.е. К., Вид. Олег Філюк, 2015. 239 с.
15. Декрет в честь гражданина Протогена в контексте истории Ольвийского полиса III в. до н.э. (историко-археологический аспект) // Stratum-plus. 2016. Т. 3. С. 45–65.
16. Ольвийский полис на рубеже V и IV вв. до н.э. в контексте проблем социально-демографического и административно-территориального деления // ХСб. 2019. Вып XX. С. 197–214.
17. Святнища и сакральные территории Ольвийского полиса античного времени // Tyragetia. 2021. S.n. Vol. XV [XXX]. № 1. P. 199–218.
18. Гилея в сакральной истории народов Северного Причерноморья в античную эпоху // АВ. 2022. Вып. 35. С. 159–169 (соавтор: А. А. Бондаренко).
19. К проблеме формирования Ольвийского государства в процессе колонизации территории Нижнего Побужья в VII – начале V вв. до н.э. // Tyragetia. S.n. Vol. XVI, [XXXI] № 1. 2022. P. 9–24. (соавтор: Е. Я. Туровский).
20. Территориальные владения Ольвийского полиса в архаическое, классическое и раннеэллинистическое время (современное состояние проблемы) // АВ. 2023. Вып. 41. С. 276–285.
21. Маршрут Милет – Борисфен – Ольвия. Торговый и сакральный аспекты // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, вопросы, дискуссии: мат-лы конф. СПб.: Чистый дом, 2023. С. 68–72.
22. Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserheide Siverson Maiak bei Olbia // Munstersche Beitrage zur antiken Handelschichte. 2004. Bd. XXIII. Ht. 2. S. 1–46 (соавтор: Н. Ефремов).
23. Українські археологи кризь епохи. Дослідження Степового Побужжя. Книга перва. Миколаїв, Яслав, 2020. 280 с. (соавторы: В. Б. Гребенников, Н. М. Гаркуша, М. Т. Товкайл).
24. Археологи – дослідники Степового Побужжя. Книга друга. Миколаїв, Яслав, 2024. 318 с. (соавтор: В. Б. Гребенников).
25. Археологи – дослідники Степового Побужжя. Книга треття. Миколаїв, Яслав, 2025. 196 с. (соавтор: В. Б. Гребенников).

В. Ю. Зуев,
кандидат исторических наук,
лауреат Государственной премии Российской Федерации

ПАМЯТИ С. Л. ДУДАРЕВА – УЧИТЕЛЯ И УЧЁНОГО-КАВКАЗОВЕДА**IN MEMORY OF S. L. DUDAREV – TEACHER AND SCIENTIST
SPECIALIZING IN THE CAUCASUS**

29 марта 2025 г. на 74 году жизни ушёл из жизни доктор исторических наук, профессор, крупный кавказовед известный специалист по археологии и истории раннего железного века Северного Кавказа Сергей Леонидович Дударев.

Он родился в Грозном в семье учителей 5 сентября 1951 г. В 1972 г. окончил исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета (ЧИГУ) им. Л. Н. Толстого. Затем в 1977–1981 годах обучался в аспирантуре при Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова (научный руководитель проф. В. Б. Виноградов).

Ещё в студенческие годы С.Л.Дударев стал постоянным участником археологических экспедиций Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. С 1976 г. он работал в предгорно-плоскостной археологической экспедиции (ППАЭ), работавшей под руководством

В. Б. Виноградова. Сергей Леонидович вскоре стал его «правой рукой», руководителем археологических экспедиций. Он стоял у истоков «Кавказоведческой школы профессора В. Б. Виноградова». На счету Сергея Леонидовича разведки памятников раннего железного века в Чечено-Ингушской АССР с 1973 по 1976 гг. В 1981 и 1987 гг. им проводились археологические раскопки могильников в с. Майртуп и охранно-спасательные работы на Сержень-Юртовском могильнике.

В 80-е – начале 90-х гг. он зафиксировал находки из Алпатовского могильника и у с. Левобережное Наурского района, исследовал погребения Джалкинского 2-го грунтового могильника в Гудермеском районе, грунтового погребения у с. Бурунское Шелковского района. В 1991 году С. Л. Дударевым был обследован Улус-Кертский могильник Шатойского района. Археологические работы велись им и в районе Кавминвод в 1977, 1978 и

1980 г. Важным является и его участие и в экспедициях других исследователей.

Основным направлением его исследований того периода стали памятники кобанской культуры. Одной из первых значимых публикаций С. Л. Дударева стала статья «О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э.» (1979 г.).

В 1983 г. в Институте археологии Академии наук Украинской ССР он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.)». После защиты диссертации Сергей Леонидович стал ассистентом кафедры всеобщей истории и куратором нашего курса. С 1986 г. он стал сотрудником археологической лаборатории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого и возглавил археологические экспедиции, исследовавшие Майртупский, Курчалойский и Сержень-Юртовский могильники. По материалам раскопок этих памятников С. Л. Дударевым изданы монографии и статьи.

В 1999 г. в Институте востоковедения РАН он защитил докторскую диссертацию по теме: «Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху» по двум специальностям: «Всеобщая история» (Древний мир) и «Археология». В своей диссертации С. Л. Дударев пришел к выводу, что «ранний этап освоения железа в предгорно-плоскостной зоне Центрального Предкавказья и в бассейне р. Терека был далеко неоднородным по темпам и степени интенсивности внедрения нового металла в быт автохтонного населения на всей этой территории». Этому периоду были посвящены монографии учёного «Из истории связей населения Северного Кавказа с киммерийско-скифским миром» (1991 г.), «Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии» (1991 г.) и статья «Взаимоотношения племён Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX-первая половина VII в. до н.э.)» (1999 г.).

Работы, посвящённые археологии и древней истории Кавказа, и Юго-Восточной Европы эпохи поздней бронзы — раннего железа отражают первоначальные научные интересы автора, который сложился, прежде всего, как специалист в указанных исторических дисциплинах и много лет жизни отдал изучению древностей этого исторического периода. Особое внимание он уделял проблемам этносоциокультурогенеза в среде населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа, в том числе и выяснению характера взаимодействия и синтеза местных племен с киммерийцами и скифами, их роли в установлении взаимоотношений северокавказцев с внешним миром.

С 1982 по 1992 года Сергей Леонидович работал преподавателем кафедры всеобщей истории, доцентом кафедры истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого. Несмотря на его научную специализацию по раннему железному веку, ему пришлось вести дисциплину «История средних веков», которую он интересно и увлекательно преподавал.

В 1992 г. он был вынужден переехать из Грозного в Армавир. В начале 90-х гг. прошлого века в Чечне при попустительстве местных властей произошло усиление национализма и разгул бандитизма. В республике возникла опасность физической расправы над учёными, с которыми не были согласны местные «авторитеты», которые начали писать «свою историю». Это был трагический период в его жизни и жизни всей его семьи, который он так и не смог пережить до конца. С 1992 по 2022 гг. Сергей Леонидович проработал в Армавирском государственном педагогическом университете (АГПУ) сначала доцентом, затем профессором (с 1999 г.) кафедры культурологии (1992–1993) и кафедры всеобщей истории (с 1993 г.). Он продолжил читать курс «Истории средних веков Запада и Востока» в АГПУ. По периоду средневековья Сергеем Леонидовичем был опубликован ряд монографий и десятки статей. С 1998 г. С. Л. Дударев

возглавил кафедру всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии.

В связи с изменением места жительства и места работы учёному пришлось проводить новые исследования и осваивать археологию и историю новых регионов: Краснодарского и Ставропольского краёв. В этот период появляются монографии «Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод» (2004 г.) и «Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа» (в соавт.) (2015 г.).

После переезда в Армавир благодаря накопленным материалам и начатым исследованиям С. Л. Дударев неоднократно возвращается к археологии Чечни и Ингушетии в своих научных статьях.

Изучение различных вопросов кобанской культуры всегда были в приоритете у С. Л. Дударева, который посвятил им ряд фундаментальных научных работ. Параллельно с кобанской культурой его интересовала и проблема археологического изучения киммерийцев, которую он успешно освещал в литературе.

Другим направлением исследований Сергея Леонидовича стала «Региональная история», где в его статьях и рецензиях исследовались вопросы русско-северокавказских отношений, проблемы интеграции Северного Кавказа на различных этапах его исторического развития (прежде всего, последних 200–300 лет) в государственную, социокультурную и экономическую сферу России. Исследователь занимался историей казачества в своих статьях: «К вопросу об особенностях исторической картины мира кубанских казаков» (2010), «К вопросу об особенностях менталитета и обычаев казачества в свете взаимоотношений с горцами» (2010) и др.

Работы, посвящённые региональной тематике, отражают не только научную, но и гражданскую позицию автора. Со-

бытия недавней истории региона нашли отражение и осмысление в монографии «Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа» (в соавт.) (2020 г.) и ряде статей. Наиболее полно его статьи представлены в «Сборнике научных работ Сергея Леонидовича Дударева. Статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения» (2011 г.). Однако и после выхода этого сборника автор опубликовал немало трудов. Сергей Леонидович работал до своего последнего дня как автор научных статей и монографий, так и как редактор научных сборников, несмотря на продолжительную тяжёлую болезнь, удивляя своей работоспособностью.

Научные интересы С. Л. Дударева были связаны с северокавказской археологией, историей народов Кавказа, проблемами, истории средневековья и раннего нового времени. Этим темам посвящены около 900 его опубликованных научных и методических работ, среди которых 30 книг, в том числе 13 монографий. Учёный был редактором более 130 книг, сборников научных и научно-методических трудов и брошюр.

Основываясь на опыте археологических и исторических исследований, С. Л. Дударев совместно с другими специалистами Кавказоведческой школы принял участие в разработке оригинальной периодизации всемирной истории, как поиску новых подходов в осмыслении истории, начиная с 90-х гг. XX в. Эта периодизация получила освещение на страницах таких известных российских научных журналов, как «Восток» (1995) и «Научная мысль Кавказа» (2010) и лежит в основе преподавания курсов по всемирной истории на историческом факультете АГПУ.

Он автор многих пособий и разработок по всеобщей истории, некоторые из которых получили сертификат Независимого комитета по сертификации учебных материалов (2005).

С результатами своих исследований он выступил на более чем 170 научных и научно-практических конференциях в стране и за рубежом. Труды С. Л. Дударева увидели свет в Германии, Великобритании, Турции, Греции, Нидерландах, США, Франции, Чехии, Польше. Ссылки на его работы можно встретить в многочисленных зарубежных изданиях ряда стран. Академический журнал «Ancient West&East», выходящий в Бостоне и Лейдене, в 2002 г. назвал его известным специалистом по археологии Северного Кавказа. В 2001 г. С. Л. Дударев стал стипендиатом Германского археологического института в Берлине.

С. Л. Дударев являлся в течение почти полутора десятка лет председателем Совета научно-педагогической Кавказоведческой школы профессора В. Б. Виноградова. В 2004 г. за личный вклад в отечественную культуру он был награждён медалью М. Ю. Лермонтова, а в 2007 г. медалью «За службу на Северном Кавказе».

Трудно переоценить вклад С. Л. Дударева в формирование кадров будущих учителей, историков-кавказоведов и археологов. С 2000 г. он руководил аспирантурой по всеобщей истории. Среди его учеников есть историки-медиевисты, специалисты по новой истории, истории Отечества и археологии. С. Л. Дударев являлся членом диссертационного совета при Ставропольском государственном университете. В работе со студентами и аспирантами он проявил себя как терпе-

ливый учитель, который учил работать с археологическим и историческим материалом, пользоваться научным понятийным аппаратом, логично строить и правильно оформлять научные статьи. Сергей Леонидович был куратором студенческих групп. Он познакомил нас с поэтами-шестидесятниками, мы устраивали вместе с ним поэтические, музыкальные и песенные вечера, ходили на экскурсии. У него оказался прекрасный баритон и тонкий музыкальный слух, в экспедиции мы с удовольствием слушали его художественный свист мелодий из кинофильмов, и а капелла арий из опер. Сергей Леонидович в молодые годы принимал участие в спектаклях народного театра в Грозном. Однако потом его творческое начало перешло в область исторических и археологических исследований.

С одной стороны, Сергея Леонидовича отличала мягкость, интеллигентность, дружелюбие, доброжелательность, умение поделиться знаниями, опытом, умение поддержать в трудную минуту. С другой, он умел преодолевать препятствия, отстаивать научные интересы «Виноградской школы» и вести научные споры, умело доказывая свою правоту.

Светлая память о Сергее Леонидовиче Дудареве останется навсегда в сердцах тех, кто имел возможность работать, учиться у него, общаться с этим замечательным человеком, мудрым педагогом и видным учёным.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Керцева Галина Николаевна (г. Владикавказ) – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия - Алания (ИИА РСО-А);
e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

ЧЕЛОВЕК, АРХЕОЛОГ, ПРОФЕССОР, ЧУДО
Профессор, д-р Георге Корнелиу Лазарович
(13.09.1941 – 03.02.2025)

A MAN, AN ARCHAEOLOGIST, A PROFESSOR, A WONDER
Professor, Dr. Sci. Gheorghe Corneliu Lazarovici
(13 September 1941 – 3 February 2025)

3 февраля 2025 г. ушёл из жизни доктор Георге Корнелиу Лазарович – известный румынский археолог, университетский профессор, научный руководитель докторских диссертаций, основатель музеев, заведующий отделом, заместитель директора и генеральный директор Национального музея истории Трансильвании, известный энциклопедист румынской археологии.

Георге Корнелиу родился 13 сентября 1941 г. в селе Милковень уезда Караш-Северин. У его родителей, Иоана и Марии Балмез – крестьян-фермеров, владевших пахотной землёй и лесом, было ещё двое детей: сын и дочь. После войны семье Балмез грозила депортация, поэтому

родители решили спасти хотя бы Георге Корнелиу, младшего из детей. Дедушка по материнской линии отнёс его на спине в Решицу, где он был передан на попечение сестры отца, Авроры Лазарович, и её мужа, серба Савы Лазаровича, который его усыновил. Таким образом, его имя было изменено с Георге Корнелиу Балмез на Георге Корнелиу Лазарович.

Георге Корнелиу Лазарович получил среднее, профессиональное и высшее образование в Решице. Его увлечение археологией и историей началось с рассказов о сокровищах его деда по материнской линии и его школьного учителя Иоана Рэуца. Поэтому с 1963 по 1968 г. он учился на историко-философском факультете Университета «Бабеш-Бойяи» в Клуж-Напоке, специализируясь на древней истории Румынии – археологии.

Затем Г. К. Лазарович продолжил обучение в докторантуре того же университета и в 1979 г., защитив докторскую диссертацию на тему «Неолит Баната», стал доктором исторических наук, специализируясь на доисторическом периоде. В подготовленной к защите работе он также использовал методы исследования, характерные для других областей археологии, таких как математика и прикладная информатика. В 1971–1972 гг. он был стипендиатом Гердера в Вене, где обучался в Институте истории Венского университета под руководством Рихарда Питтиони. Тема его исследования – «Проблема неолита Юго-Восточной Европы и его связи с Анатолией».

Его профессиональная деятельность началась в 1962–1963 гг., когда он работал реставратором в музее в Решице. В 1968 г. он работал экскурсоводом в музее Турды, после чего перешёл в Национальный музей Трансильвании на должность археолога в отдел доисторического периода. Здесь он занимал ряд должностей и прошёл путь от экскурсовода (1968–1970) до генерального директора (1992–1997) и заведующего отделом доисторического периода (1997–2004).

В это же время он занимал многочисленные должности в различных учреждениях и организациях: Национальной комиссии по археологии, Институте Фракологии в Бухаресте, Бюро Европейской комиссии по неолиту в Братиславе, Университете «1 декабря 1918 года» в Алба-Юлия, Комиссии по музеям и коллекциям Министерства культуры и ряде других.

Преподавательская деятельность профессора Георге Корнелиу Лазаровича очень богата. В различные годы он ведёт семинары «Артефакты» и «Современные методы исследования в археологии», курс по древней истории Румынии, руководит археологической практикой на различных объектах, преподаёт учебные программы по информатике и математике в археологии, читает лекции по неолитическому искусству и архитектуре. В 2008 г. он поддерживает создание магистерской программы «Междисциплинарная археология» в университете Тимишоары и читает курсы по этноархеологии, методам и приёмам археологических раскопок, искусству и архитектуре. С 2002 по 2012 г. он профессор в Университете «Лучиан Блага» в Сибиу и ведёт курсы по европейской неолитической архитектуре, искусству и музейным технологиям.

Профессор Георге Корнелиу Лазарович получил несколько наград и званий. В 1995 г. он был удостоен премии «Николае Бэлческу» за монографию «Гура Бэчулуй», а в 2008 г. получил премию «Василе Пырван» за книгу «Архитектура неолита

и эпохи меди в Румынии. I. Неолит». В 2004 г. президент Румынии наградил его Орденом «За заслуги перед культурой» за научные исследования, а в 2007 г. за вклад в исторические и археологические исследования в Банате он стал Почётным гражданином города Тимишоара. В 2014 г. профессор был награждён почётным знаком отличия «Крест Гор» I степени, присуждённым Православной епархией Ковасны и Харгиты.

Профессор Г. К. Лазарович активно исследовал многочисленные археологические памятники эпох неолита, энеолита, бронзы и средневековья. Его полевая деятельность продолжалась из года в год, вплоть до 2024 г. Его последняя археологическая экспедиция состоялась в августе 2024 г., когда он проводил археологические исследования в Добровэце, в уезде Яссы, вместе с группой археологов из Китая. Сотрудничество с китайскими археологами было обусловлено тем, что он искал предполагаемое сходство между культурами Кукутень и Яншао, расположенными на расстоянии 7000 км друг от друга.

Как археолог Г. К. Лазарович участвовал в рамках исследовательских проектов в многочисленных национальных и международных экспедициях, сотрудничал с учёными Англии, Италии, Греции, Австрии, Молдовы и других стран. В рамках междисциплинарных исследований он проводил геофизические исследования методом электросопротивления и гамма-излучения или нейтронной спектроскопии. Одновременно с этим, совместно с математиками и специалистами по информатике из Университета Бабеша-Бойяи в Клуж-Напоке, он создал программу ZEUS – базу данных, в которую вносились все археологические материалы, обнаруженные на археологических памятниках. В 2008 г. в этой базе данных было зарегистрировано более 300 тыс. археологических объектов с подробными описаниями по форме, типу, размерам, цвету, составу, состоянию сохранности и т. д.

Все годы Георге Корнелиу Лазарович вёл активную деятельность по организации и созданию музеев и выставок Решиче, Горне, Иклоде, Клуж-Напоке, Сибиу, Алба-Юлии и других городах и селах Румынии. Одновременно он участвовал в многочисленных спасательных раскопках на территории Румынии, результатом которых стали научные отчёты о раскопках в период с 1968 по 2010 г.

Георге Корнелиу имеет не только богатую археологическую, но и редакторскую деятельность. За годы научной деятельности им было опубликовано более 350 работ, к которым добавим около 80 отчетов, сообщений и неопубликованных исследований в рукописях, а также впечатляющее количество статей в прессе, в т. ч. 15 специализированных книг, написанных им или в соавторстве, 5 тематических каталогов или атласов, 80 обобщений, 55 аналитических работ, 70 статей с опубликованными материалами, 38 междисциплинарных работ и 7 микромонографий.

Профессор-доктор Георге Лазарович координировал десятки бакалаврских и магистерских диссертаций, а также 21 докторскую диссертацию. Он также был научным рецензентом докторских диссертаций, защищённых в университетах Клуж-Напоки, Алба-Юлии, Констанцы, Ясс, Кишинёва и Сибиу. Он написал университетские курсы и снял фильмы по археологической тематике, открыл и исследовал важное неолитическое святилище в Парце – уникальный архитектурный ансамбль в Румынии, не имеющий аналогов в мире.

Я познакомился с профессором Георге Лазаровичем (Боссом, как мы его называли) летом 1993 г., когда участвовал в своих первых археологических исследованиях на неолитическом памятнике Гура Бачулуй в уезде Клуж. В то время г-н Лазарович был научным руководителем археологического памятника Гура Бачулуй и генеральным директором Национального музея истории Трансильвании.

В последующие годы я продолжал участвовать в археологических исследованиях, которые координировал Босс. Было радостно слушать его (днём на археологическом памятнике, а вечером у костра), когда он рассказывал истории о доисторических общинах, живших тысячи лет назад в Карпато-Дунайско-Понтийском регионе. В 2005 г. я поступил в докторантуру Университета «Лучиан Блага» в Сибиу, где под руководством Георге Лазаровича защитил диссертацию. На обложке моей докторской диссертации «Культура Зау», опубликованной в 2013 г., профессор Г. Лазарович написал следующее: «Определение культуры Зау также послужило для нас стимулом к переосмыслению этих открытий, стимулом, возникшим в ходе диалогов с доктором Сорином Марчелом Колеснюком во время подготовки докторской диссертации. Я помню, с каким недоверием некоторые члены докторских комиссий отнеслись к этой цивилизации. Чтобы поддержать мнение доктора Сорина Марчела Колеснюка, мы сочли необходимым написать несколько страниц вместе с нашим коллегой и соавтором».

Наше научное сотрудничество продолжилось и после получения мной докторской степени по истории. Я продолжал участвовать в археологических исследованиях, которые он координировал в Трансильвании, а г-н Лазарович участвовал в научных мероприятиях, которые я организовывал в Музее археологии «Каллатис» в Мангалии и в Музее национальной истории и археологии в Констанце. В ноябре 2009 г. мы совместно организовали в Археологическом музее «Каллатис» в Мангалии Международный симпозиум «Древнейшая письменность мира» и открыли временную выставку «Дунайская письменность в свете открытий из Турдаша и Тартарии».

В 2018 г. мы отметили столетие Великой Румынии в Музее национальной истории и археологии в Констанце в рамках культурного проекта «Великое объ-

единение на Чёрном море», финансируемого Министерством культуры.

В 2021–2023 гг. профессор, доктор Георге Лазарович принял участие в культурных проектах Ассоциации SINE QUA NON, финансируемых мэрией Констанцы: «Открытые врата цивилизациям. Томис – Констанца» и «Констанца – история, соседство, мультикультурализм». На симпозиумах, организованных в Музее национальной истории и археологии Констанцы, в рамках упомянутых проектов он совместно с Магдой Лазарович координировал разделы, посвященные доисторическому периоду. Также в 2018–2023 гг. были опубликованы работы по доисторическому периоду во всех научных сборниках, изданных нами в рамках реализации упомянутых научных и культурных проектов.

***

Рано утром 3 февраля 2025 г. скончался профессор Георге Лазарович! Его жена, Магда Лазарович, прислала мне сообщение в 2:50 ночи: «Гицэ умер сегодня ночью!». Я не мог поверить своим глазам!!! Я видел его двумя неделями ранее, 18 января 2025 г., когда приехал в Клуж-

Напоку вместе с дочерью. Перед этим моя дочь ездила в Клуж-Напоку в университет на экзамены. 31 января, 1 и 2 февраля она навещала профессора, а в воскресенье, 2 февраля 2025 г., она возвратилась домой... Известие о кончине профессора, стало для нас, как гром среди ясного неба.

6 февраля 2025 г. мы проводили в последний путь профессора, доктора Георге Корнелиу Лазаровича. Вместе с его семьёй, присутствовали десятки археологов со всей страны, бывшие студенты, магистранты и аспиранты, друзья и все, кто его любил и ценил...

Профессор, доктор Георге Лазарович, один из величайших археологов Румынии, оставил после себя десятки опубликованных книг, сотни научных исследований и многочисленные достижения в области археологии, музеологии, этноархеологии, этнорелигии, археометрии и многих других. И он покинул нас, тех, кто знал и ценил его, со скорбящей душой!

Для меня он был образцом УЧИТЕЛЯ и, прежде всего, образцом ЧЕЛОВЕКА... И я повторял эти слова бесчисленное количество раз – и в микрофон (на научных сессиях и культурных мероприятиях), и в беседах с друзьями и коллегами.

Упокой, Господи, его душу!

*доктор Сорин Марчел Колеснюк,
научный исследователь
(перевод д-ра И. Пыслару)*

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

УДК 94(3)(063)

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-236-257

ПЕРЕНОСНЫЕ АЛТАРИ

Тальгрэн А. М.

Поступила в редакцию 28.11.2025

После доработки 16.12.2025

Принята к публикации 27.12.2025

Аннотация

Внимание российского читателя предлагается статья финского историка, археолога Арне Михаэля Тальгрэна (1885–1945), вышедшая в 1937 г. в журнале «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», которая оказала большое влияние на развитие скифо-сарматской археологии. Собранный разновременный этнографический и археологический материал А. М. Тальгрэн выдвинул гипотезу о том, что встречающиеся в погребениях кочевников скифского времени каменные столики и блюда являлись своеобразными переносными алтарями. Несмотря на то, что в настоящее время концепция савромато-сарматского культурно-исторического единства потерпела крах, сама гипотеза А. М. Тальгрэна о «переносных алтарях» активно развивается рядом исследователей, упорно верящих в то, что преимущественно каменные столики являются предметами культа у кочевников большей части Евразийских степей.

Ключевые слова: скифо-сарматская археология, переносные алтари, чаши на ножках

Для цитирования:

Переносные алтари // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2026. № 2. Циркумпонтика. Вып. VII. С. 236–257.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-236-257

PORTABLE ALTARS

Arne Michael Talgren

Received 28.11.2025

Revised 16.12.2025

Accepted 27.12.2025

Abstract

We present to the Russian reader an article by the Finnish historian and archaeologist Arne Michael Talgren (1885–1945), published in 1937 in the journal «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», which had a significant influence on the development of Scytho-Sarmatian archaeology. Having gathered ethnographic and archaeological material from various periods, A. M. Talgren put forward the hypoth-

esis that the stone tables and dishes found in the burials of nomads from the Scythian period were a kind of portable altar. Although the concept of Sauromato-Sarmatian cultural and historical unity has now been discredited, Talgren's hypothesis regarding «portable altars» is being actively developed by a number of researchers who firmly believe that stone tables, in particular, were objects of worship among the nomads of most of the Eurasian steppes.

Keywords: Scytho-Sarmatian archaeology, portable altars, footed bowls

For citation:

Talgren, A. M. (2026) Portable altars. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2, Circumpontica VII, 236–257.

DOI: 10.18384/2949-5164-2026-2-236-257

Предисловие

ПОРТАТИВНЫЙ НАУЧНЫЙ МИФ

(к переизданию статьи А. М. Тальгрена (1885–1945)

«Переносные алтари», 1937 г.)

В 1937 г. в журнале «Eurasia Septentrionalis Antiqua» его редактор – неутомимый исследователь истории культуры древнего мира Арне Михаэль Тальгрэн (1885–1945) издал статью, которая оказала очень большое влияние на развитие скифо-сарматской археологии¹.

Собрав разновременный этнографический и археологический материал А. М. Тальгрэн выдвинул гипотезу о том, что встречающиеся в погребениях кочевников скифского времени каменные столики и блюда являлись своеобразными переносными алтарями. Отбросив явные указания о том, что эти предметы функционально связаны с приготовлением косметических средств, А. М. Тальгрэн предпочёл остановиться на трактовке столиков и блюд, как культовых объектов. Однако в чём именно выражалась эта функция, он затруднился сформулировать. Его статья интересна как яркий пример свободного стиля изложения научной аргументации, как своеобразный полёт научной мысли. Важно также подчеркнуть, что на своих предположениях учёный не настаивал, просто делился с читателями журнала ходом своих рассуждений.

А. М. Тальгрэн много путешествовал по России до революции, посещая центральные и провинциальные музеи, внимательно изучая их коллекции. Ещё до русской революции 1917 г. он установил прочные дружеские связи с ведущими археологами страны. Эти связи играли очень важную роль особенно после лихолетья революции и Гражданской войны. До 1929 г. через переписку А. М. Тальгрена с учёными Москвы, Ленинграда и наиболее значимых научных центров СССР осуществлялась надёжная связь коллег нашей страны с теми представителями научных кругов, которые в результате революции оказались в эмиграции.

Так, А. М. Тальгрэн осуществлял деловую связь сотрудников Государственной Академии истории материальной культуры и Эрмитажа (А. А. Спицына (1858–1931), Г. И. Боровки (1894–1942), Е. М. Придика (1865–1935) и С. А. Жебелёва (1867–1941)) через посредничество Э. Х. Миннза (1874–1953) и М. Эберта (1879–1929) с М. И. Ростовцевым (1870–1953). Через эту эстафету проходила большая и важная работа по подготовке к изданию в Германии второй редакции книги «Скифия и Боспор». Перевод текста первого издания на немецкий язык осуществляли Е. М. Придик и Г. И. Боровка (это был проект, который позволял

¹ Tallgren A. M. «Portable Altars» // ESA. 1937. Т. XI. 47–68.

М. И. Ростовцеву материально поддерживать друзей в России).

А. А. Спицын сообщал все новости археологии в России и необходимые архивные сведения из Академии, пересылая в Финляндию и научную литературу, а А. М. Тальгрэн переправлял эти важные материалы далее в Европу и Америку. В эту эстафету, сотрудничая с журналом под аббревиатурой ESA, включались и молодые учёные советской России – Б. Н. Граков (1899–1970), П. Д. Рау (1897–1930) и ряд других. Авторитет А. М. Тальгрэна был очень велик и безупречен. Следы этой активной деятельности ныне хранятся в личном архиве учёного в Хельсинки¹.

Но вернёмся к идее А. М. Тальгрэна о переносных алтарях скифской эпохи, которая, несмотря на всю её гипотетичность, стала со временем настоящей парадигмой, определившей направление развития скифо-сарматской археологии в СССР на многие годы, вплоть до наших дней.

Сначала мнение А. М. Тальгрэна было сдержанно и критически воспринято научным сообществом. М. И. Ростовцев находил идею А. М. Тальгрэна слишком смелой и маловероятной, особенно в той её части, когда финский учёный пытался обосновать связь каменных столиков и блюд с керамическими курильницами эпохи бронзы².

Против идеи А. М. Тальгрэна был и Б. Н. Граков, резонно замечая, что это была бы удивительная практика – помещать алтари для общения с божествами с каждым состоятельным представителем кочевого общества, когда он уходил в иной мир. Но по прошествии 10 лет, Б. Н. Граков вдруг оценил плодотворность идеи А. М. Тальгрэна совершенно в ином аспекте. Его пленила красота логи-

ческих взаимодопущений: если каменные столики и блюда – это какие-то личные «переносные» алтари (или проще – жертвенники), то люди, обладающие ими, – это посвящённые в таинства культов персоны: шаманы или жрецы. А поскольку Б. Н. Граков обратил внимание, что в основном хозяева этих столиков и блюд были женщины (судя по данным погребального инвентаря), которые к тому же часто были вооружёнными, то это вполне вероятно свидетельствовало об их особом статусе и принадлежности к жреческому сословию.

Вспомнив Псевдо-Гиппократу, у которого говорится, что савроматские женщины, потомки амазонок, выходили замуж только став удачными воительницами и совершив перед браком определённые жертвоприношения, Б. Н. Граков догадался трактовать женские погребения с каменными столиками – «алтарями», «жертвенниками» – как захоронения жриц воинственного племени савроматов³.

Именно эта идея на многие десятилетия стала путеводной звездой советских сарматологов школы Б. Н. Гракова, который вопреки мнению М. И. Ростовцева, постулировал ещё и то, что савроматская культура в степях Поволжья и Приуралья автохтонно трансформируется в раннесарматскую культуру: т. е. савроматы – это стадияльно более ранние сарматы. Отсутствие же в погребениях сарматского времени каменных столиков и блюд Б. Н. Граков легко объяснил марксистской идеей об отмирании в связи с историческим развитием у сарматов пережитков матриархата, который якобы был господствующей формой социальной организации у савроматов⁴. Следует, впрочем, отметить, что этот виток разви-

¹ Сакса А. И., Таавитсайнен. А. М. Тальгрэн и российская археология. Опыт сотрудничества российских и западных археологов // *Stratum plus*. 2012. № 5. С. 353–358.

² Rostowzew M. *Skythien und der Bosporus*. Berlin, 1931. 651 p.

³ Граков Б. Н. Γυνακοκρατούμενοι (пережитки матриархата у сарматов) // *Вестник древней истории*. 1947. № 3. С. 101–121.

⁴ Граков Б. Н. Γυνακοκρατούμενοι (пережитки матриархата у сарматов) // *Вестник древней истории*. 1947. № 3. С. 101–121.

тия научного мифа о переносных алтарях А. М. Тальгрена уже не застал.

Несмотря на то, что в настоящее время концепция савромато-сарматского культурно-исторического единства потерпела крах¹, сама гипотеза А. М. Тальгрена о «переносных алтарях» активно развивается рядом исследователей, упорно верящих в то, что преимущественно каменные столики являются предметами культа у кочевников большей части Евразийских степей². Термины «алтарики», «жертвенники» неизвестно какого куль-

та стали профессиональным жаргоном подавляющего большинства археологов, изучающих памятники скифо-сарматской эпохи. В подобных условиях, когда по «жертвенникам» ранних кочевников защищаются диссертации³ и археологическая литература с трудом поддаётся анализу из-за её объёма, мне думается, не лишне просто внимательно вчитаться в строки размышлений учёного, который почти 100 лет назад сформулировал парадигму о портативных алтарях в культуре скифов и сарматов.

В. Ю. Зуев, канд. ист. наук,
лауреат Государственной премии
Российской Федерации в области науки
e-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1852-8164

¹ Очир-Горяева М. А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь: СПГИ, 1990. С. 12–14; Зуев В. Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 54–68; Зуев В. Ю. Niatus III в. до н.э. и Incident 1963 г. // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 403–426.

² Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43; Мошкова М. Г. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 201–215; Фёдоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 49–69, 71–75; Фёдоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 21–49.

³ Маргарян К. Г. Каменные жертвенники ранних кочевников Евразии: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2025. 943 с.

Арне Михаэль Тальгрэн (1885–1945)

В «Ежегоднике» Мартъяновского музея в Минусинске С. Р. Цыганков публикует сведения о 7 древних предметах в коллекциях музея [1, с. 83–90], каждый из которых является уникальным в своём роде. Седьмой объект – «жертвенник» (жертвенный алтарь) из железа – описывается следующим образом: «железный жертвенник, представлявший, вероятно, верх возвышения (алтаря). Четырёхугольный, почти квадратный; состоит из 4 стенок, каждая из которых склёпана из 3 частей. К загнутым под углом 95–1000 верхним краям стенок приклёпаны полоски, концы которых несколько длиннее стенок, имеют отверстия и расположены один над другим с таким расчётом, чтобы в отверстия могли входить скрепляющие жертвенник стержни чашечек. Той же цели служат и приклёпанные с внешней стороны к концам стенок жертвенника петли, заходящие одна за другую. Верхние полоски приклёпаны три 14 и одна 13 заклёпами, возвышающимися в виде конических бугорков, являющихся, по видимому, украшением.

Чашечки (курильницы?) в виде полшарий с загнутыми наружу краями при-

клёпаны к раздвоенному концу стержня. По краям чашечки в 4 местах расположены стреловидные плоские подвески, часть из которых утеряна (полностью они есть у найденных отдельно чашечек от такого же, по-видимому, жертвенника). Стержни у самой чашечки витые, к концу заостряющиеся.

Размеры в сантиметрах: длина продольной стенка 95, поперечной – 87, продольные верхние горизонтальные полоски 100, поперечные – 92, высота стенки – 15,5, ширина горизонтальной полоски – 4, высота чашечки со стержнем – 32, высота над жертвенником – 14, диаметр чашечки – 12, толщина стержня – 0,8–0,4.

Устроенный таким образом жертвенник представлял большие удобства при перемене места: весь жертвенник складывается весьма портативно, стоит лишь вынуть чашечки.

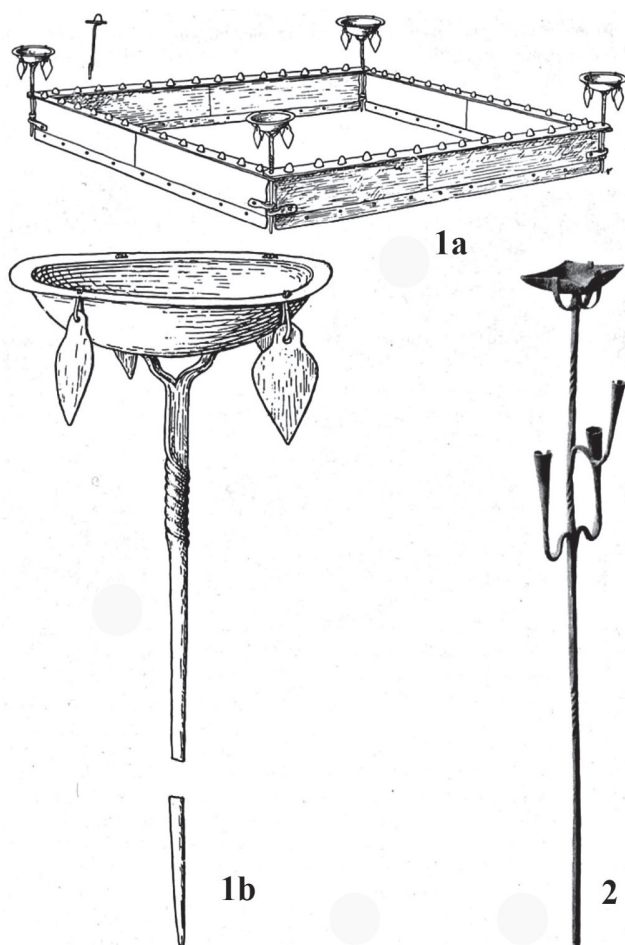
Жертвенник найден на пашне деревни Листвяговой Минусинского округа».

Эта публикация сопровождается приблизительным, хотя и в целом правильным рисунком объекта. В своём эссе я публикую новую иллюстрацию (рис. 1.1) по рисункам, сделанным в музее в Минусин-

ске М. Г. Альманом († 1929 г.), который сопровождал меня в моём путешествии на Верхний Енисей в 1915 г. Достаточно подробный отчёт г-на Цыганкова делает излишним для меня давать новое описание. Мне нужно только упомянуть, что, как показывает вертикальный разрез (рис. 1, 1а – в левом верхнем углу), каждая стенка состоит из двух тонких железных пластин, склёпанных вместе, и что узкая полоска, которая прикреплена к прямоугольному изогнутому верхнему

краю, верхняя пластина тоже приклёпана. В моих заметках не упоминается, как стержень крепится к чаше, и я не могу вспомнить эту деталь. Пайка?

Проиллюстрированный объект, возможно, не особенно древний, возможно, даже не доисторический, но, по-видимому, он не является современно-этнографическим и относится к некоему доисторическому цивилизационному циклу. Я не знаю каких-либо точных аналогий. Действительно, есть аналогии с

Рис. 1 / Fig. 1. 1 а–b – Переносной алтарь (?) Из тонких железных пластин, составляющих 4 стены, скреплённых 4-мя «лампами» с длинными стержнями. Музей Минусинска. Из деревни Листвягова. Минусинский район; 2 – Канделябр (?) из железа, Восточная Россия. / 1 a-b – Portable altar (?) of thin iron plates, formed of walls held together by «lamps» with long stems. Mus. Minusinsk. From the village of Listvyagova, Minusinsk district. Fig. 2. Candelabra (?) of iron. East Russia

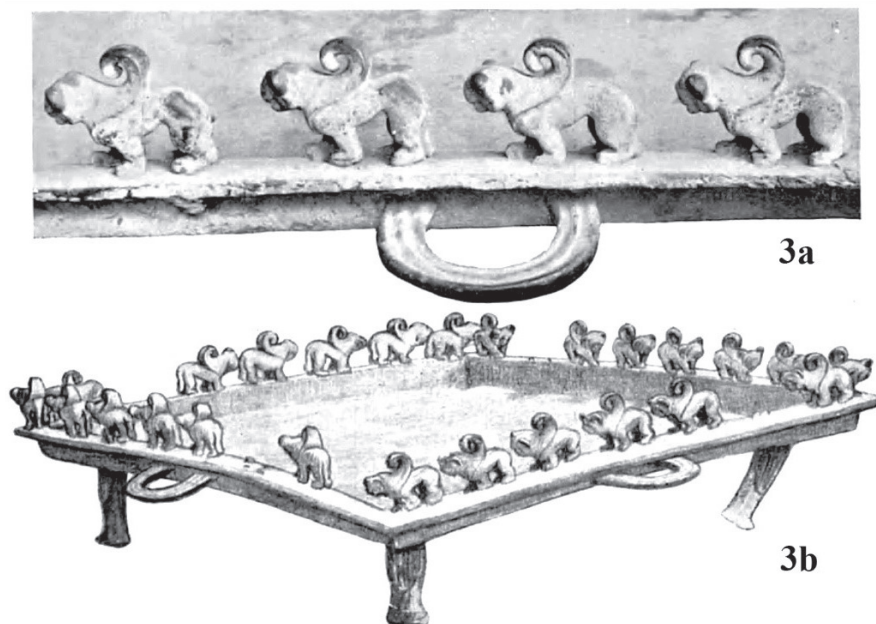
Источник: 1 а–b – рисунки М. Г. Альмана; 2 – [2, таб. XI.5]

«лампами», т. е. миски (ёмкости для масла?) со стеблями. Наиболее похожим является довольно фрагментарный объект, проиллюстрированный в труде Н. И. Булычова [2, табл. XI.5]. Обстоятельства, сопутствующие его обнаружению, неизвестны. Предполагается, что объект (рис. 1.2) был обнаружен в кургане [2, с. 28], в бассейне р. Белой, возможно, в окрестностях Уфы, которое можно рассматривать как вероятное место находки. Объект состоит из чаши с длинным стеблем. Чаша прямоугольная сверху; так же и стержень, а затем, как будто закрученный, как винт. Стебель в 3 раза длиннее, чем в случае с чашами из Листвягова – 106 см. У него также есть «ветви», оканчивающиеся чашевидными ёмкостями. Нижний конец обломан, так что неизвестно, имел ли стержень опору и может ли это быть независимым канделябром. Это неопределённо. Возможно, поэтому это может быть объект, предназначенный для той же цели в связи с алтарем, как (рис. 1.1). Первооткрыватели считали, что это «факел, используемый чудью при молитве». По словам Цыганкова, в Минусинском музее есть несколько проржавевших железных чаш такого же типа, как (рис. 1.1b), но я этого не видел и не описал их.

Мне известна довольно близкая аналогия с экземпляром из Уфы (рис. 1.2), из Хевсурии на Кавказе. Этот факелодержатель, или «железная люстра», проиллюстрированы в книге графа Й. Зичи [3, р. 276, pl. 92.3]. Нижняя часть объекта состоит из железной ножки с 3 ветвями, которая поддерживала столб с лампой и подставки для факелов. Это, очевидно, обычный канделябр, а не объект поклонения, хотя этот тип древний. Также на Дальнем Востоке в Китае встречаются подсвечники, которые напоминают (рис. 1.2). Я отсылаю читателя к находкам в Ло Янге в западном Хунане, проиллюстрированному У. К. Уайтом [4]. Эти китайские предметы, кажется, предназначены исключительно для священных обрядов.

В эпоху классических цивилизаций также существует множество канделябров и ламп, используемых для практических целей в повседневной жизни, которые вспоминаются, когда сталкиваешься с держателями огня, о которых здесь говорится, но их аналоги встречаются также в полуисторических цивилизациях Этрурии – в богатых мужских могилах – и в кельтском мире периода Ла-Тена. Я отсылаю читателя, например, к «Доисторической археологии», изданной Дешилетом [5, pl. 3, fig. 630]. Аналогии, однако, не являются окончательными. В любом случае, возможно, следует упомянуть и о некоторых других «огненных собаках» в отношении какого-то формального, возможно, в действительности бесполезного сходства. Такие объекты упоминаются, например, в статье о находке в Уэлвин [6, р. 1]. В Европе также были обнаружены листовые «Klapperbleche», которые украшают наши светильники (рис. 1.1a и 1b): они встречаются, т. е., например, на сакральных объектах, таких как «повозка с чашей» северно-итальянского происхождения, найденный в Дании, датируемый бронзовым веком, и в некоторых других подобных находках повозок с солнцем и чашей. Но подобные сходства были обнаружены и в других местах, и поэтому мы не должны опираться на них при определении цикла цивилизации. Факты подводят нас, когда мы должны идти глубже или дальше, чем просто определять формальное сходство.

Как уже говорилось, в настоящее время я не знаю каких-либо других железных «алтарных стен» с лампами, кроме объекта (рис. 1.1) из Листвягова, хотя такие объекты, вероятно, существуют в каком-то азиатском музее. Однако я не могу не сравнить этот «алтарь» с металлическим столом из Средней Азии (рис. 2.3a–b). Несмотря на отсутствие светильников, это, вероятно, также случай сакрального предмета, используемого для религиозных обрядов, в качестве подставки или

Рис. 2 / Fig. 2. 3а–b – Жертвенный стол (?) из бронзы и детали. Средняя Азия, г. Верный. Исторический музей в Москве / 3а–b – Sacrificial table (?) of bronze and detail. Central Asia, Verny. Historical Museum in Moscow

Источник: 3а – фото автора; 3 б – рисунки Х. Аппельгрена-Кивало

алтаря для святых сосудов, идов или жертвоприношений.

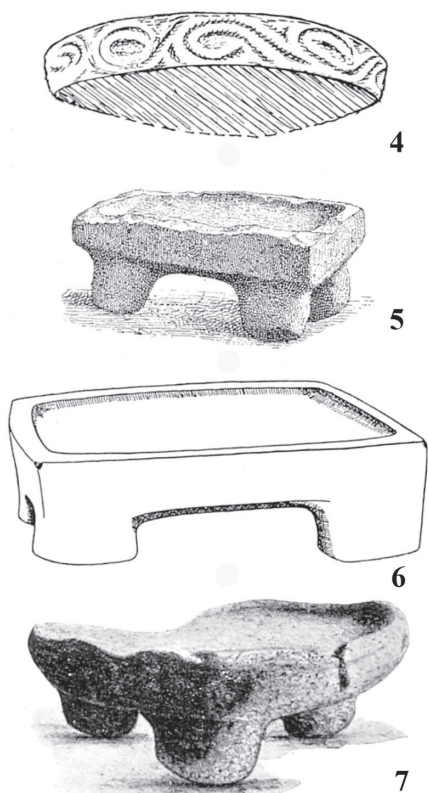
Оригинал (рис. 2.3b) хранится в Историческом музее в Москве [7, с. 75, № 2016]. Насколько я помню, этот объект ранее не публиковался. Это воспроизведено здесь по рисунку, сделанному профессором Х. Аппельгреном-Кивало в 1887 г. в Москве. Иллюстрация детали (рис. 2.3б) воспроизведена с фотографии.

Стол прямоугольный и стоит на 4 маленьких ножках, 2 из которых целые. В середине каждой стороны прямоугольника есть ручка в форме петли для облегчения перемещения тяжелого предмета. Края стола структурно ниже, чем его середина. По краю было размещено 30 крылатых четвероногих, вероятно, львов, из которых 25 сохранились. Фигуры животных литые. Крылья в рельефе животных переходят в одно пластичное крыло сзади и заканчиваются сверху спиральной кривой, наклоненной вперед. Размер стола составляет 1,25×1,12×0,24 м. Вес

около 180 кг. Он был обнаружен в 12 км к востоку от г. Верный (или Алма-Ата), на обочине дороги, ведущей к г. Кульджа в китайском Туркестане. Предполагается, что это курганная находка, но подробности обстоятельств, при которых она была обнаружена, неизвестны.

В каталоге музея объект описан как «буддийский жертвенник». Но это не буддийский предмет. Это больше напоминает скифо-эллинистический период с его классическим мотивом львов (кое-какие аналогии см. [8, fig. 576]).

Не исключено, что «жертвенный стол» (рис. 2.3b) соединяет алтарные полосы (рис. 1.1a) с группой небольших жертвенных сосудов (?) из камня (рис. 3.4–3.7; 4, 8–9; 5, 10–11; 6, 12; 7, 13–15; 8, 16a–c), которые относятся к среднему и нижнему течению Волги по её правому берегу – у Саратова [9, р. 40], а самый восточный, вероятно, из Средней Азии. Это блюдо (рис. 5) было опубликовано в 1898 г. А. Спицыным в коротком эссе [11, с. 343,

Рис. 3 / Fig. 3. 4 – Фрагмент каменного сосуда без ножек (?), Прохоровка; 5 – Каменный сосуд, Центральная Азия (?); 6 – Каменный сосуд, Горбатый Мост, Оренбург; 7 – Каменный сосуд, Тургайская область / 4 – Fragment of stone vessel without feet (?). Prokhorovka. 5 – Stone vessel. Central-Asia(?) 6 – Stone vessel. Gorbati most. Orenburg; 7 – Stone vessel. Turgai district

Источник: 4 – [10, с. 18]; 5 – [11, таб. V.13]; 6 – [12, р. 173]; 7 – [13]

табл. V.13]. Детали находки неясны, но Спицын предполагает, что все находки, опубликованные им в указанном месте, происходят из Центральной Азии. Выражение «Центральная Азия» довольно расплывчато. Возможно, объект прибыл из Тургайского района к югу от Урала, где были сделаны аналогичные находки. Я воспроизвожу иллюстрации Спицына о чаше (рис. 3.5). Она из серого песчаника; ножки массивные, а чаша довольно маленькая. Её размер составляет 6×2 дюйма, т. е. 15×7 см или размер вазона.

Рис. 4 / Fig. 4. 8 – Две ножки каменного сосуда, г. Оренбург; 9 – Каменный сосуд, г. Челябинск / 8 – Two feet of stone vessel, Orenburg; 9 – Stone vessel, Chelyabinsk

Источник: 8 – [13]; 9 – фото автора

Есть каменная чаша из Тургайской области [14, с. 143] в масштабе 1/3 от его естественного размера. Чаша круглая и стоит на 3 ножках. Ножки и край сосуда украшены фигурами, которые напоминают одно из украшений на чашах из Оренбурга и станицы Магнитной (Черниговской) (рис. 5.10–5.11). Орнамент на передней ножке состоит из 2 вертикальных рядов (рис. 5.10).

Район вокруг Южного Урала, примерно между 50–55° с.ш. (рис. 11), простирающийся от городов Курган и Челябинск к востоку от Урала до северной части Тургайских степей на юге и западнее от Орска до Оренбурга, Самары и Уфы, очень интересен, но ещё недостаточно изученный археологический центр, который предположительно играл очень значительную роль в первой половине I тыс. до н.э., в период «андроновской» цивилизации (около 1200–800 гг. до н.э.) и даже в скифо-савроматский период (около 700–200 гг. до н.э.). Монография о предыстории района, богатого раз-

10

11

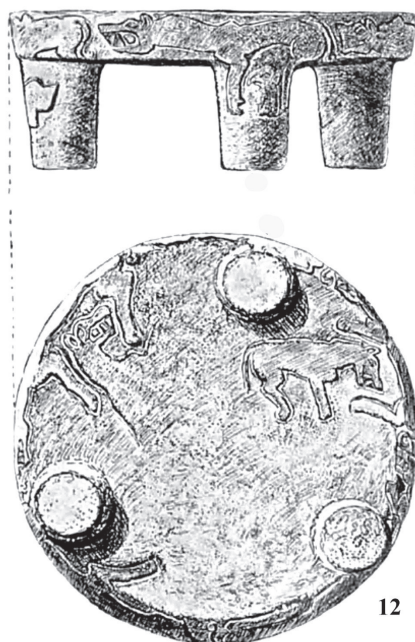
Рис. 5 / Fig. 5. 10 – Каменный сосуд, г. Оренбург, Маячная Гора; 11 – Каменный сосуд, Магнитная (Черниговская) станица / 10 – Stone vessel, Orenburg, Mayak Gora; 11 – Stone vessel, Magnitnaya (Chernigovskaya) stanitsa

Источник: 10 – [13]; 11 – [15, табл. 9.2]

личными ценными металлами, которые использовались уже в доисторические времена, несомненно, должна внести важный вклад в понимание развития цивилизации в Восточной Европе. Долины рек Миас, Тобол, Ор, Верхний Урал с его южными притоками, Самарки, Иргиса и Верхней Белой с её западными притоками, особенно богаты доисторическими древностями. Границы на востоке и юге всё ещё неопределённые и, возможно, они всё ещё неопределимы в отношении Восточной Центральной Азии, в степи Акмолинска, Семипалатинска и Семиречья [9; 16, р. 25–62; 12, р. 162–182; 10; 15; 17 (Эта же статья, в несколько изменённом виде, напечатана также: [18, с. 56–71; 19, с. 238–257; 20, с. 180–203; Труды Оренбургской Учёной Архивной комиссии]).

В северо-восточных частях этого района можно найти большое количество аналогий каменным чашам как на рисунках (рис. 3.5 и 3.6). Они были обнаружены в крупных могилах с определённым

погребальным ритуалом, «завершение» которого определяется хронологическим периодом, около 700–400 гг. до н.э., характер которого так называемый скифо-савроматский. Представители этой цивилизации, вероятно, происходили из иранских полукочевников (Massagetae?). Эта цивилизация не имеет какого-либо вклада, достойного упоминания (за исключением разве что бус?) из греческого региона к северу от Чёрного моря. Наиболее важными объектами находок являются берега озёр Синеглазово и Смолино в районе Челябинска, Магнитная (Черниговская) станица к югу от Верхнеуральска, Горбатый Мост, Бердинская гора и Маяк в непосредственной близости от Оренбурга, Прохоровка недалеко от границы между губерниями Уфы и Оренбурга, Любимовка, юго-восточнее города Бузулук (рис. 11). В музеях Оренбурга и Самары много каменных сосудов того типа, которые требуют нашего внимания

12

Рис. 6 / Рис. 6. 12 – Каменный сосуд, Любимовка, Бузулук / 12 – Stone vessel, Lyubimovka, Buzuluk

Источник: [12]

на данный момент. Некоторые из них, с кратким описанием обстоятельств, сопровождавших их открытие, опубликованы ниже.

В районе г Челябинска археолог-любитель Н. К. Минко в 1906–1911 гг. проводил топографические и антикварные исследования и раскопки могил в непосредственной близости от озёр Смолино и Синеглазово, непосредственно к югу от города. Большая часть могил принадлежала бронзовому веку, но находки были также сделаны в доисторический скифский период. Говорят, что описание раскопок Минко было утеряно [17, с. 106], но находки сохранились. Согласно [21, с. 192] и [10, с. 27] курган № 25 в Синеглазово, содержал в грунтовой могиле сожжённые человеческие кости, колчан из бересты с примерно 40 треугольными бронзовыми наконечниками стрел, длинный железный скифский меч, три бронзовых или железных крючка, фрагменты глиняных сосудов, костей лошадей, скорлупы утиных яиц и части сосуда из песчаника. Я не видел находки, но могила эта времени около 500 г. до н.э. В другой могиле, исследованной Минко, находился, среди прочего, круглый каменный сосуд на 3 ножках (рис. 4.9). Край украшен фризом, состоящим из гирлянд в барельефе, открытых сверху. Ножки в форме гвоздика также украшены гирляндами с гирляндами, расположенными одна над другой и обращёнными вниз, в две колонны, соединённые друг с другом. Этот сосуд уникален в своём роде. Очень жаль, что остальная часть обстановки этой могилы неизвестна.

Особое значение имеет находка в могиле нашего второго археологического центра, у Магнитной станицы, Черниговского посёлка, район Верхне-Уральска, к югу от Челябинска. Эта могила была раскопана любителями. Курган был около 2 м высотой и, вероятно, погребение было покрыто корой берёзы. В самом кургане были найдены кости животных, но под курганом была яма размером

5×5 м, покрытая деревянной крышей. В могиле были обнаружены длинный железный меч, железное копьё, 50 (300?) бронзовых наконечников стрел, детали конских удиц, круглое [16, р. 58] зеркало с рукояткой длиной 25 см и каменный стол. Другие находки проиллюстрированы [15, таб. 9.2], столик воспроизведён (рис. 5.11).

Стол или чаша имеют диаметр 29 см. Поверхность показывает признаки износа. Его края украшены слегка несимметричными изгибами, заканчивающимися (или начинающимися) у короткого тупого пилястра. Я не рискну решать, является ли этот орнамент геометрическим или это фигура животного в профиль, сильно условно (ср.: рис. 5.10; рис. 8.16). Ножки чаши дают замечательное воспроизведение голов животных, сужаясь ко дну¹. Глаза имеют форму кольца, уши направлены вверх, воспроизведены во фронтальной плоскости. Кривая бровь красиво воспроизведена. В целом, этот стол самый красивый в своём роде. Это древний, ранний архаичный предмет (600 г. до н.э.).

Третий археологический центр образован городами Орск и Оренбург и их окрестностями. Многие могилы были открыты там. Блюдо, упомянутое в хорошем рукописном каталоге В. Я. Толмачёва коллекций Оренбургского музея, хранящемся в архиве бывшей Археологической комиссии², происходит со станции Жергин в Орском районе. Оно сохранилось в Оренбурге.

Близко к г. Оренбург, в 3 км к северо-западу от него, такие блюда, о которых мы говорим, были обнаружены в могилах, раскопанных на холмах Маячной горы и Горбатого моста. С ними были найдены глиняные сосуды, кирки и т. д. Но, к

¹ Ср. (рис. 4.8). [16, р. 60], Б. Н. Граков не решается выбрать, могут ли они быть головами лошадей. «Исключительная мотивация и смущение».

² Толмачёв В. Я. Каталог коллекций Оренбургского музея. Рукопись. РО НА ИИМК. Ф. 3. Д. 741. Табл. IX, 2732 г.

сожалению, находки были перепутаны, и каменные сосуды не могут быть связаны с другими находками. А. Деревенсков сообщил о находках [23, с. 58–63], и А. В. Попов сделал несколько заметок к сообщению [13, с. 63–71]. Заметки иллюстрированы¹. Я воспроизвожу несколько иллюстраций.

Сосуд (рис. 5.10) небольшой, 11 см в высоту, с вертикальными ветвистыми орнаментами (см. выше). Высота ножек 7 см. Верхняя сторона чаши имеет диаметр 23,5 см. Край украшен невысокими гирляндами в виде барельефа, изогнутыми вниз.

На рисунке 4.8 показаны 2 ножи (также сохранились фрагменты третьей ножи) подобного, но немного большего каменного сосуда. Длина ножек – 14 см. Они украшены таким образом, что ножка сама по себе представляет голову животного, в нисходящем положении, того же вида, что и на (рис. 5.11). Виден выгнутый лоб, круглые глаза и на краю чаши, 2 уха, в этом случае в форме раковин.

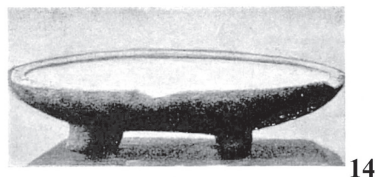
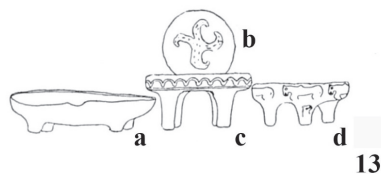
А. В. Попов, который полагает, что эти сосуды имели религиозное, а не практическое значение, также иллюстрирует этот сосуд (рис. 9.19), в своем эссе. Теперь говорят, что он состоит из 4 частей и сделан из песчаника. Чаша круглая с плоским дном, едва различимым краем и рисунком выбитым точками снаружи. В описании верно, и сосуд на самом деле из камня, это чрезвычайно интересный объект, произведённый в бронзовом веке (см. далее).

Небольшой сосуд (28×20×6–7 см), показанный Граковым [12] (рис. 3.6) происходит с Горбатого Моста, в 22 км к востоку от Оренбурга. Интересно отметить, что здесь «поверхность была окрашена

реальгаром». Дополнительные сведения об этой интересной находке см. в важном цитированном исследовании Б. Н. Гракова [12].

Теперь перейдём к району западнее Урала, если мы сначала поедём на запад из Оренбурга. У нас есть два источника находок, расположенных рядом друг с другом: Любимовка и Ёлга, к югу от г. Бузулук на р. Самара.

Самая важная находка, содержащая каменные сосуды того типа, с которым мы имеем дело в настоящее время, происходит из Любимовки, Крыловский хутор, в районе г. Бузулук. Открытие было сделано в кургане, раскопанном любителем, и детали находки не совсем точны. В этом случае также может показаться, что речь идёт о большой грунтовой мо-

Рис. 7 / Fig. 7. 13 – Каменные сосуды из Самарского музея. (a = рис. 14; c = рис. 15; d = Илл. 6, 12); 14 – Каменный сосуд, Любимовка; 15 – Каменный сосуд / 13 – Stone vessels from the Samara museum (a = Fig. 14; c = Fig. 15; d = Ill. 6, 12); 14 – Stone vessel, Lyubimovka; 15 – Stone vessel

Источник: 13 – [23, с. 127]; 14 – [24, с. 166]; 15 – [24, с. 165]

¹ Согласно М. И. Ростовцеву [10, с. 28, прим. 1], в Оренбургском музее есть «некоторые блюда». Б. Н. Граков [12, р. 172/10], упоминает, что в Оренбурге имеется около 10 каменных сосудов, круглых и стоящих на 3 низких ножках, привезённых г-ном Леопольдовым из Тургайского края. Воспроизведены на рис. 3.7. [13; 22]).

гиле того же типа, что и могила у Магнитной (Черниговской) станицы. Инвентарь могилы включает в себя «греческое» (?) круглое металлическое зеркало с ручкой, предмет, похожий на канделябр, длинные двойные конические бронзовые бусины [10, с. 68] и 3 каменных сосуда. находка хранится в музее в Самаре (не в Уфе, как указано в [15, с. 12]). Я воспроизвожу и опишу 3 столика.

Первый столик овальный, не украшен и имеет 3 ножки (рис. 7.13 а, 7.14). На дне чаши есть следы износа. Край заканчивается изгибом к основанию чаши.

Сосуд (рис. 7.15 (и 13 с) круглый и стоит на 4 ножках. Последние напоминают, из-за их довольно неуклюжей формы – они немного расширяются внизу – ноги слонов и заставляют нас думать об Индии¹. Край «стола» украшен 4 аркадами или петлями барельефа, открытыми снизу. Петли поддерживают друг друга. В верхней части стола заметны признаки износа. Диаметр «столика» 30 см.

Сосуд (рис. 6.12), примерно такого же размера, диаметром 27 см, имеет только 3 ножки, сужающиеся в нижней части. Чаша имеет следы сильного износа. Её края и нижняя сторона украшены 7 фигурами диких животных (волков?) в барельефе. Открытые челюсти зверя имеют 2 острых саблезубых клыка и круглые зубы. Пять зверей преследуют друг друга по краю сосуда, в некоторых случаях лапы свисают на дно. Глаз воспроизводятся в виде пустого овала. На нижней стороне сосуда есть 2 диких животных, также видимых в профиль, их головы повернуты к внешнему краю, помещены между передними и задними лапами каждого животного по краю. Один из них вполне понятен, а у другого видна толь-

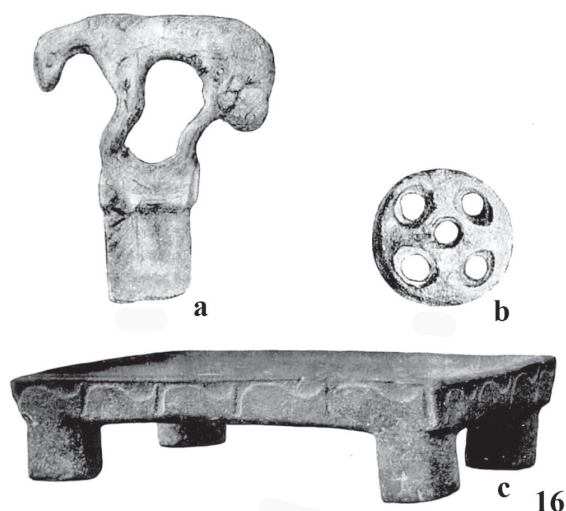
ко большая голова и передняя лапа. Вообще у всех животных есть острый или изогнутый горб между спиной и шейей. Кроме того, следует отметить, что 3 отдельных головы животных изображены по бокам чаши и на ножках, при этом одна голова гхищника видна в профиль на дне (рис. 6.12а). Животные очень напоминают животных на топорах Пинеги [27, с. 121].

Несомненно, эта уральская цивилизация оказала сильное влияние на мир Ананьино [16, р. 54; 12, р. 181]. находка поздней архаики (V в. до н.э.). Это было опубликовано или упомянуто [15, с. 12; 11, с. 164–165; 23, с. 126–128; 28, с. 162; 9, р. 47].

Деревня Ёлга находится на юго-востоке Бузулука, в 5 верстах от Преображенского или Арбузовки, что отмечено на картах большего размера. Здесь местные жители, казаки, открыли 3 кургана. Самый большой был около 3 м в высоту и около 165 м в окружности. В этом случае также была большая грунтовая могильная яма, диаметром около 42 м, покрытая деревянной крышей. Говорят, что в южном конце могилы находилась подставка или поднятая часть, «алтарь» из глины. На алтаре находились бронзовый сосуд, каменный сосуд в виде стола (рис. 8.16с), 4 треугольных бронзовых наконечника стрелы и фрагмент рукоятки архаичного греческого металлического зеркала (рис. 8.16а) периода 600–400 г. до н.э. [16, с. 50, 52, 60]. В кургане был обнаружен бронзовый предмет в форме колеса с 4 спицами (рис. 8.16b). находка была опубликована [15, с. 36, 37, табл. 9].

Каменный сосуд, прямоугольный, (рис. 8.16с) в некоторой степени напоминает бронзовый стол из Верного (рис. 2.3). но значительно меньше, длиной 34 см. 4 ножки расположены по 4 углам «стола». Края «стола» украшены фигурами, вид сбоку которых очень напоминает орнамент (рис. 5.11). Они напоминают некую рыбу в профиль, но могут быть четвероногими, возможно, даже чисто геометри-

¹ В музее в Самаре находится группа бронзовых фигур, на которой изображена центральная фигура, едущая на слоне. Я воспроизвёл эту группу в профиль и вид сзади в [25, р. 236]. Вид спереди можно найти [26, с. 167], где Слицын описывает собрание музея в Самаре. Группа, насколько я могу судить, должна быть намного позже каменного столика из Любимовки.

Рис. 8 / Fig. 8. 16 – Фрагмент ручки металлического зеркала (а), бронзового колеса (b) и каменного сосуда (с), Ёлга, Бузулук / 16 – Handle fragment of metal mirror (a), a bronze wheel (b) and stone vessel (c), Yelga, Buzuluk

Источник: 16 – [15, с. 37, таб. 9.1]

ческими, хотя это кажется менее вероятно.

Направляясь на север от Ёлги к границе между губерниями Уфы и Оренбурга, мы должны заметить находку из Прохоровки или Чёрного Колодца, расположенного примерно в 165 км к северу от Оренбурга. Здесь местные жители открыли курган. При доисследовании, выполненном С. И. Руденко, был обнаружен кусок каменного сосуда (рис. 3.4), край которого был украшен спиральной лозой¹. Первоначальная могила состояла из прямоугольной ямы размером 2,8×3,0×1,6 м. В могиле были найдены 2 скелета и различные предметы, в т. ч. золотое ожерелье и т. д. Над могилой было сожжено деревянное перекрытие. Находка была опубликована [10, с. 18]. Б. Н. Граков [16, р. 60–61] определяет дату могилы в 350–300 гг. до н.э.

¹ Говорят, что подобные орнаменты встречаются на 2 сосудах, опубликованных Н. Е. Макаренко и И. А. Кастанье в Трудах Оренбургской Учёной Архивной Комиссии, Вып. 17 и 26. Эти работы недоступны в Хельсинки. (В упомянутых А. М. Тальгреном работах [29; 30] таких материалов не издаю – прим. В. Зуев).

В заключение своего списка каменных сосудов я воспроизвожу чашу (рис. 7.13b) по рисунку, сделанному М. А. Миллером в 1907 г. Это сосуд круглой формы, края которого слегка изогнуты внутрь. На сосуде, который находится в музее г. Самары, где я его не видел, на наружной поверхности для кругового растирания на поверхности видны знаки. На нижней стороне [23, с. 127] имеется большое изображение свастики (рис. 7.13b). Насколько я знаю, этот знак уникален на таких судах. Однако он часто встречается в качестве украшения, коллективно или по отдельности, на местных сосудах бронзового века андроновского периода [19, с. 199].

За сравнительно чётко очерченным районом вокруг южной точки Урала есть также несколько каменных сосудов из области западно-скифской архаической цивилизации в северной части губерний Киева и Полтавы [10, с. 69; 9, р. 56; 31, с. 100, 104, 118; 32, с. 135–136; 33, с. 56, 114, 130, 140, 141; 34, с. 94; 35, с. 106]. Из этого региона в скифских могилах, облицованных деревом, было найдено около дюжины невысоких овальных каменных

сосудов. Все эти сосуды без ножек. Некоторые из них снабжены поперечной ручкой, слегка напоминающей ручку на греческих металлических зеркалах, другие изображают голову овцы или льва [32, с. 136], вырезанного из камня. Чаша с изображением льва украшена в верхней части края венком из треугольников в барельефе с точками, обращёнными наружу. Все остальные днепровские чаши не имеют каких-либо украшений.

Размер этих сосудов примерно такой же, как у чаш с Урала, и, несмотря на отсутствие ножек на западных чашах, тем не менее существует некоторая связь между чашами с южного Урала и верховьями Днепра. Последние, которые также встречаются в женских могилах, считаются туалетным реквизитом, палитрой краски, предназначенной для использования в косметических целях. Вероятно, они датируются 500–400 гг. до н.э.

Количество известных каменных чаш из уральского района составляет около 20. Из них 3 имеют мотивы животных, 10–12 – геометрические узоры и 4 – не имеют орнамента. В своей книге [9, р. 40, 41–47] П. Рау упоминает орнаменты и стиль, который они представляют. По моему мнению, геометрический стиль на этих сосудах более оригинальный, чем изображения животных, но животное не появляется особенно поздно на этих сосудах. Животное с открытым ртом и острыми клыками встречается в этом регионе на костяных, бронзовых и каменных предметах. Возможно, это было изначально тотемное животное, а не украшение. Его можно найти в Западной Сибири, в мире Ананьино [36, р. 8] и, хотя реже, дальше на восток, даже в Китае [37].

Центр на Южном Урале несколько отличается от современной ему цивилизации в Нижнем Поволжье¹. Это видно, например, из того факта, что едва ли можно найти сосуды с ножками в бесчисленном

количестве могил в степях, исследованных под Саратовом, и даже в больших грунтовых коллективных могилах, которые больше всего напоминают могилы в Приуралье. Об одиночных сосудах известно западнее Волги (см. выше).

Какова была функция этих чаш?

Каменные сосуды встречаются в могилах как при сожжениях, так и без него. До сих пор они не были обнаружены, кроме как в могилах. Большинство находок, к сожалению, были раскопаны плохо, но, казалось бы, что эти сосуды всегда относились к инвентарю мужских могил. Типичными объектами являются меч, копьё, колчаны с наконечниками стрел, ожерелья (которые, безусловно, были украшениями для мужчин), зеркала, аксессуары для лошадей и т. д.

Если это наблюдение верно, плоские каменные блюда не могут быть туалетными принадлежностями, т. н. палитрами или сосудами для красок. Предполагалось, что они использовались в качестве подставки² или для измельчения реалгара в красную охру, и в 2 случаях [31, с. 100; 12, с. 173] утверждается, что чаша содержала красную охру, когда её откопали. В то же время известно, что внутренняя поверхность всегда грубая, непригодная для получения порошка, и что эти предметы никогда не бывают блестящими, как было бы естественно, если бы они использовались указанным способом [12, с. 180]. Они не являются горелками для поджигания: в них не было обнаружено следов масла, сажи или краски. Конечно, они могут быть украшениями, не имеющими практического или ритуального значения, – что, как я предположил, они были «переносными алтарями»³ – во

² Они не были подставками для других сосудов. Они никогда не были найдены в использовании таким образом, хотя это не невозможно представить. Ср. для этого [38, р. 261; 39, р. 68, fig. 70].

³ Б. Н. Граков [12, с. 180]. – ср. Ebert [40, р. 111]. Ассирийские алтари, также из камня, со львиными лапами в качестве ног. – Алтарь в кургане в Пекатель (бронзовый век). [41, р. 63–64. Taf. 19]. – Классический мир, ср. [42, р. 79–160]. Поверхностно, не со-

¹ Относительно этой цивилизации и её многочисленных мест находок без каменных сосудов см. [10; 12; 9 и особенно, 16, р. 181].

многим связано с их орнаментом. Это относится к украшению образами животных, например, в Магнитной (Черниговской) станице и Любимовке, и к свастике (рис. 7.13b). Следует также помнить, что эти орнаменты на каменных сосудах не всегда даже видны непосредственно, но находятся на нижней стороне сосуда (рис. 6.12; рис. 7.13). И, наконец, я хотел бы отметить, что геометрические узоры (рис. 4.9, 5.10, 7.15), возможно, могут быть прямым продолжением более древнего орнамента, который можно найти на некоторых так называемых курильницах и жаровнях, которые встречаются как погребальный инвентарь в местных могилах бронзового века. Но это приводит нас к вопросу хронологии.

Что касается хронологии каменных чаш, я открыто признаю, что, похоже, ещё не пришло время решать, какую позицию мы должны занять в этом вопросе. Молодые русские исследователи, включая таких важных исследователей, как П. Рау и Б. Н. Граков, считают, что эта группа является древней, отчасти архаичной и отчасти ранней классической, охватывающей период от 650 до 300–350 гг. до н.э. С другой стороны, мне кажется, что если бы были основания считать группу более поздней, то тогда она может относиться к позднему классическому или раннему эллинистическому периоду, около 400–200 гг. до н.э. Точную дату трудно установить из-за отсутствия импортированных, несомненно, греческих предметов, найденных в Оренбургских могилах и хронология сибирских золотых сокровищ, которые, возможно, были найдены в этом регионе и, возможно, того же возраста, но это слишком сомнительно. Хронология, однако, очень важна для воссоздания образа цивилизации. Эта цивилизация может принадлежать ранней группе степных кочевников с иранским ахеменидским вкладом и богатством золота, кото-

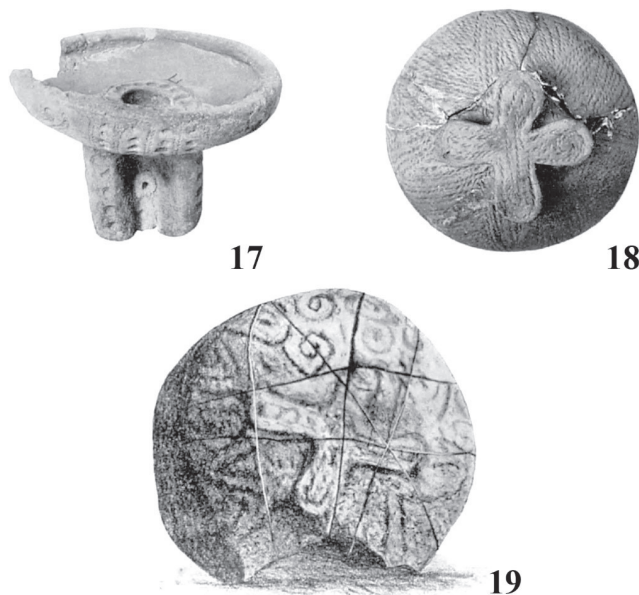
держит никаких материалов, которые могут быть использованы непосредственно в этой связи. – Ср. также [43].

рое Геродот упоминает среди массагетов. Однако есть параллели и в более позднем эллинистическом мире (длинные железные мечи с прямым перекрестьем и т. д.), которые я склонен связывать с поздними сарматами. Украшения животных с открытым ртом и клыками (рис. 6.12), с которыми мы знакомы по Ананьину и восточно-русским раскопкам, указывают на этот более поздний период, т.е. во второй половине I тыс. до н.э.

П. Рау и Б. Н. Граков работают на местных материалах, на могилах и могильном инвентаре, в построении их хронологической системы, и этот путь, без сомнения, правильный. После исчерпывающего анализа так называемых скифских наконечников стрел в этих находках П. Рау считает, что они относятся к ранним типам и что он может опираться на эти стрелы в качестве хронологической основы. Б. Н. Граков исходит из того, что звериный стиль убедителен и даёт примерно тот же результат, что и у П. Рау. Но ни тот, ни другой материал не является хронологически убедительным. Я основываюсь на некоторых сходствах между каменными сосудами и материалами местного бронзового века и считаю, что таким образом я получаю отправную точку. Но аргумент не убедителен, он может быть ошибочным.

Я имею в виду некоторые глиняные сосуды в так называемых катакомбных могилах Кубани и Нижней Волги, сосуды с крестообразным основанием, которые часто имеют форму четырёх столбов, стоящих близко друг к другу. На (рис. 9.17–19.8) воспроизведены 2 таких сосуда. Украшения сделаны с помощью шнура или кручёной нити. Они часто образуют некую подвесную гирлянду. Если сравнить сосуд из Оренбурга (рис. 9.19) с этими сосудами, сходство сразу бросается в глаза. Если сосуд (рис. 9.19) действительно из камня, а не из глины, генетическая связь вполне определённа.

Я имел дело с этими сосудами в эссе в [44, р. 27]. В дополнение к моим замечани-

Рис. 9 / Fig. 9. 17, 18 – Два глиняных сосуда с высокими и крестообразными ножками. Кубань, Северный Кавказ; 19 – Каменный (?) сосуд. Бердинская Гора, Оренбург / 17, 18 – Two clay vessels with pillar and cross-formed feet. Kuban, North Caucasus; 19 – Stone (?) vessel. Berdin Gora, Orenburg

Источник: 17–18 – фото автора; 19 – [13, с. 65, табл. 1.3]

ям я хотел бы отметить, что свежие находки таких сосудов были получены музеями из района между Саратовом и Астраханью, а также из степей на востоке [45, p. 142].

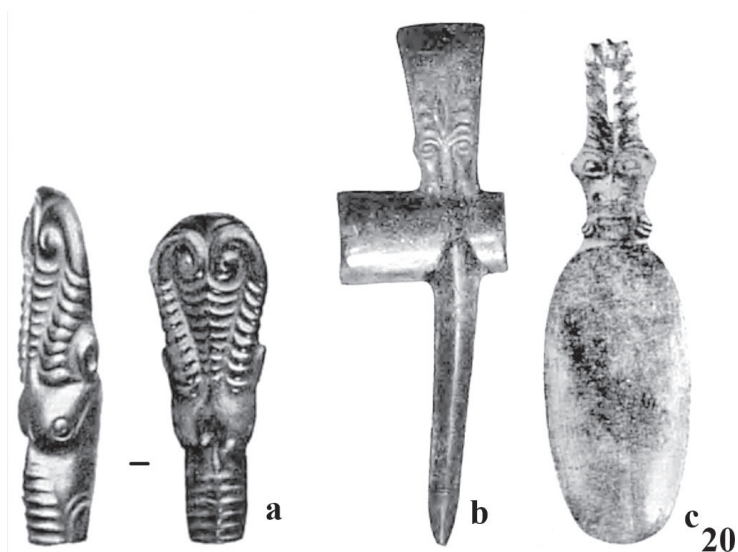
Глиняные сосуды, подобные двум (рис. 9.17–9.18), относятся к бронзовому веку, как на юго-востоке России, так и на среднем Дунае, где они также являются местными. Это жаровни, возможно, курильницы для сжигания благовоний. Как таковые, они могли существовать на протяжении всего бронзового века, чтобы впоследствии жить в камне в виде переносных алтарей.

В связи с этим я должен коснуться вопроса о происхождении наших чаш, на который пока невозможно дать однозначный ответ, во всяком случае без изучения всех музеев в Юго-Восточной Европе, что я не могу сделать в настоящее время. Однако мне может быть разрешено сделать несколько замечаний на полях.

Первоначально, возможно, столы, стулья и сосуды могли развиваться по

параллельным линиям, границы были расплывчатые. В этом конкретном случае я имею в виду некоторые ранние находки во Фракии, а именно, глиняные фигуры II тыс. в Болгарии, сидящие на низком стуле или на глиняных скамьях без опоры для спины, но с 4 ножками. Они имеют, например [46, pl. 95b], сбивающее с толку сходство с каменными «скамейками» Оренбурга и Тургая (рис. 3.5–3.6). Они считаются престолом, и намекают на «*thronende Götter*» (тронных богов). Это сходство между фракийскими табуретами и русскими чашами, возможно, носит случайный характер¹.

¹ Есть и другие аналогии в Северных Балканах и Дунайских странах и в минойском мире. Я могу дать здесь несколько советов. Есть стол для либации из Винчи II и богато украшенный модельный стол из глины из Вуковара в Славонии [47, p. 71, 210]. Каменная чаша высотой 5 футов происходит из Мохлоса (см., например, [48, рис. 115]). Существует ли генетическая связь между этими чашами с начала бронзового века и восточнорусскими каменными сосудами скифского времени?

Рис. 10 / Fig. 10. 20a – Стилизованный золотой орнамент с головой сайгака. Вид спереди и профиль. Тургай; 20b – Клевец из Тобольска, Гилёво, с тем же мотивом; 20c – Ложка с антропоморфной рукояткой, выходящая из голов антилопы, из шаманской находки в Подчериом, Печора / 20 a – Stylised gold ornament with the head of Saiga antelope. Front-view and profil. Turgai; 20 b – Pick from Tobolsk, Guilevo, with the same motif; 20 c – Spoon with anthropomorphic handle, degenerated from antelope's heads, from Shamanistic find in Podcheriom, Pechora

Источник: а – [51, pl. 55B; 14, с. 142]; б, с – фото автора

Важную роль, которую играет Уральский округ как центр и носитель цивилизации, правильно истолковали М. И. Ростовцев, Б. Н. Граков и другие, которые изучали эти проблемы в связи с культурными явлениями в Скифии, Ирана, Восточной России, Средней Сибири и Китая. Есть все основания полагать, что великие сибирские золотые сокровища времён Петра Великого – это могильные находки из курганов к востоку от южного Урала.

Сходство между ананьинской и минусинской цивилизациями, а также тот факт, что некоторые феномены цивилизации с Урала находят свой путь в китайскую цивилизацию Хань, также, вероятно, наиболее правильно объясняются посреднической позицией южного Урала [49, с. 69]. А. Сальмони [37], вероятно, прав, когда он имеет дело с киркой в Китае и ищет ее происхождение на Урале. Я также полагаю, что любопытный Обдорск, найденный на устье Оби [50, с. 183] и некоторые западные «пермские»

мотивы, обязаны своим происхождением цивилизации Южного Урала. Я воспроизвожу два мотива, в которых голова и рога сайгака и антилопы, искусно условные [14, с. 142], были преобразованы в регионах, расположенных дальше к северу, как показано на рисунке (рис. 10.20).

Однако во всей вышеприведённой экспозиции так называемых переносных алтарей есть некоторые пробелы. Пока они не заполнены, мой подбор материала должен рассматриваться как гипотеза, возможно, даже просто как конструкция. *Характер каменных сосудов Урала как сакральных предметов не доказан.* Их связь с жертвенными «столами» а-ля Верный (рис. 2.3) не была прояснена. Железный каркас (рис. 1.1) также может иметь иное, более позднее происхождение, а не «сарматское». Его дата и функция не определена. Но, несмотря на многочисленные элементы неопределённости, я лично уверен в своей подборке. В любом случае нужно правильно собрать эти интерес-

Рис. 11 / Fig. 11. Карта с указанием мест находок южноуральских каменных сосудов / Map with the find places of the South Uralian stone vessels

Источник:

ные материалы для будущих исследователей.

Эллис Х. Миннз в своей знаменитой книге «Скифы и греки» предлагает [52, р. 107] при исследовании северо-восточного торгового пути в Скифии, описанного Геродотом, что племя иирков, упомянутое в списке народов Геродота, проживало в бассейнах Тобола, Ишима и Иртыша, в связи с восточным Южным Уралом, в стране, полной деревьев, хотя и не дремучих лесов. Западный склон Урала, до Оренбурга на востоке, был страной тиссагетов (ср. название р. Чусовой). На восточной стороне Урала протекает р. Исеть, к северу от территории иирков. Возможно, страну иисседонов следует искать в этом направлении? Это во всяком случае мнение проф. Миннза [52, р. 110]. Территории иирков и тиссагетов в значительной степени совпадают с районом,

где находятся наши каменные сосуды или переносные алтари.

Редакционные замечания

1. Очерк «Переносные алтари» уже был напечатан, когда были получены новые материалы относительно этих каменных сосудов. Помимо Болгарии и Балканских государств (см. выше) каменные сосуды с ножками или без ножек встречаются также в минойской культуре (Каменная чаша из Мохлоса, упомянутая на с. 66, имеет 4 ножки). Выше указывалось, что все эти страны поддерживали связи с юго-восточной Россией. Однако очень важно, что эти сосуды встречаются в Эгейском море ещё позже, а именно в раннем железном веке. Д-р А. Сальмони из Миллс-колледж, Калифорния, был так любезен, что сообщил мне в ответ на мой запрос, что он знаком с похожим тре-

ножником без изображений животных в Метрополитен-музее в Нью-Йорке; сосуд относится к раннему железному веку в Греции, около 1000 г. до н.э. Это ценная информация. Доктор А. Сальмони также прислал мне воспроизведённую ниже иллюстрацию сосуда из желтоватого камня, который хранится в музее в Новочеркасске, который я проглядел, хотя и видел его сам.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность доктору А. Сальмони за его большую доброту. Сосуд, который является самым западным в своём роде в Восточной России, имеет диаметр 14,5 см. Ножки выполнены в форме голов животных, повернутых вниз, с открытыми челюстями. Высота головы – 6,5 см. Сосуд происходит из Краснодворска на Дону. Место находки очень интересно. Орнаментация связывает сосуд с великолепными оренбургскими костяными изделиями с похожими головами животных [16, с. 35, 38, 43] и с пинежскими топорами.

Каменные сосуды, рассматриваемые в очерке «Переносные алтари», таким образом, широко распространены. Границы можно провести от устья Дона до Алтайских гор, от Челябинска до Туркестана. В Средней Азии они, по-видимому, были весьма распространены. В журнале «Советская этнография» за 1935 г С. В. Кисе-

лёв воспроизводит сосуд, аналогичный (рис. 3.5) [53, с. 101]. Он происходит из могилы, датированной примерно 300–200 гг. до н. э., из Онгудая в Каракольском районе на Алтае. По данным того же автора, в музее Ойратского округа и в музее Бийска имеется несколько подобных сосудов, с ножками или без подробностей о находках. Тот факт, что количество каменных сосудов интересующего нас типа в настоящее время в Средней Азии оказывается большим, поддерживает меня в моей уверенности, что жертвенный стол из Вернинского района (рис. 2.3) действительно связан с переносными алтарями. «Лампа», обнаруженная в «Перми» и изображенная в «Древностях» Аспелина [8, рис. 570], безусловно, также является предметом культа. Она обнаруживает некоторые аналогии с Вернинским столом и, вероятно, имеет центральноазиатское происхождение. Станет ли Казахстан и его окрестности одним из важнейших направлений археологических исследований в ближайшем будущем?

2. Другую аналогию (рис. 10.20а) можно найти в Перми, помимо (рис. 10.20с), а именно ложку, изображённую в «Antiquités» Аспелина [8, рис. 575].

3. Немецкий исторический журнал *Klio* содержит интересное эссе Р. Хеннига об исседонах [54, p. 242–254].

Рис. 12 / Fig. 12. Каменный сосуд. Краснодворск, Дон / Stone vessel. Krasnodvorsk. Don

Источник: фото А. Сальмони

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыганков С. Р. Описание некоторых уникат археологической коллекции Минусинского музея // Ежегодник Государственного Музея имени Н. М. Мартыанова в г. Минусинске. Т. IV. Вып. 1. Минусинск: Гос. типография, 1926. С. 83–90.
2. Булычев. Н. И. Древности из Восточной России. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова и К°, 1902. 33 с.
3. Zichy E. Voyages au Caucase et en Asie centrale: La migration de la race hongroise par Eugène de Zichy. La description des collections par les docteurs Jean Jankó et Bela de Pósta. Ouvrage illustré de 150 planches hors texte et de nombreuses gravures. (Titel und in ungarisch. Sprache). Vol. I. Gustave Ranschburg, 1897. 322 p.
4. White W. C. The «Christmas tree» of China and bronze «Fu-sang tree» // Illustrated London News. 1936. January 11th.
5. Déchelette J. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et Gallo-Romaine. Paris, 1910 Т. II. 512 p.
6. Smith R. A. On Late-Celtic Antiquities discovered at Welwyn, Huts // Archaeologia. 1912. Vol. 63. P. 1–30.
7. Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. Москва, Т-во Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1893. 604 с.
8. Aspelin J. Antiquites du Nord Finno-ougrien. 1877–1884. Т. I–V.
9. Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz. Räte-Republik der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1929. Ht. 1. 112 p.
10. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград, 1918.
11. Спицын А. А. Мелкие заметки // Записки Восточного отделения РАО. СПб., 1898. Т. X. Ч. 1–2. С. 343. Табл. V. 13.
12. Grakov V. N. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg // ESA. 1929. IV. P. 169–182.
13. Попов А. В. По поводу доклада А. И. Деревенкова // Тр. ОУАК. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 63–71.
14. ОИАК за 1901 г. СПб., 1903. С. 143.
15. Нефёдов Ф. Д. Отчёт об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведённых летом 1887 и 1888 г. // Материалы по археологии восточных губерний России. Москва, 1899. Т. III.
16. Grakov V. N. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural // ESA. 1928. III. С. 25–62.
17. Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского Общества любителей естествознания. 1927. Т. 40. Вып. 2. С. 105–122.
18. Дурылин С. Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. Челябинск, 1927. С. 56–71.
19. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. Сборник II. Л., 1927. С. 238–257.
20. Дмитриев П. А. Мысовские курганы и стоянки // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. М., 1929. С. 180–203.
21. ОИАК за 1909/10 г. СПб., 1913. С. 192.
22. Деревенков А. <Сообщение о находках> // Тр. ОУАК. 1911. Вып. 23. С. 58–63.
23. Миллер М. А. <Сообщение в протоколах> // Древности. Труды Московского Археологического общества. 1909. Т. XXII. Вып. 1. С. 126–128.
24. Спицын А. А. Материалы по доисторической археологии России // Записки РАО. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб., 1896. С. 160–178, 187–189.
25. Tallgren A. M. Variétés. Notes marginales // ESA. 1933. Iss. VIII. P. 235–242.
26. Спицын А. А. Самарская губерния. Некоторые предметы древности Самарского музея // Записки РАО. Т. VIII. Вып. 1–2. СПб., 1896. С. 162–169.
27. Тальгрэн А. М. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1919. Т. 30. Вып. 1. С. 121–126.
28. Гольмстен В. В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. 1924. Ч. 1. С. 150–173.
29. Макаренко Н. Е. Серебряная чашка музея Оренбургской Учёной Архивной комиссии. Оренбург, 1907. 10 с.

30. Кастанье И. А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Оренбург, 1911. 103 с.
31. Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. I. Дневники пятилетних раскопок. СПб., 1887. 172 с.
32. Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок 1887–1889 гг. Т. II. СПб., 232 с.
33. Бобринской А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Дневники раскопок 1889–1897 гг. графа Алексея Бобринского и о курганах Звенигородского, Каневского и Роменского уездов. Т. III. СПб., 1901. 174 с.
34. Бобринской А. А. Отчёт о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки (Чигиринского у. Киевской губ.) в 1904 году // Известия Императорской Археологической комиссии. 1905. Вып. 17. С. 77–98.
35. Бобринской А. А. Киевская губерния // Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1904 год. Санкт-Петербург, 1907. С. 99–106.
36. Tallgren A. M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. XI. P. 1–46.
37. Salmony A. Eine chinesische Prunkart. Strzygowski-Festschrift. Klagenfurt, 1932.
38. Hoernes M. Urgeschichte den bildenden Kunst in Europa. Wien, 1898. 709 p.
39. Marosi A. A pákozdvári Östelep // Archaeologiai Ertesítő. 1930. P. 53–73.
40. Ebert M. Altar // Reallexicon der Vorgeschichte. 1924. Bd. I. Sp. 111.
41. Belts R. Peccatel // Reallexicon der Vorgeschichte. 1927–1928. Bd. X. S. 63–64. Taf. 19.
42. Murko M. Das Grab als Tish // Wörter und Sachen. 1910. Bd. II. P. 79–160.
43. Gallig K. Die Altar des alten Orients. Berlin, 1925. 108 p.
44. Tallgren A. M. Etudes sur le Caucase du nord // ESA. 1929. IV. P. 22–40.
45. Tallgren A. M. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // ESA. 1931. VI. P. 126–145.
46. Wilke G. Bulgarien // Reallexikon der Vorgeschichte. 1925. Bd. II. P. 204–208.
47. Childe G. The Danube in prehistory. Oxford: The Clarendon Press, 1929 479 p.
48. Montelius O. La Grèce préclassique. Stockholm, I. Haeggström, 1924. 180 p.
49. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л.: Гос. Русский музей, 1929. 94 с.
50. Tallgren A. M. Problems concerning the Central Russian Gorodishche Civilization // ESA. 1936. T. X. P. 171–185.
51. Borovka G. I. Scythian Art. London, Ernest Benn, Ltd., 1928. 111 p. (Kai Khosru monographs on Eastern art).
52. Minns E. H. Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 720 p.
53. Киселев С. В. Из работ алтайской экспедиции Государственного Исторического музея в 1934 г. // СЭ. 1935. № 1. С. 97–106.
54. Hennig R. Herodots Handelsweg zu den sibirischen Issedonen // Klio. 1935. Bd. 28. P. 242–254.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тальгрэн Арне Михаэль (1885–1945) – финский историк и археолог, профессор Тартуского (1920–1923), Хельсинкского университета с 1923 г., председатель Финского археологического общества в 1930–1942 гг., членкор Британской академии (1940). Первый среди археологов обобщил материалы ананьинской культуры и ряда других групп памятников эпохи бронзы и железного века на территории от Финляндии до Минусинской котловины. Неоднократно участвовал в археологических раскопках на территории России. В 1923–1938 гг. был автором и редактором журнала Финского археологического общества «Eurasia Septentrionalis Antiqua».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

- АВ – Археологические вести. СПб.
АИУ – Археологические исследования на Украине, Днепропетровск
АО – Археологические открытия, М.
АС – Археологический съезд, М.
БЧ – Боспорские чтения. Керчь
БФ – Благотворительный Фонд
ВАШ – Высшая антропологическая школа, Кишинев
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВНИИР – Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации, М.
ВНУ – Восточноукраинский национальный университет, Луганск
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ВЭ – Вопросы эпиграфики. М.
ГБУ РК – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым
ГИМ – Государственный исторический музей, М.
ГАУГН – Государственный академический университет гуманитарных наук, М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж, СПб.
ДАС – Донецкий археологический сборник
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ДП – Древнее Причерноморье. Одесса
ЕГУ – Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
ИА НАНУ – Институт археологии, М., Киев
ИАК – Императорская археологическая комиссия, СПб.
ИАН – Императорская академия наук, СПб.
ИИМК – Институт истории материальной культуры, СПб.
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КДСП – Курганские древности Степного Поднепровья. Днепропетровск
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры, М.
МАК – Материалы по археологии Кавказа, М.
МАР – Материалы по археологии России. СПб., Пг.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МГАХИ – Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова.
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани, Краснодар
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, Армавир
НА – Научный архив
НАНУ – Национальная Академия наук Украины, Киев
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОИАК – Отчёт Императорской Археологической комиссии, СПб.
ОУАК – Оренбургская Учёная архивная комиссия
ПАО – Проблемы исследования Ольвии, Парутино
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры, М.
ПЭБЮВЕ – Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы, Донецк

РА – Российская археология, М.
РАН – Российская Академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, М.
РАО – Русское Археологическое Общество, СПб.
РГО – Русское Географическое общество
РГИА – Российский Государственный исторический архив, СПб.
РГУ – Ростовский государственный университет
СА – Советская археология, М.
САИ – Свод археологических источников, М.
СНУ – Східноукраїнський національний університет, Луганськ
СПГИ – Ставропольский государственный педагогический институт
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ССПК – Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя
СЭ – Советская этнография, М.
ТОО – Товарищество с ограниченной ответственностью, М.
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
ТС – Таманская старина. СПб.
ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет, Грозный
ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь.
BAR – British Archaeological Reports
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
PZ – Praehistorische Zeitschrift

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026. № 2

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 16,25, уч.-изд. л. 19,75.

Подписано в печать: 29.05.2026 г. Дата выхода в свет: 04.06.2026 г. Заказ № 2026/05-10.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А